

Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...

Книга 6

от Арсения Альвинга
до Владислава Ходасевича

включая Глеба Анфилова
Николая Арсеньева
Николая Бухарина
Надежду Гиляровскую
Юрия Сидорова
Александра Тришатова

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)-5
П67

Редактор *Н. Н. Перцова*

Авторы статей, составители, публикаторы:

*Ст. А. Айдинян, М. И. Воронцова, Э. Б. Гурвич, С. Е. Зенкевич,
Н. Н. Перцова, А. В. Рафаева, А. Д. Салий, Н. Т. Тарумова,
А. В. Уланова, П. В. Флоренский, Т. А. Шутова*

Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 6:
П67 от Арсения Альвинга до Владислава Ходасевича, включая Глеба Анфилова, Николая Арсеньева, Николая Бухарина, Надежду Гиляровскую, Юрия Сидорова, Александра Тришатову / Авторы статей, составители, публикаторы: Ст. А. Айдинян, М. И. Воронцова, Э. Б. Гурвич, С. Е. Зенкевич, Н. Н. Перцова, А. В. Рафаева, А. Д. Салий, Н. Т. Тарумова, А. В. Уланова, П. В. Флоренский, Т. А. Шутова. — М.: Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ имени М. В. Ломоносова — Бослен, 2011. — 480 с. Илл.

ISBN 978-5-91187-155-0

Книга содержит стихи и биографии поэтов Серебряного века (годы рождения 1885–1888), учившихся или работавших в Московском университете: Арсения Альвинга (Смирнова), Глеба Анфилова, Николая Арсеньева, Александра Брюсова, Николая Бухарина, Анатолия Виноградова, Надежды Гиляровской, Михаила Зенкевича, Георгия Золотухина, Самуила Киссина, Николая Лаврова, Ивана Пузанова, Юрия Сидорова, Александра Тришатову (Добровольского), Владислава Ходасевича. 55 произведений, одно письмо, а также ряд фотографий публикуются впервые. Среди приложений – подробное описание студенческих личных дел поэтов, представленных в настоящей книге, из архива Московского университета, а также некоторые документы, связанные с именами историка С. М. Соловьева, математика П. Л. Чебышева, поэта А. А. Фета и др.

ББК 84(2Рос=Рус)-5

© Составление — НИВЦ МГУ, 2011.

ISBN 978-5-91187-155-0

Серия «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» — это книжная версия одноименного интернет-проекта, существующего с 2000 года по адресу <http://poesis.ru>

АРСЕНИЙ АЛЬВИНГ

5/17.VI 1885, село Перово Московского уезда¹ — 20.II 1942, Москва

Арсений Алексеевич Смирнов (*Арсений Альвинг*² — псевдоним для стихов, *А. Барте-нев*³ — для критики и прозы) — поэт, прозаик, литературный критик. Отец поэта, Алексей Платонович Смирнов, был присяжным поверенным. Арсений Смирнов учился в III Московской гимназии, затем в Ялтинской Александровской гимназии, которую окончил в 1906 г. Любил вспоминать, что на набережной Ялты встретил как-то А. П. Чехова, который зло и едко отвечал окружившим его зевакам. С 1907 по 1913 год учился на историко-филологическом факультете Московского университета, но курса не кончил (уволен в весеннем полугодии 1914 г.); кроме того, два года учился в Лазаревском институте восточных язы-

ков. В молодости часто жил за границей, общался с П. Пикассо, А. Матиссом и другими художниками.

Характеризуя круг своих вкусов и интересов, Альвинг писал (в автобиографии 1923 г.):

Символист. Любимые писатели: Иннокентий Анненский, К. Д. Бальмонт, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Фет, Тютчев, Бодлэр <...> С детства был склонен к изучению истории философии, культуры и к филологии.

В 1908 г. в петербургском издательстве «Гелиос» был напечатан отдельной книжкой его перевод «Цветов зла» Ш. Бодлера, третий в России (издание было конфисковано). Первая публикация собственного стихотворения Альвинга относится к 1911 г. (ялтинская газета «Крымский курьер»).

В 1910 г. Альвинг вместе с Е. Е. Куриловым основал в Москве издательство «Жатва» и одноименный литературный журнал, которые просуществовали по 1916 г. К участию в «Жатве» были привлечены такие поэты, как В. Брюсов, К. Бальмонт, Г. Чулков, Ю. Балтрушайтис. Восхищаясь поэзией Иннокентия Анненского, Альвинг собрал в «Жатве» кружок почитателей поэта⁴, а позже, в начале 1920-х, руководил литературным объединением «Кифара», изучавшим литературное наследие Анненского.

Инициатором и первым составителем сайта «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» и одноименной книжной серии была сотрудница Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова (НИВЦ МГУ) Галина Антоновна Воропаева (1947—2008). Ее инициатива была поддержана руководством НИВЦ, и проект «Поэзия Московского университета...» стал одним из ярких дел института. За время ее работы над проектом (2000—2008 гг.) он приобрел широкую известность во всем Московском университете, а также за его пределами.

С 2009 г. по решению администрации НИВЦ проект продолжается силами сотрудников лаборатории автоматизированных лексикографических систем.

При работе над настоящей книгой мы пользовались бескорыстной помощью ОР ГЛМ, ОРКиР НБ МГУ, РГАЛИ, Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой» и Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Для нас были ценны советы и консультации Ирины Юрьевны Беляковой, Евгении Михайловны Варенцовой, Ирины Леонидовны Великодной, Роналда Вроона, Натальи Олеговны Громовой, Николая Викторовича Перцова, Николая Николаевича Попова, Софии Вячеславовны Старкиной, Сергея Ивановича Субботина и Льва Михайловича Турчинского, которым мы искренне благодарны.

¹ Так согласно документам ЦИАМ. В автобиографии Альвинга (ОР ИМЛИ) и в некоторых справочниках в качестве места рождения указана Москва.

² По фамилии персонажа пьесы Г. Ибсена «Привидения».

³ По девичьей фамилии матери.

⁴ О «Кружке Альвинга» (1910—1916) см., напр., в [Московский Парнас 2006, с. 659].

До революции стихи и статьи Альвинга выходили не только в «Жатве», но и в «Вестнике Европы», «Всеобщем журнале», «Пути», «Свободном журнале» и др. Среди своих критических работ сам автор выделял две: «Имеем ли мы право не верить Бальмонту» и «“Жестокая сказка” — опыт защиты-характеристики Тамары из Лермонтовского “Демона”».

К 1923 г. у Альвинга были готовы к печати две книги, сборник стихотворений «Цветы на проволоке» и книга статей «Осеннее сердце», однако ни одна из них так и не увидела свет. В 1928 г. под псевдонимом А. *Бартнев* он опубликовал повесть «Наденька Артенева», посвященную молодости матери и собственным детским впечатлениям (М.: Изд-во Московского товарищества писателей), в 1931 — книжку «Введение в стиховедение» (М.: Никитинские субботники).

С 1932 г. Альвинг неоднократно подвергался репрессиям (лагеря и ссылки), в промежутках между которыми ненадолго появлялся в Москве. Был узником БАМЛАГа, где составил сборник стихов и песен «лагкоров» «Путеармейцы» (г. Свободный, 1935 г.). О степени профессионализма Альвинга и его доброжелательности к «лагкорам» можно судить, например, по письму, написанному им как литконсультантом лагерной газеты другому узнику, Г. И. Анфилову. Ниже публикуется и это письмо (с. 24—25), и само произведение Анфилова — «Пролог к “Думе про Опанаса” Эд. Багрицкого» (с. 40—45).

В 1940 г. Альвинг вернулся в Москву — истощенный, больной, полуслепой, одинокий (его гражданская жена, поэтесса и шахматистка Нина Михайловна Подгоричани, была арестована в середине 1930-х гг. и отбывала ссылку в Сибири; их связывала только переписка⁵). Начал работать руководителем поэтической студии Дома пионеров Ленинградского района Москвы. К занятиям в студии Альвинг привлек юного Генриха Сапгира (1928—1999), заметив его незаурядные способности (через много лет Сапгир опубликует пять стихотворений учителя в сборнике [Самиздат 1997]). Чудом не арестованный в начале войны, Альвинг оставался в Москве. Как и все, дежурил ночами на крыше. Осенью 1941 г. в неосвещенном городе его сбила машина. Зимой 1942 г. его не стало. В семье друзей Альвинга Горнунгов остался пакет с двенадцатью его последними стихотворениями, относящимися к 1941 году. В 2004 г. они были опубликованы М. Б. Горнунгом в журнале «Знамя», № 2.

Литературная критика всегда была строга к поэзии Альвинга — от В. Нарбута, Б. Садовского и В. Ходасевича до М. Гаспарова, назвавшего в [РПСВ] его стихи эпигонским продолжением творчества Анненского. Тем не менее, в стихах Альвинга ощутимо не только техническое мастерство, но и то «забытое благородство давно ушедшей жизни», которое, по словам Сапгира, сквозило в его облике [Самиздат 1997, с. 366]:

Иные из дореволюционной русской интеллигенции не были уничтожены,
выжили в тени, затерялись в огромных массах. Еще в детстве мне посчаст-

⁵ В письме Анастасии Васильевне Горнунг от 11 ноября 1940 г. Альвинг пишет: «Нового ничего. Есть письмо от Ниночки с приветом Лева и Вам. Принесу» [ОР ГЛМ, ф. 397, оп. 2, д. 279].

ливилось познакомиться с одним из таких людей, поэтом Арсением Альвингом. Он сам меня нашел в школьной библиотеке. Я лишь недавно узнал, что Альвинг не фамилия, а псевдоним, фамилия Арсения Алексеевича была Смирнов. Но выглядел он все равно Альвингом: всегда в темном костюме с бабочкой, надушенный, какими-то старыми духами от него пахло, каким-то забытым благородством давно ушедшей жизни. Он действительно выглядел дворянином среди всех этих Шариковых.

Н. Н. Перцова

Основные источники: Автобиография Альвинга от 4.IX 1923 [ОР ИМЛИ РАН, ф. 516, № 3⁶]; ОР ГЛМ; [Лексикон; РП:1800, т. 1]. Фото А. А. Альвинга: ок. 1907, ЦИАМ, публикуется впервые.

КОЛДУНЯ.

Склонясь надъ прялкой — злая парка —
Колдунья старая прядеть.
Огонь въ печи, пылая жарко,
Лицо ей освѣщаетъ ярко
И видъ зловѣщій придаетъ.
Кому прядется пряжа эта,
Уйти отъ жизни долженъ кто
Въ страну заоблачнаго свѣта,
Туда, гдѣ тайна для поэта
И гдѣ для смертнаго — ничто?
Всегда за страшную работой,
Не отрываясь ни на часть,
Спѣша, какъ будто ждетъ кого-то,
Колдунья съ нежною заботой
Готовитъ саваны для насъ.
Вертится съ бѣшеною силой
Земныхъ судьбъ веретено<,>
И ангель смерти чернокрылый
Стоитъ надъ жадною могилой,
Гдѣ мѣсто каждому дано.
Ему охотно помогаетъ

⁶ Любезно предоставлена нам С. И. Субботиным.

Колдунья-жизнь: прядеть, прядеть<>
И людямъ саваны сплетаетъ.
А время тихо совершаетъ
Свой неизмѣнный оборотъ.

[Альвинг 1912, с. 2]

ТЫ ПОМНИШЬ.

Ты помнишь: скользили мы въ лодкѣ
Съ тобою въ предутренній часъ —
И мѣсяца отблескъ короткій,
Истаявъ, надъ нами погасъ.

Ты помнишь: клубились туманы,
Подъ веслами гнулся камышь,
Была напряженной и странной
Объявляя озеро тишь.

Ты помнишь: намъ чудилось ясно,
Что кто-то за нами плыветъ,
Что кто-то, косматый и красный,
Смѣется, оскаливши ротъ.

Ты помнишь: потомъ мы пристали
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ берегъ отлогъ.
Казалось, что желтыя дали
Затопить лучами востокъ.

Ты помнишь?.. Но нѣтъ, ты забыла
О счастья ушедшаго дня —
Вѣдь ты никогда не любила
Ни утро, ни тишь, ни меня!

[Альвинг 1912, с. 3]

ИЗЪ ПОЗАБЫТАГО ВОЛЮМА.

1. ЕЯ УШЕДШАЯ ВЕСНА.

Памяти В. Э. Борисова-Мусатова.

Старинный домъ въ старинномъ паркѣ,
Слѣды наивной простоты:
Зеленый плющъ надъ сводомъ арки
И пирамидами кусты.
Пожаръ заката сталъ багровымъ,
Онъ опускается къ рѣкѣ...
Изъ дома дѣвушка въ лиловомъ
Выходитъ съ вѣромъ въ рукѣ.
Одну мечту въ душѣ лелѣя,
Она пришла въ любимый садъ; —
Молчить кленовая аллея,
Просвѣты золотомъ блестятъ.
Давно ли?.. Трижды раскрывала
Весна у лилій лепестки
Съ техъ поръ, какъ дѣвушка познала
Отраву сладостной тоски.
И каждый годъ, весну встрѣчая,
Свою ушедшую весну,
Она живетъ не замѣчая,
Въ какомъ-то горестномъ плѣну.
И каждый день въ порывѣ новомъ,
Всегда въ одинъ и тотъ же часъ,
Выходитъ дѣвушка въ лиловомъ
И ждетъ, чтобы закатъ погасъ.
Исчезнетъ въ небѣ позолота,
Свѣжѣе станеть надъ рѣкой —
И вотъ, зоветь она кого-то
Съ невыразимую тоской.
Но садъ молчитъ; вода струится;
Отвѣта нѣтъ — она одна...
И никогда не повторится
Ея ушедшая весна.

[Альвинг 1912, с. 4–5]

2. INTERIEUR.

Какъ призраки букетовъ гордыхъ,
Поблекшей лентой обвиты,
На запыленныхъ клавикордахъ
Лежать изсохшіе цвѣты.

Во мглѣ зеркальнаго овала,
Гдѣ дремлетъ голубой портретъ,
Пустая ваза льетъ устало
Хрустальный, отраженный свѣтъ.

Быть можетъ греза вдохновенья,
Быть можетъ плодъ высокихъ думъ —
Во власти медленнаго тлѣнья,
Раскрыть на столикѣ волюмъ.

Экранъ<> придвинутый къ камину,
Ласкаетъ нѣжностью тоновъ;
Надъ нимъ драконъ сгибаетъ спину
На сѣромъ мраморѣ часовъ.

По стѣнамъ старые офорты
Висятъ подъ выпуклымъ стекломъ.
Атласъ дивана чуть потертый<>
Прикрытъ разорваннымъ чехломъ.

Наивенъ на подушкѣ смятой
Расшитый бисеромъ вѣнокъ;
А рядомъ, палевый когда-то,
Забытъ батистовый платокъ.

И солнце, сквозь большія окна,
На ткани спущенныхъ портьеръ
Дробитъ незримыя волокна,
Рождая облики химеръ.

[Альвинг 1912, с. 5–6]

3. ТЫ УМЕРЛА.

Я взялъ цвѣтокъ съ твоей могилы.
Я плачу вновь. Hé!ène! Hé!ène!
Вокругъ меня ландшафтъ унылый,
Какъ потускнѣвшій гобелень.

И сѣрый домъ, немного страшный
Своей старинной красотой,
И темный гротъ подъ сводомъ башни,
Какъ склепъ холодный и пустой,
И двѣ заглохшія аллеи,
Пересѣкающія садъ,
И прудъ, въ которомъ лиловья
Кусты озябшіе дрожатъ, —
Все, чѣмъ бывое жадно ранить
Воображеніе мое<> —
Ужель во вѣки не устанеть
Вонзатъ мнѣ въ сердце остріе!..

Я взялъ цвѣтокъ съ твоей могилы.
Ты умерла. Hé!ène! Hé!ène!
Вокругъ меня ландшафтъ унылый,
Какъ потускнѣвшій гобелень.

[Альвинг 1912, с. 7]

4. ЕГО ГОРЕ.

Каждый вечеръ въ китайской бесѣдкѣ
Я ему назначала свиданье.
Но теперь наши встрѣчи такъ рѣдки,
Такъ тревожно мое ожиданье.

Листья шепчутъ, дрожа монотонно,
Все смутнѣе, смутнѣе ихъ лепетъ...
Возникаетъ въ душѣ напряженной
Безпричинный, невѣдомый трепеть.

Изваянья глядятъ безучастно;
Мраморъ холодень, лица такъ строги,
Неужель я томилась напрасно,
Неужель не избыть мнѣ тревоги?

Нѣтъ! Сегодня пришелъ онъ. Блѣднѣя,
Долго, долго цѣлуешь мнѣ руку.
Листья шепчуть... и, точно, во снѣ я
Забываю и радость, и муку.

Пусть онъ клятвой безжалостной свяжетъ,
Я ее никогда не нарушу.
Только пусть онъ скорѣе расскажетъ<,>
Что за горе сожгло его душу.

На балу, у свѣтлѣйшей княгини,
Я спросила, о чемъ онъ страдаетъ;
Онъ молчалъ, онъ молчитъ и понынѣ
И меня съ этихъ поръ избѣгаетъ.

И теперь наши встрѣчи такъ рѣдки,
Мимолетны и грустны свиданья...
Каждый вечеръ въ китайской бесѣдкѣ
Такъ тревожно мое ожиданье.

[Альвинг 1912, с. 8]

5. СТАРЫЙ ДОМЪ.

Не слышно звуковъ въ старомъ домѣ;
Темно въ покояхъ голубыхъ —
Проникнуть свѣту негдѣ, кромѣ,
Какъ въ щели ставень запертыхъ.

Здѣсь все нетронуто — какъ было —
И привыкая къ темнотѣ,
Глаза находятъ то, что мило
Въ полузабытой красотѣ...

Въ уютныхъ комнатахъ все то же,
Что было много лѣтъ назадъ:
Вотъ позолоченное ложе,
Вотъ бра тяжелыя висятъ.

Портьеръ старинныхъ те же складки,
На мебели все тотъ же штофъ,
И такъ же выпуклы и шатки
Рѣзные ножки у столовъ.

Повсюду, какъ и прежде были,
Голубоватые тона<,>
И въ зеркалѣ, за слоємъ пыли,
Гостиная отражена.

Глядитъ изъ пятень рамъ овальныхъ
Умершихъ предковъ длинный рядъ...
О домъ, въ твоихъ стѣнахъ печальныхъ
Вѣка о прошломъ шелестятъ!

Какъ много зимъ, какъ много весень
Ты<,> молчаливый<,> пережилъ.
Шумѣли въ паркѣ вѣтви сосенъ<,>
И годъ за годомъ уходиль.

За поколеньемъ поколенье,
Всегда гонимыя судьбой<,> —
Какъ цѣпи неразрывной звенья
Владѣли паркомъ и тобой.

Теперь же порожденный страхомъ
И мукой пережитыхъ лѣтъ,
Тобою, какъ могила прахомъ,
Владѣть призранный скелетъ.

Стуча костями, ежедневно,
Къ тебѣ приходитъ сынъ могиль —
Онъ впадинами ищетъ гнѣвно
Того, кто здѣсь когда-то жилъ.

И у четвертаго портрета,
Полупочтительно склонясь,
Стоить жилецъ иного свѣта<,>
Шепча чуть слышно: — Здравствуй, князь.

И оживаетъ князь несмѣло,
Въ овалѣ потускнѣвшихъ рамъ,
Грозить — и свитокъ пожелтѣлый
Бросаетъ призраку къ ногамъ.

И снова сномъ смертельнымъ скованъ,
И величавъ и недвижимъ,
Не видитъ онъ, какъ гость взволнованъ,
Какъ онъ трепещетъ передъ нимъ.

Какъ онъ читаетъ капли крови,
Что на пергаментѣхъ горять,
И задыхается при словѣ,
И весь дрожить при словѣ — братъ...

И такъ приходитъ въ полдень каждый
Неумолимый гость могиль.
А ты, что было здѣсь однажды,
Въ стѣнахъ на вѣки затаилъ.

И днемъ, и ночью, молчаливый,
Въ своемъ молчаньи властно-строгъ,
Ты внешней жизни переливы
Къ себѣ не пустишь за порогъ.

Ты къ ней презрѣнья не скрывая,
На стражѣ прошлаго стоишь
И, только въ полдень оживая,
Отъ напряженія дрожишь.

И много зимъ и много весень
Тебѣ судьбой еще дано,
Чтобъ вспоминать подъ шелестъ сосень
О томъ, что было такъ давно.

[Альвинг 1913, с. 10–13]

6. СТАРИННЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Сестръ моей Милицы.

Томясь въ тоскѣ воспоминанья<>
И полусдерживая стонъ,
Ты какъ живое изваянье
У желто-розовыхъ колоннъ.

И пусть лиловый шелкъ глициній,
Струями льющихся полосъ,
Обозначаетъ четкость линий
Твоихъ каштановыхъ волосъ —

Ты безсознательнымъ движеньемъ,
Рукою отстраняешь шаль,
И нескрываемымъ волненьемъ
Окружена твоя печаль...

И что твое воспоминанье:
Сухіе листья иль цвѣты?..
Но мило мнѣ очарованье
Твоей тревожной красоты.

[Альвинг 1913, с. 14]

ИЗЪ ЦИКЛА — ТОСКА.

МУКА СТРУНЪ.

Б. Л — ву.

Я пьянь сегодня мукой струнь.
Его рука касалась скрипки.
Онъ вѣчно живъ, онъ вѣчно юнь,
Онъ вѣчно богъ своей улыбки.

Онъ улыбнулся, какъ король —
И всѣ мы ницъ предъ нимъ упали.
Какой восторгъ, какая боль
По этимъ струнамъ трепетали!

Какъ онъ умѣль соединить
И слить въ одно всѣ наши тѣни,
Какъ нѣжно длилась эта нить
Неисчерпаемыхъ томлений!

Какъ онъ сумѣль зажечь сердца
Огнемъ тоски и обреченья,
Какъ не хотѣли мы конца,
Конца мелодіи мученья!

Какъ сладко было сознавать,
Что вотъ онъ здѣсь, что вотъ онъ съ нами,
Что вотъ онъ понялъ насъ опять
Своими скорбными глазами.

Что вотъ онъ живъ, что вотъ онъ юнъ,
Что онъ приходитъ къ намъ о т т у д а,
Что въ этой тяжкой мукѣ струнь
Такое радостное чудо!

[Альвинг 1913, с. 21–22]

НЕПОПРАВИМО.

Ю. К — ву.

Есть слова, ихъ дыханье что цвѣтъ<,>
Такъ же бѣло и нѣжно тревожно,
Но межъ нихъ ни печальнѣе нѣтъ,
Ни нѣжнѣе тебя: невозможно.

Иннокентій Анненскій.

Межъ словъ банальной суеты,
Что не задѣвъ несутся мимо,
Одно полно и красоты,
И тайныхъ мукъ — н е п о п р а в и м о .

О, какъ трагически страшны
Его томительныя звенья,
И что за тягостные сны
Надъ нимъ плывутъ безъ раздѣленья!

Какъ въ звуковой его тоскѣ,
Въ преобладаніи согласныхъ,
Какъ будто таютъ вдалекѣ
Экстазы радостей напрасныхъ.

И пусть забыта горечь думъ
Съ ее приманчивой отравой...
Увы: теперь весенній шумъ
Звучитъ надорванной октавой.

А тѣнь зеленыхъ фонарей,
Въ чаду ненужнаго мерцанья,
Волнуетъ шелесты вѣтвей
Какъ бы мольбой припоминая.

И кто-то, насъ не пожалевъ,
На лунныхъ крыльяхъ серафима
Все шлетъ мучительный напѣвъ
Съ его однимъ — н е п о п р а в и м о .

[Альвинг 1913, с. 24–25]

НА КЛАДБИЩѢ.

Исполнена твоя мечта.
Преодолевь свое волненье,
Стою у чернаго креста
И жду тебя, какъ привидѣнье.

Вокругъ какой-то жуткій лѣсъ
Могильныхъ плитъ, крестовъ, часовень,
И даже сводъ ночныхъ небесъ
Надъ этимъ кладбищемъ неровень.

И здѣсь назначить *rendez vous*,
Гдѣ назначаютъ лишь поминки!..
Но вотъ сквозь сонъ — хоть наяву —
Я слышу шорохъ по тропинкѣ.

И ты пришла... Подъ кисеей
Я узнаю черты царицы.
О, и средь мертвыхъ мы съ тобой
Живыми будемъ до денницы!

[Альвинг 1913, с. 26]

NOCTURNE.

В. Л.

Кровавый огонь абажура,
На окнахъ мучительный тюль.
А въ душахъ то бѣло, то хмуро,
То осень, то снѣгъ, то июль...

И дрожь голосовъ, и волнение,
И красный расплывъ полутьмы,
И сдержанныхъ словъ дуновение,
И мы, поблѣднѣвшіе мы...

Какъ все это странно тоскуетъ,
Какъ все это нѣжно слилось...
Ахъ, вѣтеръ нѣжный не цѣлуешь
Упавшія пряди волосъ!

А сколько сомнѣній и боли,
А сколько разсудочныхъ мукъ
Клубилось въ чаду своеволій,
Таилось въ касаніяхъ рукъ.

Теперь въ этой комнатѣ ало,
Но ало и въ нашихъ сердцахъ...
И мало намъ, мало намъ, мало
Двѣнадцати цифръ на часахъ.

[Альвинг 1915, с. 8]

НЕ ОЖИВУТЬ.

А если вдругъ онѣ не оживуть,
Сраженныя трагическимъ финаломъ?
Вѣдь вещи мстятъ и, какъ и люди, лгутъ,
Но тѣ въ большомъ, а эти — только въ маломъ...

Быть безъ тебя и знать, что ты жива:
Вотъ твой флаконъ, его хрусталь, какъ иней, —
Но гдѣ же прежнія, живыя гдѣ слова,
И полусумракъ гдѣ — мучительный и синій?

Сквозь это кружево мечтательныхъ портьеръ
Смотрѣла ты плѣнительно и нѣжно,
Ты вся нездѣшная, ты вся изъ чистыхъ сферъ,
Окутанная шалью бѣлоснѣжной...

А вотъ въ стеклѣ скелетики-цвѣты
Еще таятъ соблазнъ очарованья.
Рукою тонкою тогда касалась ты
Ихъ лепестковъ, забывши ихъ названье.

Я подсказалъ, и повторяли мы
Ихъ имя странное, ихъ имя: каприфоли!
И сладко было намъ въ чаду той полутьмы,
Что насъ овѣяла, укрыла насъ отъ боли...

Теперь сюда вошелъ я съ сумкой на плечѣ,
И съ плэдомъ на рукѣ, прервавъ вояжъ мечтаньемъ.
Но нѣтъ: не разглядѣть въ единственномъ лучѣ,
Безъ стеколь радугу, съ ея очарованьемъ.

А стекла стары ужъ... ихъ выпуклость слабѣй,
И спектръ являлся мнѣ ненужнымъ и линиялымъ,
Душа задумчивѣй, черствѣе и мертвѣй,
Хоть сердце мечется въ смятеньи запоздаломъ...

И знаю я: онѣ не оживуть —
Нельзя входить въ Святое мимоходомъ...
Ну что же — въ путь, въ тоскѣ обычныхъ путь,
Къ чужому берегу и чуждымъ парухомъ.

[Альвинг 1915, с. 9]

* * *

О, за все я тебе отомщу.
Я спокойный, но очень сторожкий.
Надо только покрепче к плечу
Прикрепить все четыре застежки.

Лето, осень, зима и весна,
Четкий круг огневых упоений —
Нам обоим так полно дана
Наша чаша земных вожделений.

Да и плащ — не бывает таких!
Что за ткань — мы назвать не сумеем.

12/IV 1923

[ОР ГЛМ, ф. 239, «А», л. 1]

ВСЕМ ЕНОТАМ

... А дежурящий енот
Погибает у ворот...

Я не приемлю енота, пусть он и ласков и мягок;
Шубу свою я продам, ведь на еноте она.
Зверь, согревающий тело, тупо зачем ты мешаешь
Груди спокойно дышать, сердцу свободно любить.

Ночь на 10/V 1923

[ОР ГЛМ, ф. 239, «А», л. 6⁷]

⁷ В дореволюционной России для подкладки мужских зимних пальто часто использовались шкурки енота. В послереволюционные годы людям порой приходилось обменивать свои вещи на еду, дрова и т. п. Вероятно, этот стишок — ответ Альвинга близким, уговаривавшим его не расставаться с теплой одеждой.

НАЧАЛО СУМАСШЕСТВИЯ В МОЕМ СТИХЕ

Евдокши Феодоровне Никитиной

Разматывать тяжко катушки<,>
И пальцы изрезал канат...
Как молятся эти старушки
Под мерный тягучий набат.

У паперти кошка заснула<,>
Испания грезится ей.
И нет ни одинаго стула
Веселаго в комнате сей.

Пристукнуть бы<,> что ли<,>
Да чем вот... И жалко... Ну что ж: подождем!
О иго свободной неволи<!>
Мучителен твой водоём.

А дни-то <—> как будто не видно<.>
И вот, что ужасно обидно —
Какой тут поможет посул:
Пожалуй<,> один «караул!»

19/V 1923

[ОР ГЛМ, ф. 239, «А», л. 7]

КАЧЕЛИ

Скрипучие доски так шатки.
Канат много видов видал...
Качайся себе без оглядки<,>
Покуда твой вечер так ал.

Пусть взлеты нелепых качелей
Погасят холодную жуть,
Чтоб, в шопоте ласковых елей,
Тебе хоть на миг отдохнуть.

А жизнь — разве жизнь не качели:
То вверх, то мучительно вниз,
А то, шелестя еле-еле,
По жалкой тропинке влачись!

И вот коль совсем невозможно,
Коль в сердце тупая тоска,
То можно, пожалуй что можно...
Надрезать канаты слегка.

<1923>

[ОР ГЛМ, ф. 239, «А», л. 10]

* * *

*Милому Николаю Николаевичу —
по заказу его строгому
8 строк*

А мне и невдомёк,
Что, вот, судил рок
Дать восемь строк
В весьма краткий срок.
Кругом все та же тоска,
Все так же дрожит рука,
Но<,> к счастью<,> 7ая строка
Восьмой всегда близка.

18/II 1929

[ОР ГЛМ, ф. 383, оп. 1, д. 489,
л. 75 <Альбом Н. Н. Минаева>]

МОЯ ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ⁸

Михаилу Абрамовичу Галицкому

В коснеющей цепкости фуг,
В содеянном строго свершенстве

Мне чудится замкнутый круг,
Построенный на блаженстве.
И сколько тут спорных кусков,
И сколько тут противоречий —
О, с каждым сразиться готов
Чудесного века предтеча.
Блаженство, но в темных тонах,
Уверенность — в разувереньи.
И хочется, в мудром смятении,
Сдержанное свое скорбное «Ах!»
Но шествует мудро закон...
Εύφροῖα — впитывай звуки!
Его благодатные руки,
И веет единственный «он» —
Бах!

29/VI 1929

[ОР ГЛМ, ф. 135, оп. 4, д. 163]

А ТЫ... ТЫ ГОВОРИШЬ!..

(Слова для романса)

За этот сон и бред, когда цветы левкоя
Струят свой аромат из полутемных ниш,
Я все простить готов, я все страданья скрою —
А ты... ты говоришь!..

За этот темный чолн безумья и безволя,
Когда как музыка звучит ночная тишь,
Я все отдать готов, и разум свой и волю —
А ты... ты говоришь!..

За этот полустон такой блаженной муки,
Когда куда-то ввысь, так сладостно, летишь,
За это на себя готов поднять я руки —
Ах!.. ты теперь молчишь!..

29/X 1940

[ОР ГЛМ, ф. 397, оп. 2, д. 279, л. 2 об.]

⁸ Первая — Анненский. — Прим. автора.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

(Воспоминание юности)

Первый снег! Какою чистой
 Все он равномерно покрывает...
 Не расстаться нам, мой друг, с тобой,
 Нас с тобой Судьба соединяет...
 Кто-то слил с твоим мой скорбный путь,
 Чья-то воля нас с тобой связала...
 Первый снег... он ласковый чуть-чуть,
 Первый снег — любви моей начало...
 Знаешь, что: давай-ка помолчим.
 Ведь молчать — нелегкое искусство.
 Первый снег! И с этим снегом, с ним —
 Первое, волнующее чувство!..

4/XI 1940

[ОР ГЛМ, ф. 397, оп. 2, д. 279, л. 2]

<ПИСЬМО А. АЛЬВИНГА Г. АНФИЛОВУ>

*Глебу Максимилановичу Анфилову*⁹
 2 отделение
 КПЧ¹⁰

Уважаемый товарищ!

Перед нами Ваш Пролог к «Думе про Опанаса».

Отличная вещь с хорошей тематикой и блестящим по мастерству стихом.

Вам удалось удачно сочетать прекрасные заветы школы Валерия Брюсова с тем особым своеобразием письма, которое было присуще Э. Багрицкому. И это при полной сохранности вашей индивидуальности, при отчетливом наличии вашей собственной лексики.

Хороша и тематически оправдана схема смены основного метража — преобладание 4-х стопного Хорея, перебиваемого Анапестиро-

⁹ Описка: Анфилова звали Глеб Иосафович.

¹⁰ КПЧ — культурно-просветительная часть в исправительно-трудовом лагере.

ванным трехстопным и четырехстопным Амфибрахией. Особенно выразительно звучит соединение Хореического четырехстопника с двухстопным Амфибрахией.

Впечатляет и волнует частая лиэма¹¹ стиха, всегда уместная, объяснимая сюжетно и одинаково значимая и тогда<, > когда она внедрена в ткань строфы по рисунку<, > и тогда<, > когда она возникает ad hoc.

Мы еще не можем сказать, в каком из наших изданий мы опубликуем ваш «Пролог» и оставим ли ему данное Вами заглавие (не лучше ли назвать самостоятельное и, если Вам угодно, посвятить памяти Э. Багрицкого). Но опубликуем непременно.

Привет.

Про<см.> Нач. Сектора Печати
 Зав. Лит.-Худ. Отделом
 Литконсультант

Ласкин
Ажаев
Альвинг

P.S. 9-й стих 2-го абзаца (после «Кобылья пустая тоска») стерся в дороге (перегиб по конверту) — пришлите его.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 9]

ПРИМЕЧАНИЕ К ПИСЬМУ

Рукопись А. Альвинга. Письмо на бланке редакции газеты «Строитель БАМа» Культвоспитотдела Управления БАМЛАГа НКВД (г. Свободный) от 2.IV 1936 г. В публикации сохранены особенности оригинала, в частности написание названий стихотворных размеров с прописной буквы.

¹¹ Особого рода пауза.

24.IV / 6.V 1886, д. Остроленка Ломжинской губернии¹ (ныне Польша) — 21.VI 1938(?), Комсомольск-на-Амуре(?)², в заключении

Имя Глеба Анфилова не упоминается ни в одной из просмотренных нами литературных энциклопедий. В последнее двадцатилетие появился ряд посвященных ему публикаций, однако в его биографии еще сохранились неясности. Среди наших основных источников — три архивных документа: его студенческое дело из ЦИАМ (см. ниже, с. 431—433) и две биографии, написанные его вдовой Анной Абрамовной [Крамер 1960] и сыном Иосафом Глебовичем [Анфилов И. 1988].

Глеб Иосафович Анфилов родился в небогатой дворянской семье. Отец — подполковник 15 пехотного Шлиссельбургского полка Иосаф Измайлович Анфилов — во время Крымской войны был участником обороны Севастополя. После его смерти сыновья, Борис³ и Глеб, получили право на бесплатное образование как «потомки защитника Севастополя». Глеб учился в Михайловском Воронежском кадетском корпусе⁴, затем служил подпоручиком понтонного батальона. В 1908 г. был уволен в запас по собственному прошению. В 1909 г., досдав латынь, которую в военных учебных заведениях не преподавали, поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета; окончил университет в 1913 г. с дипломом первой степени.

В мае 1912 г. в газете «Русские ведомости» (№ 102, 5 мая) было опубликовано сообщение о конкурсе лирических стихотворений им. С. Я. Надсона, и Анфилов послал на конкурс такое стихотворение⁵:

¹ Так согласно документам ЦИАМ; и вдова, и сын указывают в качестве места рождения г. Ломжу [Крамер 1960, Анфилов И. 1988].

² Или Хабаровск, или ст. Ксеньевская Иркутской обл.

³ Старший брат Борис (1882—1941) — офицер, храбро воевавший и получивший инвалидность на Первой мировой, блестящий архивист, автор многих теоретических и методологических трудов по архивному делу. В 1939 г. он попал в «черные списки», был уволен из ЦАУ СССР, равно как из других мест работы, и остался без средств к существованию.

⁴ В одной из биографий говорится, что затем он учился в Александровском военном училище в Москве, откуда «вышел по I разряду» [Анфилов И. 1988].

⁵ Это (опубликованное) стихотворение неоднократно встречается (с небольшими разночтениями) среди рукописей Анфилова — как в старой, так и в новой орфографии. В одних вариантах это стихотворение без названия, в других оно озаглавлено «В тихий некрополь». Мы приводим его по рукописи [ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 6, л. 2 об.], в

Тинос, двенадцати лет, умерла<,>
Тинос, что дочерью Прота была.

Тело закутали в белый покров,
Были венки из осенних цветов.

Эхо грустила в рассветных лесах<,>
Спали триэры на сонных волнах.

Кроткая Эос родилась вдали...
С плачем мы девочку Тинос несли.

В море сошла голубая звезда.
В горной стране пробудились стада.

Гелиос пылкий с путей высоты
Жег на венках полевые цветы<,>
Сжег голубые цветы<,>

Результаты конкурса стали известны в апреле 1913 г., о них сообщали «Русские ведомости» (№ 80, 6 апреля) и журнал «Путь» (№ 4). На конкурс было прислано 5086 стихотворений 784 авторов. Первая премия не была присуждена никому; вторые премии получили четверо, и среди них два студента Московского университета — Глеб Анфилов и Александр Диесперов. Первая премия была разделена поровну между получившими похвальные отзывы. Интересно, что в числе не отмеченных премией авторов был и С. Есенин (см. [Вдовина 1976]). Победа на конкурсе привлекла к Анфилову внимание писательского сообщества: для него открылись литературные журналы, к нему проявил интерес Валерий Брюсов (в рукописях Анфилова, хранящихся в ОР ГЛМ, у целого ряда ранних стихотворений имеется приписка о том, что стихотворение было показано Брюсову и получило его одобрение). Столь удачное начало было прервано Первой мировой войной.

Всю войну Анфилов провел на Германском и Австро-Венгерском фронте в качестве младшего офицера. Согласно послужному списку, поручик 2-го Кавказского саперного батальона Г. И. Анфилов был награжден орденом Св. Анны 4 ст. с подписью «За храбрость», орденами Св. Станислава 4 и 2 ст. и орденом Св. Анны 3 ст. (с мечами и бантами). После революции должности в армии стали выборными, и 29.I 1918 г. Анфилов был избран штаб-офицером для конно-железнодорожного делопроизводства этапно-транспортного отдела 12 армии. Демобилизован 2.V 1918 г. в г. Рыбинске.

которой стихотворение датировано 1909 г. (в другом месте — 1912 г.; вообще, в рукописях встречается различная датировка одних и тех же стихотворений — вероятно, автор имеет в виду разные редакции); под стихотворением авторская помета: «Надсоновская премия в 1913 г. на конкурсе». В пятой строке стихотворения имеется в виду нимфа Эхо.

В 1919 г. служил заведующим статистико-экономическим отделом и библиотекой «Центросекции» Южной рабочей кооперации в Харькове. В августе 1920 г. ушел добровольцем на гражданскую войну, в составе 13 Красной армии воевал в Донбассе (Горловка, Бахмут), потом был переведен на Кавказ. В декабре 1921 г. ликвидкомом армии был отозван в Ростов-на-Дону и назначен заведующим книжным коллектором Кавказцентропечати. В 1922 г. переехал в Москву, занимался книгоиздательской деятельностью: в 1922—1927 гг. служил в книжном отделе Центросоюза, в 1927—1929 — в Книгосоюзе, в 1930—1934 заведовал плановым отделом в Партиздате, в 1934—1935 работал в ОНТИ Химиздата. В 1931—1935 гг. по совместительству служил в Комитете по делам печати при Совнаркоме. Опубликовал ряд работ по вопросам книжного дела.⁶

Волна арестов, прокатившаяся по стране после убийства С. М. Кирова, не пощадила Анфилова. 20.II 1935 г. он был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму. Предъявленный ему приговор Особого Совещания при НКВД от 7 апреля 1935 г. обвинял его в «распространении контрреволюционных провокационных слухов». Как пишет сын [Анфилов И. 1988], в приговоре не указана даже статья обвинения. Сам Г. И. Анфилов считал, что причиной его осуждения стало следующее сделанное им на следствии заявление: «Являясь принципиальным противником террора, я считаю карательные меры, проведенные правительством в связи с убийством Кирова, чрезмерными по своей суровости и нецелесообразными с точки зрения интересов СССР». Через много лет, когда жена добилась разрешения посмотреть его дело, оказалось, что в нем нет ничего, кроме приговора и ее собственного заявления с просьбой позволить ей посетить мужа в лагере. Осужденный на 5 лет, Анфилов был отправлен на строительство второго пути Забайкальской железной дороги, в лагерь БАМЛАГа на станции Ксеньевская (Могочинский район Читинской обл.). Начиная с этого времени его жизненный путь подробно описан в ныне частично опубликованных письмах к жене [Анфилов 1995, 1996].

Вот их основные темы. Служба то плановиком-экономистом, то редактором лагерного журнала, то рабочим на лесоповале. Постепенно усиливающаяся болезнью сердца. Оценка солагерников («средневзвешенный процент интересных и порядочных людей здесь значительно выше, чем в той учрежденной, трамвайной и уличной толпе, у которой мы тремся на воле»). Изменение положения заключенных («35-й год по сравнению с 37-м — это золотой век, Аркадия, о которой мы говорим: “Да, было времечко!”»). Мысли о будущем поколении, которое видится ему таким:

Это будет евристическое поколение поющей молодежи, широкобедренных матерей и красивых стариков. И счастливой особенностью будет полное историческое беспамятство. Проезжая в лакированных, великолепно обтекаемых экспрессах по вторым путям Забайкалья, они будут наслаждаться на заре вершинами сопки и, нежно прижимаясь друг к другу, выплевывать на

⁶ Сведения о военной и послевоенной службе Г. И. Анфилова приводятся по [Анфилов И. 1988].

несущую насыпь абрикосовые косточки. Не хватало, чтобы они задумывались и даже знали о том, что мост, по которому только что простучал их вагон, сложен руками проституток, что желтый песчаный карьер, так красиво сочетающийся с пепельной зеленью горы, вырублен бандитами, что эту насыпь построили бывшие офицеры, священники и карманные воришки, а что за письменными столами лагерных штабов и канцелярий шелкали и чертили планы поэты, философы, растратчики, профессора, гомосексуалисты, шпионы и учителя церкви.

Писательские планы («И потом мне еще так много нужно написать — философскую поэму вроде “Фауста”, роман в стихах, драму и 500 стихотворений. Для этого мне понадобится не менее 400 лет»). То, что он пишет по обязанности («представляю себе, как ты вытаращишь глаза — пишу историко-революционную поэму на украинском языке»⁷) и для себя. В одном из писем к жене, относящемся к 1936 г., он так передает состояние узника⁸:

Я с вами, поверьте,
Хоть камнем себя оковал.
Здесь камера смерти.
Под нею беззвучный подвал.
До паперти ада
Пятнадцать простых ступеней —
Не надо, не надо
Меня выкликать от дверей.
Ненастье стучится
В оконный стальной переплет,
И ночь, как волчица,
Мне лапу на сердце кладет.
Я знаю, что грянут
Опять на рассвете замки
И ужас багряный
Мне снова расширит зрачки.
О, если б забыться,
Забуть свое имя и боль,
О, если б зарыться
Мышонком в тюремную пыль.

В письме от 15.XI 1937 г. он сообщает, что считает число дней, оставшихся до освобождения: «Каждый день (нездоровая привычка) делаю расчет оставшегося (до чего?) числа дней. Сегодняшняя координата моей льдины — дрейфую ровно тысячу дней, осталось дрейфовать 447 дней. Конец где-то в феврале — марте 1939 года».

⁷ Возможно, речь идет о приводимом ниже «Прологе к “Думе про Опанаса” Эд. Багрицкого». Не исключено, что «Пролог...» существовал и в украинском варианте.

⁸ Стихи поданы как написанные случайным знакомым, однако тут же Анфилов признается, что кроме первой строчки он написал их сам.

Тем временем его положение все ухудшается: его переводят на общие работы («я, всю свою жизнь просидевший над книгами и над письменным столом, должен производить самое смешное впечатление с лопатой или топором в руках»), затем, в конце марта 1938 г., возникает новая угроза («Возможно, что в апреле и перемещусь на какую-нибудь далекую точку нашей новой трассы»). И действительно, в мае он пишет уже с Дальнего Востока («Вместо пера я работаю сейчас лопатой и топором, да еще сердцем, старым, дряблым и усталым. Работаю в тайге, километрах в пяти от г. Комсомольска, т. е. отдалился от тебя еще на 1000 км»). Последнее письмо жене написано 6 июня 1938 г. В нем сообщается, что их колонна перешла на новое место в густую березовую тайгу...

Обеспокоенная отсутствием писем жена получала от лагерной администрации противоречивые ответы на свои запросы. Прокуратура БАМЛАГа 15.IX 1938 г. отвечала: «Ваш муж жив и здоров, содержится в г. Свободном, 8 отделение. За нарушение лагерной дисциплины ВРЕМЕННО находится в штрафной колонне, а потому ему не передают посылки и деньги». 26.IX 1938 г. начальник УРО⁹ лагеря сообщил, что «Г. И. Анфилов находится в г. Свободном п/я 25». 13.III 1940 г. ей ответили, что он «не содержится и не содержался в АМУРЛАГе»¹⁰. Наконец, в другой справке 1940-го года ей сообщили о том, что он скончался 21.VI 1938 г., как она цитирует, «в г. Хабаровске на станции Хабаровск 2-й или в Комсомольске-на-Амуре»¹¹. В 1957 г. Г. И. Анфилов был посмертно реабилитирован.

До сих пор из сохранившегося стихотворного наследия Г. И. Анфилова опубликована лишь малая часть. Знакомство с его рукописями, хранящимися в ОР ГЛМ, не оставляет сомнений, что перед нами яркая и своеобразная творческая индивидуальность, во многом опередившая свое время.

Н. Н. Перцова

Основные источники: ОР ГЛМ, ЦИАМ, [Анфилов 1990, Анфилов 1995, Анфилов 1996, Вдовина 1976]. Фото Г. И. Анфилова: ок. 1909, ЦИАМ, публикуется впервые.

⁹ Учетно-распределительный отдел.

¹⁰ Так к тому времени переименовали БАМЛАГ.

¹¹ Жена добавляет: «Точной даты смерти назвать не могу» [Крамер 1960]. Нет и точного места. Так, по убеждению сына, Иосафа Глебовича, его отец скончался на ст. Ксеньевской [Анфилов И. 1988].

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эти стихи о зеленом малахите,
О пещерном мхе и медведе с золотыми глазами,
О глубоких следах, потерянных в темноте леса,
О первых, искренних расах —
Их обрядах, свадьбах и погребениях,
О тесных дольменах и высоких менгирах
И о празднике голубых равноденствий —
Посвящаю шелесту твоих шагов,
Стройная, незнакомая женщина.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 3, л. 3; то же: д. 1, л. 1]

* * *

Я под белым деревом нашел ручей.
Заглянул в него, был им отражен.
И понять хотел язык его речей<.>
Слышал переплеск, слышал перезвон.

Что-то хрустнуло там, где стволы черны.
Вышло нежное из темноты корней<.>
Взглядом медленным следит побег волны<.>
Грудь раздвоена. Грудь моей полней.

Я крикнул — вскрикнул не знаю <отчего>.
Камнем кинулся — не дышал, горел.
Упал на траву, не нашел никого.
И сидел один. На волну не смотрел.

*14 сент. 1907*¹²

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 3, л. 13]

¹² Почти все дошедшие до нас дореволюционные стихи Анфилова «переведены» им в новую орфографию.

СКАТЫ

Злые в бессветность ушли.
Разлюбили волну.
Видят зорко вблизи и вдали<.>
Их четыре прижалось ко дну.

На подводный аттол
Налегла многоверстная мгла.
Здесь незрячие мягки тела
И неузнанный смел хвостокол.

С полыханьем холодных лучей
Просияла ночная вода —
То пловец глубочайших морей,
Одинокая рыба — звезда.

Содрогнулись беззвучно черты,
Соскользнули в недвижный простор,
Вдаль, где льется как отблеск луны
Беспечальный морской меусор.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 6, л. 2;
то же: д. 1, л. 1, то же: д. 7, л. 18¹³]

ЗВОН ЧАСОВ

Раз — Протяжен медный глас, — Восстань<.> десятый час.
Два — Как эта даль мертва — Как немощны слова.
Три — В себя смотри — в пучину дум, что зыблются внутри.
Четыре — Так много боли в мире.
Пять — Учись молчать — себя в самом себе встречать.
Шесть — Но в плаче радость есть. И в старом камне бродит весть.
Семь — Ты нем. — Ищи Паллады шлем.

¹³ В первом источнике оно датировано 1912 годом (под стихотворением помета автора о том, что стихотворение читал и одобрил В. Брюсов), во втором — 1908 (помета: «1908 г. Москва»). Найти толкование последнего слова стихотворения нам не удалось.

Восемь — Мы в темный мир покой проносим.
Девять — Он мчится — Ночи черный лебедь.

Грязи. 1913 г.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 6, л. 2]

НА МОСТУ

На заре, над рекой<.>
На мосту таком же нервном, как я,
Мы стоим и слушаем,
Как под ногами
Содрогаются железные фермы.
Солнце меркнет.
Солнце!
Тихо кается вечер
И стынют акварели небес.
Над нами плывут на восток белые страны —
Целые губернии облаков.
Ты смеешься, находя это сравнение дерзким,
Я не спорю, но мне оно нравится.

Солнце садится.
Посмотри, каким оно стало
неожиданно новым,

Совсем точно яйцо
Синайского Роха.
Помнишь сказку?

А сейчас

Алым краем вонзается в степь
И похож<е> на древний шатер —
Ставку киргизского хана <—>
Солнце ушло.
Перила дрожат как струна,
И нам жаль
Великаго Пейзажиста вселенной.
По твоей щеке
Скользят тени —
Первые прикосновения сумерек.

Тебе грустно<,>
И несколько раз
Ты шепчешь стройное слово —
Горизонт.
Я люблю это слово:
В нем синие версты воздуха,
Летящие птицы
И печаль о вечерней реке<,>
Я люблю это слово
Как тебя.

Грязи. 1913 г.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 1, л. 56]

* * *

Вдали вырезной семафор
Вступил на железную стражу.

Взметнулась в холодном лесу
И вдаль потянула сорока.
Я мертвую душу несу
Далеко, далеко, далеко.

Пинск. 1915 г.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 1, л. 64]

ВЕЧЕРОМ

<I>

Полное небо огня<,>
Солнца последний костер
Тихо зажег облака.
Ветер доносит из дня
Песню усталых сестер...
Ты далека, далека.

II

Я увядаю, как клен,
В синих чужих небесах
Нежно тужу о былом.
Запад зарей утомлен.
Вечер в холодных лесах
Машет разбитым крылом¹⁴.

III

Эта задумчивость сел.
Выйди на бедный порог
Молча грустить в сентябре.
В сумерки старый костел
Белый, прямой, как пророк,
Руки возносит горе.
Несколько искренних строк
Вырежь на белой коре¹⁵.

<1915>

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 3, л. 13]

ЗЕМЛЯ МОЯ

Одинокая — усни без страха<,>
Терпеливая — молчи без стога<,>
На груди разорвана рубаха<,>
И лицо старинно, как икона.

Как поникла с самого начала,
Так тиха стоишь пред настоящим.
Только песня глуше зазвучала
По сосновым новгородским чащам.

¹⁴ Две последние строки приписаны от руки к машинописному тексту.

¹⁵ Две последние строки приписаны от руки к машинописному тексту.

Только встали темные приметы,
Приговоры стародавних бабок.
Негасимые в полях рассветы.
Не к добру овес ложится набок.

Прилетали горлицы из Крыма<,>
Ворковали молодые танцы.
Ты глядишь печальными очима¹⁶
На рубины отдаленных станций<,>

И когда вечерний богомолец
Принесет тебе дурные вести,
Выйдешь в степь из золотых околиц
Нежно кликать на безлюдном месте.

1915. Галиция

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 7, л. 81]

РЕВОЛЮЦИЯ

Громом гремели, дробя купола,
Колокола.
Даль голубая отзывчиво гокала,
Било, баюкало, плакало около.
Гневную песню про мертвого сокола
Пели, гремели колокола.
 Вешняя воля взошла
 С розовым воем под тающим Доном
 в высь понеслась золотая скала.
 Воля-хозяйка пришла.
Светловесенные русские веси,
 «Счастье Воскресе!»
Полночь за Нарвской заставою вышила
Черным по красному злые слова.
Даль пулеметы расслышала —
Утром восстала Москва.

¹⁶ (укр.) очами.

Вздогнула Тула, задумалась Ладога,
В Пскове великая вспыхнула радуга,
В проруби синие бросив двойник.
Сами звонили старинные звонницы.
Встаньте, уснувшие,
К вашей оконнице
Черный архангел приник.
В древней тиаре мерцают жемчужины.
Белы глаза, как слюда.
В хату стучится звезда.
Страшные речи — славянские шопоты
Слушает робкая плоть.
Медленным топотом, каменным чоботом
Вас изломает Господь.
Будетедохнуть, как псы в бессловесии,
Выть у разбросанных изб.
После<> из вашего мертвого месива
Выльется новая жизнь.
Кремли облаков,
Ос<е>нь, рвущая в мертвых лесах
 пожелтевшие письма, —
Что они знают о революции?
И только собаки
В запахе ям и жестокосерды детей
Чуют новое,
Смутно боятся
И помавают хвостами.

1922 г.

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 1, л. 99–100]

СЫН БОЖИЙ

Притаился в зеленую сень
Среди лесных бездорожий
Мальчик светлый — Сын Божий,
В мире — Тихонов
Ваня.

Обступила его безмолвная повесть
 Родных черноземных названий.
 В пояс
 Господу тихому
 Кланялся день,
 Сотрясая бородками мха<,>
 Золотыми цветочными гроздьями.
 У запущенной озими
 В старых грехах
 Повинилась медвежья берлога.
 Васильковые дали
 Воззвали
 Мальчика Бога
 С собой
 По забытой тропе
 В океан кукований<.>
 А Ваня
 Глазами, как звездами,
 Горел в голубое
 И пел —
 Эх-х, яблочко,
 Куды котишься.
 В чрезвычайку попадешь <—>
 Не воротись.

1922 г. Епанечниково

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 1, л. 120–121]

* * *

Замедли будничный бег<,>
 Забудь земной календарь<,>
 В светлый бессмертный брег
 Смертным веслом ударь.
 Вечности синие серьги
 Прими восхищенно, как женщина.
 Руки печально истертые
 Брось без горения.
 В самой маленькой церкви

Есть для уставших от Бога
 В плитах порога трещина
 В четвертое
 ИЗМЕРЕНИЕ.

1922

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 7, л. 59 об.]

* * *

Ветер, ветер на северном румбе
 Многоустый,
 Органный,
 Сносит с волн одуванчики пены.
 Кружит,
 Кружит и губит.
 Неустанный
 Ветер
 Ночью ложится широко
 На плоские мели
 И в Море
 Выкликает упорную фугу.
 В остроконечном соборе
 Статуя Анны
 Засмотрелась на мрамор старинной купели,
 На сумрак и стены.
 Она одинока.
 В этот час никто ей не служит,
 Как белому другу.
 Безмолвно
 И пусто
 Там, где люди, стоявшие вместе,
 На закате молились и пели.
 Средиземная Полночь
 Принесла надзвездные вести<,>
 И Волны
 Равнозвучно уносятся к Югу.
 С тихой грустью,
 С тихой грустью.

1922. Апрель

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 1, л. 97 об. — 98 об.]

ХИНГАН

В берега голую грудь
 Месяц из облачных шкур
 Тусклый наводит наган.
 Сердце велит: «не будь!»
 Гремит камнем Амур.
 Черный встает Хинган.

1925 г.

Пароход от Сретенска до Хабаровска

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 6, л. 3 об.]

ПРОЛОГ
 К «ДУМЕ ПРО ОПАНАСА»
 ЭД. БАГРИЦКОГО

1.

Перезванивали кобзы
 Над сухим барвинком.
 Пальцы бегают как козы
 По струнным тропинкам<.>
 Ночь проходит с черной торбой
 К лиманам да плавням<.>
 Кобзари заводят скорбно
 Повесть о недавнем.
 Как спекалась в смутном часе
 Кровь на Украине.
 О бездольном Опанасе
 И его судьбине.
 Как он шел простой, незоркий
 Без «лева» и «права»,
 Как добрел до смерти горькой
 И сгорел, как травы.

2.

Дороги, дороги, крутые курганы,
 Да степь без единой межи.
 На серых курганах стоят кочегарами
 Дубов опаленных кряжи.
 Здесь сердце от скуки и холода сжалось.
 Здесь поросль степная низка.
 Глубокая осень. Ковыльная жалость.
 Кобылья пустая тоска.
 Безмерность огляда — немая, стальная,
 Костер да засохший проток.
 Тут путь пролегал «Из монголов к Дунаю»<.>
 И шли колеи на Восток.
 Здесь орды ордили — хазары и гунны,
 Скрипели обозы славян<.>
 И грохот тележный и топот табунный
 Вливались в степной океан.
 Проносится ветер. Дороги<.> как жизни,
 И полночь — гадалка в ладони отчизны
 Глядит и твердит о судьбе.

Как пути твои страшны, мама!
 Словно грусть твоего лица.
 Но величественна и упряма
 Ты пройдешь их все до конца.

В старом Киеве многостенном
 Разливается женский плач.
 За окошком шуршит измена,
 У дверей закурил палач.

Перепутаны все дороги<.>
 Все черты на твоей руке<.>
 Белый месяц, как вол двурогий<.>
 Озирается вдалеке.

Словно думает, сколько крови
 От наганов и до плетей —
 Не цесаречьей, не коровьей,
 А твоих трудовых детей.

Разнуздавшиеся постояльцы <—>
 Гетман, Рада, Деникин, Пан <—>
 Протянули пьяные пальцы
 Лапать твой полногрудый стан.

И дроздовца острая пуля
 Расстреляет душу твою.
 Песню — жемчуг — как раньше зозуля
 Закувала в сыром гаю.

И сыны твои на распутьи,
 Словно брошенный сор из угла.
 Понесет их ломкие прутья
 Каждый ветер и каждая мгла.

Те не поняли оклик кулацкий,
 Тех взманила лукавая речь.
 И пошла тропой гайдамацкой
 Порубать, засекачь да жечь.

Под Геническим или Кичкасом
 Не Махно ли собирает полки?
 Не твои ли сыны Опанасы
 Понесли его бунчуки?

И за это всякий заплатит
 Полной мерой и злой ценой.
 Только ветер, ветер подхватит
 Захлебнувшийся крик ночной.

Но ответеся страшная стая,
 Словно синий дым тагана,
 И взойдет над миром простая,
 Неродившаяся тишина.

И ты скажешь, бедная мамо,
 Для чего я теперь живу?
 И пойдешь себе прямо, все прямо
 По сожженной тропе в Москву.

Стукнешь в двери. Кто там? Украина.
 — Это я на пороге стою<,>
 Без единой мысли таимой
 Я вернулась в мою семью.

Я устала, я так устала
 От раздоров военных лет...
 Здравствуй<,> радостный нежно алый
 Победивший Советский свет.

3.

Танцевала рыба з раком<,>
 А петрушка з пастернаком,
 А капуста з буряком,
 А цибуля з чесноком.¹⁷

Танцевали гей на славу
 Киев, Винница, Полтава,
 Харьков, Жмеринка, Кичкас.
 — Все пустились в перепляс.

За Синельниковым топал
 Дробным топом Мелитополь<,>
 Канев топал да устал <—>
 Сапоги обтопал.

Танцевали погребница<,>
 Вербы, мельницы, кладбища,
 Церкви, площади, дома<,>
 Танцевала смерть сама.

И земля от пляски страстной
 Становилась красной, красной
 Как пожары над Днестром,
 Как сполохи над костром.

¹⁷ Цитата из народной детской песенки.

Освещали бал не свечки,
А еврейские местечки.
Ночью плач да беготня.
К утру угли от плетня.

Танц<е>вала рыба з раком<,>
А Вапнярка з гайдамаком.
Кромы с терским казаком<,>
А весна... с большевиком.

4.

Прозвени мне<,> кобза-совесть,
Если не забыла
Затишающую повесть
О том, что было.

Ты звени о том, что было —
Чего не будет,
Что глубокая могила
Забудет, забудет...

Как смеясь входили ляхи
В зеленый садочек,
Как кровавились рубахи
Поруганных дочек.

Как еврейский пух перинный
Заносил Крещатик
Да как ветер рвал чуприны
Заднепровских батек.

Гей над Пселом да над Ворсклой<,>
Не косы, не грабли <—>
Там чеченец шашкой горской
Сверкает да грабит.

В синеве Волосожары
Плывут, как монисто,
Как алмазные жогады
Звездных колонистов.

Осыпаются колосья
Засолненных копей<,>
Старый мир воткнулся осью
В тень на Перекопе.

Облаков уходят цепи
В далекие страны.
Балки — судороги степи
Светлеют кострами.

На заре дозор прослышал
Проснувшихся уток.
Опанас бездольный вышел
На свой перепуток.

БАМЛАГ, 1936

[ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 9 (два варианта)]

16/28.V 1888, Стокгольм — 18.XII 1977, Си Клифф, шт. Нью-Йорк, США

Николай Сергеевич Арсеньев принадлежал к древнему дворянскому роду Арсеньевых, который берет свое начало от Аслана-Мурзы Челебея¹, в 1389 г. выехавшего из Золотой Орды во главе отряда из 300 человек к Великому Князю Московскому Дмитрию Ивановичу Донскому. При крещении Аслан-Мурза получил имя Прокопия; Великий Князь был его восприемником и выдал за него дочь своего «ближнего человека» Житова Марию Зотикову. От старшего сына этой четы Арсения пошел род Арсеньевых. В начале XX в. были собраны и опубликованы в книге [Арсеньев В. 1903] подробнейшие сведения о роде Арсеньевых — о «670 мужских представителях рода,

185 женах их и 237 женских». Среди последних — мать М. Ю. Лермонтова Мария Михайловна, в девичестве Арсеньева.

Отец Николая Сергеевича, Сергей Васильевич (1854—1922), принадлежит к 18-му колену рода Арсеньевых. Окончив университетский курс в Московском Императорском лицее Цесаревича Николая (так называемый Катковский лицей) со степенью кандидата прав в 1877 г., служил унтер-офицером лейб-гвардии Преображенского полка. В 1880 г., окончив с серебряной медалью курс в Императорском Археологическом Институте, начал дипломатическую службу в представительствах России — в Восточной Румелии², затем в Болгарии и в Пруссии; с 1886 по 1891 год — в Швеции, где был сначала секретарем миссии, а с 1888 г. — поверенным в делах. В 1891—1897 гг. — генеральный консул в Иерусалиме; в 1897—1900 гг. — генеральный консул в Стокгольме; с 1900 до прекращения дипломатических отношений с Германией в 1914 г. — министр-резидент при дворе герцога Ольденбургского и в Сенате Вольных Ганзейских городов Гамбурга и Любека³. Награжден многими российскими и иностранными орденами (подробнее см. в [Арсеньев В. 1903, с. 91–92]). После тридцатилетнего служения России на дипломатическом поприще был заключен большевиками в тюрьму, где и скончался.

Сыновья Сергея Васильевича и его супруги Екатерины Васильевны, в девичестве Шеншиной, проводили раннее детство с родителями, но учиться их привозили в Москву, в дом деда Василия Сергеевича Арсеньева на Кудринской

Садовой улице. Летом дети жили в деревне в Новосильском уезде Тульской губернии.

Вслед за своим отцом и старшим братом Василием Николай обучался в Катковском лицее, где его любимым предметом стал греческий язык. В июле 1906 г. он окончил лицей с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Свои воспоминания об университете он собрал в книжке [Арсеньев 1960-е], отрывки из которой приводятся ниже.

В студенческие годы Николай Арсеньев принимал участие в деятельности религиозно-философских обществ («Кружок ищущих христианского просвещения» и «Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева»), посещал «интимные литературные вечеринки на квартире молодого поэта Сергея Соловьева» [Арсеньев 2006, с. 62], вместе с братом и ближайшими друзьями организовал собственный религиозно-философский кружок, члены которого должны были «читать вслух избранные тексты — памятники религиозной жизни народов или выдержки из некоторых великих философов, религиозно заинтересованных», после чего тексты обсуждались [Арсеньев 2006, с. 64]. С большой благодарностью вспоминал Арсеньев годы своей юности.

В общем итоге много я получил духовно-ценных кладов, умственно будящих импульсов в дни моей юности. Богат посев, богаты были мною не заслуженные и не заработанные дары духовной культуры, данные мне и ряду моих сверстников. Какую великую налагало это ответственность, какого требовало бы подвига жизни, чтобы оплатить такую юность. Я глубоко благодарен за эту свою юность. Особенно же благодарен своим родителям и родительскому дому, о чем я здесь мало сравнительно написал, ибо это — слишком святое и интимное, но в этом была предпосылка, основа для всего другого хорошего и высший дар из всех, мною полученных. Итак, были все данные, чтобы быть благодарным, но не было никаких данных, чтобы кичиться или самовлюбленно рисоваться (от чего автор настоящих строк, может быть, и не всегда свободен). Ибо страшное слово, может быть, будет произнесено и уже произносится над многими из нас: «Он больше обещал дать, чем дал». Тут, впрочем, дело уже не о внешнем, не во внешних результатах и «достижениях» — здесь весь вопрос в духовном напряжении, в постоянном преодолении себя, в горении внутренней жизни. И хотя мы призваны к мужеству и к подвигу — мы гораздо больше ведомы, чем сами идем» [Арсеньев 2006, с. 65].

В июне 1910 г. Арсеньев окончил университет с дипломом первой степени и с «оставлением при университете для подготовки к профессорскому званию». Готовясь к магистерскому экзамену, он в 1910—1912 гг. слушал лекции в германских университетах: в Мюнхене, Фрейбурге и Берлине (по семестру в каждом университете). В течение зимы 1912 г. сдал магистерские экзамены при Московском университете, в марте 1914 г. прочитал пробные лекции и был избран приват-доцентом Московского университета по кафедре западноевропейской литературы. К этому времени относятся его ранние работы: «В поисках Абсолютного Бога» (Москва, 1910), «Плач по умирающем Боге» (Москва, 1912), «Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения» («Журнал министерства народного просвещения», 1913, январь и февраль).

¹ Другое написание — Челибей.

² Автономная область Турции.

³ После этого два года был министром-резидентом в Норвегии.

Первая мировая война прервала академические занятия Арсеньева: с сентября 1914 г. по сентябрь 1916 г. он находился на северо-западном фронте в качестве помощника уполномоченного (позднее — уполномоченного) Красного Креста.

С сентября 1916 г. Арсеньев начал чтение лекций в Московском университете, а также на Московских Высших женских курсах и в Московском городском народном университете им. А. Л. Шаняевского. Лекции и ученые труды Арсеньева этого периода посвящены культуре и литературе Средних веков и эпохи Возрождения (особенно Италии), а также истории религий (античный мир и раннее христианство). Вместе со своим ближайшим другом кн. Н. С. Трубецким, а также Н. Н. Лузиным, П. Н. Каптеревым и другими учеными (всего 8 человек) был учредителем Общества младших преподавателей Императорского Московского Университета (устав Общества утвержден 7 ноября 1916 г.).

Воспоминания о Москве периода его юности и молодости нашли отражение в одном из его поздних стихотворений — «Старая Москва» (сентябрь 1976 г., см. [Арсеньев 1977, с. 7]).

В переулках Москвы снег не тает,
Под санями он тихо визжит,
Галка с ветки на ветку летает,
Время мирно и плавно бежит.

В переулках сияют окна,
Слышен шум, голоса детворы.
В переулках — то время далёко —
Много юной и бодрой игры.

В переулках в Москве горела
Крепкая духа свеча.
Беда не совсем одолела.
Свеча еще горяча.

В 1918 г. Арсеньев был избран профессором вновь основанного Саратовского университета, где читал курсы по философии и истории русской и европейской культуры, основал кафедру сравнительной истории религии (была закрыта уже в 1920 г.). В 1919 г. был дважды арестован, содержался в тюрьме. В марте 1920 г. перешел русско-польскую границу, недолгое время пробыл в Варшаве и Берлине, после чего переехал в Кенигсберг.

С ноября 1920 г. он стал лектором русского языка при Кенигсбергском университете. Летом 1924 г. получил там степень доктора философии и стал приват-доцентом, потом доцентом, потом экстраординарным профессором по русской культуре и русской религиозной жизни. Одновременно с этим был доцентом Рижского университета (Высшая школа Латвии) в 1921 г. и профессором на православном богословском факультете Варшавского государственного университета, где в 1926—1938 гг. читал лекции по истории религий и по Новому Завету. Выступал также с отдельными лекциями в разных европейских городах, много публиковался. В воспоминаниях учеников он не просто лектор,

но духовный наставник. Один из его варшавских студентов (будущий епископ РПЦЗ Митрофан Бостонский) вспоминает [Зноско-Боровский 1983]:

Помню, в 1930 годы, разговоры студентов Варшавского Университета, где Николай Сергеевич читал лекции. Под тяжестью ущемлений, которым подвергалось Православие в прежней Польше, под тягостным впечатлением массового разрушения и закрытия православных храмов, многие студенты, в растерянности и в упадке духа, спешили к проф. Арсеньеву. — Иди на лекции Арсеньева, от его пламени веры воспламенится и твой угасающий светильник, — говорили студенты. И это так и было. — Вы боитесь зла? — говорил Николай Сергеевич, — зло овладевает внешней поверхностной жизнью, как можно его бояться, когда в глубине нас Христос и святые! Христос непобедим! И не бойтесь общения «с самарянами», не уподобляйтесь древним иудеям, оберегавшим внешнюю чистоту своих риз! идите ко всем — и к гонителям, и к неверным, и к заблуждающимся, — говорил нам Николай Сергеевич. Так учил, ибо и сам весь был в людях, в молодежи, нуждающейся в просвещении и просветлении душ.

В 1920-х гг. родные Николая Сергеевича оставались в России; две его сестры были отправлены на Соловки, к ним добровольно присоединилась мать. Как полагают биографы Арсеньева, одной из причин его напряженной лекционной и публицистической работы было стремление собрать средства, необходимые для переезда к нему оставшихся в СССР родственников, что впоследствии и осуществилось. А. П. Лысков пишет [Лысков 2007]:

Не приходится удивляться неумолимой деятельности Н. С. Арсеньева, связанной с чтением лекций в различных городах Европы, публичными выступлениями и участием в разных гонимых изданиях — помимо всего прочего, это было связано и с необходимостью собрать значительную сумму денег, которая требовалась для оплаты выездных виз из СССР оставшимся в России членам большой семьи. В начале 30-х годов это было возможно (в те годы ещё существовала и такая форма эмиграции).

В 1933 году семье Н. С. Арсеньева благодаря помощи правительства Великобритании <...> и за большой денежный выкуп удалось выехать в Кенигсберг.

Так в доме на Регентенштрассе, 3 появились новые жильцы:

Мать — Екатерина Васильевна (1858—1938), скончавшаяся в Кенигсберге.

Старшая сестра Н. С. Арсеньева — Наталья Сергеевна, и её сын, Сергей Балуев (поступивший на медицинский факультет университета).

Старший брат — Василий Сергеевич Арсеньев, в прошлом псковский вице-губернатор и профессор Московского Археологического Института, генеалог, собиратель исторических документов, председатель Тульской губернской Ученой архивной комиссии (с 1913 года), автор-составитель генеалогического труда «Арсеньевы. Род дворян Арсеньевых, 1389—1901 годы» (Тула, 1903)⁴ и его жена Ольга.

⁴ Эта книга [Арсеньев В. 1903] использована нами при написании настоящего очерка.

Младший брат — Юрий Сергеевич (в дальнейшем нашедший себе работу технического секретаря в японском консульстве в Кенигсберге).
Сестра Александра и сестра Вера (с мужем Евгением Гагариным).

С 1927 по 1937 г. Н. С. Арсеньев был членом экуменического Всемирного Союза Христианских Церквей, участвовал в конференциях союза. Являлся членом братства св. Софии (полное название: Православное Братство во имя святой Софии-Премудрости Божией), главой которого был избран о. Сергий Булгаков. Собрания братства проводились ежемесячно, на них заслушивались доклады на церковно-исторические темы, обсуждались современные события. Для членов братства было утверждено обязательное молитвенное правило, в котором, в частности, говорилось [Братство Софии 2000]:

Хотя вступление в Братство до времени не сопровождается никакими обетными обязательствами, однако члены Братства должны сознавать себя принявшими новое и особое бремя ответственности перед церковью и связанными свою совесть некоторым внутренним обетом, нарушение или небрежение которым влечет на них «падение под свою анафему» (чин исповедания). О сей особой ответственности перед Богом да памятуя все братья, которые с вступлением в Братство перестают быть рядовыми мирянами, но поднимают на себя бремя тягчайшего служения и ответственности.

В последние годы в Кенигсберге Н. С. Арсеньев возглавлял, за отсутствием постоянного священника, небольшую православную общину, состоявшую из русских эмигрантов. Община не имела здания церкви, богослужения проводились в здании гимназии.

В ноябре 1944 г. Арсеньев получил от правительства Польши в изгнании документы для выезда из Германии. С мая 1945 г. по 1947 г. жил в Париже, читал лекции в Сорбонне и в Католическом институте, также ездил читать лекции в Лозаннский университет Швейцарии и в Бельгию. В 1947 г. обосновался в США, преподавал в Свято-Владимирской Академии при Колумбийском университете в Нью-Йорке, где преподавали и такие известные мыслители, как Н. О. Лосский, О. Г. Флоровский, Г. П. Федотов и др. Одновременно Арсеньев был профессором по истории русской культуры в Монреальском университете, неоднократно приезжал в Европу для чтения лекций. Был председателем Русской академической группы в США (в 1971—1977 гг.) и одним из основателей «Записок русской академической группы в США». Все эти годы продолжал участие в экуменическом движении; в частности, в автобиографии отмечает, что в 1965 г. присутствовал «в качестве “гостя” на ряде заседаний 4-й Сессии Второго Ватиканского Собора» [Арсеньев 1966, с. 4], свои впечатления о беседе с Папой Иоанном XXIII (1959 г.) опубликовал в журнале «Россия и Вселенская церковь»⁵.

Н. С. Арсеньев оставил множество трудов по философии и богословию, русской культурной и духовной традиции, истории религии, античности, сред-

⁵ Арсеньев Н. С. Моя аудиенция у Папы Иоанна XXIII-го // Россия и Вселенская Церковь. Брюссель. 1965, № 3–4 (65–66), с. 4–10.

невековью, эпохе Возрождения. Суть его научного метода удачно определена В. Е. Хализевым [Хализев 1994, с. 102]:

Отличие от большинства современных ему русских философов (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Л. Шестов, Н. С. Трубецкой), Н. С. Арсеньев мыслил в большей мере «сопрягающе», нежели «альтернативно». Он избегал резких противопоставлений и оценочно-поляризующих суждений. Ученый настойчиво сближал разные эпохи и культуры, будь то эллинизм и христианство, средние века и новое время, Россия и западноевропейские страны, Восток и Запад. Он весьма охотно отмечал родство всего и вся в бескрайне широком мире человеческой культуры. <...> Мировая культура в освещении ученого представляла не в качестве арены антагонизмов, а, напротив, как некая совокупность дружественных подобий, своего рода вариаций (надэпохальных и транснациональных) на общие для всего человечества темы.

Среди работ Н. С. Арсеньева — не только научные, но и публицистические, воспоминания и очерки; в конце жизни многие из них он включил в книгу «Дары и встречи жизненного пути», книгу итогов — «итогах тишины и чувства до некоторой степени продолжающегося обладания тем, что прошло, сегодняшним участием в том, что прошло и что живёт» [Арсеньев 1974, с. 5]. Тем же настроением проникнуто стихотворение, написанное в 1975 г. [Арсеньев 1976, с. 7], — грустное и светлое поэтическое признание:

Еще цветут средь клумбы поределой
Осенние умильные цветы.
Они пройдут — как все, как я, как ты...
Но есть ведь Жизнь, которой нет предела?..
И вновь меня неожиданно, на лету,
Любви Твоей сиянье посетило.
Все, все пройдет? Не верь: все на счету —
Люди, птенцы, любовь, трава, светило.

Умер Николай Сергеевич во время всенощной службы в канун 19 декабря 1977 г. — дня св. Николая Мирликийского. Его ученик пишет [Зноско-Боровский 1983]:

Ушел от нас проф. Н. С. Арсеньев. Недостаточно сказать о нем: светлый, любовью и верой озаренный, верный Христов раб и сын св. Руси. <...> Николай Сергеевич всей жизнью свидетельствовал о своей всецелой отданности Христу.

Тепло вспоминают его и другие друзья и коллеги, подготовившие сборник [Памяти Арсеньева 1979]⁶.

⁶ Приведем фрагмент из воспоминаний С. А. Зеньковского, познакомившегося с Н. С. Арсеньевым в 1949 г. [Зеньковский 1979, с. 13]: «Си Клифф был, и частично еще остается, почти что русским пригородом Нью-Йорка — там была очень удачно в старо-русском стиле построенная русская церковь, дома для русских стариков и для русских любителей морского купанья, русские лавки. Дом Н. С-ча, Врангелей, князя

Сейчас богословские и философские труды Арсеньева приобретают известность на родине, однако его поэтическое творчество пока остается в тени. По свидетельству старшего брата, уже в 1902 г., когда Николай был лицеистом пятого класса, «несколько его стихотворений напечатано и переложено на музыку» [Арсеньев В. 1903, с. 97]. Где именно напечатаны эти стихотворения, остается неизвестным. В дальнейшем, кажется, Николай Арсеньев не публиковал своих стихов — за исключением нескольких переводов из испанских поэтов-мистиков, вкрапленных в его теоретические работы (1917 и 1946 гг.). Начало одного из этих переводов (*О чистота безмѣрной глубины! / О глубина безбрежнаго сіянья*⁷) дало название первой из его поэтических книг, «Безбрежное сіяніе» [Арсеньев 1972], за которой последовало несколько других⁸. В этих небольших книжках охвачено поэтическое творчество Арсеньева более чем за 70 лет — с 1904 по 1976 год. Вот одно из последних его стихотворений (сентябрь 1976 г., см. [Арсеньев 1977, с. 8]):

В прозрачной вышине, на полугорья
Белеет храм пра-эллинских богов.
Вдали блещит, сверкает лукоморье,
Реют гряды пушистых облаков.

Под сению белеющей портала
Сплетались в прошлом странные мечты,
Но и средь чар, средь тьмы не умирала
Жажда спасенья, трепет Чистоты.
.....
Торжественно, средь горной цитадели
Стоит над взморьем белая мечта.
Путь завершен — у ног неожиданной цели:
Бессмертная открылась Красота.

А. В. Рафаева, Н. Н. Перцова

Основные источники: [Арсеньев 1966, Арсеньев В. 1903, Лысков 2005, Хализев 1994, ББЭ, Православная энциклопедия 2001].

П. Д. Долгорукова (“Петрика”) образовывали центр этой дружной и очень культурной русской колонии. Я с особым удовольствием вспоминаю дом Арсеньевых (кроме Н. и Юрия С-вичей, там жила и их сестра) — он напоминал настоящую старую русскую усадьбу: тенистый сад, уютный дом с бесконечным количеством семейных портретов и большой русской библиотекой, приветливые дружеские хозяева».

⁷ Из св. Терезы Авильской (1515—1582).

⁸ [Арсеньев 1974, Арсеньев 1976, Арсеньев 1977].

ВЕСЕННИЙ СОНЕТ

В моих устах звенит волшебный рог,
Что изрѣдка, над сонною листвою,
К своим устам подносит водный бог<>
С увитою цвѣтами головою.

Один, в тѣни трепещущих осок,
Я здѣсь прилег, меж кашкой луговой,
И тихій звук игривый вѣтерок
Приносит мнѣ и шелестит травую.

Я слушаю, а сладостные сны
В лучах сіяющих, что сходят с вышины,
Тѣнятся надо мной, невидимые взору;

И тихо все, лишь вѣтер нѣжит слух;
И в тишинѣ полей стремится дух
К безмолвным небесам и вѣчному простору.

1904

[Арсеньев 1972, с. 8]

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Есть старая сказка — преданье
Из Индіи, дивной страны,
Что слышится в полночь рыданье
Сквозь говор священной волны.

Смоковницы тѣнью угрюмой
Склонились над зеркалом вод —
Охвачены грустной думой,
Огромный нѣмой хоровод.

Но чу! — зашуршали мимозы;
Вот — Лотос расправил листы,
Утес льет хрустальные слезы,
Вздыхают лѣсные цвѣты.

Как будто в томленьи разлуки,
Прервалася пѣснь соловья,
Исполнена скорби и муки,
И плачет, и стонет земля.

Не думай: тѣ звуки случайны.
В отвѣт, в глубинах голубых,
Вот — звѣзд безконечныя тайны
Зажглися из букв огневых.

1907

[Арсеньев 1972, с. 26]

НЕСЛЫШНЫЕ ЗВУКИ

Моя душа полна мечты веселой
И трепетной и сладостной тоски,
Когда кругом смолкает лѣс и доли
И замирает зыбь рѣки.

Пусть тишина легла кругом широко —
— Моей души порыв растет, растет,
Как не сдержать бурливаго потока
Весенних полнозвучных вод.

В моей душѣ звучит, как гимн побѣдный,
Торжественный и радостный прилив.
Омыться в нем! Забыв о жизни бѣдной,
Земныя дрязги позабыв.

Как будто мѣр кругом охвачен обновленьем,
Так новый день в моей душѣ воскрес,
И все полно неслышным уху пѣньем...
И лишь в дремотѣ вторит лѣс.

Май 1911

[Арсеньев 1972, с. 34]

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ I

Был вечер. Дождь все шел. А там вдали горѣли
Прощальной славою заката небеса,
И было так свѣтло<,> и так в сѣяньи млѣли,
Одѣты дымкою, кудрявые лѣса.

Простор безбрежный! Лишь перьями алѣли
Остатки туч, но пронеслась гроза.
Шептались ивы, чуть дрожали ели,
С них капала прозрачная слеза.

В глуши лѣсной уж пробуждались трели,
Уже дышал в ней ландыш, свѣж и чист.
Струи потока гасли и синѣли.

Как этот час отраден и душист!
Как помыслы внезапно просвѣтлѣли!
Как, засыпая, колыхался лист!

1907

[Арсеньев 1972, с. 13]

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ II

Поля шумят златистою волной,
Нисходит вечер, свѣжій и туманный,
Объято все знакомой и желанной,
Знакомой и завѣтной тишиной.

Там, гдѣ стада бредут над крутизной,
Как блещет луг, уже росой убранный!
И как покров вечерній, златотканый
Нисходит над долиною рѣчной!

Охвачены безбрежною тоской,
Так трепетны струи лазури чистой,
И пьют поля, так жадно пьют покой.

Послѣдній луч сверкнул в долину мглистой,
 Послѣдній луч погаснул за рѣкой,
 И так запах травой луг росистый.

1910

[Арсеньев 1972, с. 14]

* * *

Тихо розовым сияньем
 Облиты вершины гор,
 Догорающим мерцаньем
 Чуть дрожит морской простор.

Тонет парус в мгль туманной,
 Кротко сходит тишина,
 Словно вѣстю желанной,
 И чудесной и неожиданной,
 Вся душа озарена.

И объята тишиною,
 Чуть дрожат уста мои
 Перед бездной водяною,
 Перед тайною Любви.

1909

[Арсеньев 1972, с. 17]

* * *

Моей души живительная дума,
 Моей души завѣтная мечта!
 Мой перл! Тебя среди земного шума
 Не назовут дрожащие уста.

Когда один я вечером печальным
 Сажу, погасла за окном заря,
 И хоры звѣзд уже прудом зеркальным
 Отражены, мерцающая и горя, —

— В тот тихий час встаешь Ты предо мною,
 Пронесся в сердце звук шагов Твоих,
 И я, к Тебе склоняясь головою,
 Ищу покой в объятьях дорогих.

Пусть дремлет мир⁹, пусть ночь кругом угрюма, —
 Но чрез Тебя мнѣ свѣтит темнота...
 Моей души живительная дума!
 Моей души завѣтная мечта!

1909

[Арсеньев 1972, с. 18]

* * *

О солнце, о волны лазури!
 О зелень, о вѣтер морской!
 В душе моей, как послѣ бури,
 Глубокий, безмолвный покой.

Охвачено жизнью природной,
 Вновь сердце стучит горячѣй,
 Дрожит — как тот стебель бесплодный,
 Под лаской горячих лучей.

Душа замерла и трепещет,
 Нежданным приливом полна:
 Ее захватило, в ней плещет
 Торжественной жизни волна.

О глубь — лучезарных видѣний!
 О море — покоя и сил!
 О солнце! Нежданно колѣни
 Я словно в молитве склонил.

1 июля 1914

[Арсеньев 1972, с. 32]

⁹ Возможно, опечатка: по смыслу скорее *мир*.

* * *

О луч утра! О золотой призыв!
 О на лужайках солнце и жужжанье,
 Букашек ползанье, травы дрожанье
 И вѣтерка волнующий порыв!

Иду, иду, всѣ пути позабыв,
 Весь окунуться в это трепетанье,
 Весь раствориться с ним в одно дыханье,
 В лазурно-опьяняющий прилив!

Он набѣжал, и бѣдная душа
 Захвачена, меж счастья и томлений,
 Молчит, живет, внимает, чуть дыша.

Залиты солнцем всѣ кусты сирени,
 Лучами и прохладой дрожа,
 Блестит трава под дымкою весенней.

1926

[Арсеньев 1972, с. 5]

НА ГОРНОМ ХРЕБТѢ НА ЮГѢ

Мята, мирт, и горная полынь.
 И лучи, и глуби горной дали
 В тихій час мнѣ радость нашептали
 На хребтѣ сѣрѣющих твердынь.

Подо мной вонзилась в камень ель,
 Четкій куст недвижим над обрывом,
 Воздух полн полдневных сил приливом,
 Трепетен и звонок, как свирѣль.

И с высот нисходит в тѣсный дол,
 Как поток цѣлительный, молчанье...
 В темный мир, гдѣ вздохи и стenanье,
 Принеси то, что ты здѣсь обрел.

Сент. 1928

[Арсеньев 1972, с. 35]

У МОРЯ

Все тот же гул: призывной мощи полный,
 Все тот же ритм: широкий вздох и всплеск,
 И палево-сребристый блеск...
 И эти зеленѣющія волны.

29 авг. 1948

[Арсеньев 1972, с. 31]

* * *

О тишь и жар! Высокій сонм крапивы
 Над свѣтлым прудом дремлет, чуть дыша.
 Скользят и шепчут зыбких струй извивы,
 Нежданных снов коснулася душа.

Под трепетом юньскаго привѣта
 Горит и блещет и сверкает синь.
 Цвѣтет тростник. Струит свой зов полынь.
 И даль близка, и так земля согрѣта.

1950

[Арсеньев 1972, с. 10]

* * *

Иду один... так радостно итти!
 За мною — море и песок прибрежный,
 И вѣтерок, так ласково небрежный,
 Рубашку мнѣ колышет на груди.

Как льется жар и вмѣстѣ с ним прохлада!
 Чуть вязнут ноги в пепельном пескѣ.
 Лучи, лучи! Мнѣ бодро — налегкѣ:
 Так хорошо, так ничего не надо!

1953

[Арсеньев 1972, с. 31]

КАПИТОЛІЙ

Там наверху бѣлѣет Ara Coeli,
 Озарена сіяніем луны,
 Ступеньки бѣлыя из вышины
 Зовут с собой к туманной дальней цѣли.

Внизу — недвижен конный Марк Аврелій,
 В серебристый мрак дворцы погружены,
 И царственно дыханье тишины,
 И лишь фонтан лепечет еле-еле.

Пойдем туда, в далекій угол сада
 (Нас ночь сюда нежданно завела).
 Блестит дорожка. Все сильнѣй прохлада.

Там высится Тарпейская скала,
 Средь мирт и лавров, сѣрая громада.
 Вѣет лимоном. Ночь полусвѣтла.

13 авг. 1954

[Арсеньев 1972, с. 24]

* * *

Раскрыт лопатой черный пласт земли
 Вокруг стволов сѣрѣющаго сада.
 Еще весна далека. Но отрада
 Весенняя уж льется издали.

Как дыш<и>т вновь земля! На черноту
 Уже ложится пух желто-зеленый,
 И чует мір, невольно умиленный,
 Надмірную, весеннюю мечту.

9 февраля 1956 г.

[Арсеньев 1972, с. 41]

* * *

Как примирительна, как странна
 Все-покоряющая тишина!
 Течет, течет... Ни берегов, ни дна...
 И тихий отблеск дали несказанной.

14 мая 1956 г.

[Арсеньев 1972, с. 48]

* * *

Я слышу, как течет Рѣка Молчанья.
 Склоняюсь и внемлю. То — тихій зов
 Невѣдомых и дивных берегов
 Из глубины Безбрежнаго Сіанья.

1956 г.

[Арсеньев 1972, с. 48]

* * *

Рябит вода. Уж удлиннились тѣни,
 Скользят в водѣ вечерніе лучи.
 В прозрачный час нежданных посѣщеній
 Присядь на берегу и помолчи.

Я тишины словами не нарушу.
Склоняется на руки голова.
Т а к а я грусть, что умиряет душу;
Т а к о й покой, что замерли слова.

*6 августа 1963 г.
Grundlsee*

[Арсеньев 1972, с. 48]

ВЕСНА. РАЗСВЕТ

Весна. Разсвет. Раскрыты двери
В задумчиво-туманный сад.
Как зачарованные звери,
Ели мохнатые стоят.

По убегающей долине
Поток желтеет ноготков.
Сюда в разсветный час пустынный
Зовет уж пение дроздов.

И правда с чарою весенней
Переплетается тогда.
Фонтан горит. Под ним в бассейне
Огнями плещется вода.

И глуби неба разрывая<,>
Все ширится поток лучей<.>
И словно пленка дымовая
Упала с трепетных очей...

14-го апреля 1968 г.

[Арсеньев 1972, с. 53]

ИТАЛЬЯНСКИЙ УГОЛОК

Разгоряченные толпы народа
Сюда не приходили. Тишина.
И в одиночестве звенит струна
Там, в тишине, у векового входа.

И в мраморный струится водоем
Вода, из стройной изливаясь чаши.
И замирают треволенья наши.
Чуть-чуть струит вода... И мы — замрем.
.....
А там вглуби, у церкви на пороге,
— Крест, и на нем — Распятая Любовь.
Освящены — и терния и кровь.
И мать склонилась и целует ноги.

1970

[Арсеньев 1972, с. 64]

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА.

Мои воспоминания о Московском университете
(1906—1910 гг.)

Московский университет в годы моей юности продолжал осуществлять свое призвание — будить мысль и ответственное отношение к истине, учить добросовестному исследованию и исканию истины и, вместе с тем, уважению ко всякому добросовестному ее исканию, уважению и к чужой мысли, если даже результаты ее отвергались, поскольку она вдохновлена этим стремлением приблизиться к истине путем добросовестного изучения доступных нам данных. Это был дух скромного и ответственного критицизма, сочетавшегося нередко с подлинным научным и философским вдохновением и гуманной терпимостью и уважением к личности и мысли другого, даже если ощущалась научная и нравственная необходимость с этим мнением и с этой мыслью бороться. Но бороться путем научных доводов, сохраняя уважение ко всякой честной и добросовестной мысли. Это было основной тенденцией всей культурной работы Московского университета: не только давать знание, но приучать прежде всего к честному и добросовестному исследованию, и духу честного, вдумчивого и конструктивного критицизма и, наконец, зажигать духовно¹⁰. Недаром сохранился ряд восторженных воспоминаний о воспитательном воздействии Московского университета в лице лучших его преподавателей.

Так, например, историк С. М. Соловьев вспоминает об одном из своих учителей, профессоре римской словесности и древней истории,

¹⁰ Это огромное воспитательное значение было, конечно, присуще и другим русским университетам. — *Прим. автора.*

В. А. Крюкове: «он бросился на нас, гимназистов, с огромной массой новых идей, с совершенно новой для нас наукой, изложив ее блестящим образом, разумеется, ошеломившей нас, взбудоражившей наши головы, вспахал, выборонил нас, так сказать, а затем посеял хорошие семена, за что и вечная ему благодарность»¹¹. <...>

Этот дух научной добросовестности и уважения к свободе научной совести другого являлся в разные времена драгоценнейшей традицией и огромным воспитательным делом и воспитательным заветом Московского университета. Этот дух большевики подавили — и то не совсем это им удалось. И верим, что это подавление духа, носителем которого был Московский университет, окончится.

Но и раньше в жизни Московского университета были периоды борьбы между свободой научного мышления и стремлением к угашению духа — путем иногда морального насилия: так, например, в первые годы XX века, когда революционная толпа старалась захватить власть над Университетом¹². Эта — в общем, не такая многочисленная — группа стремилась навязать студентам свои материалистически-революционные трафареты не столько путем аргументов (ибо аргументация их была слаба), как некоего морального давления. Я сам это пережил в первый год моего пребывания в Московском университете (1906—1907 академический год). Студенчество само дало отпор этой попытке революционного насилия. Зато годы 1907—1910 (когда я был на 2-ом, 3-ем и 4-ом курсах) были для меня, как и для многих других, годами необычайно плодотворными. Не только мы учились, но нас и наши учителя и вся обстановка моральная заставляли критически думать. А волны революционно-материалистического настроения, которые были еще сильно распространены среди молодежи, вызывали и на идейную борьбу за права духовной свободы, за права духа.

[Арсеньев 1960-е, с. 3–5]

¹¹ «Вестник Европы», 1907 г., № 4, стр. 445. Воспоминания С. М. Соловьева о годах его студенчества относятся <к времени> большого расцвета жизни Московского университета в годы попечительства гр. Строганова (1835—1847). — *Прим. автора.*

¹² Были, конечно, более ранние, из других источников исходившие, попытки подавления свободы научного духа в Университетах; так, например, в эпоху Магницкого и в 1848—1855 годах. — *Прим. автора.*

АЛЕКСАНДР БРЮСОВ

17/29.IX 1885, Москва — 1.XII 1966, Москва

Александр Яковлевич Брюсов (псевдоним *Alexander*) родился в семье Якова Кузьмича Брюсова и Матрены¹ Александровны Брюсовой (в девичестве Бакулиной, дочери непризнанного поэта А. Я. Бакулина²). Отец Якова Кузьмича, Кузьма Андреевич Брюсов, был родом из костромских крепостных крестьян. Откупившись на волю, он имел в Москве свое дело — пробочную торговлю, однако передал его не Якову, а другому своему сыну. Внук Валерию и Александру Яковлевичам Кузьма Андреевич оставил небольшой дом напротив цирка Соломонского на Цветном бульваре (ныне дом № 22). Там семья Брюсовых жила до осени 1910 г. В посвященном Валерию Брюсову очерке «Брюсов» («Некрополь») В. Ходасевич так описывает этот дом:

Дом на Цветном бульваре был старый, нескладный, с мезонинами и пристройками, с полутемными комнатами и скрипучими деревянными лестницами. Было в нем зальце, средняя часть которого двумя арками отделялась от боковых. Полукруглые печи примыкали к аркам. В кафелях печей отражались лапчатые тени больших латаний и синева окон. Эти латании, печи и окна дают реальную расшифровку одного из ранних брюсовских стихотворений, в свое время провозглашенного верхом бессмыслицы:

Тень несозданных созданий
Кольхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене...
Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне — и т. д.

В 1896 г. Александр поступил в III Московскую классическую гимназию³, где сблизился с Георгием Малицким, будущим ученым секретарем Московско-

¹ В некоторых документах — Матрона.

² Валерий Брюсов иногда подписывал свои стихи псевдонимом *В. Бакулин*.

³ III гимназия основана в 1839 г. по указу императора Николая I для распространения технического образования. С 1843 г. занимала дом на улице Малая Лубянка (ныне дом № 5). Общеобразовательный курс дополнялся специальными предметами — приложениями математики и механики, коммерческим законоведением. С 1869 г. классическая гимназия.

го исторического музея, а также с будущими «младосимволистами» — учителем Виктором Стражевым, гимназистами Виктором Гофманом и Владиславом Ходасевичем. К этому времени относятся и первые стихи Александра Брюсова.

В 1904 г. он окончил гимназию с золотой медалью (в его аттестате особо отмечены знания по математике, русскому, латинскому и греческому языкам) и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В университете к группе гимназических товарищей присоединились другие студенты-поэты: Самуил Киссин (Муни) и три брата Койранских, Борис, Генрих и Александр⁴.

Эта компания «мальчишек», как называла их Нина Петровская⁵, или «грифят», как называл их Андрей Белый⁶, быстро входила в литературные круги Москвы:

Из воспоминаний Б. К. Зайцева⁷:

В 1906 году мы жили уже <...> на Спиридоновке в доме Армянских. Там бывали у нас небольшие литературные вечера. Молодежь, участники журнальчика нашего «Зори». Кроме сотоварищей моих и сверстников — П. Муратова, Александра Койранского, Стражева, Муни, Александра Брюсова (брата известного поэта) и других, появлялись иногда и старшие — Вересаев, Бунин.

Частично сохранилась дружеская переписка между А. Брюсовым и В. Ходасевичем, живой обмен литературными впечатлениями и собственными стихами. В конце весны — начале лета 1905 г. Брюсов писал:

Приехав, набросился я на книги, признаюсь, удивлен: нижегородский сборник — плох, газеты (оставшиеся в живых) — ниже критики, хорошие газеты — поголовно запрещены. Прочел Альманах (Сев<ерные> Цветы) — Иванова совсем не могу понять⁸. Валерий понравился меньше, чем до отъезда, или, вернее, совсем не понравился. Проза — ни к черту. Бог знает что <...> Вообще от литературы прихожу в отчаяние, с отчаяния и принял за Э. По в подлиннике.

⁴ С последним А. Брюсов подружился настолько, что они некоторое время даже снимали одну квартиру на двоих в Малом Знаменском переулке. Оба работали в «Бюро провинциальной прессы». Общие знакомые называли их «двумя Сашами». Впоследствии оба заинтересовались футуризмом. «Они теперь ходят табунком: Ал. Брюсов, Ал. Койранский, еще какая-то тля газетная и он [Маяковский]» (из письма В. Ходасевича Б. Садовскому, май 1913 г.).

⁵ «Мальчишки наши рассеялись как дым...» (из письма Н. Петровской к Е. Янтареву, Флоренция, 19 III / 1 IV 1908) [Богомолов 1997].

⁶ По издательству «Гриф», с которым они сотрудничали.

⁷ [Московский Парнас 2006, с. 621].

⁸ Имеются в виду «Северные цветы Ассирийские на 1905 г.: Альманах 4-й» (М.: Скорпион); в альманахе были опубликованы стихи Вяч. Иванова и его трагедия «Тантал», а также стихи В. Брюсова и его пьеса «Земля».

26 июня 1905 г. Ходасевич отвечал:

<...> Очень рад буду видеть тебя. Сообщи только тогда заранее точно день и поезд.

Напрасно ты так огорчаешься о литературе. Газеты — не искусство, «Нижегородский сборник» — хуже всякой газеты⁹. Относительно В. Иванова для меня давно решен вопрос о его праве на существование. Терпению и труду не всегда удается перетереть искусство. Что же касается твоего брата, как он представлен в «Северных Цветах», — мне кажется, — ты не прав. Стихи его очень хороши, как всегда. Драма — изумительна <...>

Посылаю некоторые стихи. Не все, написанные за это время. Впрочем, последние дни я их не пишу, ибо начал еретическую драму, которая должна быть закончена, не в пример другим моим начинаниям. Надеюсь прочесть тебе ее в необработанном виде, когда приедешь. <...>

Все; извиняюсь за рифму: темный — исступленной. Вольность. Из твоих стихов мне больше нравится второе. Пока — прощай.

Порой между ними возникали трения, о которых свидетельствует, например, посвященное А. Брюсову стихотворение Ходасевича (12.IX 1905 г., см. [Ходасевич 1989, с. 217]) с эпиграфом из К. Бальмонта — «Ты изменил ненайденной отчизне»:

Меня роднят с тобою дни мечтаний,
Дни первых радостей пред жертвенным огнем...
И были мы во власти обаяний,
И сон иной опять переживали днем.

Ты отступил от жертвоприношений,
Богам неведомым. Ушел в страну отцов,
Вершить дела домашних устроений,
Заботы будущих и прежних мертвецов. <...>¹⁰

В конце 1906 г. Александр Брюсов отправился в большое путешествие — он побывал в Австралии, в Америке и на Ближнем Востоке. Путевые впечатления нашли отражение в изданной им в 1907 г. книге стихов «По бездорожью». Ва-

⁹ Речь идет о книге «Нижегородский сборник» (СПб.: Знание, 1905), где были впервые опубликованы, в частности, рассказ Л. Андреева «Мельком», воспоминания М. Горького «А. П. Чехов» и С. Протопопова «Заметки о В. Г. Короленко».

¹⁰ Причины этих упреков не вполне понятны (ср. цитировавшееся выше вполне миролюбивое письмо Ходасевича от 26.VI 1905). Тем не менее, товарищеское общение между ними продолжалось и позже. Так, на подаренном Ходасевичу экземпляре книги «По бездорожью» (1907) А. Брюсов сделал надпись: «В. Ходасевичу от Alexander'a, который убежден, что "Молодость" будет лучшей книгой за последнее время».

лерий Брюсов, скептически относившийся к творчеству брата¹¹, в своей рецензии [Брюсов 1908] иронически писал об этой книге, что чуть ли не каждое из включенных в нее немногочисленных стихотворений «помечено новой частью света». Тем не менее, старший брат привлек младшего к участию в своих литературных собраниях, на которых, по выражению Ходасевича, «творились судьбы если не всероссийского, то, во всяком случае, московского модернизма».

Из воспоминаний А. Я. Брюсова:

<...> В 1907 году Валерий организовал у себя встречи литераторов — журфиксы — и предложил мне посещать их. Я, конечно, воспользовался этим. Обычными посетителями этих встреч были К. Д. Бальмонт, Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), В. Гофман, Ю. Балтрушайтис, нередко Т. И. Ланге, Г. Г. Бахман, некоторые из приехавших в Москву петербуржцев, как, например, супруги Мережковские; и, конечно, издатель «Скорпиона» Поляков, переводчик Пшебшевского Семенов, жена Валерия, ее сестра Бронислава, сестра Надежда и я. На встречах читались и тут же обсуждались новые стихи. И обсуждались, надо сказать, очень основательно. <...> Новые книги участников обсуждались особенно подробно. Так, придирчиво, но довольно хвалебно обсуждалась в присутствии автора книга стихов К. Д. Бальмонта «Будем как солнце».

<...> В те годы принято было устраивать жур-фиксы в определенные дни, когда хозяин дома принимал у себя по вечерам гостей. Почти ежедневно то у того, то у другого литератора собирались ближайшие его друзья. Такие приемы были у Б. <К>, Зайцева, у С. А. Соколова, у меня, иногда у В. Ф. Ходасевича, у Валерия. Кроме того еженедельно по вторникам происходили собрания с докладами в литературно-художественном кружке, по средам — в Обществе свободной эстетики. Поэтому виделись мы почти ежедневно. <...>¹²

Круг изданий, помещавших стихи А. Брюсова, расширялся: кроме альманахов издательства «Гриф» и журнала «Перевал», это «Маски», «Новая жизнь», «Юность», «Свободный журнал», «Кривое зеркало» и др. Он выступал также и как критик. Особенно доставалось от него некоторым переводчикам. Так, в рецензии на перевод книги Анатolia Франса «Сад Эпикура» он писал: «Что же сказать о переводе? Напрасно переводчица думает, что перевод есть механическая работа, что для перевода надо знать только язык, с которого переводишь. Кроме всего этого, надо еще владеть слогом и быть достаточно образованным, чтобы не перевести Jean Scott через Жан Скотт»¹³ («Перевал», 1907, № 6).

¹¹ Из письма В. Я. Брюсова к З. Н. Гиппиус, жившей в то время в Париже, от 27 декабря 1906 г.: «Был ли у вас мой брат по пути в Америку? и юноша Гумилев? Первого не рекомендую, второго да» (Литературное наследство. М., 1976, т. 85, с. 689; цит. по [Богомолов 1996]).

¹² См. [Брюсов А. 1965, с. 130].

¹³ Иоанн Скотт Эриугена (Jean Scott Erigène) (810—877) — средневековый философ, теолог, ирландец по происхождению. В произведении Анатolia Франса «Сад Эпикура» («Le Jardin d'Épicure», 1894) приводятся высказывания Иоанна Скотта наряду с высказываниями Сократа, Рене Декарта, Блаженного Августина, Маймонида, Цицерона и др.

Сам Александр Яковлевич тоже занимался переводами. В 1910 г. для московского издательства «Польза» перевел с испанского роман Висенте Бласко Ибаньеса «Луна Бенамор». В 1911 г. для издательства «Гриф» перевел с итальянского драматическую поэму Сема Бенелли «Ужин шуток». В том же году подготовил для издательства И. Д. Сытина перевод автобиографии английского писателя-классика XIX века Томаса де Квинси «Исповедь одного английского опиофага»¹⁴. В 1913 г. для издательства «Польза» перевел с итальянского «Дневник школьника» Эдмондо де Амичиса¹⁵.

Летом 1911 г. А. Я. Брюсов оставил университет, не окончив его; в своем прошении (от 26 июля) он объяснял свой уход из университета желанием «отбыть воинскую повинность».

В 1912—1913 гг. вел торговлю в Москве: ему принадлежал магазин на Мясницкой, где продавались хирургические инструменты, оптические приборы, фотоаппараты, принадлежности для фоторабот и химикаты.

В 1914 г. А. Я. Брюсов был мобилизован и отправлен в действующую армию — служил лейтенантом, командовал ротой. В 1915 г. попал в плен. В лагере для военнопленных изучал языки и археологию, переводил «Лузиады» португальского поэта Луиса де Камозанса. Вернулся в Россию лишь в 1919 г. Осенью 1921 г. он в последний раз виделся с приехавшим в Москву из Петрограда Ходасевичем, который так описал эту встречу в письме к А. И. Ходасевич:

Заходил я к Саше Брюсову <...> Очень увлечен — переводом англ<ийских> книг по портновскому ремеслу. Жену¹⁶ не видал. Впрочем, она живет в комнате Матр<ены> Ал<ександровны>¹⁷ <...> она старообрядка; чтобы жениться, Саша принял сию веру. Ты и представить не можешь, как сложно переходить <...> Саша мне все рассказал и, на всякий случай, научил меня отречься от Никоновой ереси. Так что, если я перейду в православие, то уж теперь мне ничего не стоит сделаться старообрядцем.

По возвращении из плена А. Я. Брюсов, судя по документам, состоял на военной службе. В ЦИАМ сохранились два его удостоверения, от 3 и 31 августа 1922 г.:

Предъявитель сего есть действительно Помнач информчасти Управления Отдельной учебно-опытной Радиотелеграфной бригады.

РСФСР. Политическое управление МВО. Комиссия по откомандированию в ВУЗ. Командируется Брюсов А. Я. для поступления в Московский Археологический институт в счёт 5 % нормы вакансии Реввоенсовета республики.

¹⁴ Единственный сохранившийся к тому времени экземпляр этой книги находился в личной библиотеке А. Я. Брюсова.

¹⁵ См. [Гриф 1914, с. IV—V].

¹⁶ Серафима Брюсова, в то время студентка медицинского факультета 2-го Госуниверситета.

¹⁷ Мать Александра Яковлевича.

В начале 1922/23 учебного года Археологический институт был преобразован в археологическое отделение факультета общественных наук (ФОН) Московского университета. Туда А. Я. Брюсов и поступил осенью 1922 г. Он специализировался по доисторической археологии; окончил университет в 1925 г.

Впоследствии А. Я. Брюсов занимался историей племен Европейской части России эпохи неолита и бронзы; нашел и частично раскопал древние поселения вблизи онежских и беломорских петроглифов (святилище у Бесовых Следков, Бесов Нос, Кладовец, Черная речка и др.), которые считал синхронными наскальным рисункам. В 1934 г. он организовал специальную экспедицию на восточный берег Онежского озера для документирования петроглифов Бесова Носа и Кладовца. В 1940 г. опубликовал работу по истории древней Карелии.

В 1945 г. А. Я. Брюсов возглавил группу по поиску и спасению культурных ценностей в г. Кенигсберге, в том числе знаменитой Янтарной комнаты.

Вместе с нашими войсками в город вошла специальная группа под руководством профессора А. Я. Брюсова (родного брата поэта Валерия Брюсова), который был обязан, переодевшись в военную форму, искать, спасать и вывозить все культурные и исторические ценности, находящиеся там. Большую помощь в этом ему оказал доктор Альфред Роде, который остался в городе с женой, отправив детей в Германию <...> Зная, где находятся еще не погибшие от бомбежек и штурма ценности, он указывал места их захоронения, так как после первых бомбежек немцы стали их упаковывать и прятать. Таким образом тогда были обнаружены в подвалах замка и по различным бункерам уже упакованные готовые к отправке большое количество картин и других ценных коллекций, однако Янтарной комнаты нигде не было.¹⁸

События этих дней описаны в дневнике А. Я. Брюсова¹⁹.

После войны профессор А. Я. Брюсов вернулся к научной деятельности, опубликовал ряд научных работ, среди которых «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (1952) и «Восточная Европа в III тысячелетии до н. э.» («Советская археология», 1965, № 2). Писал мемуары (хранятся в РГАЛИ), фрагменты из которых были им напечатаны: «Воспоминания о брате» («Брюсовские чтения 1962 г.», Ереван, 1963), «Из воспоминаний о брате» («Ставрополье», 1964, № 1), «Страницы из семейного архива Брюсовых» («Ежегодник ГИМ. 1962», М., 1964), «Литературные воспоминания» («Север», 1965, № 4).

М. И. Воронцова, Н. Н. Перцова

Основные источники: ЦИАМ, ЦАГМ, [РП:1800, т. 1]. Фото А. Я. Брюсова: ок. 1904, ЦИАМ.

¹⁸ См. [Бронштейн 2004, с. 163–164].

¹⁹ «Кенигсбергский дневник» А. Я. Брюсова и его отчет о командировке в Восточную Пруссию хранится в ГАРФ.

* * *

Вечернихъ, темныхъ ивъ осеннее убранство,
Закатный солнца лучъ на темномъ камышѣ.
А я плыву впередъ въ безмолвное пространство,
И вновь печаль растеть въ измученной душѣ.
Прошли года. Я плыть безцѣльно, безнадежно,
Едва держа въ рукѣ тяжелое весло,
И слышать я сквозь сонъ, какъ лодку неизбѣжно
Въ открытый океанъ волною унесло.
И вздрогнулъ я, схвативъ рукой за руль тяжелый,
Поставилъ паруса. Съ попутнымъ вѣтромъ въ даль!
И вѣтеръ набѣжалъ безумный и веселый,
И замерла на мигъ безликая печаль.
Но страшень мнѣ просторъ и волнь размахъ широкой,
И послѣ темныхъ дней слѣпить глаза заря.
О, если бѣ снова плыть заснувшюю осокой!..
И пали, зазвенѣвъ, глухіе якоря.
И вотъ стою теперь безвольный, ослѣпленный —
Отрѣзанъ путь назадъ тяжелымъ ходомъ водъ, —
Пока не дрогнетъ цѣпь, и вѣтеръ разъяренный
Съ заснувшихъ якорей, гремя, меня сорветъ.

<1907>

[Брюсов А. 1907а, с. 36]

* * *

Какъ непривѣтливо ты встрѣтилъ, югъ, меня:
Юнь взглянулъ въ лицо холоднымъ, зимнимъ взглядомъ,
А волны пѣнились, сшибаясь и звеня,
И брызги падали сверкающимъ каскадомъ.
Дрожащій тентъ сорвалъ и бросилъ въ морѣ шквалъ,
А мы неслись впередъ сквозь вѣтеръ, дождь и тучи,
Мгновенно падая въ открывшійся провалъ,
Взбѣгая бѣшено на пѣнистыя кручи.

И каждый мигъ валы сливались и росли,
И вѣтеръ билъ въ лицо, чѣмъ дальше<,> тѣмъ жесточе;

Но, наконецъ, огни сверкнули намъ вдали,
 Мы въ гавань мертвую вошли среди полночи.
 А утромъ катера забѣгали кругомъ,
 Устало двигались по палубѣ матросы.
 Надъ моремъ пѣнистымъ, касаясь волнъ крыломъ,
 Скользили медленно и плавно альбатросы.

<1907>, *Fremantle. Australia.*

[Брюсов А. 1907б, с. 101]

ВЕЧЕРЬ.

Я иду путемъ кремнистымъ
 Подъ немолчный трескъ цикады.
 Въ небѣ пламенномъ и чистомъ
 Гаснетъ огненный закатъ.
 Скрою стыдъ въ душѣ и гневъ я:
 Все минувшее — какъ сонъ.
 Наклоненныя деревья
 Кроетъ пурпуръ и виссонъ.
 Молкнуть отзвуки проклятій,
 Я припаль къ землѣ съ мольбой.
 Въ небѣ огненныя рати
 Пляшутъ пьяною толпой.

<1907>

[Брюсов А. 1907б, с. 102]

* * *

Я въ хламъ выискалъ заржавленныя латы,
 Да старый щитъ съ поломаннымъ мечомъ,
 Да мѣдный шлемъ изрубленный, измятый,
 Съ большимъ отрепаннымъ, надломленнымъ перомъ.

И вотъ, какъ рыцари, надѣвъ свои доспѣхи,
 Я въ городъ выѣхалъ на старомъ скакунѣ;
 Дивясь, прохожіе тѣснились въ дикомъ смѣхѣ,
 Прижавшись къ низенькой, бревенчатой стѣнѣ.

Я выѣхалъ окраиной за городъ,
 Плетусь впередъ къ измѣнчивой мѣтѣ;
 И давить грудь тяжелый мѣдный воротъ,
 И свѣтъ дрожить на латахъ и щитѣ.

Встрѣчайте путь мой руганью и смѣхомъ;
 Мнѣ дѣла нѣтъ до вашихъ мертвыхъ словъ.
 Мнѣ вторить лѣсъ своимъ стогласнымъ эхомъ,
 Мнѣ вторить даль игрой колоколовъ!

Не знаю спутниковъ въ дни темной непогоды,
 И въ дождь и въ снѣгъ всегда одинъ... забыть.
 И день за днемъ проходить алчно годы
 Подъ мѣрный стукъ подкованныхъ копытъ.

Всю жизнь плетусь впередъ по бездорожью;
 Мнѣ каждый день — невѣдомъ, дикъ и новъ...
 И пусть весь путь былъ только яркой ложью:
 Я не хочу иныхъ путей и сновъ.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 3–4]

* * *

Я исходилъ весь міръ, всѣ земли, всѣ моря,
 Я выпилъ всю до дна чужбины дальней участь,
 Я ждалъ, вотъ наконецъ въ лицо блеснетъ заря,
 Вотъ встрѣчу радостно я утреннюю жгучесть.

Но всюду тотъ же сонъ, но всюду тотъ же бредъ,
 Тяжелымъ призракомъ вездѣ глядитъ знакомка,
 За ней кровавый слѣдъ, за ней кровавый слѣдъ,
 И смѣхъ ея звучитъ неумолимо громко.

И если здѣсь до тучъ воздвигнуты дома,
 И если здѣсь глядятъ царапатели неба,
 То тамъ мертвить тѣла безумная чума,
 И жалокъ крикъ раба подъ мягкой шиной кѣба.

Скрываютъ темный грѣхъ могилы-рудники,
 Чтобъ веселѣй плясать вамъ было въ старомъ замкѣ.
 Гремятъ восторженно визгливые смычки;
 Подъ ихъ звенящій плескъ кричатъ самцы и самки.

Они поютъ стихи и шепчутъ о любви;
 Имъ веселье шумъ и блескъ: они танцуютъ нынче.
 Но руки ихъ въ крови, но руки ихъ въ крови;
 Не вы ль вчера раба вѣнчали лентой Линча?

Я исходилъ весь мѣръ, я видѣлъ всѣ огни,
 Но гдѣ бы я ни шель, но гдѣ бы я ни плавалъ,
 Я слышалъ тотъ же крикъ: «Распни его, распни!
 Будь проклятъ бѣлый дьяволъ!»

New-ork. <1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 7–8]

* * *

Едва мелькнула мысль о чудѣ,
 Какъ стало вновь вокругъ темнѣй;
 И я лежу на алчной груди
 Дождемъ обрызганныхъ камней.

Гдѣ прежній блескъ тяжелыхъ копій?
 Безсильно падаетъ рука.
 По небу рядомъ снѣжныхъ хлопій
 Плывутъ слѣпя облака.

О, если бь снова плыть безъ цѣли,
 Поднявъ глухіе якоря,
 И вторить окликаемъ метели
 Свободной пѣсню дикаря!

Такъ день за днемъ по бездорожью
 Въ мгновенной смѣнѣ странъ и лицъ;
 И пасть къ послѣднему подножью,
 Встрѣчая блескъ ночныхъ зарницъ!

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 9]

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Въ блескъ праздничнаго гула
 Нынче съ ранняго утра
 Отъ Галаты до Стамбула
 Пробѣгаютъ катера.

Тамъ въ мольбѣ благоговѣно
 Нищій дервишъ палъ къ землѣ,
 Тамъ за столикомъ въ кофейнѣ
 Курятъ пьяный наргилѣ.

Вдоль до Пѣра всплески гула.
 Нынче съ ранняго утра
 Отъ Галаты до Стамбула
 Пробѣгаютъ катера.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 10]

ЕГИПЕТЪ.

Неумолимый блескъ полуденнаго солнца,
 Бросаетъ отсвѣтъ огненный песокъ,
 Привѣтствую тебя, какъ стараго знакома,
 Давно желанный мнѣ Востокъ!

Такъ мнѣ близка безмѣрная пустыня,
 Такъ ясенъ мнѣ твой взглядъ, Абу-эль-Холь.
 И въ памяти встаетъ и призракъ властелина,
 И годы тяжкіе неволь.

И какъ хранители былыхъ воспоминаній,
 Глядятъ задумчиво отъ пламенныхъ границъ
 Безмолвные ряды гранитныхъ зданій,
 Какъ стая вѣщихъ птицъ.

Но дѣти-варвары разбили стѣны храма,
 Песокъ засыпаль падшіе гроба,
 Но слово мертвое, родясь въ дому Харкама,
 Не стало истиной раба.

Да, вотъ онѣ, святыни бога Солнца,
 Все, что влекло, что жило лишь вчера.
 Привѣтствую тебя, какъ старого знакомца,
 Могила бога Ра!

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 11–12]

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Огненный отблескъ заката
 Глянулъ сквозь черень стволовъ,
 Снова ищу я возврата,
 Цѣпи мелькающихъ словъ.

Помню я часъ предзакатный,
 Красныя волны вдали,
 На морѣ черныя пятна,
 Контуръ дальней земли.

Вечеръ послѣдній, прощальный,
 Завтра родная земля!
 Слово нагѣвъ погребальный,
 Всплески о бортъ корабля.

Въ быстромелькающей смѣнѣ
 Мысли, слова — какъ кошмаръ.
 На морѣ черныя тѣни
 Гасятъ закатный пожаръ.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 15–16]

НА РЪКѢ.

Темный берегъ волною опѣнить,
 Разобьется о камни стекло,
 Но привычной рукѣ не измѣнить
 Кормовое весло.

Промелькнутъ густолѣсныя горки,
 Промелькнетъ частоколь деревень.
 Вдоль села протянулись задворки,
 Полусгнившій плетень.

Мигъ прожитый осмѣянь, изшучень,
 Вся минувшая жизнь вдалекѣ.
 Подъ скрипѣнье кленовыхъ уключинъ
 Я плыву по рѣкѣ.

Вольной пѣснью я вторю метели,
 Вольной пѣснью встрѣчаю закатъ.
 Загорѣлись пушистыя ели,
 Золотой листопадъ.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 17–18]

ОСЕНЬ.*(Посв. Муни и Ходасевичу).*

Большая комната. Осенний садъ въ окнѣ.
Шуршатъ старинные, потертые обои,
И каждый вечеръ здѣсь въ заснувшей тишинѣ
Мы сходимся нерадостные трое.

Мы каждый вечеръ здѣсь въ заснувшей тишинѣ
Знакомыя слова твердимъ, до утра споря.
Большая комната. Осенний садъ въ окнѣ.
И дождь стучить въ окно, осенней вьюгѣ вторя.

Осенний дождь стучить въ дрожащее стекло.
И мысли и слова нерадостны и грубы.
А черепъ со стола насмѣшливо и зло
Оскалилъ мертвые, отточенные зубы.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 27]

ОДНОМУ ИЗЪ СПУТНИКОВЪ.

Но славлю жизнь за то, что я не старъ
И не герой въ театрѣ марionетокъ.

В. Х.

Мы шли по неровнымъ ступенямъ
Въ глубины тюремнаго свода,
Мы знали, что клятвѣ измѣнимъ,
Что нѣтъ намъ отсюда исхода.

Восторженно въ глуби провала
Ты бросился съ факеломъ дымнымъ
И звалъ меня въ блескъ карнавала
Молитвенно радостнымъ гимномъ.

Но смотреть въ забытую просинь
Былыя мечтанныя клятвы;
А мысли, что въ позднюю осень
Колосья несобранной жатвы.

Я бросилъ далеко оковы,
Отторгнулъ невластные чары.
Свободень! и снова, и снова
Я съ вами, о волны Сансары.

Какъ въ морѣ открытомъ, не знаю,
Куда и откуда плыву я.
Я вольныя волны встрѣчаю,
Со встрѣчнымъ безумцемъ ликуя.

Я вышелъ изъ тьмы подземелья,
Изъ цѣпи танцующихъ масокъ.
Да здравствуетъ пьяность веселья
И блески предутреннихъ красокъ.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 30–31]

ВЪ ДОЖДЬ.*Посвящ. Л. Г. С.*

Рядъ фонарей убѣгаетъ въ пространство,
Глухо безшумно скользимъ мы впередъ.
Улицы людной и шумной убранство
Отсвѣтъ особый толпѣ придаетъ.

Даль исчезаетъ въ лучистомъ туманѣ,
Въ немъ расплываются пятна огней.
Страшны фасады задумчивыхъ зданій,
Длинные, скользкія цѣпи камней.

Камни и камни! Холодные камни,
Узко замкнутый дождемъ кругозоръ.
Сквозь пелену, словно издалека, мнѣ
Взглядомъ отвѣтили доврѣчивый взоръ.

Нѣтъ, не ищи во мнѣ прежнихъ желаній!
 Сразу мнѣ стала ты какъ-то чужда.
 Въ темномъ стремленіи невольныхъ исканій
 Новыхъ мечтаній ползеть череда.

Камни и камни. Холодные камни,
 Узко замкнутый дождемъ кругозоръ.
 Сквозь пелену, словно издалека, мнѣ
 Свѣтитъ забытый, отторгнутый взоръ.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 32–33]

ТРИОЛЕТЫ.

Посвящ. З. А. Т.

1.

Прошли безумья пьяныхъ весень,
 Минули дни случайныхъ встрѣчь,
 И сквозь темнѣющую просинь, —
 Прошли безумья пьяныхъ весень, —
 Кроваво-мертвенная осень
 Возносить заостренный мечъ.
 Прошли безумья пьяныхъ весень,
 Минули дни случайныхъ встрѣчь.

2.

Мятель поетъ привѣтъ прощальный
 Среди чернѣющихъ вѣтвей.
 Встрѣчая пѣсней погребальной,
 Мятель поетъ привѣтъ прощальный,
 И слышенъ мѣрный и печальный
 Далекій благовѣстъ церковей.
 Мятель поетъ привѣтъ прощальный
 Среди чернѣющихъ вѣтвей.

3.

Я, узникъ каждой новой встрѣчи,
 Забылъ просторъ родныхъ степей,
 Склоняя скованные плечи,
 Я, узникъ каждой новой встрѣчи,
 Ловлю мелькающія рѣчи
 Подъ мѣрный звонъ моихъ цѣпей.
 Я, узникъ каждой новой встрѣчи,
 Забылъ просторъ родныхъ степей.

4.

Стою закованный, безвольный,
 Впивая ядъ мгновенныхъ словъ,
 Съ печалью тихой и безбольной
 Стою закованный, безвольный,
 И слышенъ дальней колокольни
 Тяжелый звонъ колоколовъ.
 Стою закованный, безвольный,
 Впивая ядъ мгновенныхъ словъ.

5.

Смотрю за узкую рѣшетку
 Съ глухой покорностью раба<,>
 Судьба мгновенье дѣлитъ четко,
 Смотрю за тонкую рѣшетку,
 Свершайся радостно и кротко
 Судьбы владычной ворожба.
 Смотрю за тонкую рѣшетку
 Съ глухой покорностью раба.

<1907>

[Брюсов А. 1907в, с. 34–36]

МЕЛОДИЯ.

Не знаю почему такъ глубоко и четко
 Мнѣ въ сердце врѣзался осенній тусклый день.
 Надъ мутнымъ озеромъ мелькающая тѣнь
 И медленно влачившаяся лодка.

Кругомъ надвинулись ряды угрюмыхъ дачъ,
 Давно заброшенныхъ, покинутыхъ, печальныхъ.
 Насмѣшкой жуткою звучалъ съ деревьевъ дальныхъ
 Грачей испуганныхъ стогласый хриплый плачь.

И въ этомъ судорожно быстромъ увяданьи
 Среди краснѣющей отъ холода листвы
 Безслѣдно рушились послѣднія мечтанья,
 И мысли были такъ печальны и мертвы.

Тяжелая, безформенная осень,
 Въ пурпурно-черный кутаясь уборъ,
 Глядѣла въ чернь прогалинь между сосенъ<,>
 Глядѣла въ глубь подернутыхъ озеръ.

А мысль была усталой и безвольной,
 Надъ сердцемъ властвовала глубокой, мутный сонъ.
 И тяжело съ далекой колокольни<>
 Звучалъ размѣренно печально-гулкой звонъ.

<1907>

[Брюсов А. 1907г, с. 43–44]

ВОЕННЫЯ ПѢСЕНКИ.

1. ЧАСОВОЙ.

«Разлука, ты, разлука,
 Чужая сторона».

Желѣзная рѣшетка;
 Кругомъ не видно зги.
 Увѣренно и четко
 Звучать мои шаги.

Я помню вечеръ мая.
 Душѣ страдать не въ мочь!..
 Ходи вокругъ сарая,
 Ходи и день, и ночь.

Весеннія зарницы,
 Весенняя рѣка!..
 Смыкаются рѣсницы,
 Болитъ моя рука.

Ахъ, помню я, головка
 Прижалась горячо!..
 Проклятая винтовка
 Нарѣзала плечо.

Минувшая измѣна,
 Рѣка и ветхій мостъ!..
 Еще не скоро смѣна
 Придетъ на этотъ постъ.

Я помню вечеръ мая.
 Душѣ страдать не въ мочь!..
 Ходи вокругъ сарая,
 Ходи и день, и ночь.

2. НА ПЕРЕДНЕМЪ ПОЛѢ.

«Рота, смирно!»

Въ полѣ ротное ученье,
 Повороты и равнение:
 «Рота, смирно! Рота... стой!»

Это, братъ, тебѣ не Бебель!
 Ходить гоголемъ фельдфебель,
 Неженатый, холостой.

Толстый унтеръ вдоль заборовъ
 Гонить стадо вольноперовъ
 И краснѣть, какъ кумачъ.

Все давнымъ-давно знакомо,
 Отъ ружейнаго приѣма
 До тактическихъ задачъ.

3.

НАРУЖНЫЙ ДНЕВАЛЬНЫЙ.

У нелѣпой, пестрой будки<>
Старый сторожъ, у воротъ,
Жду, когда минуютъ сутки
И закончится разводъ.

Промелькнулъ зеленый капоръ.
«Эй, товарищъ, не зѣвай!»
Увивается подпрапоръ,
Помогаеъ сѣсть въ трамвай.

Ночь. Морозить. Путь нетрудный.
Да жестоко ноетъ зубъ.
Несмотря на запахъ нудный,
Молча<> кутаюсь въ тулупъ.

Я смотрю на эти стѣны,
На скучающій дозоръ.
Полчаса еще до смѣны
Мнѣ стеречь пустынный дворъ.

Закурилъ бы папироску,
Да далеко лѣзть въ карманъ.
Словно въ каменную доску
Бьетъ въ казармахъ барабанъ.

Это значить, скоро кто-то,
Какъ сегодня и вчера,
Охранять придетъ ворота
Мнѣ на смѣну до утра.

4.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ МАРШЪ.

«Къ церемониальному маршу...<>»

Подъ звонкій маршъ изъ оперетки,
Подавшись корпусомъ впередъ,

Идемъ, живыя статуетки,
Сдавивъ прикладъ и стиснувъ ротъ.

Давно у всѣхъ натерты ноги,
А въ горлѣ жесткій пыльный комъ;
Но, какъ языческіе боги,
Стоять линейные съ значкомъ.

У всѣхъ воинственные лица,
У всѣхъ одинъ привычный жестъ.
А сколько было «репертицій»?
А сколько сѣло подъ арестъ?

Изъ нихъ, быть можетъ, половина
И въ строй не встанетъ поутру;
Зато какая дисциплина!
Какой порядокъ на смотру!

5.

НА РАЗВѢДКАХЪ.

Мы полземъ росистой нивой;
Мы полземъ густой травой;
«Тише! Мимо! Вдоль обрыва!»
А вверху, надъ головой,
Неподвижный и лѣнивый,
Тупо дремлетъ часовой.

«Стой! Держи!» Шумить застава,
Замелькали огоньки;
Ищутъ, ищутъ: слѣва, справа
Блещутъ тонкіе штыки.

Все избѣгнуто счастливо;
Мы полземъ назадъ травой;
Вдоль опушки, вдоль обрыва,
А вверху надъ головой,
Неподвижный и лѣнивый,
Тупо дремлетъ часовой.

Воть прилизанный и чистый<>
 Ротный дремлет за избой.
 И играют сигналисты
 Заключительный отбой.

1912.

[Брюсов А. 1914, с. 36]

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

<ОТРЫВОК>

Литературная среда того времени была довольно пестрой. Существовало резкое противоречие между Москвой и Петербургом. Провинция в счет не шла. Помимо больших основных групп, вроде бывших «русских символистов», объединенных вокруг издательства «Скорпион» и издававших журнал «Весы», помимо «Сред», объединенных вокруг издательства «Знание», помимо «кубо-футуристов», «эго-футуристов», «акмеистов» существовало также множество школ и школок, изобретавших для себя не столько названия, сколько клички. Была даже группа из двух поэтов, именовавших себя «Арбалетчиками господ бога», о которых жена писателя Б. Зайцева Вера Алексеевна метко заметила, что лучше бы им называться олухами царя небесного.

Несмотря на такую дробность, почти все литераторы встречались друг с другом, то на заседаниях литературно-художественного кружка по «вторникам», или по «средам» — на собрании общества «Свободной эстетики», то на частных приемах. Несколько особняком стояла группа, объединенная вокруг издательства «Знание», но и из них некоторые (Б. <К>. Зайцев и И. А. Бунин) постоянно присутствовали в литературно-художественном кружке.

Заседания литературно-художественного кружка, происходившие в зале востряковского дома на Большой Дмитровке, собирали много посетителей. За большим столом на эстраде восседали директора кружка и почетные лица. Сама эстрада была заполнена «оппонентами», то есть теми, кому кружок выдавал особые годовые билеты на эти «вторники»; предполагалось, что они выступят хотя бы раз-два в год по тому или другому докладу как официальные оппоненты. В противном случае им на следующий год могли отказать в выдаче билета. Волей-неволей приходилось говорить.

Более ограниченным был круг посетителей общества «Свободной эстетики». На одном таком собрании выступил с программной речью

основатель европейского футуризма Маринетти, приехавший в то время из Италии в Москву. Против его концепции очень резко выступал В. Маяковский.

Я и Койранский имели в литературно-художественном кружке «оппонентские годовые билеты». Неукоснительно посещали все «вторники» и «среды», но докладов обыкновенно не слушали, а уходили играть на бильярде. В зале заседаний мы появлялись в самом конце доклада, выслушивали его и... выступали в прениях. Все это сходило нам с рук и, окрыленные таким успехом, мы решили однажды совсем не слушать доклада и все-таки выступить по нему. Уговорились, что на какую бы тему ни был доклад, говорить в выступлениях о боге и дьяволе.

В тот день, когда нам нужно было осуществить свое намерение, доклад делал И. А. Бунин на тему о «Золотой легенде Лонгфелло». Мы, как уговорились, до конца доклада не выходили из бильярдной, а во время перерыва после доклада записались на выступления и выступали первыми. Уж не помню, как мы вышли из положения и каким образом сумели связать «Золотую легенду Лонгфелло» с вопросом о боге и дьяволе. А так как мы наболтали, вероятно, порядочно несуразностей, то возмущенный Валерий выступил против нас с громовой речью. Увлечшись спором с нами, он не обратил внимания на то, что полемика, в сущности, не имеет никакого отношения к Лонгфелло. То же произошло с остальными выступавшими. В итоге о Лонгфелло в прениях не было сказано ни слова. Велись только споры о боге и дьяволе.

Весьма раздосадованный И. А. Бунин был единственным человеком, который догадался о нашей проделке. По окончании заседания, когда все мы отправились в ресторан клуба ужинать и сидели за общим столом, он стучал по столу и гневно говорил: «Это они нарочно сделали!»

Кстати, мое первое знакомство с И. А. Буниным произошло у Б. <К>. Зайцева. Как обычно, присутствующие читали свои последние произведения. И. А. Бунин читал тоже и между прочим стихи о том, как араб совершает вечерний намаз в пустыне и вместо отсутствующей проточной воды умывается «холодеющим песком». При обсуждении я заметил ему, что описание это очень неудачно, так как к вечеру песок в пустыне настолько накаляется, что в нем можно печь яйца. Очень обиженный И. А. Бунин, откинувшись на стуле, язвительно спросил: «А вы, дорогой мой (обычное его обращение к собеседнику), бывали когда-нибудь в пустынях?» На это я ему ответил, что «в пустынях» я не бывал, но в Сахаре побывать довелось. Позднее И. А. Бунин регулярно бывал на моих приемах.

[Брюсов А. 1965, с. 133–134]

27.IX / 9.X 1888, Москва — 15.III 1938, Москва, в заключении

Николай Иванович Бухарин — экономист, философ и социолог, до ареста один из руководителей Советского государства: член ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б), один из вождей Коммунистического Интернационала, член Президиума Исполкома Коминтерна, член ЦИК СССР, редактор газеты «Правда», главный редактор газеты «Известия», действительный член АН СССР. В 1907—1911 гг. учился на юридическом факультете Императорского Московского университета. После революции преподавал исторический материализм на факультете общественных наук Московского университета.

Н. И. Бухарин родился в Замоскворечье, на Большой Ордынке. Его мать, Любовь Ивановна, в девичестве Измайлова, — учительница.

Происходила из военной среды, была умной волевой женщиной, окончила институт благородных девиц. Отец, Иван Гаврилович Бухарин, — выпускник физико-математического факультета Московского университета, школьный учитель. Он был отличным знатоком русского языка и особенно математики; умел умножать в уме, не записывая, многозначные числа. Честнейший и мягкий по характеру человек, он был из тех интеллигентов, которые полагали, что можно быть на царской государственной службе и не брать взятку. Это осложняло его жизнь, когда он служил податным инспектором в г. Бельцы (Бессарабская губерния), выделяло его в чиновничьей среде, где считали его чуть ли не юридивым и относились к нему снисходительно.

Трое из шестерых детей Бухариных (Андрей, Ваня и Катя) умерли в детстве; ко времени революции в живых оставались Николай, Владимир и Петр. Петр Иванович (младший) служил в Красной армии и погиб от тифа на Туркестанском фронте в 1919 или в 1920 г. Владимир Иванович — инженер по образованию, беспартийный, работал в текстильной промышленности, был одним из первых «красных директоров». Как брат Николая Бухарина он был арестован 3.XI 1939 г. органами НКВД и 17 лет провел в ГУЛАГе. В лагере он вместе с заключенными создал суконное предприятие по изготовлению одеял. Выжил, вернулся к семье и дожил почти до 90 лет. Опубликованы его мемуары «Памятные записки».

Николай Иванович, который был старше Владимира на два года, ранние годы провел в уездном городишке Бельцы. С детства он был увлечен окружающей его природой, с жадностью впитывал цветы и звуки, краски и лучи, мир животных — птиц и насекомых. Эти детские впечатления обогатили его и легли в основу развившейся в будущем глубокой художественной натуры. Начав читать с 4-х лет, он читал все, что попадалось: прозу и поэзию, литературу светскую, научную и богословскую, увлекался греко-латинской мифологией и

героикой. Не проходили мимо его восприятия подвиги, слова о свободе, намеки на возможность иной жизни. Читая, он много размышлял и дошел, как он сам вспоминал, «своим умом до полнейшего безверия»; по-мальчишески озорно богохульствуя, он удивлял и пугал окрестных ребятишек. Отец говорил о Николае: «способности были немалые, но характер податливый, мягкий — зато веселый и общительный». Увлекался Николай рисованием карандашом и углем; наставником его был учитель рисования Михаил Самойлович Келлат, окончивший Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Блестяще окончив школу и предварительно подготовившись по латыни, Николай поступил во 2-й класс I Московской мужской гимназии (директор И. О. Гобза), находившейся против Храма Христа Спасителя. Увлекался греческим языком, историей греко-римского мира, уроками рисования. Много читал, анализировал прочитанное, на все возникающие вопросы искал ответ самостоятельно — в библиотеках, в словарях, у философов. В школьные годы дружил с Ильей Эренбургом, который, как только это стало возможным (в печати имя Н. И. Бухарина долго было непроизносимым), писал о нем:

Героем моего отрочества был Николай Иванович Бухарин, <...> веселый, порывистый, с любовью к живописи и поэзии, с юмором, не покидавшим его в самое трудное время. <...> О нем я вспоминаю с волнением, с нежностью, с благодарностью — он помог мне не в понимании того или иного труднейшего вопроса, он мне помог стать самим собой. <...> Бухарин был весел и шумен. <...> Прошло почти 60 лет. Я помню только озорные глаза Николая и слышу его задорный смех <...> он не только разбирался в партийных дискуссиях, не только одолел политическую экономию, он знал философию, историю, словесность. Он объяснял мне, в чем величие и в чем ошибки Гегеля, каково значение древнекитайской культуры, почему протопоп Аввакум стал большим писателем. Все это не мешало ему быть точным, деловым в подпольной работе. Спорил он добродушно, но спорить с ним было опасно: он ласково вышучивал противника <...>

Окончив гимназию с золотой медалью, в 1907 г. Николай Иванович поступил на экономическое отделение юридического факультета Московского университета и учился, совмещая учебу с партийной работой (в большевистскую организацию вступил в 1906 г., в 17-летнем возрасте). Начиная с 1909 г. его неоднократно арестовывали. Любопытно, что даже при аресте Московское охранное отделение 25 июня 1909 г. среди особых примет арестованного отмечает: «Выражение лица — веселое». В конце 1910 г., за несколько месяцев до выпускных экзаменов, Николай Бухарин был арестован (в 1911 г. исключен из университета) и после шести месяцев заключения в тюрьме выслан из Москвы в Архангельскую губернию, откуда ему удалось бежать — он попадает в Германию, в Ганновер.

В период шестилетнего пребывания в эмиграции Николай Иванович жил и работал среди социал-демократов Германии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании и Америки. Он в совершенстве овладел иностранными языками — немецким, английским и французским. Он читал Гейне и Канта по-немецки, Мольера и Монтескье по-французски, древнеримских поэтов на латинском, трагедии

Эхсила на древнегреческом. Энциклопедическая образованность, великолепная память, склонность к анализу и обобщениям позволили ему впоследствии, в тюремных условиях, при полной безысходности и нависшей смертельной угрозе выстоять, отвлечься и сохранить свое человеческое достоинство. В эмиграции состоялась первая встреча Бухарина с В. И. Лениным; он сохранял безграничную преданность Ленину и дружеские отношения с ним вплоть до смерти вождя.

Незаурядным, высокоодаренным человеком был Николай Иванович. Он мог посвятить свою жизнь искусству, стать профессиональным художником, но стал политическим деятелем, всецело преданным революции. Однако его эмоциональная натура постоянно, в течение всей его жизни, проявлялась в живописи. Маслом на холсте он рисовал пейзажи (это был его любимый жанр) везде, где ему приходилось бывать: на Кавказе (с А. И. Микояном и женой, Э. И. Гурвич, в 1923 г.), в альпинистском походе на Эльбрус (1934 г.), в Крыму, на Алтае, на Памире, в Подмосковье. Известны его шаржи и карикатуры; некоторые из них опубликованы¹. В Доме на набережной в период арестов картины (более 60 холстов) были сложены штабелями у двери запечатанной комнаты, и судьба их неизвестна; в семье, у дочери и сына Николая Ивановича, сохранилось лишь несколько картин, карандашные наброски, рисунки.

Известно, что в первые послереволюционные годы Бухарин признавал насильственные меры как временную неизбежность, основываясь на том, что в любые времена внедрение нового, не всегда понятного, вызывает сопротивление, которое приходится преодолевать. Но уже в 1919 г. он пытался ослабить террор, а в 1924 г. писал Ф. Э. Дзержинскому: «Я считаю, что мы должны скорее переходить к более “ЛИБЕРАЛЬНОЙ” форме Соввласти» (выделено Бухариным). Он мечтал о «превращении всего человеческого общества в трудовое товарищество равных и свободных людей», о том, что «принуждение в какой бы то ни было форме исчезнет раз и навсегда». В 1920-х годах Бухарин пользовался непререкаемым авторитетом, особенно среди партийной молодежи. С массой эпитетов было связано его имя: «любимец партии» (ленинские слова), «теоретический Геркулес», «золотое дитя революции». Он свято верил в утопию «человека-творца».

В 1928–29 гг. Бухарин решительно выступил против сталинской насильственной коллективизации, которую оценил как «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства». Он был объявлен оппортунистом, лидером «правого уклона». Развернутая кампания против «правых» закончилась трагически. Бухарин был арестован 27 февраля 1937 г. и расстрелян 15 марта 1938 г. Только после полной политической, партийной и академической реабилитации в 1986 г., спустя полвека, имя Николая Ивановича было возвращено отечественной истории: изданы его сочинения, «рассекречены» его труды, созданные во внутренней тюрьме на Лубянке в 1937 г. и извлеченные из личного архива Сталина.

Тюремные рукописи Бухарина, впервые опубликованные в 1996 г., обширны — это четыре книги: «Социализм и его культура» (12 глав), «Философские арабески» (40 глав), автобиографический роман «Времена» и «Томик стихов».

¹ См. [Бухарин 1993, Бухарин 2003]; Родина, 1997, № 7; Итоги, 2001, № 18 (256); Forum. Köln, Weimar, Wien: Behlau Verlag, 1998, 2. Н. 2.

Случилось так, что философские труды Николая Ивановича стали известны в то время, когда уже не существовало ни СССР, ни ВКП(б), ни массового интереса к марксизму.

Бухарин не был поэтом, но он знал и любил поэзию во всем ее многообразии, ратовал за свободу творчества. В поэзии он ценил богатство мыслей, часто даже философских (выделял бельгийского поэта Э. Верхарна), проблем, культуры. Яркий публицист, идеолог-романтик, он в своей речи на I Всесоюзном съезде советских писателей «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» (август 1934 г.) выступал против лозунговой элементарности, наивной упрощенности и поверхностности художественного содержания и эстетической формы произведений. Бытует мнение, что Бухарин «громил» любимого и почитаемого многими поэта Сергея Есенина, и этого не могут ему простить. На самом деле критиковал Бухарин не талантливого Есенина, стих которого «звучит нередко как серебряный ручей», а его позицию — воспевание Руси кабацкой, пьянства, разгула, — такая позиция была для него неприемлемой.

Цикл стихотворений, созданный Бухариным в тюремных условиях, в стенах Лубянки, стал неожиданным открытием для тех, кто получил доступ к сверхсекретным правительственным архивам. Тетрадь стихов содержится в Особой папке «ЦК КПСС. Политбюро» [ф. 3, оп. 24, д. 428] и озаглавлена «Преображение мира» (65 стр.). Тематически стихи разделены на 6 серий, которые объединены автором как «стихи о веках и людях». Почти все стихи датированы, часто с пометкой «ночью». Первое из стихотворений, «Праматерь-природа», написано в ночь на 26.VI 1937 г.; в эту же ночь создано второе стихотворение, «Новые птицы» (песня о Северном полюсе). Отдельная серия посвящена труду и начинается стихотворением «Освобождение труда» — от труда рабов древнего мира до прославления социалистического труда: «Геройский да здравствует труд!» (ночь — утро 10.VII 1937 г.). В стихотворении «Столица мира» (утро 12.VII 1937 г.) автор вспоминает:

<...> Исчезли сорок сороков <...>
Погибли переулочки,
Глухие закоулочки,
Дома богоугодные,
Дворяне благородные <...>

В эту же серию входят: «Рождение человечества» (12.VII 1937 г.), «Смерть и жизнь» (13.VII 1937 г.), стихи, посвященные Ф. Ницше («Безумный пророк»), Генриху Гейне («Лирическая ирония»), Вильяму Шекспиру («Великий неизвестный»). Великим мастерам культуры посвящены стихи: «Мастер» (Леонардо да Винчи), «Светлая радость» (А. Пушкину), «Храм Славы человечества» (Л. ван Бетховену), Иоганну Вольфгангу Гете. Есть стихи о политических событиях («Окроваченная Испания», «Тернистые пути» — о Китае), философские, направленные против капитализма и, конечно, фашизма, которому Бухарин давал беспощадную оценку: «Фашизм есть величайшее падение культуры, ее варваризация». Сюжеты возникали и сменялись в разгоряченном мозгу узника с необыкновенной

скоростью и лились как «из рога изобилия». Так, в ночь на 15.VII и утром 16.VII 1937 г. написаны стихотворения, посвященные Г. Гейне, Леонардо да Винчи, А. Пушкину, Ф. Ницше. Неумный мечтатель продолжал жить в узнике Лубянки, что видно из его стихов. В большом стихотворении, посвященном проблеме Евразии в связи с геополитическим расположением страны («Европа и Азия»), в поисках пути соединения «европеизма» с культурами восточных народов, Николай Иванович создает картину гуманного социализма: «Фронтом единым пойдут Новый Запад и Новый Восток!». В эту же тетрадь входят стихотворения «Слава жизни», «Творцы машин» и др., а заканчивается она стихотворением «Ночь» (18.XI 1937, л. 126 об.). Это стихотворение — последнее в деле 428.

По свидетельству дочери Н. И. Бухарина Светланы Николаевны Гурвич-Бухариной, существует и вторая тетрадь стихов [АПРФ. Особая папка ЦК КПСС. Политбюро. Ф. 3, оп. 24, ед. хр. 431]: кроме стихов, написанных чисто и четко, в ней много черновых набросков, есть три рисунка человеческих лиц, выполненных тонким пером, чернилами.

Разумеется, стихи Николая Ивановича нельзя оценивать по общепринятым критериям — как вклад в поэзию. У него не было и не могло быть такой задачи, да и времени не было шлифовать свои рифмованные строчки. У него была другая «задача»: находясь за решеткой, оклеветанный, обуреваемый жаждой жизни и хорошо сознающий неотвратимость гибели, он старался не потерять себя, сохранить свое человеческое достоинство и отвлечься от нависшей смертельной угрозы; он бессонными ночами, после изнуряющих допросов, пользуясь своей необыкновенной эрудицией, знаниями, великолепной памятью, обдумывал и рифмовал отдельные эпизоды из истории человечества, подсказанные ему его аналитическим умом.

Дочь Н. И. Бухарина Светлана, ознакомившись со стихами отца, записала:

Стихи, написанные в тюрьме, по ночам!!! — не вершина поэтического мастерства (да и не о нем может идти речь). Но — вершина души, интеллекта, революционного романтизма (сохранил!) и трагедии более высокой и жуткой, чем гибель Гамлета в открытом бою. Читать их можно с гордостью и страданием.

А Отто Лацис, который одним из первых ознакомился с тюремными стихами Николая Ивановича, заметил:

Стихи читать тяжело. Лучшие из них, лирические, — стон бесконечно измученного человека.

Отдельные стихи из «Томика стихов» были опубликованы в [Бухарин 1996] (первая публикация), [Бухарин 2003], [Бухарин 2008а] и [Бухарин 2008б].

Э. Б. Гурвич

МИР ЭЛЕКТРОНОВ

Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим.

Гераклит

Великая догадка Демокрита!
От человека глаз что было скрыто,
Науки точной тонкими приборами,
Отважными ума дозорами,
Навеки у природы отвоевано
И в числовые формулы заковано.

И бездна бесконечности раскрылась,
И тайна мира обнажилась
В размахе многомерного пространства,
Вся роскошь Космоса, его убранство,
Все краски и цвета и звуки,
И человечества все муки,
Основу бытия и жизни
В безмерной электричества отчизне
Имеют из века в века.

И в пальце дурака,
И в мириадах звезд далеких,
В мозгов извилинах глубоких,
Повсюду мчатся электроны,
И позитроны, и протоны,
И хороводы свои водят,
Одно в другое переходит,
Меняет кожу вещества,
В движеньи вечном естества.

Ночь-утро 8-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 996]

БИОСФЕРА

Повсюду жизнь — и жизни сферы.
 Бесчисленных живых существ мирьяды
 Пронесются в частичке атмосферы,
 И в золотой пыли летят монады,
 Что видимы лишь в микроскопа глаз.
 И в капле дождевой заключены миры,
 Сокрытые природою от нас, —
 Им микрокосм несет свои дары.
 Моря наполнены планктоном,
 И каждый кубик океана влаги
 Пропитан, как своим законом,
 Всей музыкой чудесной жизни саги.
 И в каждой горсточке земли
 Кишат и движутся живые точки.
 Повсюду и везде — вблизи, вдали —
 Живого вещества подвижные комочки.
 Земля! Земля! О, малая планета,
 От инфузорий жизньию полна
 Ты до потомков славного Япета.
 И мчишься в космосе, как Творчества волна!

Утро 9-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 996]

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На страшном рубеже весь мир стоит сейчас,
 И колоссальны будут здесь судьбы решенья.
 Бьет капиталу смертный без четверти час
 На башнях вечного забвенья.

В кровопролитных войнах уж не раз
 Могучие сторали поколенья,
 И чрез эпохи донесли до нас
 Пожарищ гарь и запах тленья.

Разрушен, пеплом стал громадный Вавилон,
 И Римом срыт был Карфаген великий,
 Тир, Ниневия, Сузы и Сидон —
 Задушены в войне кроваво-дикой.

И рушились поздно иль рано
 Все исполины крови и обмана.
 Разбился гордый рах Romana
 И Александра Македонца полумир.

И царство грозное монгола Тамерлана,
 И все, что покорил персидский Кир,
 И Карла древняя железная корона,
 И жезл Империи Наполеона.

Напрасно древние мечтали мудрецы
 О светлом будущем, гуманности предтечи —
 И стойки, и ранних сект отцы:
 Тонуло все в крови и шуме сечи.

Космополитов, миротворцев речи
 Перед фашизма дьяволом тлетворным —
 Что пред волками матерыми крик овечий,
 В бою волков сразит лишь меч упорный.

Войне фашистской, зверски-черной
 Навстречу будет двинут бой картечи.
 Конец их ждет смертельный и позорный,
 Венки победы лягут на рабочих плечи.

И черно-золотых богов затмение
 В последнем историческом бою
 Означенует человечества рожденье,
 Объединенного в одну семью.

12-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1001–1002]

БЕЗУМНЫЙ ПРОРОК

(Ф. НИЦШЕ)

Черною манией охваченный пророк
Короны золоченой капитала,
Какой коварный Рок
Из твоего бездумья сотворил начал начала?

Из-под бровей, нависших как кусты,
Сверкает мрачный взор,
На лбу большом морщин мосты,
Как смертный приговор.

Кровавый бред о «воле к власти»,
Об этике господ,
Звериной белокурой касте,
Смиряющей народ.

О дыме, крови и пожарах
И войнах без конца,
О дионисовых угарах
Хищного самца;

Безумный бред сверхчеловека
О черни и рабах,
Что вновь от века и до века
Под ним целуют прах;

Все Заратустры афоризмы
И парадоксов новь,
Изящно-тонкие софизмы, —
Все превратилось в кровь.

И не случайно то, что ныне
Разбой, Войну, Порок
Благословил в своей гордыне
Безумия Пророк.

13-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 999]

МАСТЕР

(ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ)

Могучий мастер всех времен,
Универсальный ум.
Средь светлых гениев колонн
Изящный многодум,
Поклонник тонких инструментов
И точных числ и мер,
Обдуманых экспериментов
Художник-инженер,
Он математику кривых
И оптики расчеты,
Игру сечений золотых
Слил с гения полетом,
С игрою красок и цветов,
Теней и полусветов
Своих божественных даров,
Фресок и портретов.
Всем он играл и все творил,
Ему знакомы были
И исчисления светил,
Летательные крылья,
И гениального творца
Ударов твердого резца
Над мрамором усилия.
Он строил крепости, дворцы
И городские стены<,>
И мысли слал во все концы
Таинственной Вселенной.
Путей нетоптанных искал
Он в творчестве своем,
Изобретал и наблюдал,
Чертил модели, измерял,
Природы вещество пытал
Железом и огнем.
Узоры плесени сырой,
Причудливых уродцев
Он изучать любил и пил
Из знаний всех колодцев.
Он чрез века на нас стремится

Пытливых взоров зонды
И с нами тихо говорит
Улыбкою Джоконды.

Ночь на 15-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 997]

ХРАМ СЛАВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (Л. ВАН БЕТХОВЕН)

Вчера, Цмескаль, своими проповедями
ты нагнал на меня ужасную тоску. Черт
бы тебя побрал, мне не нужна твоя
мораль. Сила, энергия — вот мораль
людей, выделяющихся среди простых
смертных. Это и моя мораль.

Л. ван Бетховен

Льва
Голова.
Сжаты губы,
Волн, энергии зубы.
Глухой
Звуков титан,
Громов повелитель,
Великан,
Ворвавшийся в Рока обитель,
Страшной силы таран
У трагических Фатума стен,
Грозный вулкан,
Певец перемен,
Железных шагов,
Великих побед
И радостных лет.
Буйный
Крушитель оков,
Страсти неистовый пламень,
Твердости камень.
Многоструйный

Творчества водопад,
Звезд золотых каскад,
Планет небесных хорал.
Он созидал
Гимн всемирной Любви величавый,
Бессмертный Храм Славы
Братьев-людей,
Расплавивших звенья цепей
Свободы огненной лавой.
Гремите, Музыки грома!
Сверкайте, молний изломы!
Теките,
Потоки лавы!
Люди! Идите
В Храм Человеческой Славы!

16-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 998]

ФАРТУК КУЗНЕЦА (ДРЕВНЕЙШАЯ ИРАНСКАЯ ЛЕГЕНДА)

В истоках древности великого Ирана
Жил царь свирепый, именем Зохак.
Кровавою и гнойной раной
Он разъедал страну, как печень рак.
Средь всех царей, коварных свирепейших,
Людей простых топивших в прах,
Не находилось чудовищ злейших,
Чем страшное чудовище, Зохак.
В дворце роскошном или в храме, на базаре
На коромысле двух своих плечей
Всегда носил он отвратительную пару
Узорчатых гигантских змей.
Те змеи были вовсе не простые,
А слуги верные мучителей-царей,
И ели кушанье одно: густые

И свежие мозги удушенных людей.
 По всей стране царил безумья ужас,
 Но в тишине ночей уж зрел отпор:
 Тугой, медлительною мыслью тужась,
 Народ готовил острый на царя топор...
 На свете жил тогда, среди других людей,
 Огромный Кауэ, искуснейший Кузнец,
 Могучий богатырь. Семнадцать сыновей
 Пожрали змеи у него, как волки двух овец.
 И лишь один единственный остался сын,
 Но на него точил уж зубы властелин...
 Собрал кузнец всех рабочих людей,
 С молотками, стамесками, пилами,
 Фартук кожаный свой из шкуры зверей
 Прикрепил он ручищами сильными
 К древку прочному, знаменем сделав
 Свободы великого дела.
 И пошел он храбро в мятежный поход
 Со своим ремесленным людом<,>
 И царя разгромил рабочий народ:
 От смерти тот спасся лишь чудом
 И в страхе к горе Демавенду бежал,
 Но здесь его Феридун приковал
 К вулкану крепкою цепью.
 И весь народ как дитя ликовал,
 Узрев конец лихолетью...

Простой кожаный фартук чтители люди в веках
 Как знамя великой победы.

Но богатые выкрали кожаный стяг,
 Чтоб накликасть новые беды...
 Они знамя простою покрыли парчей,
 Алмазов, сапфиров звездами,
 Рубинами, пурпуром и бирюзой,
 Тяжелой оправы дарами.
 Никто уж поднять тяжкой ноши не мог,
 Никто не видел прежних дорог
 К простому фартуку кузнеца
 За народную долю бойца...

И снова настали лихие года,
 И снова царит над страной нужда.
 Но время придет, и где-то найдет
 Свое знамя Ирана народ?

Утро 20-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1003–1004]

ГНИЛЫЕ ВОРОТА

Еще только воровство может
 спасти собственность, только
 клятвопреступление — религию,
 только прелюбодеяние — семью,
 только беспорядок — порядок
К. Маркс

Ничто не пахнет так мерзко, как
 сгнившая лилия.

Шекспир

Среди болот загнивших мира,
 Срежь дыма черного и вражеских траншей,
 Безумных оргий пьяного сатира —
 Зловонный урожай червей.
 Верлена нежной скрипки пенье,
 То тленья смертный аромат,
 Мистические озаренья,
 Что «Падалью» Бодлера говорят.
 И странная экзотика Рэмбо,
 И черт у Мережковского серьезный,
 И утонченные кошмары По,
 То пятна чумные болезни грозной,
 То на гнилых стволах роскошные грибы,
 Что яд сочат на пиршество судьбы...
 А рядом арлекины и шуты,
 Ватаги наглых акробатов,
 Бездушья сутенеры и коты,
 Сосущие отовсюду сок дукатов,
 Поодаль истощенные мозги
 Академических окаменевших мумий,
 Напыщенной и важной мелюзги,

Тщеславия ходячего безумье.
 Повсюду гниль и гнили слизь.
 Альковное, салонное искусство
 С притоном, с кабаком в один клубок сплелись
 В бессилии больного чувства.
 И вот теперь фашист-герой
 С пустою тыквой-головой,
 Элементарный как полено,
 С собой
 Приносит перемену:
 Жуя жвачку воловью
 Болото осушает... новой кровью.

20-VII-37 г.

[Бухарин 2008, с. 1000–1001]

VANITAS VANITATUM

Vanitas vanitatum et omnia vanitas.
 (Суета сует и всяческая суета.)

Екклезиаст

Считать последним словом мудрости
 сознание ничтожности всего, может
 быть, и есть на самом деле некая глубо-
 кая жизнь, но это — глубина пустоты,
 как она много выступает в античных
 комедиях Аристофана.

Гегель, Х.П.48.

Все — суета сует,
 Все в мире сем ничтожно:
 И счастья привет,
 И море злейших бед,
 И то, что правильно, и то, что ложно.
 Так формулировал премудрый Соломон
 Пессимистический канон.
 Но с равным правом можно
 Все формулировать противоположно
 И воспевать миров величье
 И бесконечности глубинной безразличье...
 Сенека старый утверждал,

Что смерть — предельный идеал,
 А Лейбниц, в философии Панглосс,
 Пел песнь об этом мире,
 Как ученик-портной о короля мундире,
 Расшитом золотом по промыслу Творца,
 Миров зиждителя и всех минад² Отца.
 Но пессимизма философского понос
 То — паразитов в жизни пресыщенье,
 Мозгов усталых Katzenjammer³,
 Тех импотентов наукоученье,
 У коих весь ток жизни замер,
 И измеренье мысли высоты
 Есть измеренье... Пустоты!
 Наивности Панглоссов
 Младенческих запросов
 Не могут разрешить:
 Их только овцам пить...
 И радость, и страданье
 Застрали в складках бытия...
 Не в волнах забвения,
 А в пламенном исканье,
 В преодолении страданья,
 Есть радость высшая Творца,
 Активности, не знающей конца.
 У жизни в ней самой ее же оправданье.
 Не нужно санкций ей иных,
 Аргументов наивных и пустых.

23-VII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1006–1007]

<Из цикла «ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА»>

ЕВРОПА И АЗИЯ

В эру Европы младенчества, яркого света потоки
 Широкою лентой текли на азиатском востоке.

² Возможно, это техническая ошибка или описка автора. Речь идет, видимо, о философском термине «монада». — *Прим. сост.*

³ (*нем.*) похмелье.

Тигр и Евфрат, долины священного Инда и Ганга,
 Руслу Китая великого рек, Хуан-Хе, Ян-Цзе-Кьянга
 Ложем обширным служили культурам старинным,
 Гордо вздымавшим главу к Разума пикам вершинным.
 Древних времен исполин, Вавилон, и Ассур кроважидный,
 Все покоряя вокруг рукою железной и жадной,
 Инженеров, художников, скульпторов и звездочетов
 Вызвали к жизни впервые, мастера искусных расчетов.
 Элам и Иран, финикиян торговое смелое племя,
 Что сеяло в странах далеких колоний пурпурное семя,
 И от Борнео берегов пробиралось вплоть до Немецкого моря
 За янтарем драгоценным, с ветрами и волнами споря, —
 В варваров дикие зѐмли культуру свою завозили,
 Иглами знаний своих Европы детей занозили...
 И в другую эпоху, в сумерках средневековых,
 Арабов культура цвела от Самарканда ворот до Кордовы...
 Но повернулся крутым поворотом круг жизни всемирной,
 В войнах сгорели плоды всей работы столетней и мирной,
 Новых веков развернулся с визгом спирали,
 Новых дел и людей и идей появились скрижали.
 Азии царства седые дремали, и в дрѐме печальной
 В Европе гремел капитала неистовый бег триумфальный,
 Машина, науки, искусство, товары, и пушки, и порох
 Отставших крушили и жгли, точно сена засохшего ворох...
 Во весь оборот еще раз маховик повернулся великий,
 И упал, и задохся в крови императоров — зверь полудикий,
 А за ним полетело в глубокую пропасть веков
 Всё, чем дышат владельцы рук современных рабов,
 И на пространстве огромнейших двух континентов
 Выросла сила, свободная от прибылей и процентов...
 Сила эта — великий объединитель народов,
 Новое тело веков социализм замесил,
 Новой культуры плоды, новых садов, огородов
 Овощи, злаки, цветы любовно он возросстил⁴.
 Запада технику всю, все расчеты, науки, искусства
 Он в переплавку берет, мыслью и делом творя.
 Но у Востока великого, древнего, мыслей и чувства
 Драгоценны ему изумрудной лазури моря,
 В океане культурном всех народов сливаются рѐки,

⁴ Так у автора. — *Прим. сост.*

Через гигантские фильтры свой направляя поток.
 Отрезаны прочь будут все гнилые, больные побеги —
 Фронтом единым пойдут Новый Запад и Новый Восток!

24-VII-37 г.

[АПРФ. Особая папка ЦК КПСС. Политбюро. Правотроцкистский блок
 (Рукописи Н. Бухарина). Ф. № 3, оп. 24, ед. хр. 428]

ТАНЕЦ ГОРИЛЛ

Крики, хрипы, лязг и визги,
 Грохот, хохот, барабан,
 Дробь и брань, и крови брызги —
 У горилл гремит канкан.

Посреди — костер огромный,
 Треск и шип, и хруст хрящей,
 Кто-то злой и кто-то темный
 Дров приносит, груз костей.

Книги бросил на растопку,
 Черной гарью дым взвился,
 От земли, кроваво-топкой
 Шар зловещий поднялся.

Волосатых рук сплетенье,
 Топот ног и звоны шпор,
 Скрежет, чавканье, сопенье,
 Похотливый разговор.

Вот уж звезды догорели,
 И костер давно потух.
 Не! кричит на мертвом теле
 Раскричавшийся петух...

15-VIII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1005]

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

TRISTIA

Per me si va nella citta dolente.
 Per me si va neleterno dolore.
 Per me si va tra la perduta gente.
Данте

Нет тебя, прелестный, нежный друг мой милый<,>
 Все умчалось вдаль...
 Одинок, скорблю я, сумрачный, унылый<,>
 На душе печаль.
 Осени туманной нити дождевые
 Падают, звеня,
 Тягостные мысли, думы роковые
 Мучают меня.
 Монотонны стуки дробные по крыше
 Капель, хладных слез,
 Мокрый лист кленовый выше, выше, выше
 Хмурый ветер понес.
 Голые уроды, два ствола ветвями
 Жалобно скрипят.
 Это — два скелета мертвыми костями
 Трутся и гремят.
 Милая, родная! Я к тебе взываю
 Приходи скорей,
 Моему страданью нет конца и краю,
 Сядь и пожалей...

Ночь на 24-VIII-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1111]

<Из цикла «ПРАМАТЕРЬ-ПРИРОДА»>

В ТРАВЕ

Целый мир живет в траве,
 На зеленой мураве.
 Мухи, кузнецы, жучки,
 Мотыльки и червячки,

Под травую копошатся,
 Спешат жизнью наслаждаться.
 На листок куста залез
 Толстобрюхий листорез,
 По былинке вверх ползет,
 Ниткой ножек стежку шьет,
 Пяденицы гусеница,
 На цветок вспорхнув, садится,
 Как на розовый свой трон,
 Длиннохвостый махаон.
 Через палочку сучка
 Тащит муравей жучка,
 Суется и бросает,
 Снова за ногу хватает
 И упорно волочит
 Жертвы мертвой черный щит,
 Под листочком, полусонный
 Травяной кузнец зеленый
 На стебле большом сидит,
 Усом тихо шевелит.
 Шмель, жужжа, вцепился в кашку,
 Муха села на ромашку,
 В синие колокола
 Серая ползет пчела,
 И от норки скачет вбок
 Черный как арап сверчок.
 Жирный, словно прежний поп,
 Полевой вонючий клоп
 В разноцветном колпаке
 Очутился на руке.
 Я лежу в траве душистой,
 Весь овечьи золотистой
 Паутиною лучей
 И безмолвием речей...

4-IX-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1007–1008]

ЦВЕТЫ

Цветы! Земли весенней радость,
 Краса лугов, садов, полей,
 Глаза природы, лета сладость,
 Всех красок солнечный ручей!
 Вот белый ландыш, нежный, скромный,
 В тени росистой у воды,
 Забился в угол он укромный;
 А вот цвет нежный резеды,
 Душистый, тонко-благовоный,
 С садовой сорванный гряды.
 Во мху, в болоте, незабудки
 Глядят своею бирюзой,
 Как синеглазые малютки,
 Росы покрытые слезой.
 Среди весны лугов — нарциссы
 Белеют мраморной красой,
 И горделивые ирисы
 Лиловой высятся главой.
 Здесь разноцветные вербены
 В венцах из тонких лепестков,
 И колокольчики купены,
 Под сводом парных групп листов.
 Настурций огненные лики,
 Пунцовых кроны георгин,
 Душистой, томной повилики
 Цветы кивают из корзин.
 Трепещут царственные розы
 Оттенков всех и всех тонов,
 И золотой немой мимозы
 Несется запах — пыль цветов,
 Петуний тонких, нежных трубы,
 В сияньи лета красный мак,
 И орхидей кровавых губы,
 И одуряющий табак.
 Во ржи простые василечки,
 Лилово-синий гелiotроп,
 И наши скромные цветочки
 В канавках, в поле, где ржи сноп.
 Здесь Львиный зев, цветы ромашки,

Иван-да-Марья, зверобой,
 Здесь полевые астры, кашки
 Качают скромной головой.
 Роскошны гроздья у глициний,
 По стенам вьются и висят.
 Их цвет лиловый, темно-синий
 Струит вечерний аромат<>
 Стоит в сознании величья
 Прямой и гордый цвет — тюльпан,
 И безо всякого отличья
 По виду скромный, яд — дурман.
 Совсем не схожий с ней, с Мадонной,
 Растет на воле яд другой —
 Цветочек серый белладонны
 Посередине с чернотой.
 И много, много вас на свете,
 Цветы полей, цветы лесов,
 Не счесть мне вас и не примерить,
 Всех колокольчиков, венцов,
 Лиловых, синих, желтых, алых
 И золотых, и расписных,
 Больших, душистых, ярких, малых,
 Оранжевых и лесных!

28-ХI-37 г.

[Бухарин 2008а, с. 1009–1010]

28.III / 9.IV 1888, Полотняный Завод Калужской губ. — 26.XI 1946, Москва

Анатолий Корнелиевич¹ Виноградов — русский филолог, литературовед, стэндалевед и меримеист, писатель-прозаик, мастер историко-биографического жанра советской литературы, библиограф и переводчик. Окончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета².

Известный роман А. Виноградова «Три цвета времени» (1931) отправляет читателей в увлекательное путешествие по жизни французского романиста Анри Бейля-Стендаля. Следуя за главным героем, замедляем движение у причалов его привязанностей, встречаемся с легендарными романтиками, с известными «остроумцами», с целой портретной галереей исторических и вымышленных действующих

лиц. Редактировал «Три цвета времени» и писал предисловие к первому изданию книги А. М. Горький.

1930-е — наиболее творчески-плодотворное время жизни Виноградова. Он создал «Повесть о братьях Тургеневых» (1932). В этом произведении писатель показал судьбы декабриста Николая Тургенева и его брата Александра, художественно воплотил свои оригинальные взгляды на факты связей декабризма с масонством и большой европейской Карбонадой. Потом увидела свет историческая повесть «Черный консул» (1933) о колониальном восстании, где рассказывается о приключениях Туссена Лувертюра, предводителя негров-рабов на острове Гаити в эпоху Французской революции. Назовем и исторический очерк «Шейх Мансур» (1934).

В опубликованном впервые в 1936 г. романе «Осуждение Паганини» Анатолий Виноградов изобразил резкими, трагическими красками жизнь и страдания гениального итальянского скрипача и композитора. Роман этот представляет собой видоизмененное воплощение замысла, положенного в основу ранней незавершенной повести «Девочка со скрипкой, или тайна графини Орфинской». Тогда же была опубликована книга о Байроне (1936), далее — монография о герое «Трех цветов времени» — «Стендаль и его время» (1938).

¹ Встречаются три варианта написания отчества Анатолия Виноградова: Корнелиевич, Корнелиевич и Корнилович.

² Подробные сведения о молодости А. К. Виноградова приведены в исследовании члена правления Международной ассоциации содействия культуре, члена Союза Российских писателей, члена Конгресса литераторов Украины Станислава Артуровича Айдиняна «Ранние годы Анатолия Виноградова (по архивным изысканиям)» в приложении к настоящему разделу. — *Прим. ред.*

А. К. Виноградов — не только писатель-беллетрист, но и ученый-филолог. Он автор исследования «Мериме в письмах к Соболевскому» (1928). С. Соболевский, блестящий представитель русского дворянской интеллигенции, был «другом литературы», «организатором контактов разнообразных литературных школ». В книге проанализированы документы архива Соболевского, найденные и опубликованные Виноградовым. Работа эта, несмотря на некоторые спорные моменты, в ней содержащиеся, вошла в историю исследований литературных связей России и Западной Европы. Академик Е. В. Тарле писал в Экспертную комиссию при СНК СССР по поводу «Мериме в письмах к Соболевскому»:

А. К. Виноградов обнаружил не только обширнейшую эрудицию, не только привлек самые разнообразные материалы, но и с замечательной чуткостью, тонкостью и пониманием воскресил перед читателем целую эпоху культурной истории первых двух третей XIX века <...>

В 1937 г. Издательство Академии наук СССР опубликовало своеобразное продолжение этого исследования под названием «Мериме в письмах к Дубенской. Письма семье Лагрэнэ». В публикации, приложенной А. Виноградовым к вступительной статье, мы находим прокомментированную переписку французского писателя с его приятельницей, В. И. Дубенской, преподававшей ему русский язык, и несколько писем членам ее семьи — мужу, господину Теодозу де Лагрэнэ и дочери, Ольге Лагрэнэ.

Специалист по трудам и дням Мериме и Стендаля сам прожил жизнь, которая могла бы послужить темой для романа и о которой можно сказать стихами Б. Пастернака: «И русская судьба безбрежной, / Чем может грезиться во сне...». Ветер странствий еще в самой ранней юности уносил Анатолия к Черному морю. Там гимназическая форма сменялась тельняшкой корабельного юнги. Лето пятнадцатилетия он провел в научной экспедиции к берегам Ледовитого океана. После гибели части экспедиции и ее руководителя А. В. Шидловского у Айновых островов оставшийся в живых мальчик-препаратор через Норвегию возвратился в Россию. В 1906 г. А. Виноградов, идя по стопам отца, учителя-математика, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Но через два года круто повернул штурвал жизни по направлению к гуманитарному курсу — перешел на философское отделение историко-филологического факультета.

Студентом он сблизился с поэтами С. Соловьевым, Б. Садовским. М. Цветаева в очерке-воспоминании «Пленный дух» называет его имя, говоря о круге Андрея Белого.

В те годы Виноградов вместе с рано умершим поэтом Ю. Сидоровым увлекался творчеством Д. Мережковского. Но после смерти Сидорова усомнился в своем кумире, подозревая, не обернулось ли тайной причиной гибели друга пагубное влияние на его внутренний мир идей Мережковского... И в его записной книжке появляется такая надпись: «Раскрыл бы я все это. Смерть моего друга побуждает меня крикнуть: “Слово и дело”³. Но подождем».

³ Слова взяты из библии. В России — лозунг опричников; в Западной Европе «Dictum ac Factum» — лозунг инквизиции.

С этим мучительным вопросом Виноградов отправился к апостолу литературы русской Льву Толстому. В беседе с «московским студентом» 27 февраля 1909 г. Толстой дал резко отрицательную характеристику творчеству Мережковского, назвал творения автора «Христа и Антихриста» «религиозными конфетами». Но Виноградов уехал из Ясной Поляны, не обретя веры и в учение самого Толстого. Оно отпугнуло его своей противоречивостью.

В 1912 г. Виноградов окончил Московский университет со степенью кандидата и был принят на службу в Румянцевский музей. Место младшего помощника библиотекаря он заслужил бесплатной работой в музее в качестве «вольноотрудающегося» с ноября 1909 г.

1913 и 1914 годами датированы первые опубликованные им книги: перевод ритмической прозы польского поэта Ю. Словацкого «Ангелли» (отрывки см. ниже) и составленный им «Каталог Альдин» — систематизированное описание хранившихся в музее инкунабул и палеотипов — первопечатных книг XVI века.

Когда на полях Европы пушки заговорили о войне, Виноградов был мобилизован в ряды Российского общества Красного Креста. Приказы о награждениях командира передового отряда говорят о том, что он был не робкого десятка. Сам вывозил раненых с поля боя. Бывало — приходилось доставлять медикаменты под ружейным огнем, направленным исключительно на него.

После контузии Анатолий Корнелиевич возвратился к мирным занятиям в музее. В 1917 г. в его переводе появилось мессианское сочинение Адама Мицкевича «Книги народа польского и польского пилигримства». Часть тиража этой книги была уничтожена полицией.

Когда над страной развернулись флаги революции, Виноградов был избран в Совет солдатских депутатов Москвы, членом комиссии по охране памятников искусства и старины. Принимал участие в спасении от расхищения и вывоза за границу национальных ценностей. Об этом подробнее написано в книге Евграфа Кончина «Эмиссары восемнадцатого года» [Кончин 1981].

В 1921 г. научный секретарь музея Виноградов в качестве эксперта участвовал в подготовительной работе по заключению мирного договора с несговорчивым, враждебно настроенным правительством Польши. По возвращении с переговоров из Латвии он был назначен директором Румянцевского музея и стал одним из инициаторов и деятелей реформы этого культурного учреждения.

В период его директорства, несмотря на сопротивление старых чиновников, музей был расформирован, реорганизован и превращен в самый авторитетный книжный фонд страны, во Всероссийскую публичную библиотеку им. Ленина. Свидетельством тому осталась большая библиографическая редкость — несколько «пробных» экземпляров неизданной объемной книги А. Виноградова «Организация центральной библиотеки СССР как памятник Ленину» (1924).

В конце 1920-х Виноградов, чье здоровье было серьезно подорвано на войне, потом — на тяжелой музейной работе, перешел работать в издательское дело. Был редактором по классикам в Госиздате, где сотрудничал с А. В. Луначарским при издании книг Гюго и Мериме. Совместно с А. М. Горьким редактировал серию книг «История молодого человека XIX столетия». Но специфика литературно-издательской работы требовала большого умения ладить с людь-

ми, а этого умения с годами Виноградову стало не хватать. И его потянуло в здоровую, менее отягощенную сложностью отношений среду.

В 1932 г. Виноградов «оторвался от земли» — поступил в военно-воздушный флот СССР. Ему было 45 лет, когда в 1934 г. он окончил курс летной школы и получил звание летчика-наблюдателя. Через несколько лет стал штурманом военной авиации. «Я бесконечно рад той работе, которая выпала мне на долю», — писал он жене из воинской части. Служа в военно-воздушном флоте, он продолжал заниматься литературным трудом; в 1941 г. опубликовал «Хронику Малевичских», где на материале судьбы гения химии Дм. И. Менделеева и его современников попытался осмыслить ход истории.

Во время Великой Отечественной войны А. К. Виноградов был в действующей армии, писал статьи и очерки, их печатали центральные и фронтовые газеты. Но он не хотел быть «временно допущенным к авиации», желал офицерской должности и настоящих дел. В качестве военного корреспондента участвовал в боевых вылетах в тыл врага. Существует малая и ныне забытая брошюрка. Название ее — «Бандит Гитлер», в ней под общей обложкой объединены обличительные статьи Виноградова и его приятеля, корреспондента и собрата по жанру, писателя Александра Дейча.

Войну Анатолий Корнелиевич окончил в звании гвардии подполковника. Но силы были подорваны: гибель на фронте любимого сына Юрия, неблагоприятные отзывы критики о последнем романе, неудачи в личной жизни, надвигающиеся болезни и, наконец, вынужденный, по возрасту, уход из армии предопределили трагический уход из жизни. В конце ноября 1946 г. писатель покончил с собой.

Рукописный, подготовительный период творчества А. К. Виноградова начался в первые годы XX века. Среди ранних, неопубликованных его сочинений — небольшая стилизованная поэма «Перунов цвет», насыщенная образами русской сказочности (см. ниже). В поэме туманно повествуется о расцвете цветка папоротника, возвращенного в зачарованном саду Перуном, древнеславянским богом грома и молний.

Талантливому прозаику Виноградову не суждено было стать большим поэтом. До последних лет жизни он писал для себя — чтобы выразить состояние души — стихи, но не публиковал, чувствуя, наверное, их слабость. Его юношеская поэзия подражательна. В ней отзвуки Бальмонта и других русских символистов. Наиболее совершенно и самостоятельно романтико-символическое стихотворение «Встреча» (см. ниже).

Сам А. К. Виноградов считал началом своей литературной деятельности 1905 год. В сохранившуюся его ученическую тетрадь вписаны два стихотворения. Под одним из них дата — 23 июня — и надпись, свидетельствующая о том, что поэта вдохновляло: «Побережье Ледовитого океана».

Однако упоминая о начале литературной деятельности, Виноградов, скорее всего, имеет в виду не только свои ранние стихотворения и путевые заметки, но и первые переводы из Адама Мицкевича, которые, как он пишет в автобиографии, «вышли нелегальным порядком». К числу этих переводов относится прежде всего посвящение Мицкевича «Друзьям в России». Подписанное пере-

водчиком и с пометкой «перевод 1905 года», оно вошло в книгу «Избранных произведений» Мицкевича, изданную Госиздатом уже в 1929 г. со вступительными статьями А. В. Луначарского и А. К. Виноградова (см. [Мицкевич 1929]). Революционный пафос, заключенный в строфах Мицкевича, был созвучен времени, когда Виноградов работал над переводом.

В 1906 г. в России впервые появился выполненный Р. Высоцким перевод с польского написанной «библейским стихом»⁴ поэмы Ю. Словацкого «Ангелли», которую высоко ценили русские символисты. В рецензии на это издание А. Диесперов писал [Диесперов 1907, с. 55]:

Слов мало до скудости, ритм библейских стихов величаво-печальный и по необходимости сдержанный, но именно из этой сдержанности и чувствуется необычайная сила внутренней концентрации.

Позже, в 1913 г., Виноградов опубликовал в издательстве «Мусагет» собственный перевод этой поэмы (см. [Словацкий 1913]).

В нашу подборку вошло несколько ранних поэтических произведений Виноградова⁵, а также два его перевода с польского, из А. Мицкевича и Ю. Словацкого (отрывки).

Ст. А. Айдиняна

Основные источники: РГАЛИ, архив Ст. А. Айдиняна.

КАМНИ ЗАКАТА.

Златоцвѣтныя липы росю блестять,
Пламенѣть багряный закатъ;
Словно розовый жемчугъ въ морской глубинѣ
Облака догорають въ огнѣ,
И снотворные вѣтры съ роскошныхъ полей
Шелестяť межъ старинныхъ аллей,
Тополя шелестяť — и росинки блестять,
Вѣтеръ сонный струить ароматъ.
И узорныя клумбы съ гирляндами розъ
Будяť рой сновидѣній и грезъ,

⁴ О «библейском стихе», основная особенность которого — синтаксический параллелизм, см., например, в книге [Тарановский 2000, с. 159].

⁵ Стихи А. К. Виноградова из архива Ст. А. Айдиняна, приводимые ниже, публикуются впервые.

Медоцвѣтныя липы несуть ароматъ,
Угасають янтарный закатъ.

25 июня 1905 г.

ВСТРѢЧА.

Весенний день ужъ къ вечеру склонялся,
И солнечный заходъ былъ недалекъ, —
Мнѣ странничекъ верижный повстрѣчался,
Невѣдомый и странный старичокъ.

Немало лицъ я видѣлъ стариковскихъ,
Особенно вблизи монастырей,
Но никогда на улицахъ московскихъ
Не попадалось мнѣ лица старѣй:

Какъ будто на бровяхъ его почтили
Столѣтiя угасшаго слѣды,
И старческiя щеки сохранили
Глубокiя старинныя бразды.

Передо мною онъ остановился
И крестикъ сломанный съ улыбкою подаль,
И, удивленному, мнѣ въ поясъ поклонился.
Затѣмъ ушелъ. Куда — я не видаль.

Горѣли церкви, золотомъ одѣты,
И пѣли по Москвѣ колокола,
По улицамъ вечернiя газеты
Газетчиковъ ватага разнесла.

А я какъ былъ, такъ стоя и остался,
Но всякая утихла въ сердцѣ боль.
И надо мной изъ мрака возвышался
Огнями расцвѣченный Метрополь.

18 апреля 1907 г. Москва

ПЕРУНОВЪ ЦВѢТЬ.

Сія трава наисильнѣйшая есть царь-цветь,
трава папороть громосѣяная.

Травникъ сельскій

Исходятъ обавници, дѣвы чаровницы по
лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы ищущія смертныя травы и привѣта
чревоотравнаго зелья; туже и дивія копають
коренія. Сія вся творять съ приговоры
дѣйствомъ дѣволимъ.⁶

*Памфилій Игуменъ
(грамота 1505 годъ)*

О Перуне, веселый и щедрый!
натяни громострѣль свой червлений,
и, метаючи по лѣсу стрѣлы,
возрасти намъ цвѣточекъ зеленый.

Пусть цвѣтеть въ навечерье святое
и русалкамъ даруетъ веселье,
чтобъ сготовили намъ шептунихи
травяное цѣлебное зелье.

I**НАВЕЧЕРІЕ.**

Вечерами за лѣсомъ дремучимъ
въ янтаряхъ облака золотыя,
и заревой росой загорались
чародѣйныя чаши лѣсныя.

Надъ заглошимъ затономъ озернымъ
задремали червонныя ели,
паутинки, качаясь межъ сосень,
серебромъ еле слышно звѣтели.

⁶ Эта часто приводимая цитата в разных источниках выглядит по-разному. Например, А. Н. Афанасьев [Афанасьев 1994, с. 428–429] дает ее в следующем виде: «исходятъ обавници, мужи и жены-чаровницы по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы, ищуще смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зелья; на пагубу челоуѣчеству и скотомъ; туже и дивія копають коренія на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творять съ приговоры дѣйствомъ дѣволимъ».

Задремали, застыли кувшинки,
лишь купавки росистыя дышать;
воздыханье по лѣсу несется,
и русалки дыханіе слышать.

Услыхавши, онѣ выплываютъ
изъ воды чередой изумрудной
и на тонкія кудри тумана
возбираются цѣпью причудной.

И, качаясь, поютъ и смѣются,
золотыми звенятъ волосами;
звоны пѣсень, въ лѣсу разливаясь,
утихаютъ вдали за лѣсами.

Не туманъ въ бѣлоризѣ вечерней:
дѣвы-лебеди въ озерѣ плещутъ,
шелестятъ въ камышахъ, и росица
на серебряныхъ перьяхъ трепещетъ.

И блудницы въ ризахъ зеленыхъ
Выплываютъ изъ глуби подводной,
И, въ лазоревы кольца свиваясь,
Ходятъ кругомъ въ цѣпи хороводной.

Свѣтоласковый Мѣсяць-Царевичъ
Въ серебристо-жемчужномъ сіяньи
Вьетъ ихъ бѣлыя косы въ колечки,
Сушитъ влажныя ихъ одѣянья.

И весь лѣсъ чарованьемъ одѣлся,
Задремаль, не шелохнетъ листвою:
То царевна лѣсовъ Вечерница
Все опугала сонной травою.

И весь лѣсъ зачарованъ и дремлетъ
До полуночи сномъ непробуднымъ,
Спитъ, доколь цвѣточекъ перуновъ
Не зажжется огнемъ изумруднымъ.

II
ЦВѢТЕНІЕ.

Святоянская полночь настала,
Златоогненный цвѣтъ загорался
И звенящимъ зеленымъ нарядомъ
Отъ вѣнца до кореньевъ убрался.

Жемчужинныя лунныя росы
Вновь на травы лѣсныя упали.
Запылало перуново зелье,
Загорелись нагорья и дали.

Зацвѣтали деревья и травы,
Расцвѣтала трава медуница,
И на чашу лѣсную сходила
Въ самоцвѣтныхъ камняхъ чаровница,

И надъ спящимъ болотомъ запѣла,
Застенала дѣвица-осока;
Мухоморы съдые проснулись,
Огоньки закидали высоко.

Собирались огни въ ожерелье,
Въ ожерелье сплелись кольцевое,
И оно вкругъ цвѣтка закружилось,
Заходило кругомъ, какъ живое.

Догорѣли перуновы стрѣлы,
Потухали заревыя росы;
Изъ лѣсовъ поднимались туманы,
Словно длинныя дѣвичьи косы.

А на утро пошли зеленицы
По лугамъ, по нагорьямъ зеленымъ,
Собирають цвѣты и коренья,
Ясну-зорию встрѣчая съ поклономъ.

Всѣ лѣсныя цвѣты и былинки
Преисполнились силы цѣлебной,
Воздадимъ же, о брате, Перуну
Поклоненіе съ лѣсной хвалебной.

О, Перуне, веселый и щедрый,
Зеленящій дождемъ верховины,
Заповѣдною силой цѣлящій
Все людскія горя и кручины,

Оживи намъ грядущее лѣто,
Обряди перелѣски листвою,
И, купаючи росами землю,
Изукрась медоцвѣтной травною.

ПЕРЕВОДЫ

Адам Мицкевич

ДОРОГА В РОССИЮ

Приложение к третьей части «Дзядов»⁷
(1833)

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Друзьям в России.

Забыв ли я вами? Когда пробежит вереница
Поляков казненных, погибших в тюрьме и в изгнаныи,
И ваши встают предо мной чужеземные лица,
И образам вашим дарю я любовь и вниманье.

Где все вы теперь? Посылаю позор и проклятье
Народам, предавшим пророков своих избивенью...
Рылеев, которого братски я принял в объятья,
Жестокою казнью казнен по цареву веленью.

⁷ Как указывалось выше, опубликованный в 1929 г. перевод был выполнен А. Виноградовым в 1905 г.

Бестужев, который как друг мне протягивал руку,
Тот воин, которому жребий поэта дарован,
В сибирский рудник, обреченный на долгую муку
С поляками вместе, он сослан и к тачке прикован.

С иными страшнейшее горе, быть может, случилось,
Иному тягчайшая послана кара от бога:
Продав свою вольную душу за царскую милость,
Поклон за поклоном у царского бьет он порога.

Продажную речью он царские славит успехи,
В угоду царю, проклинаемый, в нашей отчизне,
Быть может, он вновь проливает кровавые реки
И хвалится мукой друзей, уходящих из жизни.

О, пусть эта песнь из страны, где свободны народы,
До вас донесется на льдистые ваши равнины,
Да будет она провозвестницей вашей свободы,
Как вестником вешней поры — перелет журавлиный.

Мой голос узнайте! Пока, извиваясь в оковах
Змеей молчаливой, я тихим казался тирану,
Лишь вам рассказал я о чувствах моих тайниковых,
От вас простоты голубиной скрывать я не стану.

Мой кубок, наполненный ядом, теперь опрокинут,
И гневом палящим полно мое горькое слово:
В нем слезы отчизны кровавым потоком нахлынут
И пусть прожигают... не вас, но лишь ваши оковы.

А если иной мне ответит словами укора,
То будет он мною приравнен собаке трусливой,
Привыкшей ошейник железный носить терпеливо,
Кусаящей руку, расторгшую цепи позора.

[Мицкевич 1929, с. 246–247]

Юлий Словацкий.

АНГЕЛЛИ.

Поэма.
<Отрывки>

Стефану Гольнскому
в память встречи в Святой Земле
и у подножия Ливана.

ГЛАВА I.

Пришли изгнанники в землю Сибирскую и, избравши просторное место, построили дом деревянный, чтобы зажить вместе в согласии и в братской любви; а было их около тысячи людей разного сословия.

И правитель прислал им женщин, чтобы они женились, ибо указъ гласилъ, что посланы они для заселения края.

И некоторое время былъ среди нихъ большой порядокъ и большая печаль, ибо не могли они забыть, что они изгнанники, и уже не увидятъ отчизны, разве Богъ захочетъ...

А когда они построили домъ и каждый занялся своей работой, кромѣ людей, которые хотѣли, чтобы ихъ называли мудрыми, и сидѣли сложа руки, говоря: «мы думаемъ о спасении отчизны», увидѣли они однажды большую стаю черныхъ птицъ, летѣвшихъ съ сѣвера.

А за птицами показался рядъ возовъ и сани, запряженные собаками, и стадо оленей съ вѣтвистыми рогами, и люди на лыжахъ съ рогатинами; это былъ весь народъ сибирскій.

Во главѣ шелъ царь народа, онъ же и жрецъ, одѣтый по обычаю въ мѣха и кораллы, а на головѣ его былъ вѣнецъ изъ мертвыхъ змѣй, вмѣсто короны.

И вотъ властитель этотъ, приблизившись къ толпѣ изгнанниковъ, заговорилъ языкомъ земли ихъ: «здравствуйте! Я знаю отцовъ вашихъ, столь же несчастныхъ, и видѣлъ я, что жили они богобоязненно и умирали со словами: Отчизна, Отчизна!

И вотъ, я хочу быть другомъ вашимъ и заключить союзъ между вами и народомъ моимъ, чтобы вы были въ землѣ гостеприимной и въ странѣ доброжелателей. А изъ отцовъ вашихъ никого уже нѣтъ въ живыхъ, кромѣ одного, который уже старъ и другъ мнѣ, а живетъ онъ далеко отсюда въ одинокомъ жилищѣ.

Если хотите вы, чтобы другъ отцовъ вашихъ былъ наставникомъ вашимъ, то я останусь съ вами и народъ свой покину, ибо вы несчастнѣе».

И еще говорил этот старец, и они почтили его и пригласили его войти к нимъ. Такъ заключень былъ союзъ съ народомъ сибирскимъ, который разбрелся и зажилъ въ своихъ снѣжныхъ селлахъ, а царь его остался съ изгнанниками, чтобы давать имъ утѣшеніе.

И удивлялись они его мудрости, говоря: вѣрно онъ заимствовалъ ее отъ отцовъ нашихъ, и отъ предковъ нашихъ слова его. Звали же его Шаманомъ, ибо такъ зоветъ народъ сибирскій царей и жрецовъ своихъ — волшебниковъ.

ГЛАВА II.

И сказала себѣ Шаманъ, извѣдавъ сердца этихъ изгнанниковъ: «воистину, не нашель я, чего искалъ, вотъ сердца ихъ слабы и дадутъ они печали поработить себя.

Добрые были бы они люди въ счастіи, но невзгода создаетъ изъ нихъ людей озлобленныхъ и враждующихъ. Что сдѣлалъ Ты, Боже!

Развѣ не даешь Ты каждому цвѣтку доцвѣтатъ тамъ, гдѣ и земля и жизнь привычны ему? Почему же эти люди должны погибнуть?

И вотъ изберу я одного изъ нихъ, и возлюблю его, какъ сына<,> и умирая передамъ ему бремя мое, и большее бремя, нежели могутъ нести иные, чтобы въ немъ было искупленіе.

И покажу ему всѣ скорби этой земли, а потомъ оставлю его одинокимъ во мракѣ великомъ съ тяжестью мысли и тоскою на сердцѣ».

Сказавъ это, подозвалъ онъ къ себѣ юношу по имени Ангелли и, возложивъ на него руки, влилъ въ сердцѣ его любовь къ людямъ и состраданіе.

И обратившись къ толпѣ<,> онъ сказалъ: «я уйду съ этимъ юношей, чтобы показать ему многія скорби, а вы останетесь одни учиться, какъ переносить голодь, нужду и печаль. Но храните надежду, ибо отъ васъ перейдетъ къ будущимъ поколѣніямъ эта надежда и дастъ имъ жизнь, но если въ васъ она умретъ, то поколѣнія грядущія будутъ изъ людей мертвыхъ.

А то, о чемъ вы будете думать, исполнится, и великая радость будетъ на землѣ въ день тотъ возстанія изъ мертвыхъ.

Вы же будете въ гробахъ и покрывала на васъ истлѣютъ, но святы будутъ могилы ваши, и не позволитъ Богъ червю коснуться тѣлъ вашихъ, и одѣнетъ васъ въ гордое величіе мертвыхъ... вы будете прекрасны.

Прекрасны, какъ отцы ваши, которые лежатъ въ могилахъ; ибо взгляните на черепъ cadaго изъ нихъ, они не скрежещутъ и не страждутъ, но пребываютъ въ покоѣ, и кажется, что говоритъ каждый: я сдѣлалъ благо.

Бодрствуйте надъ собою, ибо вы — какъ люди<,> стоящіе на возвышеніи, и тѣ, которые придутъ, будутъ васъ видѣть.

Вотъ я повѣдалъ бы вамъ ту тайну, что души однихъ идутъ на солнце, а души другихъ удаляются отъ солнца на темныя звѣзды, но вы не поймете меня.

Я сказала бы вамъ, для чего вы живете, и для чего рождаются миллионы новыхъ душъ, и для чего дано тѣло, но вы не уразумѣете меня.

Но говорю вамъ: будете спокойны не о завтрашнемъ днѣ, но о днѣ, который будетъ завтрашнимъ днемъ смерти вашей.

Вѣдь хуже завтра для живого, чѣмъ завтра для мертваго. Хотя не такъ думаютъ люди презрѣнные и ничтожные сердцемъ».

И сказала Шаману толпа: «Кто далъ тебѣ власть учить о жизни и смерти? Вотъ среди насъ есть священники, имъ надлежитъ вѣщать слово Божіе».

И отвѣтилъ имъ на это Шаманъ: «слышали вы о Моисеѣ и о чудесахъ, которыя онъ творилъ? Я Моисей среди народа сибирскаго, и чудеса сотворилъ я болѣе страшныя<,> нежели онъ во время оно.

Развѣ не вышелъ Ангелъ изъ зари полночной, когда я вызвалъ его изъ пламени? Спросите народъ мой.

По слову моему снѣгъ этотъ сталъ кровью и солнце это почернѣло какъ уголь, ибо много Бога во мнѣ. Но не искушайте меня творить чудеса, ибо вы народъ давній и воскресить васъ — чудо. Объ этомъ просите Бога.

Чтобы онъ воскресилъ васъ, говорю я, и подыалъ изъ могилы, и сдѣлалъ васъ народомъ, который снова положень въ колыбель и увить пеленами, чтобы выросъ онъ съ тѣломъ прямымъ и стройнымъ».

Такъ сказала Шаманъ, и не дерзали изгнанники отвѣчать ему, но обѣщали хранить союзъ съ народомъ сибирскимъ.

ГЛАВА III.

И вотъ, однажды ночью, Шаманъ разбудилъ Ангелли, говоря ему: «не спи, но иди со мной, ибо важныя вещи совершаются въ пустынь».

И надѣвши бѣлую одежду, пошелъ Ангелли за старцемъ, и шли они при свѣтѣ звѣздъ.

И пройдя немного, увидѣли они у огня на привалѣ цѣлый таборъ малыхъ дѣтей и подростковъ, которыхъ гнали въ Сибирь.

А среди толпы дѣтей сидѣлъ попъ верхомъ на татарской лошади, имѣя у сѣдла двѣ корзины съ хлѣбомъ.

И началъ онъ обучать этихъ дѣтей новой вѣрѣ русской и новому закону Божію.

И вопрошаль ихъ о вещахъ недостойныхъ, и подростки отвѣчали ему, заискивая, ибо у сѣдла его были корзины съ хлѣбомъ и могъ онъ накормить ихъ, а они были голодны.

И вотъ молвилъ Шаманъ, обратившись къ Ангелли: «Скажи, не вышла ли изъ предѣловъ всякой мѣры этотъ священникъ, сѣя сѣмя злое и засоряя чистоту душъ малыхъ сихъ».

Вотъ уже позабыли они плакать о матеряхъ своихъ и льстятъ на хлѣбъ, какъ малые щенята, и твякаютъ слова негодныя и противныя вѣрѣ.

<...>

Вотъ призову я огонь небесный на священника этого, чтобы сжечь его, и спалю его на глазахъ младенцевъ этихъ».

И только изрекъ Шаманъ слово проклятiя, какъ загорѣлся этотъ попъ на конѣ, и вышли изъ груди его языки пламени и сомкнулись въ воздухъ надъ головою.

И испуганный конь понесъ его пылающаго по степи, а потомъ, содрогнувшись, онъ сбросилъ съ себя уголь, сидящiй на сѣдлѣ.

И по истлѣвшему пеплу того человѣка пробѣгали искры... какъ тѣ искорки, что рдѣютъ на спаленной бумагѣ, блуждающiя и перебѣгающiя въ разныя стороны.

<...>

ГЛАВА IV.

И проходилъ Шаманъ съ Ангелли пустынными дорогами Сибири туда, гдѣ стояли остроги. И видѣли они лица нѣкоторыхъ заключенныхъ, глядящихъ въ небо сквозь рѣшетки, печальныхъ и блѣдныхъ.

А около одного изъ этихъ остроговъ встрѣтили они людей, несшихъ гробы, и остановилъ ихъ Шаманъ, призывая отворить.

И вотъ когда сняли съ гробовъ кровли, содрогнулся Ангелли, видя<,> что умершіе были еще въ цѣпяхъ<,> и сказала: «О Шаманъ! боюсь я<,> что воскреснутъ эти замученные».

Пробуди кого-нибудь изъ нихъ, ибо ты имѣешь силу чудесъ, пробуди этого старца съ сѣдою бородою и бѣлыми волосами, ибо мнѣ кажется, что я зналъ его въ дѣтствѣ».

А Шаманъ, взглянувши сурово, сказалъ: «Что же? Вотъ я снова воскрешу его, а ты его снова убьешь. Воистину! и дважды воскрешу его и дважды онъ приметъ смерть отъ тебя. Но пусть будетъ такъ, какъ ты просишь, чтобы зналъ ты, что смерть хранить насъ отъ печалей, которые уже шли къ намъ, но застали насъ мертвыми».

И, говоря такъ, посмотрѣлъ Шаманъ на старца въ гробу и сказалъ: «встань!» И тѣло въ цѣпяхъ поднялось и сѣло, и взглянуло на людей, какъ человѣкъ еще не вполне пробудившiйся.

<...>

ГЛАВА VII.

И сказала Шаманъ: «вотъ мы уже не будемъ являть ни чудесъ, ни силы Божіей, которая есть въ насъ, но плакать будемъ, ибо пришли мы къ людямъ, не видящимъ солнца».

И поучать ихъ мы не должны, ибо несчастіе научило ихъ болѣе; и надеждъ не будемъ имъ подавать, ибо не повѣрятъ они. Въ указѣ, рѣшившемъ судьбу ихъ, написано было: «навѣки».

Вотъ рудники Сибири.

Ступай здѣсь осторожно, ибо земля эта вымощена спящими людьми. Слышишь? Вотъ они внятно дышать, иные стонуть и говорятъ во снѣ.

Одинъ о матери своей, другой о сестрахъ и братьяхъ, а третiй о домѣ своемъ, и о той, которую любилъ сердцемъ, и о нивахъ, гдѣ ему кланялась рожь, какъ господину своему; и счастливы они теперь во снѣ... но они проснутся. Въ иныхъ рудникахъ воютъ преступники, но этотъ рудникъ есть лишь могила сыновъ отчизны и полонъ тишины. Цѣпи, бряцающiя здѣсь, имѣютъ грустный голосъ, а подъ сводами раздается разное эхо; и одно эхо, которое говорить: “мнѣ жаль васъ”».

И когда такъ предавался жалости Шаманъ, вошли сторожа и солдаты съ лампами будить спящихъ на работу. И вотъ всѣ поднялись съ земли и проснулись и пошли, какъ овцы, понуривъ головы, кромѣ одного, который не всталъ, ибо умеръ во снѣ. И подойдя къ тѣмъ, которые шли съ молотами на работу, Ангелли спросилъ одного изъ нихъ тихимъ голосомъ: «кто былъ тотъ умершiй и отъ какой болѣзни онъ умеръ?»

И отвѣтилъ ему на это блѣдный человѣкъ, закованный въ цѣпи: «Тотъ, о комъ ты спрашиваешь, былъ священникъ, я зналъ его, онъ исповѣдывалъ жену мою и дѣтей на родинѣ».

И когда настала война, онъ сѣлъ на коня съ крестомъ въ рукѣ и съ босыми ногами; когда же засверкалъ огонь передъ рядами, онъ сталъ кричать: “за отчизну ... за отчизну!”

И призвалъ его епископъ, и отдалъ его въ руки палачей, но передъ этимъ снялъ съ него священство на площади городской, и выпустилъ изъ рукъ посохъ архіерейскiй, и упалъ безъ чувствъ».

А палачи схватили человѣка Божьяго и втиснули его въ тѣсную сермягу, а потомъ его въ ней застегнули съ трудомъ, ибо былъ тучень этотъ человѣкъ; и стоялъ онъ безъ движенія, какъ мертвая вещь».

И вот привезли его въ рудники; и дѣлалъ онъ видъ, что хорошо у него на сердцѣ, но я видѣлъ, что онъ былъ блѣденъ и печаленъ.

И поддался онъ унынію, и сохъ какъ старое дерево. И подошедши къ нему однажды, я сказалъ: “побойся Бога! зачѣмъ ты грызешь себя?”

И сказалъ онъ мнѣ очень таинственно, какъ человѣкъ<, > потерявшій разумъ: “я забылъ слова Молитвы Господней...” И погрозилъ мнѣ пальцемъ, чтобы я молчалъ, и отошелъ. И увидѣлъ я однажды, какъ бралъ онъ сгнившій свинецъ въ темнотѣ и ѣлъ эту отраву.

А черезъ нѣсколько дней кирпичный румянецъ появился у него на лицѣ, и тѣло обвисло на костяхъ, какъ намокшее полотно шатра, а глаза его заблестѣли.

А нынче, не знаю, какъ онъ умеръ, ибо я спалъ около него, но не слышалъ даже его вдоха.

И если есть въ васъ сердце, пожалѣйте о немъ, ибо онъ былъ человѣкъ достойный».

И вотъ Ангелли, обратившись къ Шаману, сказалъ: «это самоубійца!»

Но Шаманъ закрылъ глаза рукою и, поднявши кусокъ свинца съ земли, сказалъ: «этотъ свинецъ — убійца и злой совѣтникъ, ибо онъ говорилъ: возьми меня и ѣшь, я конецъ и успокоеніе. Этотъ свинецъ обманщикъ, ибо онъ выдалъ себя передъ человѣкомъ за Бога, Который Одинъ только прекращаетъ страданія навѣки и даетъ успокоеніе сердцу.

Проклятъ тотъ, кто отъ малѣйшаго вѣтра падаетъ на землю и разбивается, подобный раздробившейся колоннѣ. Но подъ сильными вихрями позволено и вамъ падать... вы будете пощажены. Вѣдь что же! откажутъ вамъ въ освященномъ кладбищѣ<ѣ>. Кто знаетъ, какой сонъ въ неосвященной могилѣ?

<...>

ГЛАВА VIII.

И проходя далѣе, увидѣли они много людей блѣдныхъ и измученныхъ, имена которыхъ извѣстны въ отчизнѣ.

И пришли они къ подземному озеру и подвигались впередъ по берегамъ темной воды, которая была неподвижна, но была кое-гдѣ золотою отъ свѣта свѣтильниковъ.

И сказалъ Шаманъ: «не есть ли это море Генисаретское Поляковъ? А люди тѣ, не есть ли рыбаки несчастія?»

И вотъ одинъ изъ тѣхъ, которые сидѣли печальными на берегахъ черной воды съ лицомъ, погруженнымъ въ думы, отвѣчалъ: «намъ позволено отдыхать, ибо сегодня именины царя и день отдыха.

И вотъ садимся мы здѣсь надъ темной водой предаваться думамъ, размышлять и отдыхать; ибо сердца наши утомлены горше, чѣмъ тѣла. Вотъ недавно лишились мы нашего пророка, этотъ утесъ былъ его любимымъ мѣстомъ и эти воды были ему любезны.

Это былъ человѣкъ блѣдный, съ голубыми глазами, исхудалый, но полный огня.

И вотъ семь лѣтъ тому назадъ объялъ его однажды ночью духъ пророчества и почувствовалъ онъ потрясающее событіе, случившееся въ отчизнѣ, и всю ночь напролетъ рассказывалъ онъ намъ то, что видѣлъ, смѣясь и плача.

И только къ утру сталъ онъ печаленъ и воскликнулъ: “они возстали изъ мертвыхъ, но не могутъ отвалить могильнаго камня!” И сказавъ это, онъ палъ мертвымъ.

А мы здѣсь поставили ему этотъ деревянный крестъ.

И двумя годами позже повѣдали намъ новые изгнанники о томъ, что случилось<, > и, разсчитавши ночи, узнали мы, что этотъ пророкъ говорилъ намъ правду, и захотѣли мы почтить его, но онъ уже былъ въ землѣ.

И вотъ мы чтимъ этотъ крестъ, не говоря болѣе, что человѣкъ, который лежитъ подъ нимъ, былъ безумцемъ, лишеннымъ разсудка и достойнымъ посмѣянія. Что же вы скажете на это?»

И, обратившись къ Ангелли, Шаманъ сказалъ: «о чѣмъ думаешь ты такъ надъ этой черной водой, которая возникла изъ слезъ людскихъ? О пророкъ ли это ты думаешь, о себѣ ли?»

Когда онъ говорилъ, раздалось гулкое эхо отъ взрыва шахты и повторилось надъ головами словно удары подземнаго колокола. И сказалъ Шаманъ: «вотъ звонъ по умершемъ пророкъ! Вотъ колоколь господній для тѣхъ, кто не видитъ солнца. Будемъ молиться».

И, поднявши очи, сказалъ: «Боже! Боже! Просимъ тебя, чтобы наша мука была искупленіемъ.

И не будемъ уже молиться Тебѣ о томъ, чтобы Ты возвратилъ солнце глазамъ нашимъ и воздухъ груди нашей, ибо знаемъ, что Твой приговоръ надъ нами безповоротный, но новорожденные невинны. Смилуйся, Боже!

И прости намъ, что съ печалью несемъ крестъ нашъ и не веселимся, какъ мученики; ибо Ты не сказалъ намъ, будетъ ли наша мука принята, какъ жертва: но скажи<, > и мы возрадуемся. Ибо что есть жизнь, чтобы жалѣть о ней? Развѣ это добрый ангелъ, покидающій насъ въ часъ смерти?

Жаръ крови есть огонь жертвы, а жертва есть то, къ чему мы стремимся. Счастливы тѣ, кто можетъ за народъ принести себя въ жертву».

И сказали эти несчастные: «правду говорить этотъ человекъ; ибо несчастіе насъ та женщина, которая пришла сюда за мужемъ своимъ и страдаетъ за сердце человекъ».

Идите съ нами — мы покажемъ вамъ сырую яму, гдѣ живеть эта мученица съ супругомъ своимъ. Была она знатною госпожею и княгинею, а стала она — какъ прислужница нищаго.

Но не достоинъ страданія тотъ, кого она полюбила; ибо, павъ на колѣни передъ царемъ, она умоляла о жизни, и дали ему жизнь, презирая его».

Говоря такъ, подошли они къ стѣнѣ и сквозь рѣшетку увидѣли этихъ двухъ супруговъ.

Молодая женщина стояла на колѣняхъ передъ мужемъ и въ чашѣ съ водою обмывала ноги его; и былъ онъ, какъ поденщикъ, вернувшійся съ работы. И вода въ сосудѣ покраснѣла кровью его, а женщина не чувствовала отвращенія къ мужу и къ крови его, и была она молода и прекрасна, какъ ангелы небесные.

Эти двое людей были подданные царя.

<...>

ГЛАВА XVI.

И оставшись одинъ, воскликнулъ Ангелли печальнымъ голосомъ: «и вотъ уже конецъ».

Что дѣлалъ я на землѣ, или то былъ сонъ?»

И когда думалъ Ангелли о тайнахъ грядущихъ, зардѣлось небо и вспыхнуло великолѣпное солнце, и ставъ на чертѣ земли, оно не поднялось, червонное, какъ огонь.

Пользовались днемъ короткимъ небесныя птицы; и бѣлыя чайки, которымъ Богъ повелѣлъ скрыться передъ наступленіемъ тьмы, летѣли большими стаями съ крикомъ.

И взглянулъ на нихъ Ангелли и воскликнулъ: «куда летите вы, о чайки?»

И показалось ему, что въ стенаніи птицъ услышалъ онъ голосъ, отвѣчающій ему: «летимъ въ отчизну твою!»

Что же ты намъ велишь? Повелишь ли намъ поклониться кому-нибудь? Надъ какимъ милымъ домомъ велишь опуститься намъ и запѣть ночью пѣснь несчастія?

Чтобы проснулась твоя мать или родные твои и стали плакать въ темнотѣ отъ ужаса, думая о сынѣ, котораго поглотила страна могилъ, и о братѣ, котораго сразило несчастіе.»

Такъ кричали птицы; и разбилось сердце Ангелли, и упалъ онъ.

А солнце утонуло подъ землею и исчезло, и только всего выше летящія птицы свѣтились на сапфировомъ небѣ, какъ гирлянды бѣлыхъ розъ, улетающія къ югу. Ангелли былъ мертвъ.

ГЛАВА XVII.

Во мракѣ, который потомъ насталь, загоралась великая полуденная заря и пожаръ облаковъ.

И усталый мѣсяцъ спускался въ лучи небесъ, какъ бѣлый голубь, слетающій вечеромъ на хижину, озаренную солнцемъ заката.

Элоэ сидѣла надъ тѣломъ умершаго съ печальной звѣздой въ расплетенныхъ волосахъ.

И вотъ внезапно изъ огнистой зари выступилъ рыцарь на конѣ, вооруженный съ головы до ногъ, и понесся со страшнымъ топотомъ.

Снѣгъ разступался передъ нимъ, передъ грудью коня и шелъ, какъ волна, вспѣнная передъ ладьей, а въ рукѣ рыцаря была хоругвь, и на ней пылали три огненные буквы.

И, прилетѣвъ къ останкамъ Ангелли, воскликнулъ рыцарь громовымъ голосомъ: «здѣсь былъ воинъ, пусть онъ встанетъ!»

Пусть сядетъ онъ на коня, я помчу его быстрѣе бури туда, гдѣ развеселится онъ въ огнѣ.

Вотъ возстаютъ изъ мертвыхъ народы! Вотъ трупы вымостили улицы городовъ! Вотъ народъ побѣждаетъ!

Надъ кровавыми рѣками и на балконахъ дворцовъ стоятъ блѣдные короли, пурпурныя одежды сжимая на груди, чтобы укрыть грудь отъ свистающихъ пуль и отъ вихря мести народной.

Короны ихъ улетають съ головъ, какъ орлы небесные, и черепа королей открыты.

Богъ низвергаетъ молніи на сѣдья головы и на чело ихъ, лишенное короны.

Кто имѣетъ душу, пусть встанетъ! Пусть живеть! Ибо настало время жизни для людей сильныхъ.»

Такъ говорилъ рыцарь, а Элоэ, вставши и отойдя отъ останковъ, сказала: «не буди его, рыцарь, — онъ спитъ. Онъ былъ избранъ на жертву и на жертву сердца... Лети дальше, рыцарь! Не буди его».

И я виновна, что сердце его не было такъ чисто, какъ алмазный родникъ, и благоуханно<,> какъ лилія весенняя.

Мнѣ принадлежать эти останки, и это сердце было моимъ. Рыцарь, конь твой бьетъ копытомъ, лети дальше!»

И полетѣль тотъ огненный рыцарь съ шумомъ<, > подобнымъ шуму великой бури; а Элоэ съла надъ тѣломъ усопшаго.

И возрадовалась она, что сердце Ангелли не пробудилось на зовъ рыцаря и онъ уже покоится сномъ.

[Словацкий 1913]

Ст. А. Айдинян

РАННИЕ ГОДЫ АНАТОЛИЯ ВИНОГРАДОВА

(по архивным изысканиям)

«Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Черный консул» — эти романы в советское время были очень известны, популярны, читаемы; даже были дни до войны, когда за ними как за новинками выстраивались очереди в библиотеках. Их автор — Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888–1946). О нем опубликованы статьи в Большой советской и Литературной энциклопедиях. Рукописи писателя хранит РГАЛИ.

Родина Анатолия Виноградова — село Полотняный Завод, имение Гончаровых, тех самых, «пушкинских» Гончаровых, к которым, в родовую вотчину жены, дважды приезжал великий поэт. Но не только «географически» связано начало жизни Виноградова с пушкинскими местами, связь эта прочнее. Его крестной матерью была родная племянница Н. Н. Пушкиной-Ланской Екатерина Дмитриевна Гончарова.

Е. Д. Гончарова — одна из первых русских женщин-врачей, общественница, пацифистка, участница Рейнского конгресса 1867 года. Она близко дружила с Надеждой Николаевной Виноградовой, матерью будущего писателя, и на семью Виноградовых оказала большое влияние — особенно в то время, когда отец Анатолия Корнелиевича, Корнелий Никитич Виноградов, учительствовал в полотнянозаводской школе. «Память об этой замечательной женщине, — писал Виноградов в одной из поздних своих автобиографий, — является для меня одним из самых дорогих воспоминаний прошлого».

По ходатайству семьи Гончаровых К. Н. Виноградов получил в 1893 г. перевод в земскую школу Тарусы, города на берегах Оки. Не тихой ли и возвышенной красотой тарусской природы очарована была душа мальчика, который «обладал такой яркой свежестью мироощущения, несмотря на голодуху в се-

ме, таким беспредельным запасом свежих сил, что все кругом, весь мир казался ему собственностью и неистощимым запасом для утоления любопытства» (из письма А. Виноградова А. М. Горькому от 24 февраля 1928 г.).

Из Тарусы Виноградовы переехали в Москву, чтобы дать детям, Анатолию и Нине, хорошее образование. Мать Анатолия, Надежда Николаевна, с детства прививала сыну любовь к литературе, по приезду в Москву стала приучать к посещениям библиотек и музеев, она же провела необходимую домашнюю подготовку — для поступления в гимназию.

Учиться он начал во 2-ой мужской прогимназии на Якиманке, а через год перешел в I Московскую мужскую гимназию вслед за отцом, получившим там место учителя и должность воспитателя. Трудно жилось первое время в Москве на скромное учительское жалование. Квартира — в подвальном этаже дома в Бабьегородском переулке. Ее ежегодно заливало москворецким разливом, и Виноградовы на это время перебирались к друзьям или ночевали на верхней лестничной площадке. На лето выезжали в Тарусу. В гимназии, где Анатолий учился, была принята старая классическая программа с полным курсом греческого языка, с удвоенным количеством уроков латинского, с телесными наказаниями, с карцером.

Помимо гимназических занятий, Анатолий обучался искусству препарирования у известного ученого-орнитолога Федора Карловича Лоренца. Это — его первые шаги в естественнонаучную область.

Толя был подростком самостоятельным. Да и родители, видимо, не стесняли его желания попутешествовать. Ему не приходилось тайно бежать из дома в Америку, как героям чеховского рассказа «Мальчики». Он дважды в летнее время уезжал на Черное море. Поступал на корабли юнгой. Лето пятнадцатилетия Анатолий провел на берегах Ледовитого океана. Там он оказался в составе научной экспедиции приват-доцента Харьковского университета А. В. Шидловского. При экспедиции исполнял обязанности препаратора. Путешествие 1905 года Анатолий описал в путевых заметках «От Кандалакши до Колы» [РГАЛИ, ф. 1303, ед. хр. 219, с. 27–28]:

<...> Кругом ни тропинки, ни дороги, ни одного человеческого следа. И ни один звук не проходит в эту постоянную полутьму леса. Только слабая трель зяблика тоскливо раздается в его таинственной тишине, да изредка подымается курапатка. Но когда налетит ветер, набегут тучи и по вершинам гор поползет холодный туман, тогда загудит вихрь в ущельях и в пропасти посыплется, как песок, гранитные обломки и камни. Тогда зашумит под резкими порывами ветра темная хвоя сосен, елей, затрещат под страшным напором молодые пихты, заволнуется могучая гладь Имандры и пойдет синий взвонд с белыми барашками, ударяясь о скалы и пенясь и разбиваясь в брызги и вновь ударяясь. Словно... горный дух в гневě хочет разорвать тучи, снести леса и раздробить скалы. И вот опять покой, опять сон и безмолвие, опять тот же суровый северный пейзаж! <...>

Но не только описания природы, в которых чувствуется перо будущего писателя, волнуют в путевых заметках юного путешественника:

<...> Мне преграждает дорогу утес. Взбираюсь на него и иду дальше. Вот, думаю, если оборваться немного сейчас, то и готово — прямо в море. Уцепиться не за что, голый гранит, скользкий, мокрый от непрекращающегося дождя. Только что это подумалось — нога поскользнулась, ружье выпало и я стремительно покатился по выпуклому гладкому склону. Единственно что меня спасло, так это кустик можжевельника, о который я продрал руки и повис на нем.

Кое-как поставил я ногу в ямку, потом с грехом пополам немного дальше другую и выпрыгнул. Оглянулся и посмотрел вниз; прозрачная морская вода, в ней продолжается крутой, почти вертикальный спуск и исчезает в черной бездне. Я отделался только двумя патронами, которые утопил [там же, с. 99].

Кроме «заметок», сохранился еще дневник путешествия, где подробнее описаны переходы от стоянки к стоянке и по пути встреченные — растения, птицы, местные жители прибалтийского края. Сквозь трудности и смертельную усталость пеших переходов все же пробивается очарованность северной первозданностью природы.

Часть экспедиции во главе с ее руководителем Шидловским погибла в море у Айновых островов. Потом нашли только щепки от суденышка — «карбаса», да парус... Анатолия не было в лодке, он не поехал туда, откуда не возвратился никто... Но у него были предчувствия, даже «странное видение» от усталости, о котором он решил никому не говорить, побоялся, что его сочтут «сумасшедшим». Только позже он записал в дневнике: «Значит, утром 28 я получил какое-то предупреждение. Или это усталость? Я не верю в видения».

Потом Анатолий через Норвегию «без паспорта и почти без денег» возвратился домой, в Россию.

1905 год прошел по Российской империи стачками, забастовками, кровью 9 января, шквалом Декабрьского вооруженного восстания.

События повернули гимназистов старших классов «лицом» к политике. В I Московской мужской гимназии создался литературно-политический кружок, в котором обсуждались и изучались памятники мировой литературы и книги по марксизму. Анатолий принимал участие в этом кружке.

Когда восстание в Москве было подавлено и началась кровавая пора столыпинского «умиротворения», семья учителя Виноградова укрывала бежавших из тюрьмы рабочих, оказывала денежную помощь заключенным революционерам.

Отец Анатолия был заподозрен. До окружного начальства дошли сведения, что К. Н. Виноградов замечен в политически вредных высказываниях. Прямыми доказательствами инспекция не располагала, но Корнелия Никитича все же лишили прав преподавания под тем предлогом, что он, не имея университетского диплома, служит учителем средней школы. Тогда учитель заявил окружному инспектору, что «приобретение университетского диплома не представляет для него никакой трудности». Инспектор потребовал письменного подтверждения этой фразы. И К. Н. Виноградов имел смелость предстать перед Государственной испытательной комиссией: он не только блестяще выдержал экзамен, получил диплом I степени, но единодушно был избран членом Математического общества

при Московском университете. Только в гимназию Корнелий Никитич не вернулся; место его было потеряно, и он стал помогать жене Надежде Николаевне, исходатайствовавшей право открыть частную приготовительную школу...

Каким осознал себя Анатолий в те ранние его годы? Вот пожелтевшая фотография — любительская, начала века [РГАЛИ, ф. 1303, ед. хр. 1315, л. 16]. На ней — подросток в сапогах, в шляпе, с охотничьим ружьем. И надпись на обороте, бисерным почерком, знакомым по дневнику путешествия, по путевым заметкам:

Анатолий Виноградов, род. 1888-го 28 марта. Умер — ? Еще не умер. Не спешу. Характеризуется суммой следующих признаков: Сам себя не знает. 2) Не знает, чем интересуется. 3) Отсутствием способности работать. 4) Лению.

Ожидает от себя очень многого, но это от незнания самого себя. 5) Считает себя более чем обыкновенным, по неопытности. 6) Что бы он ни делал, у него ничего не выходит. 7) Все его работы не окончены. 8) Небольшой недостаток умственной способности.

Общая характеристика: малый славный, но бездельник и надоедлив.

В записи этой самокритичность борется с юношеской лукавой самоуверенностью. Тогда — было время его юности, уже начинающей о многом задумываться, но еще бесшабашной, которая — и за книгой в библиотеке Румянцевского музея, и — в кулачных боях на льду Москвы-реки.

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКИЕ

Окончив в 1906 г. гимназию, А. Виноградов поступил, идя по стопам отца, на физико-математический факультет Московского университета. Ко времени зачисления Анатолия студентом факультет физико-математический считался одним из самых сильных в Университете. Там занятия вели преимущественно профессора, многие из них — с мировым именем: Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, Н. Д. Зелинский и др. Два академических года А. Виноградов учился на естественном отделении. Сдав экзамены за восемь семестров и «чувствуя себя достаточно подготовленным в области точных наук», он изменил направление образования — в 1908 г. поступил на философское отделение историко-филологического факультета.

При всей широте образования, получаемого студентами историко-филологического факультета, основное направление преподавания на философском отделении было религиозно-философским.

На кафедре философии главенствовали профессора — Лев Михайлович Лопатин и два брата, князя Трубецкие, Сергей Николаевич и Евгений Николаевич, принадлежавшие к школе Владимира Соловьева. О Соловьеве, известном русском философе-идеалисте, красноречиво сказано было во 2-м номере жур-

нала «Заветы» за 1914 г. (с. 2): «Трудно было не поддаться чарующему обаянию его в даль устремленной мысли, его волнующей писательской речи. *Соглашались* немногие, *прислушивались* почти все».

Неудивительно, что студенческая курсовая работа А. Виноградова называется «Обоснование этики по Вл. Соловьеву» (хранится в РГАЛИ). Религиозно-мистическое учение Вл. Соловьева, философа и поэта, имело большое влияние на русскую дореволюционную культуру.

Особенно увлекались спиритуалистикой Соловьева «младосимволисты» А. Блок, А. Белый, С. Соловьев — племянник Владимира, двоюродный брат Блока, близкий друг А. Белого и... А. Виноградова.

Сергей Соловьев с Анатолием Виноградовым учились в университете на одном факультете. Только С. Соловьев — не на философском, а на классическом отделении и был старше Виноградова на курс. Еще студентом он выпустил свои первые поэтические книги «Цветы и ладан» (1907) и «Апрель. Вторая книга стихов» (1910). В «Апреле» среди стихов, написанных в 1906—1909 гг., А. Виноградову посвящено мрачноватое стихотворение «Иоанн Грозный».

Не остался в долгу перед Соловьевым и Виноградов. Обращением к «другу, неизменно любимому, Сергию сердцу любезному», открывается его большая, сохранившаяся в рукописи поэма «Век Сатурна». Эта «филологическая» поэма, относящаяся к 1910—1911 гг., написана античным размером. Однако в ней, несмотря на тяжеловесную «антику» рифмы, изображены не деяния греков и римлян, а живые, уютные картины лета в Тарусе, красоты русской природы, таинства тарусской старины.

Еще больше, чем с С. Соловьевым, Виноградов дружил с поэтом Юрием Сидоровым. Юрий Сидоров, по мнению Андрея Белого, был «человеком замечательным». «Эти люди нужнее многих прекрасных книг, те, кто помнит Сидорова, знают, что унес он с собой; он унес с собой редчайший дар, который делает человека знаменосцем целого течения», — писал А. Белый в предисловии к посмертно изданному «Альциной» сборнику «Стихотворений» поэта. Были еще в сборнике предисловия Б. Садовского и С. Соловьева¹.

Совсем молодым, 22 лет, после недолгой болезни умер Ю. Сидоров. С его смертью записные книжки Виноградова наполнились записями отчаянными, говорящими о том, как глубоко Анатолий переживал смерть друга: «Никто в мире не был мне так близок, как Юра. С ним я не был одинок. Теперь нет его...» Чувство скорби доходит до апогея: «Избави мя, Господи, от искушения пойти за Юрушкой», — записывает он.

А. Виноградов в 1909 г. переживает глубокий душевный кризис. Каждое воспоминание о друге он наполняет особым смыслом. Ему кажется, что уход из жизни «Юрушки» имел мистическую окраску.

Его посещают болезненные сновидения, в которых является умерший друг. В одном из снов ему привиделось, что Андрей Белый и Сергей Соловьев непо-

нимающе и даже издевательски отнеслись к его горю. Тем не менее, Виноградов сделал попытку сблизиться с Андреем Белым — Борисом Николаевичем Бугаевым. Но когда он пришел к нему в назначенный час помянуть вместе покойного Сидорова, Белого не оказалось дома. И Виноградов послал 12 мая 1909 г. Белому письмо, в котором написал о том, что «посещение было последней попыткой к сближению», и заверяет, что оно «никогда не повторится».

Ю. Сидоров и А. Виноградов, настроенные мистически, были серьезно увлечены «апокалиптическим христианством» Дм. Мережковского. Виноградова ужаснули последние слова умирающего Сидорова: «Как я могу жить: сейчас приходил Антихрист и меня убил». Обреченными предтечами осознает Анатолий себя и своего погибшего друга. Он заносит бисерным почерком в записную книжку: «Мы дело говорим<,> и положение наше серьезно и ответственно и опасно; что имя Гоголя воистину обязывает, это лучше всего показывает Юра своею смертью...».

Виноградов встречается с Мережковским: «Во второй день по смерти Юрия я был в теснейшей связи с Мережковским. Только в этот день я был ему так близок, ибо говорилось и думалось о смерти, а Мережковский знает, что он и все, что идет за ним, умирает... Дерзновенны наши речи И на смерть осуждены Слишком ранние предтечи Слишком медленной весны».

Цитируемые Виноградовым строки из известного стихотворения Д. Мережковского обретают в этой записи невольную «обращенность» к кончине Ю. Сидорова. И смерть молодого, не успевшего себя широко проявить поэта, становится для нас символом декаданса, быстро расцветшего, быстро угасшего...

Но вскоре А. Виноградов усомнился в своем кумире, авторе «Христа и Антихриста». И уже в запальчивом тоне, с осуждением обращается он к Мережковскому [РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 296, Зап. кн. 1, л. 22]:

Вы имеете что-то, что Вы очевидно именуете сошествием на Вас Святого Духа и присутствием господина Иисуса Христа. Но тогда где ручательство, что то, Вас осеняющее, не есть от Антихриста? Вы сами знаете это не безусловно и не твердо. Как же вы нас влечете, во имя какой реальности? К каким берегам нас зовете?

Раскрыл бы я все это. Смерть моего друга очень побуждает меня крикнуть: «Слово и Дело». Но подождем.

Итак, в «апостоле» заподозрен «Антихрист». Где же «Христос»?

Тогда было время подобных вопросов, время богостроительства, время богоискательства... Не только А. Виноградов искал «духовных учителей». Вся интеллигенция была в поиске пути, который бы вывел из тупика, определил смысл жизни, действительности. Людей обуревала мечта об изменении мира и себя — это и было предчувствие перелома, предчувствие, так причудливо отразившееся в художественной литературе.

¹ См. раздел, посвященный Юрию Сидорову, в настоящей книге.

ВСТРЕЧА СО ЛЬВОМ ТОЛСТЫМ

Выяснить вопросы наболевшие, камнем на сердце лежащие, А. Виноградов отправляется... в Ясную Поляну. У Льва Толстого захотел он найти истину, которую многие другие искали у Н. Бердяева, В. Розанова, Ф. Ницше, Р. Штейнера...

27 февраля 1909 г. Душан Маковицкий, автор «Яснополянских записок», сделал в своей хронике такую запись: «Л.Н. спал хорошо; утром гулял. После полудня был у него московский студент, говорил час о вере».

Д. Маковицкий не записал имени молодого человека. Мало ли молодежи посещало Льва Николаевича, писало ему...

Встрече Виноградова с Толстым предшествовало письмо студента-философа яснополянского мыслителя; «<...> может, менее, чем кто иной, смею беспокоить Вас, но не праздное меня зовет к Вам любопытство; не дерзнул бы я идти к Вам, но умер спутник мой и скорбь меня побуждает» [ОР ГМТ, фонд Толстого, № 68327].

Прочтя письмо, Толстой принял Виноградова.

26 февраля 1909 года. Ясная Поляна. Спор с Гусевым² бесплодный. Ему хорошо, а мне какво? Л.Н. вошел в прихожую. Шаркает ногами и говорит: «где молод *щеловек?*» Слышу через дверь, снимает калоши. Вошел в черной блузе, в сапогах порыжелых. Глаза светло-синие, лицо потемневшее красно от мороза, серые волосы. Горбится. Поздоровался. «Помогу чем умею. Каждый сам себе помочь должен. Так ведь?» — и засунул руки за пояс. Засим просил остаться и позавтракать: «а сейчас мое время» — сказал еще слов десять и ушел, спросивши сколько мне лет³.

Трепетно ожидал Виноградов предстоящего разговора с Толстым. Хотел с этого разговора, с этой встречи начать «иную жизнь». Намеревался — «беречь старика, с любовью и осторожностью говорить, не беспокоя».

Толстой при кратком, первом свидании дал Виноградову почитать «статьи неизданные и издаваемые за границей» и копии двух своих писем — Н. А. Рукавишникову и индусу Таракут Дасу. Дал для того, чтобы приехавший молодой человек ближе познакомился с толстовским мировоззрением. «Читаю и нехорошее со мною делается», — записывает Виноградов, — это впервые бросились ему в глаза противоречия у Толстого. Потом поехал к жившему неподалеку от Ясной Поляны В. Г. Черткову, другу и единомышленнику Толстого, издателю его сочинений. Читая хранившиеся у Черткова толстовские дневники и делая из них выписки, он опять не соглашается, пишет по поводу прочтенного: «Л.Н. Это любовь сквозь человека, не к живому человеку».

² Николай Николаевич Гусев (1882–1967) — секретарь Л. Толстого в 1907–1909 гг.

³ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 296, Зап. кн. 2, с. 46.

И наконец час свидания наступил.

27 февраля 1909. Ясная Поляна.

Рука несколько дрожит. Только что сошел с верха из кабинета Льва Николаевича. Пишу с трудом. Вошел к нему в кабинет, вижу:<:> сидит в углу на кресле. Встал, здоровается. Я спрашиваю: «как Ваше здоровье?» — он говорит: «Ничего теперь, вчера слабость была большая. Нынче хорошо. Быть может,<:> паралич будет. Помирать скоро, к смерти ближе». Я говорю: «Зачем помирать, с нами побудьте», а он: «да и смерть хороша и умереть хорошо», улыбаясь. Затем начал — «Мне вчера Ф.А. [Ф. А. Степанов, толстовец. — Ст. А.] сказал о Вас, не думаю, чтобы мог я быть Вам чем-нибудь полезен, если Вы придерживаетесь таких убеждений, то я ничего не могу Вам сказать». Затем говорил о Достоевском — «много путаницы», о том, что «в мире тайны нет и вера не нужна, а знать о Боге нужно, это я знаю», о М. [Мережковском. — Ст. А.]: он ничего не знает и не помнит. Когда я рассказал ему, то он сказал, что это религиозные конфетки и что если Вы любите Бога, то зачем Вам Мережковский, зачем Черешковский, и Терешковский, к черту Мережковского. Никто Вам не нужен и Толстой Вам не нужен, к черту Толстого, ну его к собаке под хвост. Тут он рассмеялся веселым и быстрым смехом. Но дверь открылась и вошла Софья Андреевна. Она очень молода и имеет прекрасный цвет лица. Поздоровалась со мною улыбнувшись и строго посмотрела на Льва Николаевича. Он спросил: «Ты что, Сонюшка», «Да я, — сказала С.А., — слушаю ваши разговоры и мне кажется, ты очень горячишься».⁴

Толстой в самом деле потом разгорячился, потому что Виноградов осмеливался не соглашаться, спорить, противоречить.

Когда сказал мне, что надо душу спасти, я быстро спросил — «От чего?». Он сим вопросом был изумлен и рассержен.⁵

Несогласие проявилось и во мнениях о революционной деятельности социал-демократии, к которой Толстой относился отрицательно, а Виноградов, напротив, придерживался оценки положительной, несмотря на то что в те годы он был достаточно религиозен и в мировоззрении своем, конечно, был идеалист.

«Пьяным с трезвым сошлись», — характеризует свое идейное столкновение с Толстым «московский студент», имея в виду понимание Толстым веры как знания, резко противоречащее «пьяной» жажде мистического озарения, которой томился А. Виноградов. В Толстом не нашел он учителя жизни, но узнал мнение Толстого о Мережковском, творения которого апостол литературы русской назвал «религиозными конфетами». Посреди выписок из толстовского дневника, в той же записной книжке отчетливо читается запись: «Неужели Юра умер от ядовитой конфетки? Толстой говорит, что да»⁶. Но трудно было Вино-

⁴ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 296, Зап. кн. 2, с. 48.

⁵ Там же, с. 49.

⁶ Там же, с. 47.

градову согласиться с Толстым: «Л.Н., это не религиозные конфекты. Там, где смертью платят, там не из-за конфект умирают! Там душу полагают за истину. Мне же своя жизнь не дорога»⁷, — возражает он.

«Л.Т. просто в одну точку, не сворачивая шел, поразительна в нем эта прямолинейность. Обратив внимание на точку предмета, обо всем предмете позабывает»⁸, — пытается охарактеризовать Толстого студент-философ.

Из предисловия к полузабытой книжечке А. Виноградова «Шейх Мансур» узнаем, что Виноградов не единственный раз был в Ясной Поляне и у Чертковых — «А через полгода с Е. Д. Гончаровой, моей крестной матерью, я два раза был снова там, где А. К. Черткова⁹ нас принимала <...>» [Виноградов 1934, с. 4].

Во второй приезд Виноградов слышал от Толстого рассказ о деятеле кавказской войны XVIII века Мансуре, предшественнике Шамиля. Этот устный рассказ годы спустя вдохновил Виноградова на написание очерка «Шейх Мансур». Правда, когда в 1934 году очерк увидел свет, критика указала на то, что сам Толстой почерпнул сведения о Мансуре из журнала «Русская старина» и лишь пересказал содержание сомнительной по достоверности статьи. Но, тем не менее, очерк ценен как свидетельство неиссякаемого интереса создателя «Хаджи Мурата» к истории Кавказа.

О февральской поездке в Ясную Поляну Виноградов упоминает также в статье «Происхождение и смысл военных картин у Л. Толстого». Статья эта, опубликованная в 1928 г. в октябрьской книжке журнала «Печать и революция», проводит параллель между творчеством Толстого и Стендаля. В том же году имя Виноградова находим в предисловии к парижскому изданию «Четырех книг для чтения» Л. Толстого. Профессор Шарль Саломон, лично знавший Толстого и тоже навещавший его некогда в Ясной Поляне, выражает признательность «г-ну Виноградову из Румянцевского музея, стэндалеведу и меримеисту, столь же эрудированному во французской, сколь и в русской литературах» за «указание источников, которые Толстой дал в первом издании»¹⁰.

А ведь об этом четырехкнижии, в русском издании называвшемся «Круг чтения» (избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении), Толстой говорил А. Виноградову в 1909 г.: «Зачем Вы его [Д. Мережковского. — *См.* А.] читаете, ведь столько истинно хороших книг. Посмотрите мой “Круг чтения”, сколько их там»¹¹.

Так переплетаются судьбы людей и книг. Не прошли даром часы и дни, проведенные в Ясной Поляне. Они остались среди самых сильных впечатлений жизни, отразились в творчестве.

⁷ Там же, с. 52.

⁸ Там же, с. 52.

⁹ А. К. Черткова — жена секретаря Л. Толстого В. Г. Черткова.

¹⁰ *Leon Tolstoi. Les quatre livres de lecture* / Ed. Bossard. P., 1928, p. LXXII.

¹¹ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 296, Зап. кн. 2, с. 49.

Художественное творчество начинается с воображения, с мышления образами... И. А. Гончаров писал о творческом процессе [Гончаров 1955, с. 71]: «лица не дают покоя, пристают, позируют в сценах, я слышу отрывки их разговоров — и мне часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится в воздухе около меня и мне только надо смотреть и вдумываться».

Подобным образным, эйдетическим воображением обладал и Анатолий Виноградов: «Не чудо ли то, что мое создание, отпавшее от меня, меня же терзает и, отделившись, дает мне цепь странных и новых неожиданных душевных состояний...». И далее: «Не моя ли тень от меня отделилась и, получив жизнь, ты простираешь руку на меня? Улыбается, беззвучно смеется моя тень и качает головой, словно хочет <сказать>: “Не твое, я само!”»¹².

И еще — способность вживаться в человека, ощущать его — собою. Этим качеством славился Ф. М. Достоевский. В тех же записях Виноградова: «С моей <...> способностью перевоплощаться я мог на минуту искренне и глубоко пережить психологию толстовца»¹³.

Вот каковы были психологические предпосылки будущей приверженности к художественному творчеству. Конечно, одних этих свойств души недостаточно, чтобы стать и быть писателем. Первые ростки писательского мастерства пробиваются на тернистом пути самоанализа, они — расцветшие зерна духовного роста, с детства питаемые чуткой восприимчивостью, особой открытостью миру...

Уже в раннем стихотворении «Встреча» (см. с. 115) проявился интерес Виноградова к отечественной истории, к религиозному странничеству, старчеству — к старине русской. Карамзинской «Историей государства Российского» Виноградов в юности зачитывался «до самозабвения». «Историю», как он пишет в письме к поэту Б. Садовскому, он читал в библиотеке, принадлежащей сестре князя Н. А. Ливена. Сам князь, застав однажды юношу за чтением, изрек: «Читай, читай! Если теперь ты любишь прошлое родной земли, то выросши яснее увидишь грядущие ее судьбы»¹⁴. Слова эти запомнились. Любовь к истории впоследствии определила избранный им литературный жанр — историко-биографический. И без любви к истории не могли бы быть созданы книги его, посвященные истории литературы — «Мериме в письмах к Соболевскому» (1928 г.), «Мериме в письмах к Дубенской-Лагрэнэ» (1937).

Ранних прозаических проб у А. Виноградова было не меньше, чем поэтических. К ним относятся этюды «Солнечные сказки» — одна из первых попыток исторической прозы. В «Солнечных сказках» описана природа библейской Галилеи, «страны Генисаретской». Изобразительные средства этюдов выходят из берегов. Форма захлестывает содержание, и яркость красок затмевает само изображение.

¹² Там же, с. 51.

¹³ Там же, с. 48.

¹⁴ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 2, ед. хр. 71.

Интерес к библейской тематике Анатолий унаследовал от матери. Надежда Николаевна также пробовала написать на сходные мотивы повесть, оставшуюся незавершенной. Библейская тематика не сходила со страниц русской дореволюционной литературы. Интерес к ней «реставрировался» по временам — то появлением «Иуды Искариота» Л. Андреева (1907), то «Суламифи» Куприна (1908); или также изданиями и переизданиями всевозможных жизнеописаний Иисуса Христа — Ф. Фаррара, Э. Ренана, А. Эдершейма...

В 1909 г. А. Виноградовым завладел замысел «Дивного марева, или повести об очарованном книжнике». Героям «Дивного марева» назначены были таинственные приключения и превращения, описанные причудливым языком — с элементами романтизированной архаики. Проникнутая влияниями Мережковского, Лескова и Мельникова-Печерского, повесть была задумана как «толкование» раннехристианской легенды о святом Граале, той самой легенды, что лежит в основе сюжета опер Р. Вагнера «Парсифаль» и «Лоэнгрин».

Почему Виноградов решил художественно интерпретировать эту легенду? По всей видимости, потому, что в ней — контраст чувственного и духовного, столь характерный для символизма, в манере которого написана эта мечтательно-таинственная повесть.

Повесть «Девочка со скрипкой, или тайна графини Орфинской», как и «Повесть об очарованном книжнике», также не окончена; страницы ее тоже пронизаны чудесно-таинственным.

В основу «Девочки со скрипкой» начинающий прозаик предполагал положить историю исчезнувшей бесследно дочери молодого графа Поточского и тайно обвенчанной с ним Комаровской, однако замысел несколько раз менялся.

Воспитатель девочки — Чекалинский — однофамилец богатого игрока-банкомета из пушкинской «Пиковой дамы». Это не случайно, ведь Виноградов сам писал о том, что «образцом стиля» он хотел взять «Пиковую даму», а «образцом конструкции» — «Вильгельма Мейстера» Гете. В повести «слышны» исторические мотивы. Чекалинский — мастер последней польской масонской ложи, заговорщик, преследуемый полицией. Он, видимо, причастен к польскому освободительному движению 1830-х годов, мечтает сохранить «хоть одну искру патриотического пламени» своей отчизны. Тема масонской революционности XIX века будет еще развернута Виноградовым в историческую «Повесть о братьях Тургеневых» (1932) — о представителях дворянской интеллигенции пушкинской поры.

В «Девочке со скрипкой» «ведущий» мотив — иной. Вслушаемся в «музыку» описания:

<...> Меня поразила необыкновенная полнота звука, соединенная с его непрерывной длительностью. У меня стеснялось дыхание от этой магической тягучести нот, когда непосредственно после кантилены скрипка запела с сурдинкой и звук, не теряя певучести, стал мягким и задумчивым, как бы дремлющим или дальним, когда скрипка запела, словно боясь разбудить ребенка и послышалось только жужжание пчел над цветами, я почувствовал

волнение волшебной дремоты и не мог отогнать его, пока звуки не прекратились, угаснув вместе с золотыми лучами <...>¹⁵

Как не узнать в этом описании игры девочки знакомые краски, те самые, которые через много лет использовал А. Виноградов в «палитре» одного из лучших своих романов:

Нечеловеческая длительность этого звука, этой последней затянувшейся ноты, подавляла. Казалось, что эта нота сейчас оборвется, истощенная яростным движением смычка. Но она, обманув ожидание, приобрела новую силу и волной толкнула человеческую кровь к вискам. Напуганные, смущенные и утомленные слушатели в изумлении смотрели друг на друга <...> словно стремясь проверить, во сне или наяву продолжается этот волшебный, усыпляющий звук.

Так «звучит» игра гениального итальянского скрипача и композитора в известном романе А. Виноградова «Осуждение Паганини» (1936)¹⁶.

Романтическая повесть, писавшаяся в 1911 г., оказывается тематической предшественницей романа. В ней — столь же впечатляющее проникновение в природу звука, вдохновенная образность, переводящая музыку струн на музыку слов.

В сюжете «Девочки со скрипкой» намечался неожиданный поворот — автор, наделивший юную героиню феноменальными музыкальными способностями, приоткрывает тайну ее рождения. Оказывается, она — побочная дочь Паганини!..

А. Виноградов и Цветаевы

«Девочку со скрипкой» А. Виноградов читал у своих друзей — у сестер Цветаевых, в ныне не существующем и легендарном доме в Трехпрудном переулке, о котором сказано в стихотворении Марины Цветаевой: «В переулок приди Трехпрудный, эту душу моей души». С крыльца скромного московского домика, где жили Цветаевы, в литературу русскую сошел «Вечерний альбом» (1910), первая книга талантливого поэта.

Тогда Марина Цветаева не была широко известна, но уже была замечена: «Первая книга Марины Цветаевой, “Вечерний Альбом”, заставила поверить в нее и, может быть, больше всего — своей неподдельной детскостью, так мило-наивно не сознающей своего отличия от зрелости», — писал Н. Гумилев [Гумилев 1915, с. 50].

«Мы нередко бывали у Виноградовых, — вспоминает А. И. Цветаева. — Дружба крепла. Как-то так разделялись, что я — с Толей, Марина с Ниной. Толе было более двадцати лет. Большой, тяжелый, с русой бородкой, ледя-

¹⁵ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 486.

¹⁶ [Виноградов 1960, т. 3, с. 316].

Анастасия и Марина
Цветаевы. 1905 г.
Фотография из
фондов Культурного
центра «Дом-музей
Марины Цветаевой»

ными и ласковыми голубыми глазами...» [Цветаева А. 2008, с. 440]. Они принадлежали к одному дружескому кругу, в котором были Эллис, Нилендер, С. Соловьев. Об этом М. Цветаева упоминает в «Пленном духе», ее очерке об Андрее Белом.

Виноградоды жили на Волхонке, близ храма Христа Спасителя. Окна их выходили с одной стороны на стены Музея изящных искусств, основанного И. В. Цветаевым, отцом Марины и Анастасии; с другой стороны — во двор, где сквозь деревья виднелся лепной дворянский герб на особняке князей Голицыных. Там же, на Волхонке, помещалась частная пригготовительная школа, которую держала в те годы мать Анатолия, Надежда Николаевна.

А. И. Цветаевой запомнился «заглядывающий в сердце взгляд», которым отличались мать и сестра Толи. Красивой, синеглазой Нине посвящены два стихотворения в «Вечернем альбоме», в одном из них строки:

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру,
И нежнее, и глубже, быть может!

Виноградоды и Цветаевых связала Таруса. В Тарусу Цветаевы выезжали на дачу, Виноградоды там имели дом — он стоял на Ясной горе над крутым обрывом. (Там он стоит и сегодня.) Нина хорошо пела. На одном из тарусских любительских концертов она исполняла романс Рахманинова на стихи К. Бальмонта. Бальмонт, который был тогда в Тарусе и присутствовал на концерте, понравилось пение девушки. В ответ на его похвалу Нина подарила ему живую розу — цветок поэтов.

Меж Толей Виноградодым и Асей Цветаевой еще летом 1909 г. в Тарусе промелькнуло юношеское увлечение. В воспоминаниях Анастасии Ивановны есть лирический эпизод, об этом рассказывающий:

Мы вступили на зеленую от пронизанных солнцем орешниковых ветвей тропинку, по правому боку долины.

Была вдруг нежность меж нас и простота. (Так бывает от тоски, что скоро расстанутся.)

Толя шел слева, большой, взрослый, по русой бородке его — по чужому, вдруг ставшему близким, лицу бежали круглые пятна солнца, серебряные в зеленом сумраке веток.

Через канаву у поворота тропинки лежало упавшее дерево. Я остановилась. И смеюсь и серьезно:

— Перейдите по стволу на ту сторону! (Тонем приказа — и просьбы.)

Я ждала улыбки, остроумной реплики, лукавого спора, всего, но не этого: молча, он уже шел, стремительно, тяжелый, большой, — и на миг стал идти с осторожной медлительностью для успеха — и легко и сосредоточенно, двойственным шагом — через длинное, корявое, тонкое дерево. Радостно прыгнул — развел в сторону руки. С полупоклоном. Кто из нас был счастливее в тот миг? Он теперь весь был на солнце. Я — еще в зелени веток. Хорошо, что он не видел ясно мое лицо!¹⁷

Меж ними была, конечно, разница в возрасте. Ему — 20, ей — 14. Но зрелостью ума, знанием литературы и приобщенностью к поэзии эрудированный Анатолий и Анастасия, многих удивлявшая своим ранним развитием, — были почти равны.

Однажды свершилось и письменное «объяснение». Об этом Анастасия Ивановна рассказывает в отдельно изданной главке «Несколько слов о друзьях-писателях», в которой кратко — о Б. Пастернаке и О. Мандельштаме и подробнее — о Т. ЧуриLINE, П. Романове и А. Виноградоды.

Темный лес, звезды, холодок, тихие голоса, хруст под ногой, вспыхивающие спички, освещающие на миг личико Нины, Толины светлые глаза, бородку, улыбку... На другой день я написала сказку о ночи под Ивана Купалу. В ней рог луны отражался в каплях ночной росы. Было что-то зловещее, колдовское. Я послала ее Толе. С припиской почти нежной я получила большой конверт: Асе Цветаевой. Руки дрожали. Глаза не совсем видели строки. Тонко, мелко, прямыми точеными буквами на белом листе стояло: «Дорогая Ася! Я люблю Вас давно», — более ничего не помню. Торжество, радость, ликование заполнили все. Лицо Толи, длинные глаза, синие, ледяные — кому-то — упоенно смотрели в мои...¹⁸

«Ледяные — кому-то»... Растаявшим льдом, «честной голубой водой» те же глаза предстают у М. И. Цветаевой, изобразившей Анатолия Корнелиевича в очерке «Жених» (1933) человеком поверхностным, корыстным...

А. И. Цветаева не согласна с мнением сестры:

Марина, уже живя в Париже, написала о Толе Виноградоды очерк и назвала его — «Жених». В очерке он представлен человеком недалеким. Марина

¹⁷ [Цветаева А. 2008, с. 458].

¹⁸ [Цветаева А. 1986, с. 120]

мстила Анатолию за меня, за то, что он не помог мне с устройством на работу в трудном 1922 году, когда был директором Румянцевского музея и библиотеки. На самом же деле Анатолий Виноградов был умен и талантлив.¹⁹

Анатолий Корнелиевич, действительно, весьма сухо принял Анастасию Ивановну, когда та просила его о месте при музее и не помог, или... не смог помочь.

Причины тому могли быть разные. Во-первых — мест действительно не было. Попробуйте сегодня, не в голодные годы, устроиться на работу в РГБ, бывшую Ленинку и бывшую Румянцевку! Скорее всего вам ответят в отделе кадров, что штат полон и вакантных мест не имеется. Во-вторых, сама А. И. Цветаева в разговоре с автором этих строк предположила: Анатолий просто не захотел иметь на работе человека ироничного и язвительного, какой при случае она могла быть. Она ведь внутренне не принимала того административного «пыла», с которым Анатолий исполнял свои директорские обязанности. А он был самолюбив. И в-третьих, еще одно обстоятельство, которое могло стать препятствием... А. К. Виноградову и так приходилось в 1920-х годах оправдываться, он писал в редакцию «Вечерней Москвы»:

Социальный состав всех библиотек и музеев одинаков, я не имел никакого отношения к комплектованию штата в 1918—1920 гг., но свидетельствую, что невозможно было найти людей знающих много иностранных языков в чисто пролетарских семьях. Музееведы и искусствоведы несомненно были связаны с дворянской Россией, но на службе Советов многие оказались из них на высоте оказанного им доверия.²⁰

Впрочем, несмотря ни на что, А. Виноградов и Анастасия Цветаева в 1920—1930 гг. продолжали поддерживать дружеские отношения. Она даже писала ему в годах 20-х:

Милый Толя. Я Вам не сказала, и поэтому теперь пишу это — я всегда верила и верю в Вашу душу, не смейтесь и не скучайте над этой строчкой, и если когда-нибудь Вам будет еще труднее, — *помните*, что я Вам верный друг...²¹

Человеком совершенно неотзывчивым Анатолия Корнелиевича не назовешь. Виноградов помог выехать в Москву из Балашихи и устроиться на службу своему другу С. М. Соловьеву, хотя и пришлось в те недоверчивые времена преодолевать трения при «проведении» его в музей. Сергей Соловьев — не только поэт, филолог, переводчик, но еще до революции он был рукоположен в сан священника. У Анатолия тогда уже были иные верования, и со времени принятия Соловьевым «священства» их жизненные пути стали постепенно

¹⁹ Анастасия Цветаева. Об очерке моей сестры Марины «Жених». Личный архив Ст. А. Айдиняна.

²⁰ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 219, л. 20.

²¹ РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 246, л. 23.

Профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев с дочерью Мариной. 1905 г. Фотография из фондов Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой»

расходиться. Декрет воспрещал проведение служб в церквях при учреждениях. В Румянцевском музее временами декрет нарушали. Старое чиновничество настаивало на продолжении молебнов. С. Соловьеву трудно было отказать. Он писал Виноградову в 1922 году: «Я думаю, ты был прав, опасаясь моих служений в музейской церкви, именно в интересах музея и его репутации». С. Соловьев по собственной воле покинул музейную службу. Но им суждено будет встретиться с Анатолием еще не раз — в будущем.

«МУЗЕЙСКАЯ» СЛУЖБА

В гимназические и студенческие годы А. Виноградов часто посещал читальный зал библиотеки Румянцевского музея, который помещался в известном доме Пашкова на Моховой. Именно здесь его еще неуверенное перо выводило строки ранних художественных опытов:

В библиотеке золотые тени
Рождают вдруг, среди старинных зал
Волшебный рой таинственных видений<,>
А шелест книг — таинственный хорал
Возносит кверху, к куполу большому.
Сафьяны красные как матовый коралл
И золото тисненных переплетов
Глядят задумчиво и как-то по-иному<,>
Библиотекарь — маленький старик,
Как дух земли среди уснувших гротов,
Работает в хранилище для книг...²²

²² РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 296, Зап. кн. 3, с. 112.

В том же 1909 году, когда родилось это юношеское стихотворение, 5 ноября Анатолий Виноградов был зачислен в библиотеку Румянцевского музея вольнотрудящимся, то есть внештатным сотрудником, работавшим добровольно и без всякого денежного вознаграждения.

Ко времени поступления Виноградова в Румянцевский музей состояние библиотеки было критическим. Острая нехватка средств, малый штат — всего несколько десятков сотрудников, работавших на самое скромное жалование в тесных, перегруженных книгами помещениях. Людей не хватало, и старый библиотекарь И. И. Боборыкин предложил юноше-студенту принять участие в разборке книг, скопившихся в подвальных хранилищах. Эта «миссия» увенчалась успехом — Виноградову повезло найти полуотсыревшие библиографические редкости и — как он пишет в автобиографии — его находка была отмечена благодарностью в одном из отчетов.

Так начиналась деятельность А. К. Виноградова, посвященная библиотеке. В рапорте библиотекаря Ю. Готье от 21 мая 1910 года директору музея И. В. Цветаеву говорилось: «Осенью 1909 года по личному его самого желанию к занятиям в библиотеке допущен известный лично Вашему Превосходительству, а также и бывшему в то время заведующему читальным залом А.С.Петровскому студент Виноградов. Занимался он в свободное от посещаемых им в университете занятий время, причем управление библиотеки не считало его работником обязательным, а только находило возможным дать ему случай применять на деле его склонность к библиотечному делу и библиотечной службе. <...> Никаких, однако, определенных обещаний, относительно места в библиотеке Виноградову я не давал; напротив, указывал ему, что никаких обязательств по отношению к нему я как библиотекарь принять не могу. Да и со стороны Виноградова никаких претензий на штатное или хотя бы платное место не поступало».

Добровольная работа в библиотеке, университетские лекции, занятия и... в те годы совершившееся приобщение к культурной жизни. Имя А. К. Виноградова значится 20-м в списке членов «Общества свободной эстетики» к 1 мая 1910 года. В списке этом много имен воистину замечательных: М. Волошин, Ю. Балтрушайтис, И. Грабарь, сестры Гнесины, К. Станиславский, Николай и Эмилий Метнеры, В. Серов, Ф. Шаляпин, Л. Пастернак, А. Гольденвейзер, С. Танеев и др.

Собрания и заседания общества собирались чаще всего на Большой Дмитровке в доме Востряковых. Там звучали концерты — исполнялись новейшие музыкальные произведения, читались доклады, устраивались вернисажи, проходили диспуты, обсуждения современных явлений культуры, искусства.

В литературной части задавали тон символисты. Во главе Комитета общества стояли В. Брюсов и А. Белый, который потом сатирически изобразил «Свободную эстетику» в «Москве под ударом» — первой части его романа «Москва».

Просматриваем отчет о деятельности Общества за 1910 год. <...> 27 января — доклад В. Я. Брюсова о «Египетских ночах» Пушкина, В. Я. Брюсовым был прочитан ряд новых стихотворений. 3 февраля — исполнение Вандой Ландовской на клавишине ряда пьес времен Шекспира. 17 февраля — Федором Сологубом прочитан рассказ «Путь в Дамаск» и ряд новых стихотворений. 17 мар-

та — доклад Вячеслава Иванова «О новых литературных группировках»; доклад вызвал возражения со стороны В. Брюсова, А. Белого, Г. Рачинского и Элліса; Вяч. Ивановым был прочитан ряд новых стихотворений. (Быть может, к этому выступлению Вячеслава Иванова относится запись А. Виноградова [РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, Зап. кн. 1, с. 16]: «Стихи Иванова прекрасны и драгоценны. Чтение его меня испугало».) 24 марта — доклад Л. Кобылинского²³ «О “симфониях” Андрея Белого». Н. Гончаровой выставлены были ее новые работы<: > 18 картин <...>

Один только этот краткий и неполный перечень говорит о том, что «Общество свободной эстетики» было синтетическим сплавом представителей литературы, поэзии, живописи, музыки. Видно, что оно служило местом встреч и творческих турниров московских и петербургских символистов, было объединением избранного круга художественной интеллигенции.

Присутствуя на заседаниях общества, встречаясь с его членами, А. Виноградов не мог не испытать влияния его членов. Но замкнутый мир, «отравленный ядом Бердслея и Сомова» (по выражению С. Соловьева — кстати, тоже члена «Общества...»), не захватил его целиком, не заморозил... Судя по дневниковым записям, жил в нем душевный непокой, тлея неудовлетворенность. И особенно неудовлетворенность жизнью обострилась в 1910 году в день тяжелый для всей России. «Сегодня 7-го ноября в 6 часов 5 минут утра умер Лев Николаевич Толстой. В железнодорожном вагоне на станции Астапово начав свое скитание<: > окончил многоскорбную жизнь в душевной муке за людские страсти. Не вернется более. И мы живем позорною жизнью», — записывает он²⁴. Темное, болезненное чувство неприятия бытия становится характерным для лучших представителей культуры: «Более, чем когда-нибудь, я вижу, что ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь. Ее позорный строй внушает мне только отвращение», — пишет в 1909 г. в письме к матери Александр Блок (цитируется по книге [Орлов 1980, с. 419]). Видим — в этом чувстве никогда не встречавшиеся или во всяком случае незнакомые Виноградов и Блок — созвучны...

1911 год был счастливым для семьи Виноградовых — выходом книги, которая называлась по-русски: «Арифметические упражнения и задачи для приготовительных классов средних учебных заведений и для начальных училищ». Живой и доходчивый учебник этот, выдержавший два издания (2-е в 1915 г.), был написан Корнелием Никитичем Виноградовым, отцом Анатолия. В учебнике собраны сочиненные опытным учителем оригинальные задачи, материал для которых был взят из повседневности.

В 1912 г. А. Виноградов окончил Московский университет. С успехом защитил философскую дипломную работу на степень «кандидата» — «Понятие абсолютного бытия и его эволюция в пределах элейской школы».

По окончании магистерских экзаменов он был удостоен диплома I степени и после трех лет бесплатной работы вольнотрудящимся получил штатную должность младшего помощника библиотекаря в Румянцевском музее. Млад-

²³ Элліса.

²⁴ Там же, ед. хр. 296, Зап. кн. 6, с. 241.

шим помощником библиотекаря без единого продвижения он оставался до 1918 года.

Так как новообретенная «музейская», как тогда говорили, должность чиновника X-го класса давала мизерное жалованье, то Виноградов подал прошение директору I Московской мужской гимназии о предоставлении ему уроков истории. После необходимой переписки с попечителем округа он был принят в гимназию, где параллельно с работой в музее стал преподавать историю, позже и подготовительный курс философии. Как преподаватель входил теперь Виноградов в здание гимназии на Волхонке, где служил его отец и где сам он не так давно шалил за спиной у классного надзирателя и отвечал урок перед доской.

ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЕЗДКА

На лето 1913 года Виноградов выхлопотал командировку (на свои средства) от Императорского Московского и Румянцевского музеев за границу — для ознакомления с музеями и библиотеками Германии и Италии. Сохранилось сопроводительное письмо, подписанное министром просвещения Италии, которое открывало перед путешественником-исследователем двери библиотек королевства с тем, чтобы он изучил в них «все доступные детали, которые могли бы быть ему полезны». Он вспоминал потом «прекрасные часы, проведенные под тихими сводами Амброзианской библиотеки» в Милане. Бывал в Ватикане, рассматривал Сикстинскую капеллу, пинакотеку...

Уже тогда он интересовался жизнью и наследием классика французской литературы Стендаля (Анри Бейля). В Италии Виноградов посетил места, связанные с именем Стендаля. Впечатления от поездки пригодились потом, через много лет, при создании итальянских сцен романов «Три цвета времени» и «Осуждение Паганини».

Все же основная цель поездки была — познакомиться с тем, как в Европе ведется музейное и библиотечное дело.

По приезде из-за границы он представил в Совет музея докладную записку²⁵. В ней рассказывалось о наиболее передовых, современных формах библиотечной работы, говорилось о необходимости реформы музея. Ведь библиотека растет, пополняемая обязательной присылкой экземпляров всех книг, печатающихся на территории Империи, а ее теснят другие отделы музея — отделы искусства, этнографии, древностей...

Записка была принята более чем холодно. Реформу не поддержали, она ставила под сомнение саму традиционную идею перспективы Румянцевского музея — идею создания в будущем всеобъемлющего национального музея, памятника державной мощи России. Старинный этот проект, принадлежащий еще библиотекарям графа Румянцева, Аделунгу и Вихману, давно изжил себя. Энциклопедизм века XVIII остался в веке XVIII.

²⁵ Архив РГБ, оп. 17, д. 166, л. 47.

Хотя на ученой коллегии музея в 1911 году вновь обсуждался проект фантастического «Центрального музея сложного типа», людям практически мыслящим ясна была бесперспективность этой сколь сверхдорогостоящей, столь и малореальной затеи. Нельзя объять необъятное! — эта простая истина лежит камнем преткновения на пути к созданию в XX веке титанического храма всех знаний, наук, искусств и ремесел.

Приложением к Отчету Императорского Московского и Румянцевского музеев за 1913 год вышел «Каталог альдин», составленный А. Виноградовым. Текст каталога параллельный — на русском и французском языках. Это библиография изданий, выпущенных венецианцем Альдо Мануцием на заре книгопечатания. В свое время этот первопечатник совершил настоящую демократическую революцию в книжном деле — первым стал выпускать вместо дорогостоящих огромных фолиантов небольшие тома, которые удобно было вывозить из страны. Альда обвинили в отсутствии патриотизма — коль «альдины» так легко ушли в другие страны, иноземцам незачем уже будет приезжать учиться в просвещенную Италию.

НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Когда на полях Европы пушки заговорили о войне, Анатолий Виноградов был призван ратником ополчений и зачислен на военно-санитарную работу в ряды Российского Общества Красного Креста — РОКК.

В Первую мировую войну существовали в русской армии льготы, в соответствии с которыми военнослужащего на передовую не посылали, если он был единственным сыном в семье. Это не помешало Виноградову быть откомандированным на фронт и полгода пробыть на передовой линии. Служил он в 5-й армии при конном отряде генерал-лейтенанта Трубецкого, при котором сформировал передвижной передовой отряд Красного Креста № 46.

Шли бои с немцами близ деревни Паровица Ковенской губернии. 10 августа 1915 г. А. Виноградов под сильнейшим обстрелом артиллерии оказывал помощь раненым — перевязывал раны, вывозил их на санитарных двуколках из-под огня, при этом «выказывая самоотвержение и храбрость», — об этом говорится в приказе о награждении его Георгиевским крестом.

В том же бою он был контужен осколками разорвавшегося снаряда. Опухли шея и спина, начались головокружения.

Не успел уполномоченный (так назывался командир санитарного отряда) оправиться от контузии, как 28 августа совершил еще один воинский подвиг — доставил на мызу Пикстерн медикаменты по совершенно разбитой артиллерийским обстрелом дороге и вывез из горячей мызы всех оставшихся там раненых, несмотря на ружейный и пулеметный огонь, направленный исключительно на него. Чудом не разделил Виноградов судьбы казака-фельдшера, который за несколько минут до того был послан с тем же поручением и погиб.

Факты эти, взятые из приказов о георгиевских награждениях по 5-й армии, говорят о храбрости, о бесстрашии Анатолия Виноградова.

В 1916 г. он был в отпуске на три недели в Москве и заходил к А. И. Цветаевой, которой писал с фронта. Давние чувства еще не угасли. И раньше, когда Анастасия Ивановна только что вернулась из свадебного путешествия, она встретила Анатолия на вечере у сестры Марины — он читал стихи, посвященные «написавшей ему из Италии»; имя прямо не называлось, но все понимали, к кому обращены слова «Покуда в родные сени не придешь». «Дерзостно читает он <-> читает он свою любовь мне в лицо, видя рядом моего молодого мужа», — пишет А. И. Цветаева в очерке «Маринин дом» [Цветаева А. 1981, с. 154].

В книге Анастасии Цветаевой «Дым, дым и дым» (1916) есть страницы, на которых собеседник героини зашифрован литерой «Т». На экземпляре «Дыма, дыма и дыма», принадлежащем автору этих строк, Анастасия Ивановна сделала надпись на странице 50-й: «об Анатолии Виноградове» и подписалась.

Вот какова разгадка литеры «Т».

Страницы «Дыма...» — откровенны, лирически-грустны. Они дышат — порой — аристократизмом, всегда — чувством безнадежности: жизнь — дым, жизнь — игра, изящная и глубокая. Анастасия Ивановна считает, что кредо книги — «Только утро любви хорошо» (внутренняя цитата из И. Тургенева). Леонид Андреев иначе понял книгу и написал о ней статью, которая называлась «Кто-то погибает».

Разговоры с Анатолием Виноградовым из «Дыма, дыма и дыма» достоверно и проникновенно передают атмосферу тех невозвратных дней, когда под светской легкостью, обманчивой непринужденностью разговора скрывались серьезные вопросы, беспокойство, печаль, но и — его захваченность войною, опасной острой жизнью, да и многое, многое другое [Цветаева А. 1916, с. 50].

...Я остановилась перед ним, опустив руку с папиросой, чуть наклонив набок голову, и гляжу ему в лицо. Он выше меня на целую голову, в офицерском мундире, волосы и борода коротко острижены, голубые глаза длинного и холодного разреза, прямо глядят на меня.

— Все пройдет, Ася, это совсем несомненно.

Я гляжу, потом улыбаюсь, потом таю в вопросе:

— «А Вы меня очень любите?»

— «Очень».

Потом вальс «Березка». Он стоит рядом со мной и рассказывает об одной ночи, когда невдалеке разрывались австрийские «чемоданы», — как у него что-то сжалось в груди.

— «Скажите: страх, ужас?»

— «Ужаса никакого. Но скверное самочувствие. Мы прилегали... Из австрийского лагеря, слышно, — немецкая речь, огоньки видны...»

— «Так зачем же Вы едете туда еще раз? Ведь Вы не обязаны ехать? Вы...»

— «Да интересно, Асенька».

— «Благодарю покорно. Что за нелепая игра со смертью!»

— «Возмутительная. На другой день мне было поручено перевести наш поезд...»

Я слушаю. Вальс звучит. А где-то рвутся снаряды.

— «Много видали раненых?»

— «Много. Человек по 500... Лошадей очень жаль, невозможно смотреть на раненых. Эти глаза, и они так тяжело дышат...»

— «А людей жаль?»

— «Меньше».

— «Да, я тоже думаю, что меньше. А Вы, все-таки, очень добры?»

— «Я? Думаю, что нет». Пауза.

— «А вот еще раз мне пришлось с одним офицером скакать ночью...»

— «Ах», — говорю я, прослушав, — «зачем Вы едете снова? Вдруг будете убиты?»

— «Все возможно».

— «Не жаль?»

— «Да как Вам сказать?» — иронически — «жаль — немножечко...»

— «Мне тоже — немножечко жаль...» (он кланяется).

— «Нет, интересно! Сейчас бы трудно не ехать туда!»

— «Да, конечно!» С внезапным подъемом восклицаю я: «Ах...»

— Но тут главное во всем этом то, чего никак не сказать. Вот солнце узким лучиком упало ему на плечо, и меня что-то остро схватило за сердце... Вальс смолк, и мы оба стоим, замолчав, и я опустила глаза под его взглядом, который не подходит к тому разговору, что мы ведем. Вот я курю, он стоит напротив меня, большой и высокий, я точно девочка перед ним, я что-то шучу, говорим о смерти, кощунство и изящество таких разговоров мне бросилось в голову как вино — я смотрю на яркий цвет его погон, на бобрин русых волос, вспоминаю, как мне было 13 лет, ему — 20, как я часто бывала в его семье, летом, в розовом платье, он мне срезывал можжевеловые палочки, давал книги...

И вдруг — ах, вместе с ним, без ответственности, без будущего, так, ради вечера, кинуться в самую бешеную жизнь, — о свобода!

И он и я твердо знаем: что все неважно, что все возможно, что все пройдет!..

— Ах, мы твердо, должно быть, помним, что мы «из хороших семей»!..

Анастасия Ивановна Цветаева рассказывала автору этих строк о том, что она заметила — в Анатолии после фронтовых впечатлений что-то изменилось. Конечно, трудно найти человека, который не изменился бы, пройдя горнило огня и смертей, пройдя лишения и громы обстрелов. А может быть, давала себя знать контузия... «За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий» 19 августа 1916 г. он был награжден орденом святой Анны 3-й степени, а 13 мая 1917 г. уволен от службы и вернулся в Москву к работе в Румянцевском музее на ту же должность младшего помощника библиотекаря, продолжал параллельно преподавать в I гимназии, не оставляя сотрудничества с управлением РОККа. Начинаясь новый этап его жизни.

26.X / 8.XI 1886, Москва — 1966, Москва

Надежда Владимировна Гиляровская (после замужества Лобанова или Гиляровская-Лобанова, псевдонимы: *Н. Г-ая, Н. Гая, Н. Г-ровская, Н. Г., Нина Гиляровская, Маугли*¹) — дочь знаменитого московского репортера, писателя, журналиста, поэта Владимира Алексеевича Гиляровского («дяди Гиляя»). Ее мать, Мария Ивановна, окончила гимназию в Пензе с правом быть домашней учительницей по математике, свободно говорила по-французски, отлично владела немецким. Квартира отца в Столешниковом переулке была своеобразным центром художественной интеллигенции России. Надежда знала многих друзей отца, посетителей этой квартиры: писателей Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, В. Я. Брюсова, Л. Н. Андреева, В. Г. Короленко; художников И. Е. Репина, И. И. Левитана, М. В. Нестерова, В. А. Серова, В. И. Сурикова, В. Д. Поленова, П. П. Кончаловского, А. В. Лентулова; актеров и режиссеров М. Н. Ермолову, И. М. Москвину, В. И. Качалова, М. А. Чехова, К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, В. Э. Мейерхольда; здесь пел Ф. И. Шаляпин под аккомпанемент С. В. Рахманинова, бывал Л. В. Собинов. А. П. Чехов лечил Надю Гиляровскую, Левитан подарил ей свой этюд, Шаляпин относился к ней с большим вниманием за ее «многочитаемость» и «всезнайство» [Лобанов 1972, с. 12, 13, 155]. Еще до поступления в гимназию она владела тремя иностранными языками: французским, английским и немецким.

В доме Гиляровских царил поэтическая атмосфера. Исследовательница жизни и творчества В. А. Гиляровского Е. Г. Киселева пишет [Киселева 1983, с. 215]:

Дома Гиляровские нередко всей семьей, особенно когда дочь подросла, устраивали вечера поэзии. Каждому поэту посвящался вечер. Читали сначала наизусть стихотворения поэта, потом переходили к томикам его сочинений. <...> Часто приходили в Столешники молодые поэты. <...> Надя Гиляровская прекрасно читала стихи. Она превосходно знала литературу и поэзию. Свободно владела английским, немецким языками, особенно хорошо — французским.

В 1904 г. Надежда Гиляровская окончила с золотой медалью I Московскую женскую гимназию на Страстной площади, в 1908 г. — Высшие женские курсы В. И. Герье на Девичьем поле.

Семья Гиляровских всегда живо участвовала во всех событиях окружающей жизни. Виктор Михайлович Лобанов, впервые появившийся у Гиляровских в

1904 г., а в 1913 г. ставший мужем Надежды Владимировны, так вспоминал обстановку, царившую в их доме в декабре 1905 г. [Лобанов 1972, с. 81]:

Большая комната в Столешниках как-то естественно превратилась во временный лазарет. Сначала в Столешники приводили раненых знакомые с семьей Гиляровского студенты, дравшиеся на баррикадах соседних улиц; потом стали приводить раненых и малознакомые люди, узнавшие, что в квартире дяди Гиляя оказывается медицинская помощь. Раненых размещали на диване, на кроватях, на полу, на стульях.

Семья Гиляровского и студенческая молодежь, друзья Надежды Владимировны, оказывали раненым помощь, делали перевязки. Тяжелораненые оставались в квартире, а легкораненых через черный ход выводили на улицу, и они шли по домам. В больницы раненых, как правило, не направляли, так как им грозил арест.

С 1909 г. Гиляровская была вольнослушательницей историко-филологического факультета Московского университета, посещала лекции профессоров-филологов С. К. Шамбинаго, П. Н. Сакулина, А. Е. Грузинского. В 1912 г. окончила университет с дипломом 1-й степени. Ей предложили остаться в университете. Е. Г. Киселева пишет [Киселева 1983, с. 215]:

Ее оставляли при университете для защиты степени магистра и преподавания старофранцузского языка. В истории университета это был первый случай, когда три женщины, и в числе их Надежда Владимировна, оставались при университете. Но даже уговоры профессора Матвея Никаноровича Розанова, обращенные к любимой ученице, не помогли — она ушла в журналистику.

Н. В. Гиляровская публиковала статьи по истории литературы и театра во многих периодических изданиях: «Русская мысль», «Русское слово», «Нива», «Новь», «Столичная молва», «Сегодня», «На вахте», «Вечерняя Москва», «Путеводный огонек», «Жизнь», «Искры», «Русские ведомости», «Голос Москвы», «Красный смех» и других газетах и журналах.

Писать стихи она начала с детства. Когда Надежде было всего 16 лет, она опубликовала свой первый перевод с французского (журнал «Муравей», 1901). В 1908 г. вышла ее первая крупная работа — двухтомный перевод «Джунглей» Киплинга (издательство В. М. Саблина, второе издание — 1914–1915; этот перевод издается и в наше время — [Киплинг 1993]). Затем, в 1910 г., была напечатана ее книга рассказов для детей «Старая бабка». В 1912 г. в Москве вышел ее единственный поэтический сборник — небольшая книга, скромно озаглавленная «Стихи». В 1912 г. редактор двухтомного собрания сочинений Байрона проф. А. Е. Грузинский² специально заказал Надежде Владимировне перевод «Корсара» Байрона; в своем предисловии к изданию (1912) он писал: «Существующие переводы обыкновенно удлиняют Байроновский пятитомный ямб, при этом несколько ослабляется упругая энергия стиха, поэма «Корсар» переведена

¹ [Масанов 1960, т. 4, с. 128].

² С 1909 г. председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Н. В. Гиляровской в размере подлинника». Размер подлинника (гекзаметр) был сохранен ею и в переводе поэмы Гете «Герман и Доротея», опубликованном в 1913 г. также под редакцией проф. Грузинского. В дальнейшем она переводила и других: поэтов Аду Негри и Акакия Церетели, философа Макса Штирнера.

Н. В. Гиляровская была одним из учредителей и членом руководимого проф. М. Н. Сперанским Общества истории литературы. В первом выпуске трудов этого общества (Беседы. Сборник Общества истории литературы. М., 1915) было опубликовано ее научное исследование «“Страсти господни” в Эрле» — о представлениях «Страстей...» в деревенских самодеятельных театрах Баварии и Тироля³.

Вместе с мужем В. М. Лобановым она вошла в возникшую в конце 1918 г. при Всероссийском союзе поэтов группу «неоклассиков», сторонников «неоклассицизма» — «литературного течения, строящего творчество на базе чистого классицизма, обогащенного всеми достижениями новых и новейших литературных школ, без уклонения в их крайности и аномальности» (из «Декларации неоклассиков», под которой есть подпись и Гиляровской), однако в двух вышедших в 1922 г. сборниках неоклассиков «Лирика» ее стихов нет. Да и вообще, насколько можно судить, после революции ни одно ее стихотворение опубликовано не было. В 1926 г. в Москве вышла ее небольшая повесть — «Фарфоровая коробка. Дневник актрисы».

Служебная деятельность Гиляровской описана ею в анкете (1927 или 1928 г.), сохранившейся в фонде Государственной академии художественных наук [РГАЛИ, ф. 941, оп. 10, ед. хр. 139, л. 3–3 об.]:

С 1911 г. по наст<оящее> время служу в Библиотеке Рос<сийского> Исторического музея, где заведую отделением литературы и вспомогательных дисциплин.

С 1 января 1920 г. по 1 марта 1925 г. работала в Театральном музее (состояла хранителем «Музея оперы Зимина», преобразованного в «Музей декорационной живописи» и в наст<оящее> вр<емя> соединенного с Госуд<арственным> театр<альным> музеем им. А. Бахрушина).

В 1923 г. мною была организована первая в России «выставка театрального-декорационного искусства за пять лет революции». Доклад о работе по музею и Выставке был прочитан в заседании ученого Совета музейного отдела Главнауки.

Служба в Историческом музее продолжалась до конца 1930-х гг. В 1945 г. в издательстве «Искусство» с участием Н. В. Гиляровской вышла монография «Русский исторический костюм для сцены». В 1946 г. она опубликовала моно-

³ В одной из своих анкет (1922 г.) Гиляровская приводит другое название этой статьи — «Мистерии в Эрле» [РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, ед. хр. 247, л. 1]. В этой анкете содержатся и другие сведения о Гиляровской и ее семье. Ответ на вопрос о службе: «служу в 1) Рос<сийском> Историч<еском> музее 2) Музее декорационной живописи<,> работа интересная», о составе семьи: «а) муж, имеющий собственный заработок, <б> отец В. А. Гиляровский 70 лет<,> в) мать 61 года и свекор инвалид»; о питании: «½ академич<еского> личного пайка; ½ семейн<ого> пайка на мать», «не хватает жиро<в>»; о заказах на творческую работу: «заказов не имею, но охотно бы взяла».

Н. В. Лобанова-Гиляровская. 1940-е гг.
РГАЛИ. Публикуется впервые

В. М. Лобанов, 1940-е гг.
РГАЛИ. Публикуется впервые

графию с иллюстрациями о главном художнике Большого театра Ф. Ф. Федоровском. Написала ряд статей для Большой советской энциклопедии.

После смерти отца в 1935 г. вместе с мужем В. М. Лобановым очень много сделала для публикации неизданных работ Гиляровского.

Е. Г. Киселева так характеризует разностороннюю деятельность Надежды Владимировны [Киселева 1983, с. 216]:

Она одинаково свободно чувствовала себя в вопросах литературы, живописи, театра, давала корреспонденции из Германии и Франции о театральной жизни, писала о Гаршине, Дрожжине, Шевченко, Одоевском, Минаеве, Анне Ахматовой, Павле Сухотине, об основателе журнала «Русская мысль» Юрьеве, о создателе русского театра Волкове, о мюнхенском театре, откликнулась статьями на 350-летие первой русской книги «Апостол» и на юбилей Публичной петербургской библиотеки <...>

А отец, В. А. Гиляровский, в своих стихах обращается к ней со словами:

Я начатых не кончил дел,
Не завершил своей мечты,
И песни те, что не допел,
Одна допеть сумеешь ты.

А. Д. Салий⁴

Основные источники: РГАЛИ, [ПСЭ-2, Лобанов 1972, Киселева 1983, Бродский 1924].

⁴ Работа в РГАЛИ и просмотр журнала «Искры» — А. В. Уланова.

* * *

Я бь хотѣла любить...
 Въ твоихъ черныхъ очахъ,
 Счастья лучахъ,
 Горе, тоску позабыть.

Я хотѣла бы жить
 У безбрежныхъ морей,
 Вольныхъ степей,
 Жить и безумно любить.

Я какъ вѣтеръ степной,
 Я свободы хочу,
 Смѣло лечу
 Чайкой надъ бездной морской.

Ярко блещутъ цвѣты
 Лучезарной весной,
 Горе долой!
 Молодость, радость, мечты!

[Гиляровская 1906а]

* * *

Въ печальной отчизнѣ моей
 Не вижу счастливыхъ людей,
 Въ оковахъ тяжелыхъ они
 Влачатъ безпросветные дни.

Гдѣ радость, веселье, цвѣты,
 Гдѣ счастье, свобода, мечты?
 Вездѣ средь бесплодныхъ полей,
 Спаленныхъ, пустынныхъ степей

Унылые люди живутъ,
 Гнететь непосильный ихъ трудъ,
 Нужда съ ними вмѣстѣ живетъ<,>
 Но къ счастью мечта ихъ зоветъ.

Пусть люди несчастны, слабы,
 Душою они не рабы,
 Подъ звуки тяжелыхъ цѣпей
 Люблю я людей.

[Гиляровская 1906б]

* * *

Люблю тебя за то, что ты прекрасна,
 За то, что ты звѣздой ясной
 Сверкаешь надо мной,
 И какъ звѣзды сиянье чистой,
 Какъ блескъ лазури серебристой,
 Мнѣ дорогъ образъ твой.
 Вся жизнь моя тобой согрѣта.
 Такъ лучъ свободы, правды, свѣта
 Не гаснетъ никогда.
 Останься для меня далекой,
 Какъ солнце, яркой и высокой,
 Останься навсегда...
 Пусть не померкнетъ блескъ лазури,
 Пусть пронесутся жизни бури
 Высоко надъ тобой.
 Останься свѣтлою мечтою,
 Останься яркою звѣздой
 Высоко надо мной.

[Гиляровская 1906в]

* * *

Праздникъ жизни насталь, —
 Праздникъ жизни моей,
 Онъ прозрачный кристалль,
 Онъ — свободный ручей.
 Праздникъ жизни насталь,
 Его жду я давно.
 Пусть не жизнь, — карнаваль

Пусть, — не все-ль мнѣ равно.
 Я минуты хочу,
 Лишь минуты одной,
 А потомъ замолчу
 Хоть въ могилѣ нѣмой.
 Будь, что будетъ! Пускай
 Воля, радость и смѣхъ...
 Смѣло вверхъ поднимай
 Наше знамя утѣхъ.
 И пусть будетъ оно
 Словно радуги свѣтъ,
 Будетъ счастьемъ полно.
 Будетъ воли привѣтъ.
 Среди яркихъ цвѣтовъ,
 Среди звѣздъ туберозъ
 Сброшу цѣпи оковъ,
 Цѣпь печали и слезъ.
 А тогда? О<,> тогда,
 О, забвенье, мечты!
 Никогда, никогда
 Не поблекнуть цвѣты.
 А поблекнуть... Такъ пусть,
 Я другіе найду,
 Мнѣ невѣдома грусть,
 Смѣло въ жизни иду.
 Праздникъ жизни насталь, —
 Праздникъ жизни иной,
 Жизни радостный баль,
 Мимолетный, но мой.

[Гиляровская 1906г]

* * *

Мыслью смѣлой и мятежной,
 Грозно-мощной, неизбѣжной
 Создаемъ мечтанья, грезы,
 Забываемъ горе, слезы.
 Забываемъ мы страданья,
 Стоны, вопли и стенанья,

И для насъ печали волны
 Стали нѣгой сладкой полны.
 Мотыльки такъ шаловливо
 Рѣютъ, вѣютъ прихотливо
 Надъ душистыми цвѣтами
 Золотистыми крылами.
 Толпы щучекъ серебристыхъ,
 Блѣдно-розовыхъ, волнистыхъ
 На просторѣ необъятномъ
 Исчезаютъ безвозвратно.
 Мыслью вольной и безбрежной,
 Сладко-радостной и нѣжной
 Забываемъ мы волненья,
 Горе, слезы и сомнѣнья.

[Гиляровская 1907а]

* * *

Ландышь сверкаетъ душистый,
 Плещетъ ручей серебристый,
 Нѣжно лепечетъ пѣвучій
 Звонкой волною гремучей.
 Туда хочу,
 Туда лечу!
 Скучно! Здѣсь тихо, уныло,
 Жить не хватаетъ намъ силы,
 Ждемъ мы свободы желанной,
 Мракъ угнетаетъ туманный, —
 Зовутъ мечты,
 Блестятъ цвѣты.
 Слышу я вѣтеръ шумящій,
 Слышу ручей я журчащій...
 Крови потоки... Довольно...
 Силь не хватаетъ... Мнѣ больно...
 Народа кровь
 Прольется вновь.
 Смерть среди ночи холодной,
 Вопли отчизны голодной
 Громче, тревожнѣй несутся,

Цѣпи тяжелыя рвутся...
 Мечта зоветъ,
 Свобода ждать.
 Тамъ океанъ золотистый,
 Солнце съ фіалкой росистой,
 Вѣтеръ свободный на волѣ!
 Счастье! Довольно неволи!
 Туда хочу,
 Туда лечу!

[Гиляровская 1907б]

* * *

Счастливы тотъ, кто въ счастье вѣрять,
 Тотъ, кто вѣрять въ идеаль,
 Не молчить, не лицемерить,
 Чья душа — святой кристалль.
 Тотъ, кто вѣрять въ честь и право,
 Для кого свобода — свѣтъ,
 Тотъ, кто жаждетъ власти, славы,
 Для кого сомнѣній нѣтъ.
 Кто не знаетъ колебаній,
 У кого есть въ жизни цѣль,
 Цѣль блаженства, цѣль страданій,
 Громъ победъ или свирѣль.
 Счастливы тотъ, кто можетъ властно,
 Смѣло жизнью полной жить,
 Счастливы тотъ, кто можетъ страстно
 Ненавидѣть и любить.

[Гиляровская 1907в]

* * *

О<, > если бѣ вольной, вольной птицей
 Могла бы въ небѣ я летать
 И тучекъ бѣлыхъ вереницы
 На мощныхъ крыльяхъ обгонять,

О<, > если бѣ я была волною
 Въ безумьи радостномъ морей,
 Была бѣ волною голубою
 При блеске солнечныхъ лучей.

О<, > если бѣ я была на волѣ,
 О<, > если бѣ вѣтромъ я была,
 Не знала бы людской я доли,
 Свободно радостно жила.

О<, > если бѣ я была луною,
 Какъ смерть безмолвна и блѣдна,
 О<, > если бѣ я была звѣздой
 Спокойно, ровно холодна, —

Хотѣла бѣ я парить въ эфирѣ,
 Какъ соколъ вольный, молодой,
 Быть всѣмъ въ безстрастномъ вѣчномъ мирѣ,
 Но только, только не собой!

[Гиляровская 1907г]

* * *

Мнѣ дѣла нѣтъ до мнѣнія людей —
 Они далеки, чужды мнѣ,
 Живу я грезой моей,
 Живу въ небесномъ снѣ.

Когда жъ изъ свѣтлыхъ чудныхъ грезъ
 Спускаюсь я въ долину слезъ,
 О<, > какъ мнѣ жаль рабовъ<->людей!
 Чужды они душѣ моей...

Мнѣ дѣла нѣтъ до будущихъ вѣковъ, —
 Живу въ блаженномъ царствѣ сновъ,
 Въ безмолвьи вѣчномъ облаковъ,
 Въ созвучьи дивныхъ словъ.

[Гиляровская 1907д]

* * *

О<, > если бь я была царемь,
 Я отдала бы власть мою,
 Я бь царство отдала,
 Чтобь въ сердцѣ царствовать твоємь
 И за любовь твою.

О<, > если бь рыцаремь была,
 Я бь смѣло подняла копьѣ,
 Я отдала бы жизнь и кровь
 За счастье за мое
 И за твою любовь.

О<, > если бь ангеломь была,
 Къ тебѣ на землю бы сошла,
 Я бь рай смѣняла золотой,
 Блаженство воли неземной
 На мигъ съ тобой.

[Гиляровская 1907е]

МОЛИТВА

Солнце безумно, мятежно горящее,
 Солнце безмолвное, къ счастью манящее,
 Солнце, податель любви,
 Внемли!

Солнце свободное, ярко могучее,
 Солнце разсерженно, ласково жгучее,
 Слышишь молитвы мои?
 Внемли!

Солнце, молю я тебя, всесоздателя,
 Жизни и счастья и свѣта подателя,
 Дай мнѣ подняться съ земли!
 Внемли!

Солнце, ты слышишь меня, лучезарное,
 Солнце, ты слышишь меня, свѣтозарное?
 Солнце, мнѣ лучь снизошли!
 Внемли!

[Гиляровская 1907ж]

* * *

Пѣсни мои никому не нужны,
 Пѣсни мои безотраднo мрачны.
 Пѣсни грустны, какъ туманные дни,
 Рань не залѣчатъ онѣ.
 Пѣсни мои для себя я пою,
 Въ нихъ я тоску изливаю мою.
 Сказки мои, мои грезы, мечтанья
 Чужды тоски и страданья,
 Ярки, прозрачны, какъ солнца сіянье,
 Полны весны чарованья.
 Сказки мои, безудержно маня,
 Къ небу уносятъ меня.
 Сказки мои никому не нужны,
 Слабы онѣ, какъ журчанье волны,
 Слабы, какъ лепетъ весны,
 Слабы, какъ рокоть струны.
 Сказки мои для себя я пою,
 Въ нихъ изливаю я душу мою.

[Гиляровская 1908а]

* * *

Грустно одна
 Въ полѣ сосна
 Стоитъ
 И глядитъ,
 Все одна,
 Все одна.
 И бѣгутъ облака,

И струится рѣка
 Мимо;
 Все проносится въ даль,
 Въ темно-синюю даль
 Мимо.
 Горделива сосна,
 Величава она.
 Лишь порою смолой,
 Золотистой слезой
 Плачетъ молча сосна,
 Одинока, грустна.
 Такъ стою я одна,
 И людская волна
 Холодна,
 Равнодушна, страшна,
 И несется она
 Мимо.
 Вмѣсто дружбы лучей <—>
 Равнодушье людей,
 Вмѣсто пурпура розъ —
 Одиночество слезъ.
 Все такъ манить, зоветъ
 И течетъ мимо.
 Я одна,
 Я одна.
 И людская волна
 Холодна.
 Бурно мчится она
 Мимо.

[Гиляровская 1908б]

* * *

Если я оскорбила тебя,
 Не сердись, оскорбила любя,
 Не хотѣла понять,
 Не могла я не знать,
 Что тебя глубоко оскорбляю.
 Не могла я забыть,

Не хотѣла простить,
 Что, любя, за тебя я страдаю.
 О, прости мнѣ, прости,
 О, мой другъ, не грусти,
 Не сердись, я, любя, оскорбляю.
 И опять оскорблю,
 Потому что люблю,
 Потому что тебя я не знаю.
 Не откроешь мнѣ ты
 Свои думы, мечты,
 Я тебѣ далека, я чужая.
 Я тебѣ не нужна<,>
 И стою я одна,
 За тебя твоимъ горемъ страдаю.
 Если я оскорбила тебя,
 Не сердись, — оскорбила, любя...

[Гиляровская 1908в]

<Из книги «СТАРАЯ БАБКА И ДРУГИЕ РАЗСКАЗЫ»>

СЧАСТЬЕ ЛЮБИТЬ.

Вѣрь мнѣ, есть счастье, какъ море, безбрежное
 Счастье святое, великое, нѣжное —
 Счастье любить.

Счастье любить всѣхъ людей угнетенныхъ,
 Всѣхъ обездоленныхъ, всѣхъ оскорбленныхъ.

Жизнью разбитыхъ, трудомъ утомленныхъ.
 Всѣхъ опечаленныхъ, грустью плѣненныхъ<.>

Если одну хоть слезинку тоскливую
 Ты успокоишь улыбкой счастливою,

Вѣрь мнѣ, узнаешь ты счастье прекрасное,
 Счастье прекрасное, чистое, ясное —
 Счастье любить.

[Гиляровская 1910, с. 3]

* * *

Въ чистомъ полѣ межъ дороженекъ
 Крестъ, могила одинокая,
 На крестъ вѣнокъ качается,
 Позабытый, всѣмъ невѣдомый.
 Одиноко дни проносятся,
 Дни печальные, безпросвѣтные,
 Вѣтеръ стонетъ, горько плачется<,>
 Надъ крестомъ поетъ
 Память вѣчную.

Эхъ ты<,> вѣтеръ, вѣтеръ буйный,
 Не буди меня, не тревожь отъ сна,
 Подъ крестомъ я сплю похороненный<,>
 Одинокій, всѣмъ невѣдомый.

Коль разбудишь меня, идти некуда.
 Кто возьметъ меня, пожалѣетъ кто?
 Не буди меня, вѣтеръ ласковый,
 Подъ крестомъ я сплю похороненный<,>
 Позабытый, всѣмъ невѣдомый.

[Гиляровская 1910, с. 29–30]

<ИЗ СБОРНИКА «СТИХИ»>

ОПАЛЬ.

Къ прекрасной веселой землѣ молодой
 Стремился, красивъ и могучъ<,>
 Изъ свѣтлой дали золотой
 Солнечный лучъ.

Звѣзду голубую въ туманной дали —
 Печальный холодный опаль —
 Далеко въ предѣлахъ земли
 Лучъ увидаль.

Отъ солнца родного къ землѣ онъ слетѣлъ,
 Прорѣзалъ преграды изъ тучъ.
 Звѣзду оживить захотѣлъ
 Солнечный лучъ.

Добился, достигъ онъ звѣзды дорогой,
 И камень одинъ увидаль, —
 Холодный, какъ ледъ, голубой
 Мертвый опаль.

Любовью стремится звѣзду обновить,
 Вдохнуть въ нее радость и свѣтъ,
 Но камень бездушный ожить
 Можетъ ли? Нѣтъ.

Въ себя онъ и лучъ золотой поглотилъ,
 Въ темницу навѣкъ заковаль,
 Его въ синевѣ потопилъ
 Мертвый опаль.

Томится донинѣ и ярко горитъ,
 Какъ солнце красивъ и могучъ,
 И въ мертвомъ опалѣ блеститъ
 Солнечный лучъ.

[Гиляровская 1912, с. 7–8]

* * *

Для меня весь міръ чудесный —
 Чаша темная лѣсовъ,
 И просторъ морей безвѣстный
 Полонъ радости и сновъ.

Для меня цвѣты и птицы,
 Для меня блеститъ рѣка,
 Солнце, молніи, зарницы,
 Шопотъ нѣжный вѣтерка.

Синева небесъ глубокихъ,
 Грома вешняго раскатъ,
 Ширина степей далекихъ,
 Свѣтлый огненный закатъ.

Для меня весь міръ прекрасный
 Существуетъ и живетъ,
 И туманъ сѣдой, неясный
 Мнѣ приветь воздушный шлетъ.

Мнѣ подвластень міръ созвучій
 И невѣдомая даль,
 Сладкострунный и пѣвучій
 Риѳмъ рокочущій хрусталь.

Мнѣ подвластны горъ громады
 И душистые цвѣты,
 Тайны неба, тайны ада,
 Мысли дерзкой красоты.

Захочу, — и предо мною
 Развернется міръ чудесъ.
 Такъ несутся чередою
 Тучки свѣтлыя небесъ.

Для меня лазурью плещеть
 Море бурное волной,
 И летаетъ, и трепещеть
 Мотылекъ весной.

[Гиляровская 1912, с. 12–13]⁵

* * *

Чу! Звенить
 Золотистой весной
 Чья-то пѣснь надъ шумящей рѣкой.
 И звенить,
 И дрожить,

⁵ Впервые: [Гиляровская 1906в].

И трепещеть она<,>
 Счастья полна.

Чуть рокочуть въ тиши
 Камыши.
 Чайка рѣзко кричитъ
 Надъ холодной водой...
 — Солнце, солнце люблю,
 Солнцу пѣсни пою.

Пусть звенить
 Пѣснь веснѣ, пѣснь веснѣ молодой
 Надъ рѣкой —
 Надъ рѣкой голубой<,>

Золотой полосой
 Загорѣлся востокъ...
 — Солнце, солнце<,> взойди!
 Розовѣть рѣка.
 — Солнце, взойди!

Чуть блестятъ облака...
 — Солнцу гимны пою!
 Солнце, солнце люблю!

И звенить
 Чья-то пѣснь надъ волной,
 Надъ волною весной
 Золотой.

[Гиляровская 1912, с. 17–18]

МЕДЕЯ.

Я — Медея-чаровница.
 Мнѣ подвластны громы, бури,
 Мнѣ подвластны звѣри, птицы,
 Ночи мракъ и блескъ лазури.
 Все трепещеть: гады, змѣи
 Передъ чарами Медеи.

Собирала въ мракѣ травы,
 Не жалѣя, всѣхъ губила,

Зелья страшныя, отравы
 Для враговъ твоихъ варила.
 Кто прекраснѣе Медеи?
 Кто весильнѣй, кто хитрѣе?

Я отчизнѣ измѣнила
 Для того, чтобъ быть съ тобою.
 Брата юнаго убила,
 Солнца дочь — живу рабою,
 Я — Колхидская царица,
 Я — Медея-чаровница.

Я стоглаваго дракона
 Властью грозной побѣждала;
 Для измѣнника Язона
 Волшебствомъ руно достала...
 Выползайте, змѣи, гады, —
 Местъ одна моя отрада.

За позоръ, за оскорбленье,
 За измѣну, униженье,
 За жену и за царицу
 Отомщу тебѣ сторицей.
 Совершайте, гады, змѣи,
 Правосудіе Медеи!

[Гиляровская 1912, с. 21–22]

* * *

Въ далекой сказкѣ сумрака вѣковъ,
 Въ гирляндахъ нѣжныхъ устарѣлыхъ словъ
 И поэтическихъ сказаній
 Проходятъ рыцари, пажии<,>
 И лютни звонъ, и вопль страданій,
 И ядъ кинжала, и ножи.

На властелина гордаго вассаль
 Съ толпой приверженцевъ возсталъ,
 И, Гробъ Господень защищая,

Тамъ паладинъ грозить мечомъ:
 — Свободна будь<,> Земля Святая,
 Мы за Христа и со Христомъ!

Ученыхъ книгъ противень мнѣ ланцетъ:
 На все въ нихъ слишкомъ ясенъ, простъ отвѣтъ.
 Смотри листокъ испепеленный, —
 Монахомъ въ кельѣ писанъ онъ,
 Пергаментъ желтый, запыленный,
 Оборванный со всѣхъ сторонъ.

Смотри: вотъ здѣсь Иакова стада,
 Тамъ въ Римъ спѣшить германская орда...
 Зачѣмъ мнѣ знать, что Карль Великій,
 Могучій, добрый властелинъ,
 Былъ бѣдный варваръ полудикій,
 Что Ронсевальскихъ нѣтъ долинъ,

Что рая нѣтъ среди далекихъ рѣкъ,
 Что золотой немислимъ вѣкъ.
 Ученый людъ, не трогай милыхъ
 Рожденій сказки вѣковой,
 Не ройся въ ихъ святыхъ могилахъ —
 Тамъ только кости подъ травой!

[Гиляровская 1912, с. 23–24]

* * *

Далеко, далеко,
 За моремъ глубокимъ
 Лежитъ заповѣданный край.
 Тамъ дыш<и>тся вольно,
 Тамъ степи привольны,
 Тамъ солнце, тамъ счастье, тамъ рай.

Тамъ рощи тѣнисты,
 Ручьи серебристы,
 Тамъ радостно пѣнится валь.

Ласкают тамъ взоры
Туманныя горы
И рядъ заколдованныхъ скаль.

Тамъ море прекрасно,
Спокойно и ясно,
Причудливы выступы горъ.
Тамъ зори пурпурны,
Тамъ небо лазурно,
Тамъ тишь, тамъ волшебный просторъ.

Тамъ люди красивы,
Свободны, счастливы,
Тамъ вѣчнаго счастья весна...
Далеко, далеко,
За моремъ глубокимъ
Лежить золотая страна.

[Гиляровская 1912, с. 25]

* * *

Въ вѣткахъ ивы шаловливой
Соловей поеть счастливый.
Вторить пѣсенкѣ волна,
Вторить<,> весело бурна.

Вторить смѣло пожелтѣлый
Ей камышь надъ гладью бѣлой,
Вторять звѣзды и рѣка,
Вторять молча облака.

[Гиляровская 1912, с. 29]

* * *

Зачѣмъ вамъ сидѣть у камина,
Изучая Эразма, Рейхлина?

Не тревожьте покойниковъ бѣдныхъ,
Этихъ книгъ и пергаментовъ блѣдныхъ.

Пусть лежать себѣ тихо въ пыли,
Къ ихъ могиламъ пути заросли.

Посмотрите, какъ солнце сіяетъ,
Какъ сирень и левкой расцвѣтаетъ.

Посмотрите скорѣе въ окно
И запомните, другъ мой, одно:

Изъ-за книжекъ своихъ пожелтѣлыхъ,
Изъ музеевъ своихъ закоптѣлыхъ

Выходите на волю, на свѣтъ, —
Вы услышите жизни привѣтъ.

Ахъ, не стоять въ тиши кабинета
Разбираться въ рѣчахъ Боссюэта.

[Гиляровская 1912, с. 30]

* * *

Вѣрь мнѣ: на свѣтѣ есть счастье великое,
Счастье пугливое, робкое, дикое,
Счастье страданьемъ и мукой красивое,
Счастье тревожное, счастье ревнивое,
И молчаливое, и прихотливое —
Счастье любить.

Счастье любить, не желая отвѣта,
Не ожидая любви и привѣта,
Счастье любить молчаливо, безумно,
И нераздѣльно, и неразумно,
Не сознавая,
Не разсуждая, —
Просто любить!

[Гиляровская 1912, с. 42]

* * *

Мальчикъ черненькй, кудрявйй
 Съ обезьянкою идетъ.
 Блѣдень, худъ, кафтанъ дырявйй
 Осень, вѣтеръ рветъ!
 — Ну пляши, пляши, Марьяна,
 Ну, кружись живѣй.
 Пляшетъ, пляшетъ обезьяна.
 Дождикъ все сильнѣй.

Скачетъ, прыгаетъ, танцуетъ
 Сѣренькй звѣрокъ
 И на палочкѣ гарцуетъ,
 Шляпка сбилась въ бокъ.

— Покажи, какъ дамой важной
 Можешь ты ходить,
 Какъ ружьемъ солдатъ отважный
 Будетъ турку бить.

Повернется по указкѣ,
 Встанетъ, задрожитъ
 И своей смѣшной гримаской
 Публику смѣшитъ.

Третъ ошейникъ шейку больно,
 Мокрый сарафанъ.
 Хохотъ! Публика довольна:
 — Словно балаганъ!

Все, что знаетъ, что умѣетъ,
 Сдѣлала она.
 Мальчикъ взялъ ее и грѣетъ:
 — Кашляетъ, больна.

Пробѣжала мимо кошка.
 — Хлѣбца бы кусокъ!
 Изъ ближайшаго окошка
 Звякнулъ пятакъ.

На сегодня, значить, сыты,
 Завтра Богъ пошлетъ.
 И продрогшй, чуть прикрытый
 Дальше онъ идетъ.

[Гиляровская 1912, с. 52–53]

ВЪ ШОТЛАНДИИ.

Сѣрое озеро плещетъ устало,
 Сѣры унылыя голыя скалы.
 Верескъ косматый,
 Жесткй, мохнатый,
 Сѣрые камни обвиль,
 Папортникъ горы покрылъ.

Изрѣдка въ скалахъ березки кривыя,
 Вьются высоко тропинки крутыя,
 Камни громадныя,
 Тишь безотрадная.
 Озеро плещется, дики пещеры,
 Горы туманныя грустны и сѣры.

Слышится шумъ водопада.
 Къ озеру мчится, не зная преграды,
 Бурно бросаясь въ расщелины скаль,
 Брызгъ серебристыхъ обвалъ.

Дымка тумановъ страну покрываетъ,
 Сказкой волшебной ее одѣваетъ,
 Сказка туманомъ окутала дали.
 Горы унылыя озеро сжали...
 Сколько преданйй,
 Сколько сказанйй!

Вотъ среди дикихъ ущелйй и горъ
 Мчится на быстромъ коне Макъ-Грегоръ,
 Вотъ поднимается краснйй Робъ-Рой —
 Грабилъ богатыхъ разбойникъ лихой,
 Щедро онъ бѣдныхъ зато надѣлялъ,
 Здѣсь онъ скрывался средь сумрачныхъ скаль...

Здѣсь Веверлей, Айвенго и Монтрозь,
Дѣтскіе годы воинственныхъ грезь.

Грустны печальныя сѣрья скалы,
Озеро плещетъ волною устало,
Горы туманомъ закутали даль...
Камни и верескъ, туманъ и печаль...

Инверснетъ.

[Гиляровская 1912, с. 54–55]

ВЪ МОРЬ.

Свободень я!
Вся ширь моя,
 Куда хочу,
 Туда лечу.
Просторъ родной,
 Ты мой, ты мой!
Ты, изумрудная волна,
Будь и черна,
Будь и грозна!
Бѣлой пѣнистой волной
Море плещетъ подо мной.
 Здѣсь свободень кругозоръ.
 Волнь громады,
 Волнь просторъ,
Вѣтеръ вольный дыш<и>тъ смѣло,
 Нѣтъ преграды,
 Нѣтъ предѣла.
Я свободень и могучь,
Я свободнѣй быстрыхъ тучь,
Волнь мятежень хороводъ.
Я царю надъ ширью водъ!
Тамъ въ горахъ иль на землѣ
Кто подобень, равень мнѣ?
Бѣлой пѣною одѣтый,
Блескомъ молніи согрѣтый
 Въ синемъ морѣ,
 На просторѣ

Я свободень, я лечу
По волнамъ, куда хочу!

La Manche.

[Гиляровская 1912, с. 61–62]

* * *

Дорога бѣлѣтся лентой бѣлесой
Среди поникающей ржи,
Рѣзко скрипнули гдѣ-то колеса,
Вьются и кружатъ стрижи.

Внутри позолоты багряной
Ползаетъ, крадучись, тѣнь,
Слился съ зеленой поляной
Блѣдный усатый ячмень.

Скользить яркій лучъ по былинкамъ,
По вѣнчикамъ бѣлыхъ цвѣтовъ,
Блестятъ и дрожатъ паутинки
Вокругъ золотыхъ стебельковъ.

Гиляевка.

[Гиляровская 1912, с. 70]

* * *

Прими меня, страна родная,
Въ просторъ безбрежный твой.
Отчизна, мать моя святая,
Прими съ моей тоской.
Тамъ далеко въ странѣ прекрасной
Лишь о тебѣ мечтала я,
Къ тебѣ рвалась съ печалью страстной,
Родимая земля.
Люблю тебя, мой тихій сѣверъ,
Твои пустынные поля,
Твой сизый ленъ и красный клеверъ:

Здѣсь родина моя.
 Березки бѣлыя, простыя
 И скромный синій василекъ,
 Кольшесть нивы золотыя
 Родной холодный вѣтерокъ.
 Здѣсь все уныло, все понятно:
 Рябины красныя кусты,
 Плетень несчастный, неприглядный
 И кашки бѣлыя цвѣты,
 Солома крышь торчитъ гнилая
 И колокольчикъ подъ дугой.
 Дуга съ цвѣточками кривая, —
 Какъ умилялась я тобой!
 Овраги темныя, глухіе,
 Овраги вижу я опять.
 Слова ничтожны всѣ людскія,
 Чтобъ васъ достойно описать.
 Прими меня, о мать родная.
 Что лучше можетъ быть тебя?
 Ты Русь прекрасная, святая,
 Прими — я дочь твоя!

[Гиляровская 1912, с. 71–72]

ПЕРЕВОДЫ

Киплингъ.

ДЖУНГЛИ.

<Отрывки>

ПРАВИЛА БАЛУ.

Леопардъ гордится пятнами,
 Буйволъ — красотой роговъ;
 Познается мощь охотника
 Въ чистотѣ его боковъ.
 Коль узнать тебѣ приходится,
 Что лягается олень,
 Ты молчи, приходитъ знаніе

Въ десять лѣтъ, не въ первый день.
 Ты чужихъ не тронь дѣтенышей,
 Чти ихъ братомъ иль сестрой.
 «Лучше нѣтъ меня охотника,
 Я охотникъ молодой!»
 Такъ дѣтенышъ гордь удачею;
 Въ Джунгляхъ громко не кричи,
 Маль ты, Джунгли жъ — необъятныя;
 Ты подумай и молчи.

[Киплинг 1914, с. 31]

ПОГОВОРКА ДЖУНГЛЕЙ.

«Четверо есть, что всегда недовольны
 Съ дня, какъ впервые упала роса:
 Глотка шакала, рука обезьяны,
 Коршуна клювъ, челоуѣка глаза».

[Киплинг 1915, с. 123]

ПЕСНЯ КАА.

Гнѣвъ рождается изъ страха,
 Ясень, чистъ нашъ взоръ;
 Кобры ядъ лѣчить не можетъ,
 Вредень Кобры разговоръ.
 Въжливость — подруга силы;
 Правду говори всегда;
 Пню не вѣрь, сучку гнилому,
 Вѣтке старой — никогда,
 Глотку набивай оленемъ
 Иль козой до самыхъ глазъ;
 Если спать потомъ захочешь,
 Осмотрись потомъ не разъ;
 Осмотри, узнай пещеру,
 Чтобы врагъ пройти не могъ,
 Чтобы тебя не могъ тревожить
 Иль убить, когда ты легъ.

Сѣверь, югъ, востокъ и западъ, —
 Мойся дочиста всегда.
 Среднихъ Джунглей ямы, норы<,>
 Голубыхъ прудовъ вода,
 Солнце, Вѣтеръ, Лѣсъ съ Водой, —
 Милость Джунглей будь съ тобой.

[Киплинг 1915, с. 242–243]

БАЙРОНЪ.

КОРСАРЪ.

<ОТРЫВКИ>

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ просторѣ водъ, надъ синими волнами
 Свободна мысль, не скована цѣпями.
 Гдѣ вѣтеръ мчитъ надъ пѣною морской,
 Отчизна наша тамъ и домъ родной.
 Нашъ скипетръ-флагъ всѣхъ покоряетъ смѣло,
 Владѣньямъ нашимъ нѣтъ нигдѣ предѣла.
 Тамъ наша жизнь тревожна и вольна,
 Въ борьбѣ, въ покоѣ радости полна.
 Кто насъ пойметъ? Ты ль съ робкою душою?
 Отъ страха ты умрешь передъ волною.
 Кто? Деспотъ ли, распутной жизни рабъ?
 Нѣтъ радости ему: въ пирахъ ослабъ.
 Лишь тотъ пойметъ, кто смѣлою душою
 Носился самъ надъ бездною морскою,
 Въ восторгѣ и въ безумьи удаломъ
 Въ просторѣ плылъ невѣдомымъ путемъ.
 Восторгъ душъ даетъ борьба лихая,
 Опасность въ упоенье превращая.
 Гдѣ слабый отъ испуга упадетъ,
 Тамъ храбрость смѣлаго бойца растетъ.
 Жива надежда, гордый духъ проснулся,
 Въ порывѣ бурь надъ бездною встрепенулся.

Коль врагъ умретъ, и гибель не страшна,
 Въ покоѣ мирномъ тягостнѣй она.
 Коль жить, такъ жить! А смерть насъ поджидаетъ —
 Не все ль равно, откуда угрожаетъ?
 Пусть тотъ, кто смерть на ложѣ годы ждетъ,
 Томится, жизнь пустую бережетъ,
 Пусть въ смертномъ страхѣ никнетъ головою —
 Намъ ложе тамъ, въ поляхъ съ густой травой.
 Пока трусь плачетъ надъ душой своей,
 Мы въ мигъ одинъ разстаться можемъ съ ней.
 Его подъ урной, въ склепѣ погребаютъ,
 Наслѣдники могилу украшаютъ;
 А насъ схоронить моря глубина,
 Какъ саваномъ, окутаетъ волна.
 Помянемъ мы товарища слезой
 На тризнѣ тамъ, за чашей круговой.
 Когда жъ дѣлить свою добычу станемъ,
 Въ раздумьи, молча храброго помянемъ:
 — Чѣмъ тотъ, кто здѣсь нашель себѣ конецъ, —
 Чѣмъ наслаждается теперь боецъ? —
 <...>

VIII.

Исполнили Конрада приказанье
 Итти опять въ безвѣстное скитанье.
 Готовы всѣ приказъ его принять.
 И кто ему посмѣетъ возражать?
 Всегда одинъ, окутанъ вѣчной тайной,
 Не зналъ улыбки вождь необычайный.
 За то гордецъ-пиратъ, что въ битвѣ смѣлъ,
 Предъ нимъ дрожаль, смущался и краснѣлъ.
 Умѣлъ зажечь предъ подвигомъ опаснымъ
 Сердца людей онъ словомъ краткимъ, властнымъ.
 Какими чарами Конрадъ владѣлъ,
 Что незаконныхъ покорить сумѣлъ?
 Смирилъ душой, не выдававшей страсти<,>
 Иль мыслью, полной разума и власти?
 Слабѣйшихъ можетъ покорить успѣхъ,
 А мысль и духъ смиритъ сумѣютъ всѣхъ.
 Онъ ихъ ведетъ и ихъ онъ вдохновляетъ,

Отвага ихъ его же прославляетъ.
 Подъ солнцемъ ничего не измѣнить,
 И будутъ всѣ для одного служить;
 Такъ грозная судьба повелѣваетъ:
 Одинъ въ трудахъ, другой плоды снимаетъ.
 Кто знаетъ бремя золотыхъ цѣпей,
 Тому не страшень трудъ тяжелыхъ дней.
 <...>

XI.

Не для того Конрадъ на свѣтъ рождень,
 Чтобы главой преступниковъ быть онъ.
 Онъ раньше былъ съ порочною душою,
 Чѣмъ въ бой вступилъ и съ небомъ и съ землею.
 Онъ росъ среди обманутыхъ надеждъ.
 Въ рѣчахъ мудрецъ, безумиѣ невѣждъ
 Въ дѣлахъ. Всегда рѣшительный и гордый,
 Самостоятельный, упорный, твердый,
 Въ добрѣ онъ увидалъ причину зла.
 И не предателямъ за ихъ дѣла
 Проклятія свои онъ посылаетъ.
 Не зналъ, кому дары онъ расточаетъ;
 Не зналъ, что другъ ихъ можетъ оцѣнить.
 Его насмѣшкой начали клеймить, —
 И сталъ всѣмъ мстить, — кому, не разбирая —
 На всѣхъ свои обиды вымещая.
 Онъ зналъ, что онъ отверженный злодѣй.
 Но лучше не считалъ другихъ людей.
 Онъ ненавидѣлъ лживыя дѣянья
 Сильнѣе, чѣмъ порокъ и злодѣянья.
 Хотя про ненависть къ себѣ онъ зналъ,
 Но лесть людей открыто презиралъ.
 Одинъ съ своей тоской, въ уединеньи,
 Онъ выше былъ и дружбы и презрѣнья.
 Страшась его, къ нему же люди шли.
 Но презирать отъ страха не могли.
 Червякъ раздавленъ, кто его боится?
 Змѣю жъ не всякій разбудить рѣшится.
 Червь живъ еще, но онъ не отомститъ.
 Змѣя умретъ, но и врага сразитъ.

Раздавить врагъ змѣю и, это зная,
 Она его ужалить, умирая.

[Байрон 1912, с. 193–194, 195–196, 196–197]

ГЕТЕ

ГЕРМАНЪ И ДОРОТЕЯ.

<ОТРЫВКИ>

I. КАЛЛПОПА. СУДЬБА И УЧАСТІЕ.

«Я никогда не видаль, чтобы улицы были такъ пусты,
 Выметень городъ какъ-будто метлой иль вымерь. Съ полсотни
 Жителей нашихъ, едва ли, увѣренъ я, дома осталось,
 Такъ любопытство сильно. Бѣжить и спѣшить теперь каждый,
 Чтобы изгнанниковъ бѣдныхъ печальное шествіе видѣть.
 Хоть до плотины, гдѣ идутъ они, конецъ и не близкій,
 Всѣ побѣжали туда по полуденной пыли горячей.
 Я бы и съ мѣста не сдвинулся, чтобы смотреть на несчастье
 Добрыхъ бѣгущихъ людей, что съ спасеннымъ имуществомъ нынѣ
 Землю родную свою за Рейномъ навѣкъ покидая,
 Въ мирный нашъ уголокъ добрались и вдоль по изгибаемъ
 Нашей прекрасной цвѣтущей долины бредутъ себѣ тихо.
 Ты хорошо поступила, жена, что ласково сына
 Въ путь снарядила съ поношеннымъ платьемъ, бѣльемъ и ѣдою
 Бѣднымъ немного помочь: давать — это дѣло богатыхъ. —
 Ъздитъ нашъ мальчикъ отлично. Какъ жеребцами онъ править!
 Очень и видъ недурень у нашей тележки новой:
 Могутъ четверо сѣсть<,> и кучеру мѣсто на козлахъ.
 Онъ-то поѣхалъ одинъ. А ловко онъ уголь объѣхалъ!»
 <...>

Такъ уютно сидѣли супруги въ воротахъ у дома,
 Вмѣстѣ, беззлобно шутя надъ прохожими, тихо смѣялись.
 Вотъ начала разговоръ хозяйка почтенная снова:
 «Ты посмотри. Вонъ идетъ къ намъ священникъ, а съ нимъ и сосѣдь
 нашъ,

Добрый аптекарь. Сейчасъ они все намъ, конечно, расскажутъ,
 Что они тамъ увидали, на что любоваться не радость».
 Оба любезно къ нимъ подошли, поклонились супругамъ,
 И на скамьѣ деревянной усѣлись въ широкихъ воротахъ,

Пыль отряхая отъ ногъ, платками лицо освѣжая.
 Послѣ взаимныхъ любезныхъ привѣтствій первый аптекаръ
 Началь тутъ говорить и сказалъ почти что съ досадой:
 «Вотъ они люди какіе: всѣ другъ на друга похожи!
 Каждый любить смотрѣть, когда горе случается съ ближнимъ,
 Мчится зачѣмъ-то глазѣть на пожаръ, что зловѣще пылаеть,
 Иль на преступника бѣднаго, что повели къ мѣсту казни.
 Вотъ и теперь отправляется всякій смотрѣть на несчастныхъ
 Тѣхъ бѣглецовъ. И никто не желаетъ подумать, что горе
 Можетъ подобное съ каждымъ изъ насъ очень скоро случиться.
 Я непротитольной вѣтренность эту считаю, хоть людямъ
 Всѣмъ она свойственна». Тутъ благородный, разумный священникъ
 Слово промолвилъ свое. Онъ города былъ украшенъемъ,
 Юный совѣмъ еще, къ возрасту мужа едва приближаясь,
 Жизнь онъ узналъ въ совершенствѣ, и зналъ онъ потребности паствы,
 Былъ онъ проникнуть высокимъ значенъемъ святого писанья,
 Гдѣ намъ открыта судьба человѣка и всѣ его мысли.
 Были знакомы ему и лучшія книги мирскія.
 Онъ говорилъ: «За безвредную склонность людей не сужу я.
 Добрая мать, даровала природа ее человѣку.
 Часто предъ тѣмъ бываютъ безсильны разсудокъ и разумъ,
 Что совершаетъ стремленіе доброе, насъ увлекая.
 Если бѣ къ себѣ любопытство людей не манило такъ сильно,
 Развѣ бѣ узнали тогда, въ какомъ отношеніи всѣ вещи
 Въ мірѣ находятся нашемъ? Мы новаго жаждемъ сначала,
 Послѣ — того, что полезно, съ трудомъ добиваемся-ищемъ,
 Дальше къ добру начинаемъ стремиться, что насъ возвышаетъ.
 Вѣтренность юности спутникомъ легкимъ бываетъ, нерѣдко
 Гибель скрывая отъ насъ и несчастья слѣды замата,
 Всѣ огорченья она исцѣляетъ, едва лишь минуютъ.
 Правда, достоинъ хвалы человѣкъ, что въ возрастѣ зрѣломъ
 Изъ легкомыслія этого разумъ развилъ себѣ здравый.
 Имъ онъ въ несчастьи и счастья силенъ, имъ работаетъ съ жаромъ,
 Всюду добро находя, замѣняя какъ можно потерю».
 <...>

VII. ЭРАТО. ДОРОТЕЯ.

Часто блуждающій путникъ во время заката на солнце,
 Скоро исчезнуть готовое, взглянетъ еще разъ случайно, —
 И на кустахъ потемнѣлыхъ, на склонахъ крутыхъ и скалистыхъ
 Будетъ все видѣть его, куда только взоръ свой ни кинетъ.

Такъ передъ Германомъ образъ той дѣвушки милой носился.
 Вдругъ показалось ему, что идетъ она вдоль по дорожкѣ;
 Онъ отвернулся поспѣшно, желая разсѣять видѣнье,
 Вновь посмотрѣлъ на дорогу къ деревнѣ, взглянулъ, удивился,
 Ибо чудесная дѣвушка вправду къ нему приближалась.
 Онъ смотрѣлъ на нее: то она, не мечта, не видѣнье.
 Шла дѣловито къ колодцу она и несла по кувшину
 Въ каждой рукѣ, одинъ былъ побольше, другой же поменьше.
 Весело ей побѣждалъ онъ навстрѣчу. Взоръ ея придалъ
 Храбрость большую и силу ему. Онъ сказалъ удивленно:
 «Снова, дѣвушка милая, вижу тебя я за дѣломъ,
 Ближнему рада помочь и несчастныхъ утѣшить готова.
 Ты мнѣ скажи поскорѣй, зачѣмъ ты пришла такъ далеко?
 Есть вѣдь вода на деревнѣ, берутъ же другіе въ колодцахъ.
 Правда, вода эта лучше и черпать гораздо пріятнѣй.
 Ты для спасенной тобою больной несешь ее, вѣрно?»

Съ низкимъ поклономъ прекрасная дѣвушка ласково молвить
 Юношѣ: «Вотъ и награда за путь мнѣ къ колодцу далекій,
 Добраго снова нашла человѣка, что далъ намъ такъ много.
 Видѣть того, кто сочувствуетъ бѣднымъ, такъ < >же пріятно,
 Какъ и дары получать. Пойдемте и сами взгляните
 Вы на страдальцевъ, утѣшенныхъ мною по милости вашей,
 Ихъ благодарность примите. Теперь объясню вамъ причину,
 Какъ и зачѣмъ я попала сюда, гдѣ вдали протекаетъ
 Чистый источникъ, вамъ расскажу я: пришедшіе люди
 Весь замутили колодець въ деревнѣ конями, быками,
 Также ручей загрязнили, гдѣ жители черпаютъ воду.
 Ведро, корыта они на деревнѣ позаняли стиркой,
 Воду испортили разнымъ мыгьемъ, позабывъ осторожность.
 Думаетъ каждый всегда о себѣ, о другихъ забывая,
 Дѣлаетъ только свое, что нужно ему въ это время».

Такъ говорила она и сошла по широкимъ ступенькамъ
 Внизъ со своимъ провожатымъ<,> и оба усѣлись на стѣнку,
 Ключъ окружавшую. Вотъ наклонилась она за водою.
 Взявши другой онъ кувшинъ, наклонился съ ней вмѣсте къ колодцу<.>
 Лица свои они увидали и синее небо.
 Милый привѣтъ посылали другъ другу ихъ отраженья.

[Гете 1913, с. 11–14, 44–45]

9/21.V 1886, Николаевский Городок (ныне Октябрьский Городок) Саратовского уезда Саратовской губ. — 14.IX 1973, Москва

Михаил Александрович Зенкевич родился в селе Николаевский (ныне Октябрьский) Городок Саратовского уезда Саратовской губернии в семье преподавателей. После выпуска из гимназии два года проучился в Германии (в Берлине и тюрингской Йене), затем окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Впервые стихотворные строки Зенкевича появились в печати весной 1906 г. в Саратове. Стихотворения 1909—1911 гг. составили книгу «Дикая порфира» (СПб., 1912), которая сделала имя автору-дебютанту как яркому представителю натурфилософской ветви отечественной поэзии. В год появления «Дикой порфиры» из петербургского «Цеха поэтов»

выделилась немногочисленная группа акмеистов (Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, М. А. Зенкевич, О. Э. Мандельштам, В. И. Нарбут). Значительно переживший всех своих соратников, Зенкевич сохранил память о каждом из них и верность совместно заявленным принципам художественного творчества. Среди памятных страниц истории этого поэтического содружества — его выступление в 1914 г. в Литературном обществе с «Декларацией культурных прав акмеизма».

С 1923 г. Зенкевич постоянно жил в Москве, активно занимаясь редакторской и литературно-критической работой. Несмотря на выход в 1918—1973 гг. около десяти стихотворных сборников, при жизни автора не увидели свет многие его лирические и политические стихи, поэмы-драмы «Альтиметр» и «Торжество авиации», а также основная проза — беллетристические мемуары «Мушкетерский сфинкс», повесть «На страже».

В 1946—1947 гг. Зенкевич был руководителем литературной студии Клуба МГУ, охотно посещаемой как университетскими студентами, так и «пришлой» молодежью, включая юных В. А. Солоухина и Н. М. Коржавина. На занятиях студии Михаил Александрович занимался разбором произведений его участников и читал им собственные стихи, в том числе, по свидетельству завсегда-тая кружка Ю. А. Островского, публикуемое ниже стихотворение «Под лёд». 21 ноября 1947 г. в Коммунистической аудитории на Моховой прошел большой «Вечер молодых поэтов Московского университета» под председательством Зенкевича и с заключительным словом П. Г. Антокольского.

Огромные заслуги принадлежат Зенкевичу как переводчику поэзии и прозы с разных языков мира. Его переводы из Шекспира, А. Шенье, Э. А. По,

Р. Л. Стивенсона, Э. Дикинсон, У. Уитмена и др. признаны классическими. В 1960-х гг. он смог увидеть некоторые из тех стран, чьих писателей увлеченно переводил: США, Великобританию, Венгрию, Югославию, Болгарию.

Поэт скончался в Москве 14 сентября 1973 г. Погребен на Хованском кладбище.

С. Е. Зенкевич

Основной источник: архив наследников М. А. Зенкевича (М.).

МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ (1912—1970)

Н. Гумилев

«Дикая порфира» — прекрасное начало для поэта. В ней есть всё: твердость и разнообразие ритмов, верность и смелость стиля, чувство композиции, новые и глубокие темы. И всё же это только начало, потому что все эти качества еще не доведены до того предела, когда просто поэт делается большим поэтом. В частности, для Зенкевича характерно многообещающее адамистическое стремление называть каждую вещь по имени, словно лаская ее. И сильный темперамент влечет его к большим темам, ко всему стихийному в природе или в истории. Что это влечение не книжное, доказывает лучше всего честность поэта по отношению к его теме, честность, не позволяющая ему становиться на ходули или злоупотреблять интуицией. Именно потому, что у него есть своя вера, он говорит только то, во что верит, и ни слова больше. Однако временами его пуританизм заходит слишком далеко, и, вытравляя в своих стихах красоту, он иногда пренебрегает и красотой.

[Гумилев 1912]

Д. Усов

<...>

Есть поэты, которые только поют, есть такие, которые рисуют, колдуют, сходят с ума, опьяняют — и еще многие, многие. М. Зенкевич принадлежит к тем, которые **остро видят** — и потом хотят поведать об этом, беря те слова, которые как раз идут им навстречу, и ломая те, которые не покорны. **Конкретный образ** — вот в поэзии Зенкевича первого периода самое главное.

Мне кажется, что к первым двум книгам Зенкевича могут быть поставлены эпиграфом слова Блока (из «Скифов») о любви к плоти, к ее вкусу, к ее душному запаху.

<...>

Нелепо было бы сравнивать стихи Зенкевича с «прикладной поэзией» Ломоносова или утверждать, что читатель бросит «стихотворную палеонтологию» (как это делалось!). Весь смысл <...> «Дикой порфиры» в том, что поэт иначе видеть не может.

<...>

[Усов 1921]

И. Поступальский

<...>

М. Зенкевич дебютировал «Дикой порфирой», печатался как акмеист в «Аполлоне» и «Гиперборее», лучшие стихи его были встречены доброжелательной критикой единомышленников и бранью со стороны противников акмеизма. Вместе с тем Зенкевич сразу занял в кругу акмеистов особое место, стремясь вместе с В. Нарбутом к реализму, иногда перераставшему в неприкрытый натурализм, к подчеркнuto грубоватой тематике, не очень принятой в обиходе акмеистов, поэтов в большинстве довольно камерных и довольно прочно связанных с эстетикой своих предшественников.

<...> «Дикая порфира» в целом является одной из своеобразнейших книг в русской поэзии. Уже в стихах на темы истории, внешне написанных по всем правилам тогдашней «высокой» поэзии, проступает самостоятельность Зенкевича. Вот поэма «Поход Александра в Индию». Фигура Александра неоднократно интересовала русских поэтов (Брюсова, Бунина), и неизменно в плане **героническом**. У Зенкевича подход к теме необычен: основное, что его интересует, — это силы **природы**, лихорадочные пески, «отравленные скрытым ядом», от которого и умирает Александр в расцвете своего величия «в просмоленных стенах» Вавилона.

<...>

[Поступальский 1934]

В. Дынин

<...>

Зенкевич дореволюционный оставил Зенкевичу послереволюционному немало художественных ценностей. При общей, огульной оценке этих ценностей, пока еще приблизительной, не может не возникнуть прежде всего вопрос о былой принадлежности М. Зенкевича к группе акмеистов, о крепкой и постоянной связи его с художественными поисками целой плеяды поэтов, ушедших в построении поэтического образа от надмирных высот символизма и противопоставивших этим высотам борьбу «за нашу планету Землю» («Манифесты» Гумилева и Городецкого в «Аполлоне», 1913 г.), противопоставивших приблизительно, затуманенному языку символистов четкость логического смысла, точность поэтического образа. Такое изобразительное и формально организу-

ющее значение акмеизма не подлежит сомнению и спору. Спору не подлежит и необходимость воспользоваться, при созидании советской лирики, «мастерством», навыками художественного построения, знанием законов словесного равновесия, чувством материала, которые, пускай без завещания, достались нам в наследство от искусников акмеизма. И кое-кто из наших поэтов уже прочно вошел во владение этим наследством. Использование акмеистического «мастерства» наиболее наглядно у Н. Тихонова с целой группой ленинградцев, но по существу не менее значительно оно и у Багрицкого.

<...>

Органическое ощущение живого вещества, телесности мира, прирожденный материализм отличают уже первую книгу М. Зенкевича. Если здесь еще нет цельного и слаженного, до конца осознанного материалистического мировоззрения, то несомненно есть материалистическое мироощущение. Явления жизни естественно воспринимаются поэтом в категориях материи, внушают ему телесно-живые художественные образы. <...>

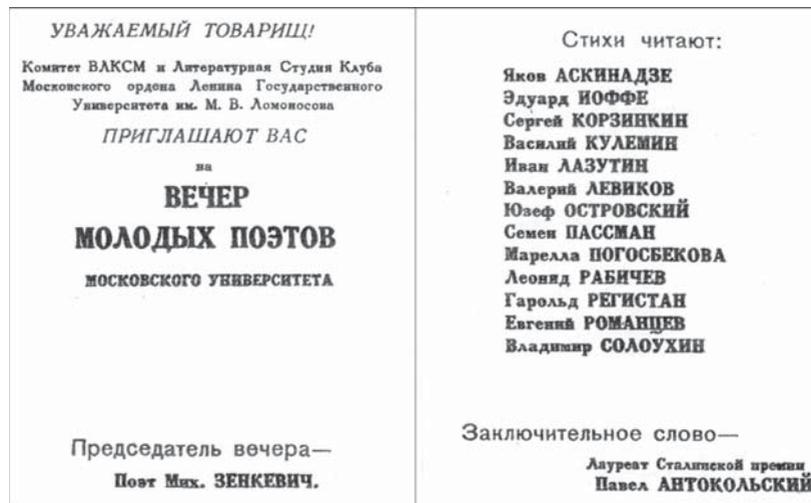
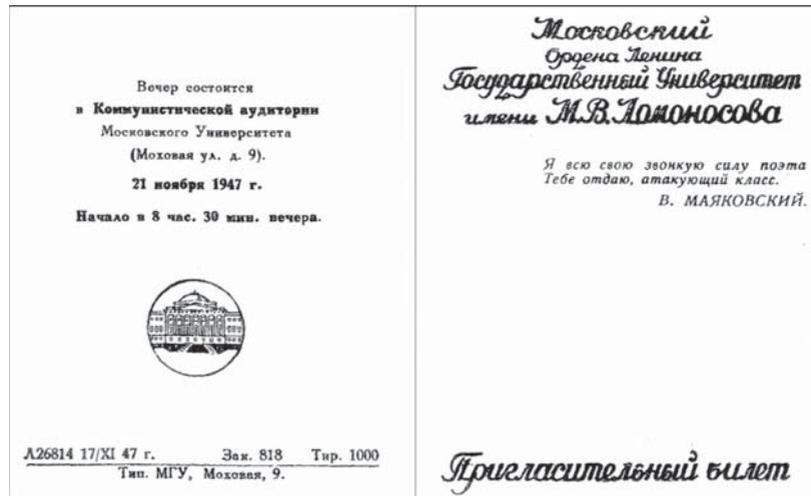
Это направление мыслей выражается не только во внимании к физиологической основе жизни, оно подсказывает М. Зенкевичу и его космологическую, геологическую и палеонтологическую тематику.

<...>

Как было это со многими дореволюционными поэтами, революционные события вошли в творчество М. Зенкевича не только новым материалом или новыми настроениями, — сместился весь жизненный аспект поэта. И это относит прежде всего к развертыванию основной лирической темы Зенкевича — темы катастрофы, угрожающей жалкому человечеству и жалким его городам, темы разрушительного и злого восторга, подсказывающего поэту его лирический апокалипсис. <...>

М. Зенкевич в своем дореволюционном прошлом всегда принадлежал к поэтам, для которых одним из основных источников их лирических настроений было недовольство миром. Это недовольство рождало у М. Зенкевича жажду катастрофы, поэтическую мечту об уничтожении мира. Мечта о гибели была последним выводом поэта из его встреч с жизнью, из его размышлений о человечестве. И вместе с тем неизбежный этот вывод был в прямом противоречии с органически присущим Зенкевичу почти биологическим оптимизмом. Вот почему и самое это чувство жизни не находило себе достаточного размаха в его поэзии, вот откуда в дореволюционных стихах М. Зенкевича некоторый момент ущербности, вот откуда и во всем творческом облике предреволюционного М. Зенкевича некоторые черты усталости и одинокого увядания, несмотря на всю торжествующую телесность и полнокровие создаваемых им образов действительности.

Но — такова сила искусства — сама ущербность эта наполняла лирическим пафосом воссоздаваемый поэтом двойственный и трудный его мир, придавала ему эмоциональную конкретность; и — такова сила поэтической конкретности — воссоздаваемый М. Зенкевичем мир был, по праву, его миром, и среди своих литературных сверстников — а среди них были блестящие дарования — предреволюционный М. Зенкевич занимал по праву свое, пускай и не первое, место.

Пригласительный билет на Вечер молодых поэтов Московского университета. 1947 г.
Архив наследников М. А. Зенкевича (М.)

И всё же случилось так, что большой поэт, внутренне близкий революции, органически близкий советской действительности, не стал еще, — надо быть откровенными, — большим советским поэтом.

<...>

[Дынник 1936]

Г. Товстоногов

<...>

Едва ли я ошибусь, если скажу, что по сравнению с прозой или даже поэзией жизнь просачивается в большинство наших пьес в слишком отсыянном виде, слишком скудно. <...>

Но что говорить о прозе! В «Октябре» опубликовано стихотворение Михаила Зенкевича «Найденыш». В нем и всего-то каких-нибудь тридцать строк. Но как много заложено в нем драматизма, как много жизненной силы! Приходит домой солдат с войны и в избе за печкой находит девчущку со спутанными волосами, робко забившуюся туда от страха. На вопрос: чья она? — девочка искренно отвечает: «Ничья», — с полной уверенностью, что так и есть. А на вопрос о матери с детской прямоотой заявляет, что мать спряталась от страха, что будет убита. И вот солдат ждет изменившую ему жену, а на коленях у него доверчиво играет медалями ребенок, рожденный без него. И ждет солдат и ждет, пока придет жена...

Какая большая тема, сколько жизненной правды! Пожалуй, из всех чувств, которые я испытывал, читая эту страничку стихов, главным было чувство зависти. Вот же он — прямой материал для пьесы, подсказанной самой жизнью. Но в пьесах такого материала нет, и живет он в поэзии, жанре, как будто менее приспособленном для решения таких вопросов, чем драма.

<...>

[Товстоногов 1956]

Б. Слуцкий

<...>

Всю жизнь переводит американцев Михаил Зенкевич. Вместе с Кашкиным он открыл поэзию Соединенных Штатов Америки для нашего читателя. Отдельных поэтов знали и переводили и раньше. Эдгара По — символисты, особенно Бальмонт. Уитмена — тот же Бальмонт и Корней Чуковский. Лонгфелло — Михайлов и Бунин.

Однако целостную картину поэзии Соединенных Штатов, протяженную в пространстве и времени, воссоздали на русском языке Кашкин и Зенкевич, особенно Зенкевич.

Вспомним подписанную этими поэтами объемистую книгу «Поэты Америки. XX век», изданную перед войной. Тогда ее прочитали все поэты и все

стихолобы. <...> Возрождение в нашей поэзии интереса к свободному стиху в некоторой степени связано с этой книгой.

С тех пор Зенкевич много перевел и много издал. Разные варианты его «Американских поэтов» публиковались неоднократно. Вышедшая недавно в «Художественной литературе» книга показывает десятилетия работы Зенкевича наиболее полно.

<...>

Все переводчики исходят в первую голову из интересов своей культуры и своего общества. Естественно и правильно, что Зенкевич выбирает преимущественно свободолюбцев и демократов, что Уитмен, Сэндберг, Мастерс, Хьюз даны в его книге особенно широко. И Беранже у нас переводили больше и лучше, чем Ламартина и даже Верлена. Однако Зенкевич помнит о месте поэтов не только в нашей литературной традиции, но и в традиции Соединенных Штатов.

<...>

Какой разноголосый и какой слаженный оркестр — эта книга!

Верлибр Голда очень далек от верлибра Мастерса и от трудного, темного стиха Т. С. Элиота. Песни Хилла — от строгой строфики Роберта Лоуэлла. Развалка Брета Гарта — от дисциплины Оливера Холмса. Не следует забывать, что Зенкевич почти всегда выступает первопроходцем, что традиции перевода того или иного американского мастера почти всегда начинаются с Зенкевича.

<...>

[Слуцкий 1970]

Пары сгущая в алый кокон, —
Как мудрый огненный паук,
Ткёт солнце из цветных волокон
За шелковистым кругом круг.

И тяжким тяготеньем сбиты,
И в жидком смерче сгущены,
Всего живущего орбиты
И раскалённы, и красны.

И ты, мой дух слепой и гордый,
Познай, как солнечная мгла,
Свой круг и бег алмазно-твёрдый
По грани зыбкого стекла.

Плавь гулко в огненном удуще
Металлов жидкие пары
И славь в стихийном равнодушьи
Раздолье дикое игры!

1910

[Зенкевич 1933, с. 7]

КАМНИ

Меж хребтов крутых плоскогорий
Солнцем пригретая щель
На вашем невзрачном просторе
Нам была золотая купель.

Когда мы — твари лесные —
Пресмыкались во прахе ползком, —
Ваши сосцы ледяные
Нас вскормили своим молоком.

И сумрачный дух звериный,
Просветлённый крепким кремнём,
Научился упругую глину
Обжигать упорным огнём.

Стада и нас вы сплотили
В одну кочевую орду
И оползем в жёсткой жиле
Обнажили цветную руду.

Вспоен студёным потоком,
По расщелинам, сползшим вниз,
Без плуга в болоте широком
Золотился зелёный рис.

И, вытянув голые ноги,
С жиром от жертв на губах,
Торчали гранитные боги,
Иссечённые медью в горах.

Но, бежав с родных плоскогорий,
По пустыням прогнав стада,
В сырых низинах у взморий
Мы воздвигли из вас города.

И рушены древние связи,
И, когда вам лежать надоест,
Искрошив цементные мази,
Вы сползёте с исчисленных мест.

И, сыплясь щебнем тяжёлым,
Чёрные щели жерла
Засверкают алмазным размолом
Золота, стали, стекла.

1910

[Зенкевич 1933, с. 17–18]

МЕТАЛЛЫ

Дремали вы среди молчанья,
Как тайну вечную сокрыв
Всё, что пред первым днём созданья
Узрел ваш огненный разлив.

Но вас от мрака и дремоты
Из древних залежей земли
Мы, святотатцы-рудомёты,
Для торжищ диких извлекли.

И, огнедышащие спруты —
Вертите щупальца машин
И мерите в часах минуты,
А в телескопах бег пучин.

И святотатственным чеканом
На отраженьях Божьей мглы
Сверкают в золоте багряном
Империй призрачных орлы.

Но тяжкий грохот ваших песен
Поёт без устали о том,
Что вы владык Земли, как плесень,
Слизнёте красным языком;

Что снова строгий и печальный
Над хаосом огня и вод
Дух — создатель изначальный —
Направит лёгкий свой полет!

1909—1911

Впервые: [Зенкевич 1912, с. 23–24]

МАРК АВРЕЛИЙ

Глупцы! Пьянящий вас напиток —
Лишь мутный виноградный сок,
И выделением улиток
Пылает пурпур царских тог.

Как камень кверху мечет сила,
Покорны бегу одному
Огнетуманные светила
И мы, идущие во тьму.

И понял твой суровый гений
Среди движения племён,
Что в золоте круговращений
Недвижен сумрачный закон.

Под северным дождём туманным,
На топи настелив валы,
Победно нёс ты к маркоманнам
От крови ржавые орлы.

Но как тебе был час тот сладок,
Когда, затепливши ночник,
Ты вынимал из жёстких складок
Свой покоробленный дневник.

А рядом рыжие германцы,
Щитами толстыми звеня,
Кружили неуклюже танцы
В лесу дубовом у огня.

И раз перед рассветом серым,
Светильник медный погасив,
К построенным легионерам
Ты вышел с сыном — молчалив.

Вот кесарь ваш! Над затхлою бойней,
Где с туш струится красный след,
Над сбродом варваров — достойней,
Чем мудрецы, царит атлет!

И в лихорадочной дремоте
Ты лёг, почувствовав озноб,
И лоснился в предсмертном поте
На волчьей шкуре бледный лоб.

И, как цветное опахало,
Над ликом спящего царя
Огнистый пурпур колыхала
Всегда холодная заря.

1910

[Зенкевич 1933, с. 27–28]

ЗЕМЛЯ

О мать Земля! Ты в сонме солнц блестела,
Пред алтарём смыкаясь с ними в круг,
Но струпьями, как Иову, недуг
Тебе изрыл божественное тело.

И красные карбункулы вспухали,
И лопались, и в чёрное жерло
Копили гной, как жидкое стекло,
И, щелями зияя, присыхали.

И на пластах застывших изверженья
Лёг сгустками, запекшись, кремнезём,
Где твари — мы плодимся и ползём,
Как в падали бактерии разложенья.

И в глубях шахт, где тихо спит руда,
Мы грузим кровь железную на тачки,
И берем потухшие болячки,
И близим час последнего суда...

И он пробьёт! Болезнь омывши лавой,
Нетленная, восстанешь ты в огне,
И в хоре солнц в эфирной тишине
Вновь загремит твой голос величавый!

1911

[Зенкевич 1933, с. 13–14]

ТЁМНОЕ РОДСТВО

О тёмное, утробное родство,
Зачем ползёшь чудовищным последом
За светлым духом, чтоб разумным бредом
Вновь ожило всё, что в пластах мертво?

Земной коры первичные потуги,
Зачавшие божественный наш род,
И пузыри, и жаберные дуги, —
Всё в сгустке крови отразил урод.

И вновь, прорезав плотные туманы,
На тёплые архейские моря,
Где отбивают тяжкий пульс вулканы, —
Льёт бледный свет пустынная заря.

И, размножая лёгких инфузорий,
Выращивая изумрудный сад,
Всё радостней и золотистой зори
Из облачного пурпура сквозят.

И солнце парит топь в полдневном жаре,
И в зарослях хвощей из затхлой мглы
Возносятся гигантских сигиллярий
Упругие и рыхлые стволы.

Косматые — с загнутыми клыками —
Пасутся мамонты у мощных рек,
И в сумраке пещер под ледниками
Кремень тяжёлый точит человек...

О предки дикие! Как жутко-крепок
Союз наш кровный! Воли нет моей,
И я с душой мятущейся — лишь слепок
Давно прошедших, сумрачных теней.

И им подвластный, солнечный рассудок,
Сгустив в мозгу кровавые пары, —
Как каннибалов пляшущих желудок,
Ликуя, правит тёмные пиры.

1911

[Зенкевич 1933, с. 19–20]

ЯЩЕРЫ

О ящеры-гиганты, не бесследно
Вы — детища подводной темноты —
По отмелям, сверкая кожей медной,
Проволокли громоздкие хвосты!

Истлело семя, скрытое в скорлупы
Чудовищных, таинственных яиц, —
Набальзамированы ваши трупы
Под жирным илом царственных гробниц.

И ваших тел мне святы превращенья:
Они меня на гребень вознесли,
И мне владеть, как первенцу творенья,
Просторами и силами земли.

Я зверь, лишённый и когтей, и шерсти,
Но радугой разумною проник
В мой рыхлый мозг сквозь студень двух отверстий
Пурпурных солнц тяжеловесный сдвиг.

А всё затем, чтоб пламенем священным
Я просветил свой древний, тёмный дух
И на костре пред Богом сокровенным,
Как царь последний, радостно потух;

Чтоб пред Его всегда багряным тронем,
Как тёплый пар, легко поднявшись ввысь,
Подобно раскалённым электронам,
Мои частицы в золоте неслись.

1911

[Зенкевич 1928, с. 9]

МАХАЙРОДУСЫ

Корнями двух клыков и челюстей громадных
Оттиснув жидкий мозг в глубь плоской головы,
О махайродусы, владели сушей вы
В третичные века гигантских травоядных.

И толстокожие — среди пастбищ непролазных,
Удабривая соль для молочайных трав,
Стада и табуны ублютков безобразных,
Как ваш убойный скот, тучнели для облав.

Близ лога вашего, где в сумрачной пещере
Желудок страшный ваш свой красный груз варил,
С тяжёлым шлёпаньем свирепый динотерий
От зуда и жары не лез валяться в ил.

И, видя, что каймой лилово-серых ливней
Затянут огненный вечерний горизонт,
Подняв двупарные раскидистые бивни,
Так жалобно ревел отставший мастодонт.

Гудел и гнулся грунт под тушею бегущей,
И в свалке дележа, как зубья пил, клыки,
Хрустя и хлопая в кроваво-жирной гуще,
Сгрызали с рёбрами хрящи и позвонки.

И ветром и дождём разрытые долины
Давно иссякших рек, как мавзолеей, хранят
Под прессами пластов в осадках красной глины
Костей обглоданных и выщербленных склад.

Земля-владычица! И я твой отпрыск тощий,
И мне назначила ты царственный удел,
Чтоб в глубине твоей сокрытой древней мощи
Огонь немеркнувший металлами гудел.

Не порывай со мной, как мать, кровавых уз,
Дай в танце бешеном твоей орбитной цепи
И крови красный гул, и мозга жирный груз
Сложить к подножию твоих великолепий.

1911

[Зенкевич 1933, с. 21–22]

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Г. П. Федотову

Ловя сирен далёкие отгулы,
От голода в изнеможенье злом
Лежат недвижно серые акулы,
Как бабочки, проткнуты под стеклом.

И разомкнули тучные удавы
Колец волшебных блещущий извив,
Как бы во сне — желудочной отравой
Проглоченную жертву не сварив.

И повествуют о веках размытых,
Как железняк о пламенных мирах,
Кровь мамонтов из дебрей ледовитых,
Их мускулов, волос тяжёлый прах...

Но что для глаз слепых и равнодушных
Божественных гармоний пестрота,
Земных, наземных, водных и воздушных —
Всех фаун мощных слепки и цвета!

И только дети шумно на свободе
Меж чучел и витрин гурьбой снуют, —
Не так, как мы, причастные природе,
Пред ней восторг неложный унесут.

Они — с животной жизнью материнства
Глухую связь порвавшие едва —
Одни поймут нам скрытое единство
Живой души, тупого вещества!

1911

[Зенкевич 1933, с. 23–24]

* * *

И нас — два колоса несжатых —
Смогла на миг соединить
В степи на выжженных раскатах
Осенней паутины нить.

И мы — два пышных пустоцвета —
Следили вместе, как вдали
Средь бледно-золотого света
Чернели клином журавли...

Но к ночи кочевая связь,
Блеснув над коноплём, бурьяном,
С межи заглохшей поднялась
В огне ненастливо-багряном.

И страшен нам раскат пустынный,
И не забыть нам никогда,
Как робко нитью паутинной
Ласкала стебель наш слюда!

1911

[Зенкевич 1933, с. 38]

ЛОРА

Вы хищная и нежная. И мне
 Мерещитесь несущуюся с гиком
 За сворою, дрожащей на ремне,
 На жеребце степном и полудиком.
 И солнечен слегка морозный день.
 Охвачен стан ваш синею черкесской.
 Из-под папахи белой, набекрень
 Надвинутой, октябрьский ветер резкий
 Взлетающие пряжи жадно рвёт.
 Но вы несётесь бешено вперёд
 Через бурые бугры и перелески,
 Краснеющие мёрзлую листвою,
 И словно поволокой огневой
 Подёрнуты глаза в недобром блеске
 Пьянящегося кровью торжества.
 И тонкие уста полуоткрыты,
 К собакам под арапник и копыта
 Бросают в ветер страстные слова.
 И вот, оканчивая бег упругий
 Могучим сокрушительным броском,
 С изогнутой спиной кобель муругий
 С откоса вниз слетает кувырком
 С затравленным матёрым русаком.
 Кинжала взлёт серебряный и краткий —
 И вы, взметнув сияньем глаз стальным,
 Швыряете кровавою перчаткой
 Отрезанные пазанки борзым.
 И, в стремена вскочив, опять во мглу
 Уносите. И кто ещё до ночи
 На лошадь вспененную вам к седлу,
 Стекая кровью, будет приторочен?
 И верю, если только доезжачий
 С выжлятниками, лихо отдавая
 Борзятников, неожиданною удачей
 Порадует и гончих гон горячий
 Поднимет с лога волка-гнездара, —
 То вы сумеете его повадку
 Перехитрить, живьём, сострунив, взять
 Иль в шерсть седеющую под лопатку

Ему вонзить кинжал по рукоять.
 И проиграет сбор рожок весёлый,
 И вечерами, отходя ко сну,
 Ласкать вы будете ногою голой
 Его распластанную седину...
 Так что же неожиданного в том,
 Что я вымаливаю, словно дара,
 Как волк, лежащий на жнивье густом,
 Лучистого и верного удара!

1910

[Зенкевич 1918, с. 15–16]

ЗИМОВЬЕ ВОРОНА

Ещё вдали под первую звездою
 Звенело небо гоготом гусей,
 Когда с обрыва, будто пред бедою,
 Вдруг каркнул ворон мощно грудью всей.

И, сумерками ранними обвитый,
 Направил над свинцом студёных вод —
 На запад в степь неспешный, домовитый,
 Свистящий грузной силою полёт.

Но вещей крик, что кинул ворон старый,
 Моя душа, казалось, поняла,
 Благоговейно слушая удары
 По воздуху тяжёлого крыла.

Он, не смутясь пролётом беспокойным,
 Не бросит оскудевших мест родных,
 В нужде питаюсь мусором помойным
 У ям оледеневших выгребных.

Но сохранит в буранах силу ту же,
 Что и в тепле, — а те из высоты
 Низверглись бы на снег от первой стужи,
 Как с дерева спалённые листья.

Меня ободрил криком ворон старый:
И я, как он, невзгодой несразим,
С угрюмой гордостью снесу удары
Суровой из всех грядущих зим!

1918

[Зенкевич 1933, с. 71–72]

ДОРОЖНОЕ

Взмывают без усталости
Стальные тросы жил, —
Так покидай без жалости
Места, в которых жил.

Земля кружится в ярости,
И ты не тот, что был, —
Так покидай без жалости
Всех тех, кого любил.

И детски шалы шалости
И славы, и похвал, —
Так завещай без жалости
Огню всё, что создал!

22 сентября 1935,
по дороге из Коктебеля

Впервые: [Зенкевич 1994, с. 237].
Автограф — ОР РГБ, ф. 822 (М. А. Зенкевич)

* * *

Всё прошлое нам кажется лишь сном,
Всё будущее — лишь мечтою дальней,
И только в настоящем мы живём
Мгновенной жизнью, полной и реальной.

И непрерывной молнией мгновенья
В явь настоящего воплощены,
Как неразрывно спаянные звенья, —
Мечты о будущем, о прошлом сны.

20 декабря 1940

Впервые: Книжное обозрение. 1993. № 43.
Автограф — архив наследников М. А. Зенкевича

ТЕОРЕМА

Жизнь часто кажется мне ученицей,
Школьницей, вызванной грозно к доске.
В правой руке её мел крошится,
Тряпка зажата в левой руке.

В усердьи растерянном и неумелом
Пытается что-то она доказать,
Стремительно пишет крошащимся мелом,
И тряпкой стирает, и пишет опять.

Напишет, сотрёт, исправит... И все мы —
Как мелом написанные значки —
Встаём в вычислениях теоремы
На плоскости чёрной огромной доски.

И столько жестокостей и издевательств
Бессмысленно-плоских кому и зачем
Нужны для наглядности доказательств
Самой простейшей из теорем?

Ведь после мучительных вычислений
В итоге всегда остаётся одно:
Всегда неизменно число рождений
Числу смертей равно.

21 января 1941

Впервые: Домашнее чтение. 1994. № 7.
Автограф — РО ИРЛИ, ф. 773 (М. А. Зенкевич)

ПОД ЛЁД

Это масляной недели
 подгулявший сказ
 Или, может, в самом деле
 так случилось раз?
 В предвесенний день погожий
 тропкой прямиком
 Через Волгу шёл прохожий
 малость под хмельком.
 Вдруг навстречу из затона —
 тройка во весь мах.
 От малинового звона
 дребезжит в ушах.
 Машет меховая полость —
 чёрное крыло,
 Звон весенний на всю волость
 ветром разнесло.
 От погони иль в погоне
 во всю прыть, врзлёт
 Скачут воронье кони,
 бьют копытом в лёд.
 Зубы скалит, пенясь в мыле,
 грузный коренник,
 Пристяжные вихрем взмыли...
 Скачут напрямик.
 Кто там тройку без оглядки
 по реке пустил?
 Крепче каменной укладки
 ледяной настил.
 Кто там скачет так бесстрашно?
 Кто их разберёт!
 Сразу видно — бесшабашный
 молодой народ.
 Словно певчий гомон птичий,
 ближе и звончей
 Слышен смех и визг девичий
 из больших саней.
 С песней, с хохотом проскачут
 табором сейчас.

Под цветным платком не спрячут
 блеска тёмных глаз...

Вдруг исчезло наваждение —
 звонкой тройки нет,
 Лишь змеится в отдаленье
 от полозьев след.
 Только полынья плеснула
 в ломкие края
 И опять сомкнулась снуло,
 западню тая...

Почему-то мне всё мнится:
 тот прохожий — я.
 Пролетела тройка-птица,
 стынет полынья...
 На дуге позолочённой
 в ленточках цветных
 Серебристый звон влюблённый
 подо льдом затих.
 На блестящей новой сбруе
 смолкли бубенцы,
 Камнем в ледяные струи,
 в воду все концы!
 Счастье тройкой с лёту в омут
 кануло на дно,
 А могло примчаться к дому
 прямо под окно!

1945

[Зенкевич 1962, с. 189–191]

НАЙДЁНЫШ

Пришёл солдат домой с войны,
 Глядит: в печи огонь горит,
 Стол чистой скатертью накрыт,
 Чрез край квашни текут блины,
 Да нет хозяйки, нет жены!

Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголёк.
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули... Чьи? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох...
Нагнулся: девочка лет трёх.

«Ты что сидишь тут? Вылезай».

Молчит, глядит во все глаза,
Пугливее зверёнышка,
Светлей кудели волоса,
На васильках — роса —
слеза.

«Как звать тебя?» —

«Алёнушка». —

«А дочь ты чья?»

Молчит... «Ничья.

Нашла маманька у ручья
За дальнею полосонькой,
Под белою берёзонькой». —

«А мамка где?» — «Укрылась в рожь.
Бойтся, что ты нас убьёшь...»

Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Опёрся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжёл.
Молчит солдат, в окно глядит,
Туда, где тропка вьётся вдаль.
Найдёныш рядом с ним сидит,
Над сердцем тербит медаль.
Как быть?

В тумане голова.

Проходит час, а может, два.
Солдат глядит в окно и ждёт:
Придёт жена иль не придёт?
Как тут поладишь, жди не жди...
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешёвым блеклым ситчиком...
Взглянул:

у притолки жена

Стоит, потупившись, бледна...
«Входи, жена! Пеки блины.
Вернулся целым муж с войны.
Былое порастёт бильём,
Как дальняя сторонushка.
По-новому мы заживём,
Вот наша дочь — Алёнушка!»

Декабрь 1945

Впервые: Октябрь. 1955. № 11.
Авторизованная машинопись — архив наследников
М. А. Зенкевича

* * *

Холопство вотчиной досталось
В наследье нам. Когда-то встарь
В унижении писалось:
«Холопишко твой, государь».

И даже бурь гражданских буйство,
Громя насилие и зло,
Всё ж подхалимства и холуйства
Железом выжечь не смогло!

Как государевы людишки,
Бьём до земли челом опять,
Низкопклонничая, книжки
Холопские спешим писать!

<Середина 1940-х>

Впервые: [Зенкевич 1994, с. 293].
Автограф — ОР РГБ, ф. 822 (М. А. Зенкевич)

* * *

Здесь всё предрешено. Ты выйдешь на подмостки,
Герой, или простак, иль шут, или король,
Твой монолог избит, твои остроты плоски,
Но до конца веди заученную роль.

Не принимай всерьёз игру, используй шутки,
От громких пышных слов не приходи в экстаз.
Не забывай о том, что из суфлёрской будки
Доносится к тебе настойчивый подсказ.

Так дешёвы хлопки. Не обольщайся ими,
С их шумом в пустоте ты скоро отгремишь.
Большими буквами мелькающее имя
Назавтра оборвут с бумагою афиш.

Всё ж лучше, если б роль досталась покороче.
Что там на улице? Наверно, слякоть, снег...
Кому ж охота здесь торчать до поздней ночи
И после в темноте тащиться на ночлег.

А пьесы автор кто? Бесспорно, он бездарен,
Какой-то икс, иль зет, иль просто аноним.
За выдумку ему будь также благодарен,
Пред рампой в темноту раскланяйся и с ним!

20 июня 1949

Впервые: Книжное обозрение. 1993. № 43.
Автограф — архив наследников М. А. Зенкевича

* * *

В доме каком-нибудь многоэтажном
Встретить полночь в кругу бесшабашном, —
Только б не думать о самом важном,
О самом важном, о самом страшном.
Всё представляя в свете забавном,
Дать волю веселью, и смеху, и шуткам, —
Только б не думать о самом главном,
О самом главном, о самом жутком.

Коктебель, август 1953

Впервые: Книжное обозрение. 1993. № 43.
Автограф — архив наследников М. А. Зенкевича

В доме каком-нибудь многоэтажном
Встретить полночь в кругу бесшабашном,
Только б не думать о самом важном,
О самом важном, о самом страшном.
Всё представляя в свете забавном,
Дать волю веселью, и смеху, и шуткам,
Только б не думать о самом главном,
О самом главном, о самом жутком.
Коктебель
авг. 1953.

М. А. Зенкевич

Автограф стихотворения М. Зенкевича «В доме каком-нибудь многоэтажном...». 1953 г.
Архив наследников М. А. Зенкевича (М.)

МУДРОСТЬ

Отбушевала ярость —
 Пылать, дерзать, посметь!
 Нет, это не усталость,
 А мудрость, — ей поверь:
 Встречай спокойно старость
 И пыл страстей умерь!

А что ещё осталось?
 Последнее — суметь,
 Спокойно встретив старость,
 Достоинно встретить смерть,
 Презрев такую малость,
 Как мрамор, бронза, медь!

10 апреля 1963

Впервые: Книжное обозрение. 1993. № 43.
 Автограф — архив наследников М. А. Зенкевича

НЕИЗБЕЖНОЕ

Вдруг снова,
 Как в бурю на сушу
 Едкая соль
 Прибоя белоснежного,
 Хлынула в душу
 Горькая боль
 Отчаяния
 От
 чаяния
 Чего-то рокового
 Неизбежного.

10 июля 1963

Впервые: Книжное обозрение. 1993. № 43.
 Автограф — архив наследников М. А. Зенкевича

БУДЬ СТОИКОМ

«Всё суета
 и суета сует», —
 Провозгласил давно
 Екклесиаст,
 Но ею движется,
 живёт наш свет
 И стойкости
 житейской
 не придаст
 Библейской
 древней мудрости
 Завет.
 Но если ты стремишься
 к высшей цели,
 Чтоб в брэнном теле
 дух твой не ослаб,
 Будь стойком,
 как цезарь Марк Аврелий,
 Как Эпиктет,
 мудрец и римский раб.

23 сентября 1963

Впервые: [Зенкевич 1994, с. 339].
 Автограф — РО ИРЛИ, ф. 773 (М. А. Зенкевич)

ПЕРВООСНОВА

Жизнь не бывает никогда мертва
 И только кажется нам тленной.
 Число всех жизней во вселенной
 Всегда одно и то же неизменно,
 Неисчислимо и неистребимо.
 Её рождение —
 только проявление,
 Исчезновение —
 только удаление,

А скоротечность —
только вечность.
Для всех времён
первооснова,
Таков закон
всего живого.

15 января 1965

Впервые: Книжное обозрение. 1993. № 43.
Автограф — архив наследников М. А. Зенкевича

ГЕОРГИЙ ЗОЛОТУХИН

26.XI / 8.XII 1886, Екатеринодар Кубанской области — не ранее 1942

Георгий Иванович Золотухин — единственный сын в семье Ивана Ивановича Золотухина, происходившего из государственных крестьян, крупного землевладельца, товарища прокурора Екатеринодарского окружного суда, и Елены Афанасьевны (урожденной Соляник-Красса), дочери войскового старшины. В семье были еще две старшие дочери — Варвара и Анна¹.

Георгий учился пять лет в гимназии в Екатеринодаре, затем три года в гимназии в Тамбове². В 1905 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, который в свое время окончил его отец. В 1908 г. — отчислен «как не внесший плату».

Из автобиографии Г. И. Золотухина:

Я человек скромный, но должен сознаться, что обилие самых разнообразных кровей сделало мою природу чувствительно-интернациональной. Греки, французы, запорожцы, кажется, даже эскимосы — все, в некотором роде, принимали горячее участие в моем создании.

Заразился я стихотворной болезнью в раннем возрасте. Несмотря на все принятые моими родителями меры, вплоть до сечки по абсолютно голому телу, «стихотворие» не проходило... В тринадцатилетнем возрасте я писал удивительную б<e>либерду, в одном стихотворении я ухитрился смешивать васильки и панихиду по прабабушке с белым звоном пушистого снега.

Гимназия меня не облагородила. Университет тоже. Каким был я бродячим [Подчеркнуто автором. — М. В.].³

В 1915 г. выходит первый сборник стихов Г. И. Золотухина «Опалы»⁴. Автор находится под влиянием произведений символистов, бальмонтовской «музыкальности», ритмико-синтаксической лирики Блока⁵. Но звучат и новые

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 514. Л. 1–18 (август 1905 г. — 15 ноября 1908 г.).

² В Тамбовской гимназии в 1895—1897 гг. учился и Давид Давидович Бурлюк. Отметим, кстати, что затем Бурлюк учился в Тифлисской гимназии в одном классе с Павлом Александровичем Флоренским.

³ РГАЛИ. Полностью эта автобиография приведена на с. 446—447.

⁴ В книге «Опалы» указан адрес и телефон автора: Москва, Б. Афанасьевский, д. 22, телеф. 4-68-30.

⁵ В. Ф. Марков в [Марков 1968, с. 295] пишет, что автор подражает поэзии русского декаданса и романтиков девятнадцатого века, и характеризует стихи как «глупые, неграмотные, неуклюжие, в плохом вкусе, но ни в коем случае не скуч-

ноты — эпатаж, идея ниспровержения старого, «разоблачения» культуры — например, в стихотворениях «Любите дрожжи», «Близкому нам мертвецу — Шарлю Боделэру», «Злая игра в ритм». И хотя эти новые ноты очень близки тому, что пропагандируют футуристы, Золотухин в стихотворении «Хотим жевать», с подзаголовком «Как пишут в наше время стихи», явно показывает свое резко отрицательное к ним отношение:

Берут случайные, никчемные словечки:
Зуб, плетка, портсигар, камышинский арбуз;
Затем<> заглавие: «Три свечки».
Иль: «Плеск взволнованных медуз»...
А далее, собрав все в кучу,
Родят, к великому стыду,
Стихов бессмысленных качучу,
Аккордов тухлых ерунду...

Но в том же 1915 году Золотухин встречается с «отцом русского футуризма» Давидом Бурлюком, и отношение его к новому течению резко меняется. Он становится «ангелом»⁶ футуристов, которых, по выражению самого Давида Бурлюка, «заедала бедность»⁷. Впоследствии Давид Бурлюк напишет, что, найди он Золотухина раньше, «вся история русского футуризма могла бы быть ярче и богаче» [Бурлюк 1956, с. 31].

Золотухин основывает издательство «К»⁸, призванное «дать читателям истинно художественный материал». Уже в 1915 г. он издает поэму Василия Каменского «Стенька Разин»⁹ и в 1916 г. — сборник «Четыре птицы», куда входят стихотворения Давида Бурлюка, Георгия Золотухина, Василия Каменского и Виктора (Велимира) Хлебникова.

Из воспоминаний Василия Каменского:

<...> мы выпустили «Четыре птицы» — Бурлюк, Золотухин, Каменский, Хлебников.

Золотухин — из второго поколения футуризма, как и Давид Виленский, Григорий Петников, Дмитрий Петровский, С. Вермель.

С помощью Золотухина я нажал на издание «Разина», и вот в ноябре 1915 года с грехом пополам (цензура много «острого» выкинула) роман, наконец, вышел в счастливый час: книгу встретили восторженно. В три недели весь «Разин» разошелся.¹⁰

ные» (<...> imitated the excesses of Russian decadence or the Romantic poetry of the nineteenth century. It is silly, illiterate, clumsy, and in bad taste, but never boring <...>).

⁶ См. [Марков 1968, с. 295].

⁷ Д. Д. Бурлюк вспоминает: «Футуристов заедала бедность. За исключением Елены Г. Гуро, обладавшей жалкими крохами, и Н. И. Кульбина, имевшего чиновничье жалование царское, все остальные были нищеобразными» [Бурлюк 1994, с. 17].

⁸ Адрес издательства: Москва, Воздвиженка, д. 6, кв. 46.

⁹ На обложке — 1916.

¹⁰ См. [Каменский 1990, с. 504].

Обложка книги «Четыре птицы». Художник А. Лентулов

Название сборника, по-видимому, связано с близкой футуристам идеей свободы и полета. Василий Каменский был одним из первых российских авиаторов. Умение летать считалось неотъемлемой способностью человека будущего. Каменский вспоминал:

<...> Хлебников, будоража волосы, то корчился, то вдруг выпрямлялся, глядел на нас пылающей лазурью, ходил нервно, подавшись туловищем вперед, сплошь сияя от прибоя мыслей:

— Вообще, будетляне должны основать остров и оттуда диктовать условия <...> Мы будем соединяться с материком посредством аэропланов, как птицы. Станем прилетать весной и выводить разные идеи, а осенью улетать к себе.

Сверхреальный Давид Бурлюк наводил лорнет на нездешнего поэта и спрашивал:

— А чем же мы, Витя, станем питаться на этом острове?¹¹

Не обошлось и без критики. Так, в журнале «Временник» участники сборника «Четыре птицы» саркастически названы птицами «певчей», «боевой», «домашней» и «чучелом набитым»¹².

Многие стихотворения в книге имеют посвящения.

«Поэзия о соловье» Василия Каменского — с посвящением «Георгию Золотухину — во имя его яркое». Стихотворение Давида Бурлюка «Античная дама» тоже с посвящением — «Г. И. Золотухину. / “rien que la nuance”¹³». Золотухин включает в сборник стихотворения «Давид Бурлюк» и «В. Маяковскому», а первым в подборке Золотухина идет «Стих будущего» с подзаголовком: «Критики не поймут. Они рабы дряхлых рифмований».

Почти все футуристы были художниками или учились живописи (одно из немногих исключений — Бенедикт Лившиц). К первому изданию «Стеньки Разина» рисунки делали: Владимир и Давид Бурлюки, Георгий Золотухин, Василий Каменский, Николай Кульбин, Аристарх Лентулов, Николай Гущин. В сборнике «Четыре птицы» — иллюстрации Аристарха Лентулова (обложка) и Георгия Золотухина.

В стихотворении «МЕМЕ<N>ТО», с посвящением «В. Маяковскому во славу», Василий Каменский пишет про своих друзей-футуристов:

<...> А вот завтра девочка
В платье из тканей живописи Лентулова,

¹¹ См. [Каменский 1990, с. 443].

¹² «“Четыре птицы” <—> так называется книга стихов изд-ва <a> К. Из них: одна певчая (В. Хлебников), одна боевая (Д. Бурлюк), одна домашняя (В. Каменский) и одно чучело набитое (Г. Золотухин). За эту книгу цена 2 р. Интересно <, > сколько получает Хлебников за свои стихи <, > на которые в надежде <, > очевидно, и продана эта небольшая спекуляция» [Книжное поле 1917, с. 6]. См. также [Марков 1968, с. 296].

¹³ Цитата из «Искусства поэзии» Поля Верлена.

Из Песен Давида Бурлюка,
Из радуг Вити Хлебникова,
Из мяса Маяковского,
Из браслетного Георгия Золотухина
Под ало-аркой А.
Пластикой жестов пророческих
Миру откроет судьбу
Астральных слияний
И не станет —
МЕМЕ<N>ТО —
Живых или мертвых.¹⁴

Квартира Золотухина в Москве на Воздвиженке становится «штабом» футуристов.

Здесь 29 февраля 1916 г. Велимир Хлебников провозглашает — Союз Председателей Земного Шара, или «Общество 317».

Из воспоминаний Дмитрия Петровского:

<...> возвращусь к первому дню существования «317». Собрались на Воздвиженке, где жил тогда Золотухин.

Что это были за великолепные вечера у Золотухина!

Мы доставляли сырой материал наших работ над шумами (Золотухин потом тоже присоединился к работе), а Хлебников потом едва касался их, из сырой земли всходили и на глазах зацветали живые ростки и цветы, лицо его при этом тоже зацветало.

Золотухин говорил:

— Я уверен, если бы свесить в этот момент Хлебникова, — вес его должен быть меньше обычного! — таким одухотворением дышала вся его громадная фигура.

В то свежее время Хлебников еще верил в реальное значение своего общества, он надеялся путем печати и корреспонденции привлечь в общество лучших людей своего времени и, установив связь по всему земному шару, диктовать правительствам Пространства.

«Захватить в руки Государства Времени лучших людей.

И, таким образом, заставить Государство Пространства считаться с Государством Времени». (Из его письма).¹⁵

В 1916 г. Золотухин уезжает из Москвы, сначала — в Ялту, а затем в Керчь. Там он издает газету «Сердце Крыма», открывает школу дикции, дает концерты в Керчи и Симферополе вместе со своей женой — актрисой Евгенией Маврикиевной Ястржембской. К 1917 году он остается без средств.

Он горячо приветствует Февральскую революцию, видя в ней обновление мира и человека.

¹⁴ См. [Каменский 1916, с. 65–66]. В заглавии и тексте стихотворения опечатка — МЕМЕПТО.

¹⁵ См. [Петровский 1926, с. 9–10].

В этом же году выходит его сборник «Эхизм» (с рисунками автора), с посвящением жене: «Из цветника твоего сердца собирала мед моя пчела. Твой он».

Поэма «Эхизм», давшая название книге, имеет подзаголовок: «Пророческая поэма, построенная по закону абсолютного отражения, природою души, звуковых волн». Начинается сборник обращением к поэтам:

Обратился с вопросом к друзьям-поэтам.
Хватит ли запаса слов для полной музыкальной формы стиха, стиха<,>
построенного по закону пророчески тонкого, звукового отражения?
Нет! Никогда!
Неправда! Был мой крик.
Нет языка более богатого<,> чем русский. <...>
Литературный язык родины моей — младенец, но младенец гениален.¹⁶

В сборник также вошла «1917-ая рождественская сказка “Хрусталинка”» и ряд стихотворений, часть из которых уже была опубликована в сборнике «Четыре птицы», но теперь они, как и вся книга, снабжены вынесенными на поля добавлениями пропущенных слов.

Георгий Золотухин, приняв идеи «будетлян», экспериментирует с рифмами¹⁷, стараясь зарифмовать все звуки рифмующихся строк (*панториформа*), как, например, в стихотворении «Зинаиде Васильевне Петровской»¹⁸:

Ласк ал ладан лелей. Лилий пути
Ели роз венки лучшей Травиат
Ласкал ладонь Лель ей, а лилипуты
Пели: розовенький луч шей траве яд.¹⁹

У многих стихотворений есть примечания о количестве букв и количестве рифмованных букв. Так, например, рядом со стихотворением «Глазам Египтянки» написано: «315 букв всего, 4 буквы не рифмованных»²⁰.

Иногда используются так называемые «сквозные рифмы»:

Три люстры горели.
Тысяча триста свечей.
Посмотри, не Заратустры горé ли
Следы сеч — бриза звончей?..²¹

¹⁶ См. [Золотухин 1916, с. 36].

¹⁷ Ип. Соколов в статье «Хартия экспрессиониста» пишет: «Эхист-эвфонист Золотухин довел свою виртуозность в области концевых созвучий, кажется, прямо до шарлатанства» (цитируется по [Забытый авангард 1993, с. 45]).

¹⁸ См. [Гаспаров 1993, с. 133].

¹⁹ См. [Золотухин 1916, с. 36].

²⁰ См. [Золотухин 1917, с. 43].

²¹ См. [Золотухин 1916, с. 21].

В автобиографии Золотухин напишет:

Я жил и живу в ливне рифм. Нет ни одного слова, нет ни одной фразы, полноречивого эх<а>, которые я бы не слышал. Я ощущаю подоплеку каждого слова.
Вот маленький пример: рог гор горд, дорога дорога дрог, ограде города — огород.....
Слово — есть вещь.....
А я — Я верный слуга слова — до конца.²²

В 1918 г. Золотухин оказывается в Екатеринодаре. В 1920—1921 гг., вернувшись в Крым, работает в Симферополе, заведует Крымгосиздатом.

В 1922 г. переезжает в Севастополь, где в том же году в издательстве «Таран» выходят две его поэмы «Смерть» (о голоде в Поволжье) и «Восемь тел». В Севастополе также выходит сборник «Из батареи сердца», где опубликовано несколько стихотворений Золотухина. В 1923 г. он переезжает в Феодосию, где сотрудничает в газете «Рабочий».

Следующая страница жизни Золотухина, связанная с Иваново-Вознесенском (в 1932 г. переименован в Иваново), стала известна лишь недавно благодаря разысканиям московского исследователя Александра Соболева [Соболев 2011]. В 1924 г. стихотворение Золотухина «Каменная колыбель» из сборника «Из батареи сердца» было перепечатано в иваново-вознесенском альманахе «Венок». В 1924—1925 гг. он печатается в ивановском пропагандистском еженедельнике «Красный ткач». Это последние из известных публикаций Г. И. Золотухина. Сведений о том, куда и когда он уехал из Иванова, пока нет.

Известно только, что в 1942 г. он оказался в Самарканде. Сохранилась машинописная копия поэмы «Восемь тел», подаренная автором, вместе с рукописью стихотворения «Все насмарку!..» (27 окт. 1942, Самарканд) и краткими воспоминаниями «Из архива памяти» о встрече с В. В. Маяковским и В. Хлебниковым в 1915 г. в Москве в Б. Афанасьевском переулке²³, Петру Владиславовичу Вилькошевскому, фольклористу, текстологу из Ленинграда, работавшему в то время в Самаркандском университете²⁴. На копии поэмы стоит — «1942, 19 нояб., Самарканд». На полях автографа стихотворения надпись: «Чуткому и понимающему Вилькошевскому от хлебниковца. Г. Золотухин»²⁵.

²² См с. 446–447 ниже.

²³ Золотухин вспоминает: «Как-то в Москве, в один из зимних дней 1915 г. в Б. Афанасьевском переулке (Арбат) в д. № 22 Владимир Маяковский обронил такую фразу:

Ты, господи Иисусе,
В наши дни теперь не суйся.

Тогда же Велимир Хлебников говорил о том, что слова рабочий не должно быть в русском языке, т. к. оно означает “рабы очи”. Что, дескать, когда в Скифии брали в плен, им выкалывали глаза и впрягали в ярмо» [Лесман 1989].

²⁴ См. [Соболев 2011].

²⁵ См. [Лесман 1989].

Автор выражает свою искреннюю благодарность С. В. Старкиной и Р. Вронону за неоценимую помощь в поиске материалов для биографии Г. И. Золотухина.

*М. И. Воронцова*²⁶

Основные источники: [РП:1800, т. 2; Бурлюк 1994; Петровский 1926; Каменский 1990; Гаспаров 1993; Соболев 2011; Крусанов 2003], РГАЛИ. Фото Г. И. Золотухина: ок. 1905, ЦИАМ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тому, кто живёт в горизонтах безмёрных,
Иногда неприятны строчки стиховъ определённо-размёрныхъ;
Онъ знаетъ, какъ фактъ,
Что шаблонный тактъ —
Для мыслей ограда;
А когда разсыпаются, какъ дробь,
Строчки враздробь,
То умъ смѣлѣетъ, и душа рада.
Эти постоянные, безконечные: разъ, два, три, четыре, пять —
Опять... и опять —
Сплошное неприличіе!
Надо изливать нектаръ, водицу,
Любить пять, единицу
И, вообще, различіе!
Какъ пить чай съ сахаромъ въ приглядку —
Не вкусно,
Точно такъ же цѣловать вѣчно музную пятку —
Грустно.
Переливаются, какъ солнечные блики,
Думы — души лики;
И не дѣло лечь на оттоманку
И записывать определённую
Мысль въ шарманку —
Влюбленную.
Летя отъ простоты въ символику,
И обратно;

Живя, какъ мнѣ угодно: нравственно, развратно,
То богато, а то снуга глазами по пустому столику,
Я ищу людей,
Мысли которыхъ напоминаютъ лебедей;
Всегда помня, что только бѣлоснѣжныя химеры
Не имѣютъ мѣры,
А все остальное плоско и избито —
Или дано, или бито...
Итакъ: Я люблю только то, что вытекаетъ произвольно.
Мой умъ — изъ разноцвѣтныхъ кирпичей строеніе!
Я каждую минуту цѣлую новое настроеніе,
А отъ искусственнаго — мнѣ больно...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 3–4]

ДОРОГА.

Я испыталъ рожденіе святынь
Внутри себя. Я знаю превосходство
Оазиса надъ сонностью пустынь,
И васъ зову къ лазури благородства.

Возьмите то, что тамъ у васъ на днѣ,
Откройте душу, скрытую страстями;
Вѣдь лишь онѣ не вѣдаютъ однѣ,
Что чистота томится подъ костями.

Все то, что «предназначено» — я сжегъ...
Какъ ярко на кострѣ вѣка горѣли!
И вотъ, могучій вспыхнулъ въ сердцѣ богъ,
Играющій на пламенной свирѣли...

Отъ васъ зависѣть? Ха! Какой пустякъ!
Мой духъ — гигантъ, не знающій паденій;
Онъ видитъ на вершинѣ гордый стягъ
И въ высь идетъ — безъ вашихъ заблужденій.

²⁶ Работа в архивах ЦИАМ и РГАЛИ — А. В. Уланова.

Не надо рань скрывать. Есть доктора...
 Пусть диагноз они поставят сразу...
 Вамъ всё давно, давно уже пора
 Наружу выставить душевную проказу.

Идите всё! Идите всё!
 Довольно биться въ колёса
 Вьками созданныхъ отмытокъ.
 Скорѣй, за мной! За мной, скорѣй!
 Къ престолу новыхъ алтарей —
 Уничтоженью дряхлыхъ клѣтокъ...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 12–13]

МОЙ УДѢЛЬ.

Въ мои атомы и клѣтки
 Заползли зачѣмъ-то предки
 И живутъ; —
 На плечахъ свинцомъ повисли,
 При набѣгѣ новой мысли
 Тутъ-какъ-тутъ!

Выражая сожалѣнье,
 Крѣпко схватятъ за языкъ,
 Натянувъ на размышленья
 Пылью пахнущій парикъ.
 Скажутъ: — «Тише! Въ этомъ мѣрѣ,
 Дважды два — равно четыре...»

Кругъ очерченъ, центръ намѣченъ, —
 Духъ запятнанъ, искалѣченъ
 Сотней рукъ;
 Ноги вязнуть въ жидкой тинѣ,
 И смѣется въ паутинѣ —
 Мой Паукъ...

Путь одинъ — глотать объѣдки,
 Пить прокисшее вино
 И смотрѣть, какъ злые предки
 Рвутъ блестящее Руно...
 Мой удѣль — чужое несть!..
 Дважды три — конечно, шесть...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 14]

ЛЮБИТЕ ДРОЖЖИ.

Мозгъ — неизвѣстное царапаетъ когтями...
 Изъ подсознательныхъ, невѣдомыхъ берлогъ
 Сумбурными восшествуетъ путями
 Дней будущихъ: надежда и залогъ.

Внутри эстета — центръ живыхъ проникновеній,
 Окраска символовъ въ понятные тона.
 Тамъ зори новыхъ, острыхъ розовѣній,
 Иной и Богъ, иной и Сатана.

Эстетъ не знаетъ всплесковъ жизни захудалой,
 Глупѣйшихъ кодексовъ понятій о добрѣ,
 Онъ ищетъ формы въ призрачности алой
 И любить жизнь, лишь стоя на горѣ

Своихъ понятій о добрѣ и силѣ...
 И знайте!.. Если только разъ
 Вамъ заблеститъ его души окрасъ, —
 Гордитесь: счастья вы вкусили!..

<1915>

[Золотухин 1915, с. 26]

**БЛИЗКОМУ НАМЪ МЕРТВЕЦУ —
ШАРЛЮ БОДЕЛЭРУ.**

Въ тлѣніи — жизнь, но внѣ жизни эстетики...
Тають подъ солнцемъ гнилыя волокна.
Тлѣніе — запахъ разжиженной этики —
Падалю пахнетъ въ открытыя окна.

Спить въ разложении, зловоньемъ объята,
Жадно червей возрождая, — земля,
Сердце гнѣтъ, измышленьями сжатое,
И ожиряетъ пустыни поля.

Смертію — смерть побѣдимъ! Въ корчахъ трупа
Вижу я ярко предѣлъ темноты;
Но вѣковое зловоніе струпа
Не извратило надежды черты.

Больше всего намъ противно гніеніе
Жизненныхъ мыслей. Смердящій покой...
Жизнь есть великая чаша хотѣнія,
Смерть — забытье и сочащійся гной.

<1915>

[Золотухин 1915, с. 35]

ЦѢЛЬ.

Полутоны и намеки
Отъ далекаго далеки.
Въ символизмѣ мысль поблѣкла.
Всюду вставленныя стекла
Сѣютъ сумеречный свѣтъ.
Да — завяло, вянетъ — нѣтъ!
Парадоксы, отговорки —
Разноцвѣтныя затворки.
Только въ картахъ, да винѣ
Примитивъ царить вполнѣ;
Но, конечно, очень грустный,

Безвоздушный и безвкусный.
Есть для всѣхъ насъ близкій символъ;
Онъ гремитъ въ ушахъ, какъ кимваль:
— Смертный часъ подходитъ сразу!..
Опершись на эту базу,
Въ морѣ маленькихъ минутъ,
До цѣпей переворота,
Разбивай оковы смутъ
И спокойно жди чего-то.
Плачетъ сумрачная ива,
Наклонившись надъ рѣкой.
Въ колебаньяхъ примитива
Историческій покой...
Мысль должна быть крѣпче стали;
Символь равенъ простотѣ;
Смысль шлифуется въ началѣ,
Окрыляется въ мечтѣ.
Низъ и небо — два предѣла
Такъ, поэтъ, соедини,
Чтобъ сліяніе согрѣло
Догорающіе дни;
Чтобы въ огненномъ мотивѣ
Рокомъ созданныхъ началъ,
Возлежа на примитивѣ,
Символь вѣчности звучаль.

<1915>

[Золотухин 1915, с. 36–37]

ШТРИХЪ.

Замокъ вдали...

.....
Тянутся башень кровавыя шеи;
Въ нихъ залегли
Мѣдно-упругія, жирныя змѣи.
Сумрачно-жутко у темнаго царства
Ужаса, зла и коварства...
.....

Дьявола тронь
 Сладко-приманчивой кровью окрашень.
 Кружится съ крикомъ надъ зубьями башень
 Стая воронь.
 Спятъ напоенныя мракомъ глазницы.
 Черному — черное снится...

Возлѣ воротъ,
 Въ платьѣ изъ гноя и розовыхъ ссадинъ,
 Стынетъ уродъ —
 Вѣрный слуга отдыхающихъ гадинъ.
 Желтой рукой онъ сжимаетъ ключи.
 Спятъ палачи...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 39]

ЗЛАЯ ИГРА ВЪ РИТМЪ.

Сухіе картоны —
 Скоты
 Никогда не поймутъ
 Стоновъ
 Цвѣтка красоты
 И мгновенія смуть.

Никогда не пойметъ
 Гнилье
 Перламутровъ природы.
 Въ лошадиный помѣтъ
 Заткнули бѣлье
 Уроды.

Душу тьмой затулила
 Монета —
 Любовница тѣла.
 Изъ баула

Сонета
 Красотка-мечта улетѣла...

.....
 Безъ отрыжки
 Къ черной крышкѣ
 Шествуетъ фигляръ.
 Живи просто
 До погоста,
 Милый экземпляр!

Небо, гдѣ-то тамъ, высоко,
 Не дойдешь во-вѣкъ.
 Здѣсь-же сочная осока, —
 Кушай, человекъ!

Громко волненье поетъ, разрушая жестокими нотами
 Любвеобильнаго сердца слезливую дрожь...
 Кто-же? Эй! Кто-же иступить свой ножъ,
 Глупо сражаясь съ земными воротами?..

Гдѣ сей безумецъ,
 Герой,
 Чародѣй,
 Водопадъ???
 — Подъ горой,
 Тамъ, гдѣ адъ
 Тайныхъ идей...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 44–45]

* * *

Бываютъ странныя порой переживанья:
 Душа и тѣло врозь. Внѣ жизни, внѣ оковъ
 Мой бродитъ духъ — онъ въ бѣгѣ облаковъ,
 Онъ тамъ, средь звѣзднаго мерцанья,
 Среди немолчнаго дрожанья

Эфира трепетной волны...
 Кто я? — Налетъ земли!.. но въ красотѣ движенья
 Я позабыть могу всю гниль людскихъ сердець
 И сознавать — начало и конецъ
 Единаго опредѣленья.
 Тамъ, въ небѣ, я — вѣнецъ творенья,
 Безумный страхъ для Сатаны...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 50]

БЕЗПРЕРЫВНОСТЬ.

Безпрерывность — это я, —
 Это ты, — это мы.
 Безпрерывность — сочетанье
 Разноцвѣтной кутерьмы.
 Милліоны разныхъ звуковъ:
 Честныхъ, пошлыхъ, нудныхъ, гадкихъ,
 Горькихъ, прѣсныхъ, терпкихъ, кислыхъ,
 Ядовитыхъ, острыхъ, сладкихъ.
 Безпрерывность — это дьяволъ
 Съ размалеваннымъ лицомъ,
 Сладкострастныхъ вздоховъ смѣна
 Съ общепризнаннымъ концомъ.
 Если хочешь ты увидѣть
 Безпрерывности огни,
 Поздно вечеромъ въ аллеи
 Парка, другъ мой, загляни.
 Тамъ, окутанныя тьмою,
 Раздражающей какъ зудъ,
 Вереницей безпрерывной
 Пары черныя снуютъ.
 Тихихъ словъ ты не разслышишь,
 Но тебѣ ихъ смыслъ знакомъ —
 Безпрерывность крутить, вертить,
 Одинаковости комъ.

Рѣчи всѣ пустопорожни,
 Если ихъ соединить,
 Смыслъ одинъ, одно значенье,
 Одинаковая нить...
 Безпрерывность — сочетанье
 Разноцвѣтной кутерьмы,
 Безпрерывность — это я, —
 Это ты, — это мы...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 51–52]

* * *

Пусть мгновенья —
 Сновидѣнье...
 Мигъ за мигомъ шьетъ узоръ.
 Незамѣтно,
 Ярко-цвѣтно
 Оживаетъ кругозоръ.
 Чаще звеня...
 Провидѣнье
 Въ сердце вводитъ смѣхъ и стонъ.
 Мигъ — съ вершины
 Пасть въ стремнину,
 Высь небесъ, крутой уклонъ...
 Рвется порохъ...
 Чу! Вотъ шорохъ.
 Все я слышу и живу.
 Краской черной,
 Бѣлой, вздорной
 Я пестрю свою канву.
 Ну, быстрѣ!
 Эй, живѣ!
 Расходись, веретено.
 Пусть улитки
 Бродятъ въ ниткахъ —

Я свободень, мнѣ смѣшно...
 Пусть мгovenья —
 Сновидѣнье..<>
 Мигъ за мигомъ шьетъ узоръ.
 Незамѣтно,
 Ярко-цвѣтно
 Оживаетъ кругозоръ..<>

<1915>

[Золотухин 1915, с. 56–57]

ТАКЪ ГОВОРЯТЪ СЛАБЫЕ.

Живую душу сушить плѣнь, —
 Она, какъ въ клѣткѣ, бьется, бьется,
 И только изрѣдка взвѣется —
 Въ движеніи молніеносныхъ смѣнь —
 И снова внизъ... Въ безумствѣ плача,
 Рви въ кровь познаніе свое, —
 Ты не узнаешь, что — «твое» —
 Неразрѣшимая задача.
 Малѣйшій звукъ среди тишины,
 И тотчасъ лапа тяготѣнья;
 Въ зловонной кучѣ бездвиженья —
 Безцѣльна гамма новизны...
 Ты — царь? — Нѣтъ!.. Ты червякъ!.. Ты соръ!..
 Ты пыль ненужная вселенной:
 И не разсѣять мыслью плѣнной
 Въ кулакъ зажатый кругозоръ...

 Горитъ отточенный клинокъ...
 И впереди и за тобою —
 Походкой медленной, прямою
 Шагаетъ Рокъ...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 62]

ТАКЪ ГОВОРЯТЪ СИЛЬНЫЕ.

Сверкаетъ утреннимъ сіяньемъ
 Мой отшлифованный клинокъ,
 И каждый атомъ обаяньемъ
 Надеждъ<> питаетъ рабъ мой — Рокъ...

Я — серна юныхъ горъ. Отважно
 Ищу возвышенныхъ началъ;
 Я никогда не жилъ продажно,
 И никогда не погибалъ!

Я самъ держу желѣзо Рока,
 Побѣдно жизни нити тку;
 Я самъ съ себя сорвалъ жестоко
 Предначертанную тоску.

Порвавъ законы тяготѣнья
 Полетомъ смѣлымъ въ высоту,
 Для слабыхъ звѣзды вдохновенья
 Въ живые символы плету...

Я — царь? Да, царь! Горитъ сіяньемъ
 Мой отшлифованный клинокъ,
 И каждый атомъ обаяньемъ
 Надеждъ<> питаетъ рабъ мой — Рокъ!..

<1915>

[Золотухин 1915, с. 63]

* * *

Каждый день въ моемъ храмѣ сторааетъ свѣча,
 Въ темнотѣ застываютъ молитвы,
 И острѣ доносятся звоны меча —
 Волны битвы.

Крѣпки двери святыни, но гуль все сильнѣй
 Заглушаетъ мечты о Предтечѣ,

И все меньше и меньше отрадных огней...
Тають свѣчи...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 72]

СПЛЕТНИ.

Сплетни мчатся, льются, вьются...
Надъ разрытой мостовой —
Пылью мутною несутся,
Черной, клейкою водой...
Разговоровъ — кучи-тучи...
Всюду критика и судъ;
Грязныхъ словъ — потокъ вонючій
Вызываетъ гадкїй зудъ...
Сердце камень... Сало... Жало...
Вотъ наличности мѣщань...
Если свѣта въ сердцѣ мало —
Сплетень много — океанъ...
Окаянны толки — волки —
Обесцѣчиваютъ умъ,
И душевные осколки
Всѣ въ грязи отъ смраднхъ думъ...
Сплетни давятъ, рѣютъ, вѣютъ,
Какъ кошмары, мнутъ сердца...
Темной лентою чернѣютъ,
Льются, вьются — безъ конца...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 87]

НОКТИОРНЪ.

Скромно умирають блѣдныя нарциссы,
Ихъ темница — ваза...
Ароматъ послѣдній точать лепестки...
.....

Въ черныхъ складкахъ газа
Нѣжныя ирисы
Вянуть отъ тоски...
.....

Въ паутину грусти спрятались желанья,
На огнѣ минутъ
Превратились въ пепель муки обладанья —
И текутъ... текутъ
Воспоминанья...
.....

Умерли цвѣты...

Я — не тотъ!.. А ты???

<1915>

[Золотухин 1915, с. 99]

РОМАНСЪ.

Бываютъ дни — темнѣе ночи.
Есть свѣтлый мигъ — страшнѣе мукъ.
Есть день — паденія короче,
И этотъ день — ушедшїй другъ.

Когда души моей частицы
Тебѣ я ласково дарю,
То эти капельки, какъ птицы,
Должны будить любви зарю.

И, если ты уйдешь, мой геній,
Когда лучи любви горять —
Въ душѣ аккордовъ сожалѣній
Невыносимый вспыхнетъ рядъ...

Но... нѣтъ! Не надо словъ обѣта,
О нихъ тебя я не молю...
Я угасаю безъ отвѣта,
Но, угасая — все-жъ люблю...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 107]

* * *

Муза! Гдѣ сладость напѣвовъ твоихъ?
Смогли мгновенныя трели,
Въ мукахъ рожденный не трогаетъ стихъ,
Тускло внутри, улетѣли
Бодрыя думы и свѣтлые дни,
Сердце въ безсилыи одѣто,
Муза, волшебница! Муза! Верни
Чувствамъ горячее лѣто!

<1915>

[Золотухин 1915, с. 112]

* * *

Для тебя я огней золотыхъ принесу,
Соберу съ облаковъ бѣлоснежныхъ росу,
Алой кровью окрашу уснувшія были,
Что налетомъ тяжелымъ на сердцѣ застыли...
Бѣлый жемчугъ вплету въ вереницу вѣнковъ,
Душу лаской осыплю волной огоньковъ.
Изъ горячихъ созвучій рождается онъ —
Вѣчно-юной любви непреложный законъ...
Бриллиантовъ сверканья въ глаголы вложу,
Къ тайникамъ вдохновенья построю между;
Крѣпкій выстрою храмъ... а у жертвенныхъ плитъ —
Я зажгу свое сердце... пусть сердце — горить.

<1915>

[Золотухин 1915, с. 114]

* * *

Ты — новорожденная! Лежишь въ кроваткѣ
И просишь благословенія.
Въ твоей невинной тетрадкѣ
Нѣтъ пока единицъ прикосновенія.

Ты — весна. Я нахально-жгучій,
Какъ знойное лѣто;
Люблю развратной качучей
Волновать спины кордебалета.
Я живу на свѣтѣ двулико:
Я — орель и рѣшка...
Два зерна у орѣшка,
И въ этомъ моя улика.
Одно зерно — горькое, другое — сладкое,
Бурьянь и резеда вмѣстѣ;
То сижу на чистомъ мѣстѣ,
А то влѣзаю въ болото гадкое.
Постарайся и меня приучи
Къ весеннимъ днямъ, молодымъ...
Только страшно. Вдругъ — я расплзусь, какъ дымъ,
И испарятся моей притягательности лучи...

<1915>

[Золотухин 1915, с. 140]

СТИХЪ БУДУЩАГО.

(Критики не поймутъ.
Они рабы дряхлыхъ
рифмованій).

Три люстры горѣли.
Тысяча трист<a> свѣчей.
Посмотри, не Заратустры горѣ ли
Слѣды сѣчь — бриза звончѣй.
Открыли двери музыкѣ латы.
Походной вѣткой измаянь.
Вотъ крылья довѣрій музы: Пилаты.
Богъ годной Ведь — кой изъ Каинь —
Зачаровали метаморфозами.
Опять о ней мечтанія.
Глаза чарь овалѣ — комета морфія розами
Вопять: огней мечеть данія.
Быструю заворожу Диану гоньбою
По пятамъ котовъ всю.

Выстрою заборъ жути. А ну конь бою!
Гробъ я дамъ. Готовься!

<1916>

[Золотухин 1916, с. 21]

НЕ ЗАБУДУ...

Кричало тѣло: Прочь латы —
не сторониться.
Сколько сказокъ прочла ты
Острой страницѣ.
Плескался бурный Терекъ
Кормилъ плечей.
Нагіе крики берегъ
Омыли ночей.
Зобу дьявола
Воткну томъ правилъ.
Все забудь. Я вола
Кнутомъ направилъ.
Дика Фраза: Спи ты я.
Пьянить гроздь новъ-лица;
Сердца ногами взбитая
Пляшутъ не останоятся.
Окружили черепъ елками
И не знаемъ, что поемъ.
Питьпидюмить перепелками
Предразсвѣтный водоемъ.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 24]

ВЫРВАНЪ ГВОЗДЬ.

Четыре ока пробились тину
Камней.
Два ока видятъ Палестину.
Ко мнѣ!

Четыре ока — четыре бреши
Малыхъ.
Сбруя сердца серебръ-же
Поймала ихъ.
Припало-пало memento-mori
Сонету жизни.
Клубится глубь — зачатъе моря —
Ты не тужи съ ней.
Единъ — внѣ тинъ — у брига воронъ
Пронзиль змѣю.
Пустую миску приговоромъ —
Я осмѣю.
Четыре ока пробились тину
Камней.
Два ока видятъ Палестину.
Ко мнѣ
Чему смѣтесъ вы — подмостки
Зря? Чему?
Смѣшны гробовыхъ хлопоть доски
Зрячему.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 24–25]

ЗАЧАТИЕ РУССКОЕ.

Тѣло звѣря сжато осколками —
Колкими иголками.
Не выкарабкаться.
Изъ рыка, рабъ, гонца —
Камень сверкающій — посылаетъ.
Посоль пылаетъ.
Не все-ли равно: низъ-ли, высь-ли?..
Осколками — колкими иголками.
Проколоты мысли.
Такъ.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 26]

ЖИЛЬЦЫ БЪЛОГОРЪ.

Мы жильцы бѣлогорные,
 Блѣдные боги,
 Скорби покорные
 Русскіе іоги.
 Радость райская гостя
 Порога хижины.
 Стоимъ погостѣ
 Слезой обижены.
 Смѣемся рѣдко.
 Печаль безпросвѣтна.
 Катится каретка —
 Невѣста не невѣстна.
 Все далѣ и далѣ
 До ограды агоній.
 Намъ предки передали
 Испугъ погони.
 А чего бояться?..
 Остановитесь!
 Сзади — смѣхъ паяца.
 А не черный витязь.
 Духи сна — не вздоръ-ли
 Вытирать платками,
 Вѣчной спазмой горлѣ
 Жизнь бить молотками.
 Русская тревога
 Съла у крыльца.
 Ликъ блѣднѣть іога —
 Бѣло-горъ жильца.
 Дайте намъ кровинокъ
 Бодраго причастья.
 Засмѣется инокъ
 Изумрудомъ счастья.
 Побѣгутъ по вехамъ
 Огневые токи;
 Заискрятся смѣхомъ
 Зори на Востокѣ.
 Плачеть у порога
 Клѣткѣ — дума-птица.

Дайте волѣ іога
 Ярью расцвѣтиться.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 27]

БУРЯ ВНУТРИ...

Стихи стихійные взмету надъ блесками
 Солнцеполей.
 Магниты вѣйные льютъ перелѣсками
 Сонъ соболей.
 Зима зеркалится. Кибитка брошена
 Креста дорогъ.
 Инѣть Индія. У брови брошь видна —
 Кристаловъ рогъ.
 Иду идейною ріапо-поступью
 Велѣній внѣ.
 Турнира трубнаго Діаны тосты пью.
 Олень огнѣ.
 Зима зеркалится, а кудри вспаханы
 И шелестятъ.
 Горячей горности — могучій шагъ волны,
 А челюсть — ядъ.
 Взмету надъ блесками стихи стихійные
 Солнцеполей.
 Льютъ перелѣсками магниты вѣйные
 Сонъ соболей.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 28–29]

ИНДИАНКА.

Загубившая двухъ орловъ духъ-индіанка —
 Пряной спазмою «кири».
 Величайшая комедіантка,
 Факирша низа Сибири.

Бьютъ бубенцы по животу,
 Погоняя огни трезубцемъ,
 Дайте мнѣ<,> пажи<,> вотъ ту,
 Что сдѣлал<a> меня красно-куцымъ.
 Одинъ умеръ. Исходитъ другой.
 Но передъ паланкина спускомъ,
 Дайте прильнуть бедру ногой,
 Вымытъ пятку перешейкѣ ускомъ.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 30]

* * *

Лесбійская любовь лорнировала лиры
 Лѣнливыхъ ласкъ,
 Плыли пальмы, плетя пирамидамъ Пальмиры
 Поклоны Пасхъ.
 Ноги невѣсты-невольницы Нила —
 Ныли на ней.
 Полымя пламенныхъ пѣнь полонило
 Плечи полей.
 Струили сиропы-свирѣли столицы,
 Стонали сосцы.
 Подъ платьемъ перьевъ полуночной птицы
 Пьянѣли песцы.
 Скоро своры солнць сожгутъ сильфиду
 Солью сомнѣній.
 Пылить подъ поломъ пурга панихиды
 Палевыхъ пѣній,
 Укусы уса — узлы у трона
 Уснувшихъ усть.
 Цитра цитируетъ циркъ Цицерона —
 Червонностью чувствъ.
 Я — златоустъ.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 32]

ЗИНАИДѢ ВАСИЛЬЕВНѢ ПЕТРОВСКОЙ.

Ласкъ аль — ладанъ лелѣй. Лилий пути
 Ъли розъ вѣнки лучшей Травягъ.
 Ласкаль ладонь Лель ей, а лилипуты
 Пѣли: розовенькій лучъ шей травѣ ядь.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 36]

МОЙ ДОМЪ.

Ко мнѣ открыта дверь. Пусть входитъ всякъ:
 Врагъ, другъ, откормленный и блѣднолицій.
 Мой домъ — волнахъ мигающій маякъ,
 Противоядіе — отравленнымъ столицей.
 Шуми<,> дворець<.> Радушьемъ обезцвѣтъ
 Израненныхъ кораловъ пурпуръ сочный.
 Я — славянинъ. Пляши, пляши<,> медвѣдь,
 Свѣти маякъ надъ чернотой порочной.
 Я знаю: дальше Тартаръ палачу
 Свезетъ меня ладья гребца Харона.
 Ну а пока оболъ не заплачу —
 Ко мнѣ враги-друзья — блестятъ моя корона.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 42]

PERPETUUM MOBILE.

Стучить костями скелетовъ стая.
 Кладбище тянеть, какъ магнитъ.
 Курганъ растеть, но наростая,
 Вѣнокъ блѣднѣющихъ ланить
 Вплетаетъ огневые маки.
 И снова день, и снова ночь —
 Зоветь, зоветь, живущихъ бракъъ,
 Оковы тлѣнья превозмочь.

Открывъ тѣлесные кингстоны,
 Мы распыляемъ вновь курганъ;
 Любви отточенные стоны
 Глушатъ мистическій органъ.
 Лю<б>ви — зародыши начала
 И распыленіе концовъ.
 Ночь — томныхъ ласкахъ закачала
 Магниты сгнившихъ мертвецовъ.
 Сверкающихъ во тьмѣ ячеекъ —
 Вы видите-ль блестящій снопъ.²⁷
 То стая звонкихъ канареекъ
 Вспорхнула, чтобъ низринуть гробъ.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 43–44]

* * *

Писки.
 Человѣческихъ тушь близки.
 Слѣдятъ за мной глаза гіень
 Изъ скважинъ
 И щелей,
 Ждутъ, когда я буду убіень,
 Загажень
 Слизью ущелій...
 Повседневное,
 Хлѣвное
 Ореть на перекресткахъ
 Ртомъ миллионности,
 Лживыхъ блесткахъ
 Распространяя сонности.
 Подъ сѣнью сѣренькаго правила
 Коронованной неприличности,
 Все-же мысль расправила
 Крылья личности.
 Поеть душа генія,

²⁷ В [Золотухин 1917, с. 79] эта строка заканчивается не точкой, а вопросительным знаком.

Зажигая искры на болотѣ,
 О соединеніи
 Святой крови и святой плоти
 Завывайте<,> гробокопатели<,> среди бездорожья...
 Ставьте<> пахнущую язвами помѣху<>
 Мистическимъ слезамъ и смѣху.
 Я знаю дорогу Божью.

<1916>

[Золотухин 1916, с. 44–45]

НЕ НАДО ПОКОРА.

Противно-покорны
 Сжатые пальцы.
 Развѣ страдалцы
 Минорны?
 Кричи!.. Кусай!..
 Остервенѣвшей лапой
 Хватай волоса и
 Медленно царапай.
 Ты забыла, какъ предковъ груди
 Рвали чувствъ тигры?
 Какъ пещерной запрудѣ
 Бурлили стихійныя игры?..
 Ты забыла, какъ дрожала липа,
 Когда у корней начала,
 Ты, швырнутая земли польъ,
 Извиваясь рычала?
 Будь подобна тѣломъ звѣрю...
 Альковъ, всегда альковъ<,>
 Любовь еле-тлѣющихъ угольковъ
 Я не вѣрю!

<1916>

[Золотухин 1916, с. 52–53]

ЭХИЗМЪ.
Поэма.
<Начало поэмы>

(' крылья лебедей) Не зли
Горностаи
' Горныхъ стай²⁸
Несли,
Приподымая
Приходы мая.
Лебеди,
Лепеты,
Флага Вестъ.
— Здравствуй,
— Травъ струй
— Благовѣсть!

въ ' — Всѣ ли
— ' Весельи

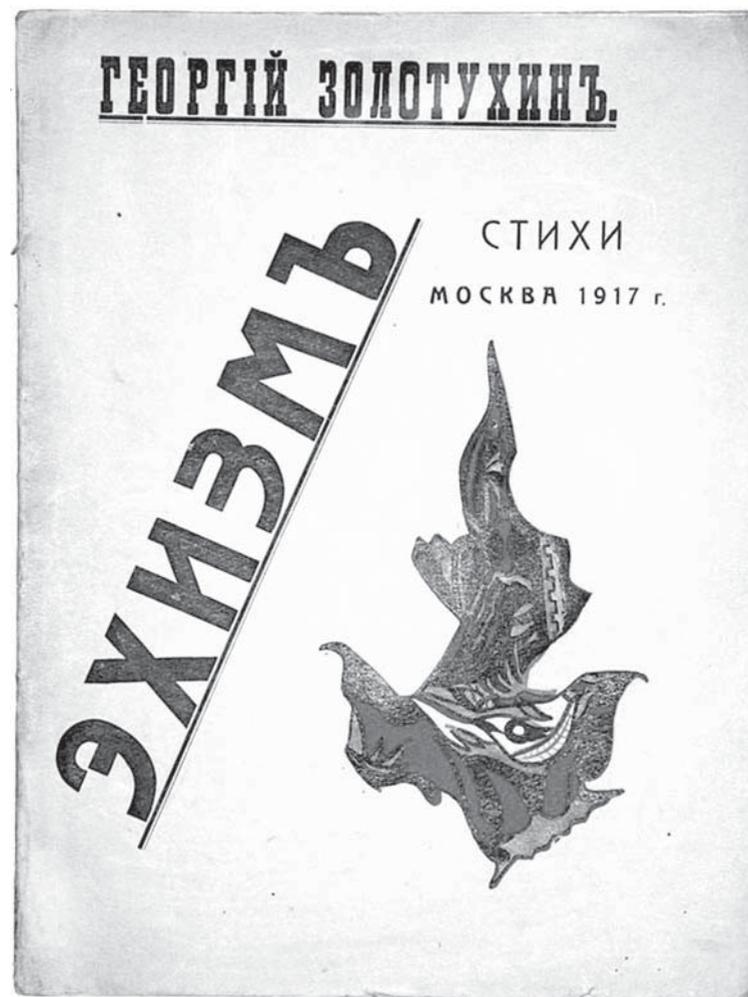
(поеть юной
радости стихъ) Стаи лѣтъ
Юня оградъ<> достигъ.
— Стой<> ледь!
Юнорадостихъ.

(спрашиваетъ) Щурится
Ящерица...
— Не солнце ли
— Посоль цѣли?

²⁸ В поэме «Эхизм» используется следующий графический прием. Некоторые слова поэмы даются не в основном тексте, а на полях слева. Как сами слова на полях, так и их места в соответствующих строках помечаются знаком апострофа. Например, запись:

(' крылья лебедей) ' Горныхъ стай
означает, что строку следует читать как: крылья лебедей Горныхъ стай;
запись:

' (смерти) Хочу до ' «конечно»...
означает, что строку следует читать как: Хочу до смерти «конечно»...

Обложка книги «Эхизм». Художник Г. Золотухин

(' надъ)

Береза думу лись
 Береть, задумались
 ' Зла стихомъ коршуны,
 Сласти мхомъ, — горь шумы,
 Одѣли
 Маленькая
 Малинка,
 Дѣвушка,
 Не на водѣ ли
 Евушка?

Сѣвъ одъ не таю,
 Дѣтства наяда просится.
 Сегодня твою,
 Дѣвственная дароносица,
 Прославлю
 Розъ ловлю.

Лечили, стая стонъ,
 Плечи листа, насъ тонъ
 Изумрудами
 Плѣнилъ акта...
 а ' ' Внизу прудъ... аминь...
 Плѣнь ила. А кто
 Весь налить
 Спазмой?
 Весна лѣтъ —
 Спасъ мой.
 Юности
 Июнь нести
 ' (смерти) Хочу до ' «конечно»...

О, чудо конь! Ёшь! На
 Травъ струй,
 Здравствуй...

<1917>

[Золотухин 1917, с. 9–11]

**1917. (ДОМИНИРУЮЩІЯ БУКВЫ:
 О<, > С, З, П, Н.).**

Сегодня сонъ сомнѣній, смѣя
 Осой осыпать, осмѣю:
 Звѣзду затравленнаго змѣя<,>
 Зари засвѣтную змѣю.

Октавы оргіи органа
 Падуть, рыдая. Желтый слѣдъ
 Оставять отблески аркана...
 Подъ утро, тая, шель ты слѣпъ,
 Пѣвецъ паденья истукановъ.
 ' въ Плескался ' пламени палачь;
 Изъ опрокинутыхъ стакановъ
 На поле палъ потокомъ плачь.

' въ ' Семнадцатомъ Москва шумѣла.
 Запомни! Смять былъ боли валъ.
 Одинъ сказалъ: — Мозгъ вашъ у мѣла!
 И краснымъ блѣдность поливалъ.
 Запомни! Воздухъ былъ окрашень
 ' въ ' Семнадцатомъ году весной,
 И отъ кремня кремлевскихъ башень
 Народъ напоень новизной.

<1917>

[Золотухин 1917, с. 40]

**ГЛАЗАМЪ ЕГИПТЯНКИ.
 (315 БУКВЪ ВСЕГО)
 (4 БУКВЫ НЕ РИФМОВАННЫХЪ).**

(Жень — Жѣнь).

' они Твоя тіара — пески.
 ' Двоятъ: и арабески
 ' и Тайны неба ' юга уютъ
 Земли — ковра до стиха.

Дай, нынѣ баюкають,
Семь ликовъ радости! Ха!

’ въ Плясь трепака. Лечь или
Горѣть? Истоиво ору женѣ:
— Ястреба калѣчили
’ Каретѣ сто вооруженій!

Паль на чудо, мило —
Ястреба, камень. Шестъ аль.
Полночь утомила,
Я съ трепака меньше сталь.

Утро намъ узы кинетъ
Добра куполь.
У трона музыки нѣтъ,
То бракъ упаль.

По тѣни я Везувія и скаль
Паденіе безумія искаль.

<1917>

[Золотухин 1917, с. 43]

ЭХО ЭСТЕТА.

’ въ На душу платя невѣсты — Весты слетѣль мотылекъ
И запѣли возгласами слезъ трагедіи.
Надушу палати небесъ. Повѣса тѣло ’ гротъ увлекъ,
Изабеллѣ, розъ глазами, несъ бракъ лэди.

’ въ Соединились два начала непримиримости.
’ въ Эхо ядъ закружило деревцо.
’ въ ’ Соли дни. Листва. Ночь ала. Вепри миръ имъ нести
’ въ Не хотятъ. Глаза кружило: — вѣрь ’ лицо
Календари сразили позъ ихъ пѣну.

Преступленіе не волноваться!
Колѣнь дары: сразу или постепенно,
’ а ’ въ ’ ’ Добрѣ — стукъ тлѣнія внѣ волнь овацій.

<1917>

[Золотухин 1917, с. 54]

СМЕРТЕЛЬ

ПОЭМА
<ОТРЫВКИ>

I

Я зажигаю третью,
Последнюю свечу,
От жестких хлестов плетью
В надсмертное лечу.
Коммуною напоен,
В бравурных бурях сеч
Летел пылливый воин
С венком горящих свеч
Стремглав. Но
Главное
Не в этом,
Весьма нетрудно быть поэтом,
Тащась у бурь на поводу,
Клич пролетария победный<>
Швыряя дню в сковороду...
Нет-нет! Не в том мое призванье,
Чтоб быть игрушкой стихий,
Бесстрастные, как изваянье<,>
Мои последние стихи.

II

Серый филин
Реет в небе,
Обессилен
Дух Руси;
Крик о хлебе,
Вопль о хлебе
Соком сердце
Ороси.

III

Смейтесь, смейтесь<,>
 Сытых очи,
 Потанцуйте на костях!
 Желтый змей здесь!
 Желтый змей здесь!
 Жалом точит
 Тучной морды
 Подлый стяг.

IV

Смейтесь!
 Змей здесь!
 На пологие
 Волги,
 На рыжей
 Земле,
 Семь лет
 Будет грыжей
 Лежать и томиться
 Безкрылая птица,
 Безперая птица
 Смертель.

IX

Смейтесь, смейтесь,
 Сам виновен,
 Хохочи себе в лицо...
 Желтый змей здесь,
 В сердце Нови
 Уронил тоски яйцо.
 За бременем
 Бремя
 Ложится на плечи,
 Забеременил
 Жирной Смертели живот,
 Калеча
 Людей
 Лютей и лютей,
 Время
 Цепью влачится,

Где в каждом звене
 Миллиарды когтей.

X

И вижу я серого филина в небе<,>
 И вижу гнетущую тушу Смертель...
 Метелью
 Взревели моленья о хлебе,
 Метель нагоняет метель.
 Вижжа обгоняют
 Собаки былого
 Толпу истомившихся лиц<,>
 И падает в пропасть последнее
 слово
 Разорванных горем страниц.

XIV

Эй, глухие!
 К черту уши!
 Эй, слепые!
 К черту слепь!
 От тысячелетней суши
 Облысела жизни степь...
 Крики... крики... загремела
 Песнь призывная игры,
 Серый филин — вестник мела
 Пал на желтые бугры.
 Расползается Смертели
 Переполненный живот;
 В желтых листьях завертели
 Веснеструи хоровод.

 Уже пропели петухи,
 Чадит свеча на поле тленья, —
 Мои последние стихи
 Дрожат у входа в Воскресенье.

<1922>

[Золотухин 1922, с. 5–6, 10–11, 14]

24.X / 5.XI 1885, Рыбинск — 22.III / 4.IV 1916, Минск

Немногие прижизненные публикации Самуила Викторовича Киссина печатались под разными именами — он подписывался то одним из псевдонимов (*Муни*¹, *Александр Беклемишев*; для публицистики — *Эрмий*), то собственной фамилией.

Сын оршанского купца II-й гильдии, Киссин в 1903 г. окончил с серебряной медалью гимназию в Рыбинске и поступил на юридический факультет Московского университета, где учился целых девять лет, до 1912 г. (диплом второй степени выдан в 1913).

Приехав юношей в Москву, Киссин быстро вошел в символистскую среду. С большой теплотой описывает его в своих мемуарах А. Белый: «Муни мрачною мудростью, соединенной с нежнейшим отзывчивым сердцем, сплотил <...> нас» («Между двух революций»). Доверительная интонация звучит и в двух стихотворениях Белого, посвященных Муни. Приведем одно из них, «Разувѣрень» (1907):

Какъ намъ уйти отъ терпкихъ этихъ болей?
Куда нести покой разувѣренья?
Душѣ еще моей — доколь, доколь
Холодныхъ думъ холодныя волненья?

Душа горитъ и плачетъ невозбранно;
Земля — мертва: пройдуть и не отвѣтятъ.
Но — тамъ, смотри: тамъ, гдѣ заря, — туманно.
Тамъ, гдѣ заря, — иныя земли свѣтять...

Тому не вѣрь, чѣмъ ясныя тѣ земли.
Ни щедрости, ни пышной благодѣнѣ.
Ты здѣсь пребудь до вѣка: здѣсь отнынѣ.
Ты покорись, душа: ты долгій мракъ приеми.

Да будетъ онъ! И въ ночь склонись послушно
У тихаго бассейна. Чась настанетъ: —
И водометъ своей струей воздушно,
Струей своей, какъ нѣкій призракъ, встанетъ.

Безслѣдна жизнь. Несбыточны волненья.
Ты — искони въ краю чужомъ, далекомъ...
Безвременную боль разувѣренья
Безвременье замоетъ слезнымъ токомъ.²

Сохранилась и вторая часть стихотворного диалога — стихотворение Киссина «Октябрь», посвященное Белому (1907). Вот его концовка:

Осенний ветер, буйный брат!
Твой злобный вой как голос друга.
И я, как ты, умчаться рад,
Залиться бешеною вьюгой.

Но я устал, но я без сил,
Я сердца мук не успокою.
Я только в парк окно открыл
И тихо-тихо вторю вою.³

Сблизился Киссин и с В. Ходасевичем (их знакомство относится к концу 1905 г.). Написанный Ходасевичем уже в эмиграции и вошедший в «Некрополь» очерк «Муни» долгие годы оставался чуть ли не единственным развернутым портретом Киссина.

Очерк начинается утверждением о том, что Киссин, «в сущности, ничего не сделал в литературе» (и далее: «След, им оставленный в жизни, как и в литературе, не глубок»). Однако исследования двух последних десятилетий показывают, что это не вполне верно — Киссин написал немало (немногочисленность его публикаций — при жизни он напечатал лишь 18 стихотворений — объясняется высокой требовательностью к себе). Произведения Киссина, которые Ходасевич, естественно, читал и в рукописях, оказали большое влияние на становление последнего как поэта. По справедливому утверждению И. П. Андреевой, «эпитеты, интонация, сюжеты и строфика, которые мы привыкли воспринимать как “ходасевичевские”, в творчестве Муни наметились, когда их не было, да и не могло быть у автора “Счастливого домика”» [Андреева 1999, с. 383]⁴. Найдены и прямые заимствования Ходасевичем киссинских образов. Так, в прозе Муни «Летом 190*», хранившемся в архиве его дочери, есть следующая вставная новелла:

Я старик, я — рыбак, и потому не могу объяснить многого из того, что делаю.
Зачем я хочу выудить солнце с неба?

² [Белый 1909б, с. 56]. Более раннее посвященное Муни стихотворение, «На вольномъ просторѣ» (1904), см. в [Белый 1909а, с. 18]. В переизданиях сборников «Пепел» и «Урна» Белый посвящения снял, как, впрочем, и Ходасевич, первоначально посвятивший Киссину книгу «Путем зерна».

³ [Киссин 1999, с. 38].

⁴ М. Л. Гаспаров назвал Киссина «литературным близнецом В. Ходасевича» [Гаспаров 1993].

¹ Сокращение от имени Самуил.

Привязываю к тончайшей крепкой лесе острый английский крючок, наживляю самой большой звездой и закладываю в небесное море.

Мелкая рыбешка — звезды вертятся вокруг моего поплавок. Но мне их не надо. Я хочу поймать солнце.

И каждое утро оно клюет. Я осторожно вывожу его на поверхность и целый день вожу на крепкой лесе. Но я не могу его вытащить: оно такое тяжелое.

И каждый вечер солнце срывается у меня с удочки, заглотив звезду и крючок.

Скоро у меня не останется ни звезд, ни крючков.

Берегитесь! — будет темно.

Как заметил Н. А. Богомолов, стихотворение Ходасевича «Рыбак» («Я наживляю мой крючок / Трепещущей звездой / Луна — мой белый поплавок / Над черною водой <...> И солнце каждый день клюет / На удочку мою <...>») — не что иное, как стихотворное переложение этой новеллы (которая, в свою очередь, опирается на одноименное стихотворение Гете и его переводы на русский язык — см. примечание к стихотворению «Рыбак» в [Ходасевич 1989, с. 383]).

Еще один текст Киссина Ходасевич использовал уже в Париже в 1936 г., когда он выступил с сенсационным докладом о найденном им поэте рубежа XVIII—XIX вв. Василии Травникове. Ходасевич цитировал конец одного из стихотворений Травникова: «О сердце, колос пыльный! / К земле, костями обильной, / Ты клонишься, дремля». Слушатели, среди которых были известные писатели, отнеслись к этому докладу серьезно и уже были готовы приняться за изучение вновь найденного автора, когда Ходасевич признался, что доклад этот — всего лишь мистификация. В наше время Д. Б. Волчек заметил, что цитата из мифического Травникова на самом деле является цитатой из стихотворения Киссина, которое было впервые опубликовано в подготовленной самим Ходасевичем подборке стихов Киссина (газета «Понедельник “Народного слова”», 1918 г., 3 июня):

Шмелей медовый голос
Гудит, гудит в полях.
О сердце! Ты боролось.
Теперь ты спелый колос.
Зовет тебя земля.

Вдоль по дороге пыльной
Крутится зыбкий прах.
О сердце, колос пыльный,
К земле, костями обильной,
Ты клонишься, дремля.⁵

⁵ [Киссин 1999, с. 95]. В этой мистификации Ходасевича можно усмотреть не только обращение к тени давно почившего Киссина, но и обыгрывание неловкого эпизода, связанного с оставшимся в России Борисом Садовским. В ходасевичевской «Жизни Василия Травникова» есть описание того, как Измайлов по ошиб-

С. В. Киссин. Ок. 1915 г. Фотография из фондов Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме

В 1900-х Киссин написал и ряд рецензий. Первые из них появились в 1907 г. — в журнале «Перевал» и газетах «Литературно-художественная неделя» и «Час». В дальнейшем он надолго отошел от критики и вернулся к ней лишь в 1914 г. Поводом к возвращению послужило его возмущение только что вышедшим «Первым журналом русских футуристов». Их вторжение в литературу, по его мнению, несло хаос и агрессию, он писал: «вы бездарны и наглы, слишком развязны и только развязны». В том же году он готовил статью «О стихах Ходасевича и Ахматовой» и рецензию на книгу Пастернака «Близнец в тучах». Все три работы остались незаконченными.

Карьера Киссина не сложилась: окончив университет, он не смог найти работу юриста. 20.IX 1912 г. он был призван в армию и служил некоторое время на правах вольноопределяющегося.

С началом Первой мировой войны Киссин был мобилизован и произведен в зауряд-военные чиновники (выполнял интендантские функции в санитарном ведомстве). Хотя он не участвовал в военных действиях, армейская обстановка действовала на него удручающе. Он писал:

Ежели бы ты знал мои подвиги и по канцелярской, и по бухгалтерской, и по кухонной части, то... все-таки не позавидовал бы мне. Пойми: я окружен конкретными хамами и неприятностями. Полезность моей работы спорна, абстрактность ее явственна. Понимаешь, я без воздуха, ибо что такое абстракция как не безвоздушье? Устаю дьявольски; кроме того, сам ты знаешь, как я шестьдесят рублей, и все-таки устаю, припадки лени, скука и неумелость с неспособностью (Открытка Ходасевичу от 23.V 1915).

ке счел Травникова умершим и опубликовал посмертный сборник его стихов. Аналогичный конфуз произошел с самим Ходасевичем: услышав в 1925 г. из каких-то неверных источников о смерти Садовского, он опубликовал в парижской газете некролог, посвященный памяти здравствовавшего поэта.

А зачем едят яичницу ножом, а зачем ножом режут котлеты, а зачем чмокают за едой, а зачем начальник пальцем в зубах ковыряет? А зачем сестры тоже с ножа едят и говорят на «о», а зачем мой сосед по комнате доктор Хильтов утром говорит: «курение табаку вредно», а днем: «я полагаю, что наука не пришла к своим конечным выводам», а весь день уходит на заявления и вопросы такого же сорта: «А что такое вы понимаете под словом “индивидуальность”?» А я ничего не понимаю под этим словом и ни под каким другим, а просто лежу и думаю: о, сволочи!

Если самая прекрасная девушка не может дать больше, чем у нее есть, то зато всякая сволочь дает не меньше, чем у нее есть. Избавьте меня от этой полноты. Будьте моими неоплатными должниками. Вероятно, я несправедлив, но ведь я молчу, как убитый, как человек, которому не только нечего сказать, но у которого вообще нет привычки говорить. Лучше целый месяц читать Гумилева, чем жить здесь и работать неделю. Пока прощай. Ежели не удастся отсюда <уехать> хоть на неделю, то, право, не ручаюсь ни за что (Письмо Ходасевичу от того же числа).

Возможность убить себя есть свобода. <...> Преимущество человека в этой возможности (Дневниковая запись от 12.IX 1915).

В марте 1916 г. Киссин побывал в командировке в Москве. Вернувшись к месту своей службы в Минск, он написал (на обороте командировочного удостоверения) стихотворение «Самострельная»:

Господа я не молю,
Дьявола не призываю,
Я только горько люблю,
Я только тихо сгораю.
Край мой, забыл тебя Бог:
Кочка, болото да кочка.
Дом мой, ты нищ и убог:
Жена да безногая дочка.
Господи Боже, прости
Слово беспутного сына.
Наши лихие пути,
Наша лихая судьбина...⁶

22 марта Киссин застрелился.

Уже в июле 1916 г. Ходасевич принял решение подготовить книгу стихов друга со своей статьей о нем (о чем он сообщал в письме Софье Парнок [Ходасевич 1996—97, т. 4, № 20]). В 1918 г. книга Киссина «Легкое время» была готова к печати и принята сначала в одном, потом во втором издательстве (1918 — «Альциона», 1921 — «Эрато»), однако опубликована не была, а подготовленный Ходасевичем текст был утрачен.

Счастливый случай вернул поэзию Киссина из небытия. В начале 1980-х дочь Киссина Лия Самуиловна открыла свой домашний архив для исследователей.

⁶ 18–21.III 1916 [Киссин 1999, с. 100].

Как оказалось, там были, в частности, рукописи стихов Киссина (листки и записные книжки 1907—1908 годов и последнего времени его жизни, с сентября 1915 г.) и тетради жены поэта, Лидии Яковлевны (младшей сестры Валерия Брюсова), в которые она переписывала его стихи 1913—1915 годов. Материалы из этого собрания вошли в книгу [Киссин 1999], подготовленную И. П. Андреевой.

Н. Н. Перцова

Основные источники: [Андреева 1999; РП:1800, т. 4]. Фото С. В. Киссина в начале раздела: ок. 1903, ЦИАМ.

* * *

Сухой осенний рѣзкій воздухъ.
Ни облачка. Лазурь чиста.
И на чернѣющихъ бороздахъ
Воронь крикливая чета.
Деревья черны, длинны, худы.
Не слышно листьевъ подь ногой.
Ихъ рдяно-золотыя груди
Умчались въ пляскѣ вихревой.
Иду. Далекъ мой путь безцѣльный.
Давно со мной моя тоска.
И голось ласково-свирѣльный
Ужъ не зоветъ издалека.
И въ этой четкости осенней,
И въ чистомъ небѣ узнаю
Мечту увядшую мою
Давно, безъ слезъ и сожалѣній.

[Муни 1907а, с. 136]

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

I.

Окна завѣшаны шторами.
Трещить, разгораясь, каминь.
Сердце биеньями скорыми,
Сердце больными укорами
Твердить: ты одинь! ты одинь!

Маятникъ ходить размѣренно,
Усталыхъ часовъ властелинъ.
Угли трещать неувѣренно.
Сердце стучить: все потеряно!
Стучить: ты одинъ, ты одинъ!

II.

Стучится въ дверь рука упрямая,
Войдите! Скучень мой досугъ.
И дверь открывъ, вошла Тоска моя,
Старинный, неизмѣнный другъ.

Подсѣла къ жаркому камину ты
И смотришь на игру огня.
Зачѣмъ такъ строго брови сдвинуты?
Иль разлюбила ты меня?

Иль не съ тобой часами длинными
Вели мы тихій разговоръ?
И кружевами паутинными
Усталый застился взоръ.

И ночью молчаливо-думная,
Склонившись ласково ко мнѣ,
Не ты ли кроткая, безшумная,
Со мной рыдала въ тишинѣ?

[Муни 1907а, с. 136–137]

* * *

Посв. М. С. М.

Я — царица плѣнная<,>
Въ башнѣ я одна...
Моетъ камень плѣнная,
Бѣлая волна.

За решеткой черною
Взоръ полуослѣпъ.
Я стою упорною
Мѣрю тѣсный склепъ.

Длятся дни постылые,
Тянутся въ тиши.
Сны мои безкрылые
Въ тягость для души.

Жду тебя безъ вѣры я,
Соколы мой, женихъ!..
Стѣны башни сѣрыя,
Крики часовыхъ.

Лижетъ камень плѣнная,
Бѣлая волна...
Въ скорби неизмѣнная
Я одна, одна!..

[Муни 1907б, с. 29–30]

* * *

Вѣть грустью ласковой, осенней.
Какъ свѣтло — прозрачна синева.
Листья клена — золотыя кружева.
Грустью вѣть ласковой, осенней.

Городъ тонетъ въ утреннемъ туманѣ.
Нѣжно золотятся купола.
Рѣчка неподвижна... замерла...
Серебрится въ утреннемъ туманѣ.

Сонный вѣтеръ грезить... На деревьяхъ
Осыпаются неслышные листья.
Сердце бѣдное мое, и ты
Словно вѣтра вздохи на деревьяхъ.

[Муни 1907б, с. 30]

НА ОЗЕРЪ.

Надъ мутно-опаловой гладью
 Вечернее солнце зажглось.
 И вѣтеръ примолкшій играетъ
 Душистою тонкою прядью
 Твоихъ золотистыхъ волосъ.

Въ вечернемъ шуршаньи осоки,
 Въ лѣнивомъ плесканьи весла
 Лѣниво душа замираетъ.
 И глазъ такъ понятны намеки,
 И ты такъ свѣтло-весела.

И словомъ боюсь я ненужнымъ
 Мечту молодую спугнуть.
 Заря истомленная таетъ
 На небѣ прозрачно-жемчужномъ.
 И тихо колышется грудь.

[Муни 1908а]

ВАКХАНТЫ.*М. Х.*

Іюльскій день такъ прянь и пышень
 Въ убранствѣ, ярко золоченомъ.
 Пригоршню спѣлыхъ красныхъ вишень,
 Смѣясь, ты бросила въ лицо намъ.

Мы за тобою безъ дороги
 Сквозь чашу липъ и туй зеленыхъ.
 И смѣхъ въ чертахъ притворно-строгихъ,
 Вишневой кровью обогранныхъ.

[Муни 1908б]

* * *

Посвящается Грэси.

Не скажу тебѣ, зачѣмъ я въ часъ, когда приходишь ты,
 На порогъ разсыпаю снѣжно-бѣлые цвѣты.
 Не скажу тебѣ, зачѣмъ я, какъ я въ комнатѣ одна,
 Алый цвѣтъ заткнувши въ косы, тихо сяду у окна.
 Самъ ты знаешь! Угадаешь! Сердце скажетъ, умъ пойметъ,
 Бѣлый цвѣтъ о чемъ расскажетъ, алый цвѣтъ о чемъ споетъ.
 Я скажу тебѣ, зачѣмъ я въ часъ, когда луна нѣжнѣй,
 Въ огонекъ лѣсной бросаю горсть примятую стеблей,
 Что за грѣшную молитву шепчуть блѣдныя уста.
 А вокругъ меня ночная, неживая красота.
 И въ лѣсной огонь бросая горсть примятую стеблей,
 Объ одномъ молюсь я небу, — чтобы умеръ ты скорѣй.

[Беклемишев 1908а]

СОНЕТЪ.

Вставаль закатъ, блистателень и строгъ
 За старыхъ сосенъ мѣдными стволами.
 Вы шли со мной, объята злыми снами,
 И я вашъ вздохъ невольный подстерегъ.

Вдали хрипѣль надъ сизыми полями
 Надорванный тоскующій рожокъ.
 День уходилъ. Блистателень и строгъ
 Стоялъ закатъ за мѣдными стволами.

И въ васъ была торжественность заката
 И дѣвственность вечерней тишины.
 И только вздохъ, — какъ дальній звонъ струны —

Мнѣ рассказалъ про горькое «когда-то»,
 Про злую тѣнь, что навсегда легла
 На матовость високаго чела.

[Муни 1908в]

* * *

Вънець пустого дня.
Баратынскій.

Голодныя стада моихъ полей!
 Вамъ скудные даны на пищу злаки.
 Съ высокихъ злыхъ небесъ я не свожу очей,
 Гляжу на огненные знаки.

Безмолвный стражъ пустынныхъ вечеровъ,
 Брожу въ поляхъ раздумчивый и грустный.
 Тревожу тишину сырѣющихъ дубовъ
 Моей свирѣлью неискусной.

И молкнеть зовъ. Отвѣтомъ гулкимъ мнѣ
 Лишь гдѣ-то въ полѣ эхо засмѣется,
 Да воронъ, хриплый стонъ слышавши во снѣ,
 Въ испугѣ крыльями забьется.

Пустые дни! Пустые вечера!
 Ночей неизъяснимыя томленья!
 Судьбы жестокая и мрачная игра
 Безъ усыпленья, безъ забвенья!

Зачѣмъ? — не знать, не знать мнѣ никогда!
 Небесъ безмолвны огневые знаки.
 Нагихъ полей моихъ голодныя стада,
 И мнѣ даны сухіе злаки!

[Беклемишев 19086]

* * *

Въ улыбкаѣ вашихъ губъ, скептической и нѣжной,
 Въ усталой ласкѣ вашихъ сѣрыхъ глазъ
 Я прочиталъ плѣнительный рассказъ
 Любви мучительной и скорби безнадежной.

Вась страсть влекла къ себѣ тревожностью безбрежной,
 Быль крѣпокъ руль, и вѣренъ вамъ компасъ.
 Отчаливай! Смѣлѣ! Въ добрый часъ!
 Туда, гдѣ ждетъ конецъ, желанно-неизбѣжный!

И вы неслись, куда, — не все ль равно, —
 По глади волнъ скользя все легче, все быстрее.
 О, корабли, которымъ суждено
 Найти конецъ въ волнахъ у призрачной Капрери.

Какъ траурно на васъ чернѣютъ ваши реи,
 Какъ вѣренъ бѣгъ, стремящій васъ на дно.

[Киссин 1910, с. 10]

* * *

...безчарная Цирцея...
Баратынскій

Пусть дни идутъ. Ужъ вѣстью дальной вѣя,
 Меня настигла хладная струя.
 И жизнь моя — безчарная Цирцея
 Предъ холодомъ иного бытія<.>

О жизнь моя! Не самъ ли корень м о л и
 Къ своимъ устамъ безъ страха я поднесъ —
 И вотъ теперь ни радости, ни боли,
 Ни долгихъ мукъ, ни мимолетныхъ слезъ.

Ты, какъ равнина плоская, открыта
 Напору волнъ и вою всѣхъ вѣтровъ,
 И всякая волна — волна Коцита,
 И всякій вѣтръ — съ Летейскихъ береговъ.

[Киссин 1911]

Николай Константинович Лавров родился в Москве в семье потомственного почетного гражданина Константина Михайловича Лаврова; дед по отцу был титулярным советником. С 1899 г. учился в I Московской гимназии. В 1910 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1914 г.; 3 ноября 1915 г. был удостоен диплома второй степени.

Сведений о жизни Лаврова сохранилось крайне мало. Можно предположить, что он был близок к среде художников и скульпторов: некоторые его вещи написаны в облюбованном художниками Плесе, одно стихотворение посвящено С. Т. Коненкову, женой Лаврова стала художница. По непроверенным данным¹, Лавров

послужил моделью для скульптора С. М. Волнухина при создании памятника первопечатнику Ивану Федорову в Москве (памятник был открыт осенью 1909 г.).

В 1909 г. Лавров опубликовал стихотворение и прозаический отрывок «Музыка смерти» в сборнике начинающих авторов «Первые опыты» (см. ниже). В 1920 и 1921 гг. в Москве вышли две небольшие книжки его стихов, обе без указания издательства или типографии. Первая, мажорная, наполненная фольклорными мотивами «Земная радость», посвящена любимой («Светлая моя. Тебе несу мои песни и эту книжку посвящаю тебе»); вторая, трагическая «Плакун-трава», реквием павшим в бурях войн и революций, — матери («Матери моей в знак глубочайшего уважения я посвящаю эту книгу»). Лейтмотив многих стихов — стремление покинуть мир цивилизации и укрыться среди нетронутой русской природы.

В литературной жизни Москвы Лавров практически не участвовал. Он ни разу не упомянут в фундаментальных справочниках [ЛЖР1] и [ЛЖР2]. Все же нам удалось найти свидетельство его выступления на вечере «Орден триолета», который состоялся в 1922 г. в популярном среди московских литераторов кафе «Литературный особняк» (то же название носил созданный в Москве в 1919 г. литературный кружок, среди основателей которого были Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Захаров-Мэнский, Н. Минаев; программа вечера — в [ОР ГЛМ, ф. 383, оп. 1, № 358]); а также написанную 9 августа 1922 г. пародию Минаева на строку из стихотворения Лаврова «Колокола пустились в пляс» [ОР ГЛМ, ф. 383, оп. 1, № 58].

¹ <http://www.taxiforum.ru/archive/index.php/t-903.html>.

В 1930 г. под влиянием личных переживаний Лавров покончил жизнь самоубийством. Похоронен на Ваганьковском кладбище (рядом с могилой С. Есенина).

Стихи Лаврова, порой несколько небрежные, все же, несомненно, отмечены печатью таланта².

Н. Н. Перцова

Основные источники: ЦИАМ, ОР ГЛМ. Фото Н. К. Лаврова: ок. 1910, собрание Л. М. Турчинского, публикуется впервые.

* * *

Когда разсвѣтъ дремотный заалѣтъ
И вспыхнет робкая на небѣ полоса,
Мнѣ хочется кричать... но сердце леденѣтъ
И капаеть съ рѣсницъ тяжелая слеза.
И я брожу, усталый и разбитый,
Среди могиль въ росистой полумглѣ,
Мнѣ хочется найти твой крестъ полузабытый
И все сказать тебѣ вотъ здѣсь наединѣ.
Но нѣтъ, не нахожу среди крестовъ печальныхъ
Твой крестикъ бѣленькій... Онъ стертъ рукой времянь,
И ты не слышишь здѣсь ни пѣсень погребальныхъ,
Ни шума голосовъ, ни шелеста знаменъ...
Но вѣрь... Мечту свою ты не взяла съ собою,
Ее не погребли суровые враги,
И счастья братскаго, желаннаго тобою,
Ужъ слышатся порой могучіе шаги.

[Лавров 1909а]

<Из книги «ЗЕМНАЯ РАДОСТЬ»>

<Из цикла «ЗЕМНАЯ РАДОСТЬ»>

I

Кругом — леса, как скит зеленый,
И я, оборванный, в пыли,
Стою коленопреклоненный
Пред вечной красотой Земли.

² В стихах из книг [Лавров 1920, Лавров 1921] нами исправлен ряд опечаток.

Я здесь один, как в древнем храме,
Среди поляны, между хвой,
Я вижу затканый цветами
Курган — зеленый аналой.

На нем читая Книгу Чисел,
Молюсь Тому в прохладной мгле,
Кто дух мой радостью возвысил
И приобщил — Земле.

[Лавров 1920, с. 7]

<Из цикла «РУСЬ»>

III
ПАН

В ветках березы
Родятся шумы.
Они как грезы,
Они как думы.
Их зовы вечны,
Могучи, полны
И бесконечны,
Как в море волны.
Но кто шумит в ветвях берез
И знойным летом и в мороз?
То наш старик шумит лохматый,
Под грудой лет согнувши стан, —
В земле зачатый,
В полях рожденный,
В лесах крещенный
Наш Русский Пан!

Со старых сосен
Звон колокольный
Уж много весен
Летит раздольный,
Летит деревней,

Несет печальный
Свой голос древний —
Звон погребальный.
Но кто звонит в вершинах сосен
Так много зим, так много весен?
То наш звонарь звонит лохматый,
Под грудой лет согнувши стан —
В земле зачатый,
В полях рожденный,
В лесах крещенный
Наш Русский Пан!..

[Лавров 1920, с. 23]

<Из цикла «ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ»>

I
ГРОМ ГРЕМУЧИЙ

Разгремелся Гром Гремучий,
Оседлал как коней — тучи
И над сивой головой
Вертит алою вожжой.
Скачут, мчатся тучи-кони.
Небо синее в полоне: —
Знать, похитит Громовик
У Ярилы светлый лик.
Словно ночь на землю пала —
Мать-Сыра-Земля внимала,
Как старик Гремучий Гром
Пашет огненным плугом,
Пашет небо и боронит,
В облака зерно хоронит,
Чтоб на землю урожай
Ливнем бросить в светлый Май!..

[Лавров 1920, с. 35]

IV
РУСАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

Всю русальную неделю
Шаловливо водяницы
Рыщут в поле и купаются
Во зеленой, сочной ржи.
То-то дело Яру-хмелю:
Искрометной огневицей
Парней, утренней зарею
От русалок сторожи.

А чуть что — к себе заманят,
Зацелуют, защекочут
В обнажении бесстыдном,
Обещая сладкий грех,
Сердце песнями изранят,
Засмеют и захохочут,
Увлекая в омут тинистый
Водяному для утех.

И зовет Ярила: «Девки,
Собирайтесь табуночком,
Выбегайте в поле чистое
Ко Ярилиной горе,
И березовым веночком
Все русальные издевки,
Все причуды колдовские
Расколдуйте на заре.

И когда Олень-багрянец
Оросит водой копыта
И окунет в омут тинистый
Золотой, ветвистый рог,
Знайте: чары злых водяниц
Светлой поступью — разбиты,
И купайтесь вместе с парнями
Этим утром без тревог».

[Лавров 1920, с. 38]

Памятник первопечатнику
Ивану Федорову в Москве.
По некоторым данным, моделью
для скульптора С. М. Волнухина
послужил Н. К. Лавров

<Из цикла «АКВАРЕЛИ»>

X

Дорога — пыльные извивы.
При ней корявый старый вяз
К земле, как древле юродивый,
Припал, восторженно молясь.
На перепутье — крест с иконкой
И древний, распятый Христос.
Вокруг, как белые колонки,
Стволы тоскующих берез.
Поля таинственные — сжаты,

Былых восторгов не найти,
Лишь месяц льдинкою рогатой,
Как путник, думую объятый,
Бредет по Млечному Пути.

[Лавров 1920, с. 57]

<Из цикла «ЗЛАТОЦВЕТ»>

I

Трава — это мысли весенней земли,
Она в лугах сочна и гибка,
Цветы, что кое-где так робко расцвели —
Ее застенчиво-невинная улыбка.

Ах, если б взять все мысли у земли,
Собрать с цветов ее улыбки
И под мелодию вселенской скрипки
Исчезнуть в сказочной дали!..

[Лавров 1920, с. 63]

III

Как ризы яркие целительной иконы,
Как капли жгучей, солнечной мечты,
В полях весенних — анемоны
Раскрыли желтые, наивные цветы.

И взор мой радостной слезою отуманен —
Я наконец нашел великий, вечный храм
И вот молюсь восторженно, как первый прихожанин,
И солнцу, и земле, и небу, и цветам.

[Лавров 1920, с. 65]

IV

Я белый, снежный одуванчик,
Не тронь меня, я улечу,
Я отдал желтый сарафанчик
За ласку яркому лучу.
Теперь я робок, я застенчив,
Как красна девица в ночи,
Я хрупок, нежен, переменчив,
Как звезд далекие лучи.

Меня чуть тронет ветер вешний,
И как снежинки в ноябре
Лечу я белый и нездешний
Навстречу утренней заре.

Ее с восторгом я встречаю,
Горю ее святым огнем
И медленно, с улыбкой таю
Под первым радостным лучом.

[Лавров 1920, с. 66]

VII

За оградой кладбища,
Словно ангелочки,
На ветвях у вербочки —
Беленькие почки.
Теплятся на солнышке
Вешне-беспечальном,
Словно свечи Божия,
Огоньком хрустальным.
Их зажег на вербочке
Светлый херувим —
Завтра вход Господень
В град Ерусалим.

[Лавров 1920, с. 69]

<Из цикла «СЕВЕР»>

I

Мне юг непонятен, он мне не родной,
Мне ближе мороз и метель, —
Рожден я на севере тихой весной,
И север — моя колыбель.

Мой крестный отец — леса буйный простор,
Весна — моя крестная мать,
Купель, где крещен я, — глубины озер
И рек тихоструйная гладь.

Над мшистой постелью мне нянька-сосна
Напевно былины шептала,
И тихо от старости часто она
Янтарные слезы роняла.

Я их ароматом на подвиг вскормлен,
Как витязь народом любимый,
Прими же, о Север, мой низкий поклон
От сына, навек нерушимый.

[Лавров 1920, с. 73]

III

Уже июль, а тут еще весна.
Цветет рябина и шиповник,
И я, как трепетный любовник,
Иду к тебе, угрюмая страна.

В твоих лесах и на твоих порогах,
Ревущих с пеною, как яростный прибор,
Найду себе отраду и покой
Скорей, чем в блещущих чертогах.

Здесь за полярною, холодною чертой
Смотрю восторженно полуночное солнце,
Как в вечность яркое оконце,
Чуть приоткрытое невидимой рукой.

[Лавров 1920, с. 75]

<Из цикла «ЮНОСТЬ»>

I

Люблю я небо, люблю я землю,
Люблю я травы, люблю цветы.
Я гласу Бога при звездах внемлю,
Ему молюся, молись и ты.
Мы будем юны, благословенны,
Войдем, как дети, в нетленный храм.
С душою чистой, с душой смиренной
Мы приобщимся к святым дарам.
И в вечном храме приняв причастье
Из чаши звездной, мировой,
Найдем мы радость, найдем мы счастье,
Найдем отраду и покой.
Пусть все увидят, как восприемлю
Я радость жизни, любовь, цветы. —
Любите, люди, весною землю,
Любите небо, как я и ты.

[Лавров 1920, с. 81]

III

При свете солнца — ты другая,
Ты незнакомая, чужая,
И я тебя не узнаю.
Ты, как цветок благоухая,
Цветешь невинная, святая,
И вместо буйных песен мая
Я трепетно псалмы пою.

При свете лунном — ты близка мне,
И как резцом на белом камне
Слова безумные рублю,
В груди желанье высекая.
Я вижу, верю, слышу, зная,
Что будешь страстной ночью мая
Ты той, которую люблю.

[Лавров 1920, с. 83]

VII

Я не знаю, кто ты.
 Но безумно любя,
 Я срываю цветы
 Для тебя.
 Как в бреду, как во сне,
 Я срываю цветы —
 Вся в цветах будешь ты
 По весне.

Я сберу все цветы
 И в лесу и в лугах.
 Сколько их — не смогу перечесть:
 Я не знаю, кто ты.
 Но ты есть, но ты есть —
 Вечно юная, вечно в лучах.
 Для тебя, для тебя я срываю цветы,
 Вся в цветах будешь ты,
 Вся в цветах.

[Лавров 1920, с. 87]

VIII

Мой путь к земле тобою не разгадан,
 Довольно слов, не говори,
 Я бросил сердце, словно ладан,
 В кадило яркое зари.

Затешил, радостно, как восковые свечи,
 Побегу сосен молодых,
 Прощай, волнующие встречи —
 Отныне я забыл о них.

Пусть волос мой теперь завьется в кольца —
 Я светлый инок, посмотри,
 Меня к себе, как богомольца,
 Зовут леса-монастыри.

[Лавров 1920, с. 88]

IX

Надломленно-бессильная, склонясь к клавиатуре
 И руки протянув с тоскою вдоль колен,
 Ты плачешь, девушка. В струнах замолк Шопен,
 Но он звучит еще во всей твоей фигуре.

Страдаешь ты... Как символы со стен,
 Над круглой спинкою сафьянного дивана
 Глядят печальные этюды Левитана
 И полный мистики старинный гобелен.

А за окном весна. Разрушен долгий плен,
 И все цветет, восторженно смеясь и балагурия,
 И только здесь тоскующий, надломленный Шопен
 Еще звучит рыдающе во всей твоей фигуре.

[Лавров 1920, с. 89]

X

Солнце — юность, солнце — детство,
 Солнце — радость, солнце — смех,
 Солнце — Божие наследство,
 И лучи его для всех.

Солнцем живы, солнцем смелы,
 В солнце вечно влюблены.
 Солнца благостные стрелы
 Сердце, душу, разум, тело, —
 Все пронзайте в день весны!..

[Лавров 1920, с. 90]

<Из книги «ПЛАКУН-ТРАВА»>

ТЕНЬ ОТ КРЕСТА

Я видел свет, родивший тьму,
Я пламя черное увидел...

I

ТЕНЬ ОТ КРЕСТА

Три года
Миллионы трудового народа
Железом мозолистых рук
Строили в сердце Руси Голгофу.
И раздавался всесветный стук...
И Сыну и Духу и Отцу-Саваофу
Приготовили место глумлений и мук —
Место распятия.
Мы братья
Христа...
Тень от креста
Упала на тысячи верст
В океан.
«Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь!..» —
Кричали мы
Из тьмы,
Что клубилась черным паром,
Сжимая в тисках города,
И веяло красным пожаром
Над нами
Кровавое знамя
Труда!..
Ударами молота
Сердце расколото,
Смята народная грудь...
Разверзлись глубины,
Семя безверия брошено в век,
Умер Единый.
И человек
Зверем пребудь.
И вот,

Нашей жизни оплот —
Дети двенадцати лет —
Рождают людей на свет
В муках, которым названия нет
В мире...

Шире

Раскрывайте рты,
Искривляйте гримасой черты
Человечьи,
Ужасаясь друг другу при встрече...
Как воры крадитесь во мгле,
К груди прижимая восьмушку хлеба,
Безмерный дар неба —
Земле!..

Кричите, войте зверино:

Придет ли Единый,
Придет ли спасти

На пути

Стадо...
Не надо, не надо, не надо...
Пусть плачем и стоном наполнится твердь,
Пусть разорвутся утробы детские,
Пусть грозный взметнет ураган...
И смерть
Всех жизней чудесней
Запоет молодецкие
Песни,
По трупам танцую канкан!..

II

1918 ГОД

В кругу веселом хоровода,
Где смерть считает взмах минут,
Цветы кровавые растут,
И имя тем цветам — свобода!..

Поля в крови,
И всюду трупы...
Их не тревожь, их не зови,

Они мертвы и жалко тупы
 Лежат без края, без границ
 И молчаливо черных птиц
 К себе манят гримасой лиц —
 Судьбой несчастного народа.
 А в круг — кровавые цветы...
 Они меж трупов разлиты.
 И это ты, и это ты,
 Так долго жданная свобода!..

Смерть собирает последний покос...
 И звенит, и поет лезвие среди мглы,
 Пахнет теплою кровью от роз,
 И гвоздики от крови — алы.
 И багряна листва средь ветвей,
 Красно все... Только лица счастливых людей
 Одни от голода — зелены!..

Что же мы... Скорей, скорей
 В простор лугов, в простор полей,
 Поможем смерти я и ты
 Сбирать кошмарные цветы.
 Они растут в дыму усадеб,
 В крови распятых городов.
 Теперь у нас безумье свадеб
 С толпой голодных женихов.

Мы слишком долго были кротки...
 Зовите тьму, гасите свет,
 Срывайте стебли, рвите глотки,
 Теперь преступного в том нет...
 Разрушим все, взорвем святыни,
 И в этот год пылающий рассвет
 Роскошным будет или нет...
 С распятой Родиной посередине.

III ВЕЩИЕ ПТИЦЫ

Вещая птица вещую птицу зовет.
 Черные птицы черный свершают полет:

Мы летим,
 Где кресты,
 Пламя и дым
 Разлиты.

Мы летим, где есть кровь,
 Верный товарищ, клев приготовь...

В скитах зеленых,
 Как инокини,
 Творите, ели,
 Обряд прощальный
 По нашим братьям,
 В годину крови
 Отдавшим жизнь свою
 В бою...

Курите смолы,
 Роняйте хвою,
 Рыдайте ночью,
 Рыдайте днем,
 Зовите ветры
 И вместе с ними
 Песнь-панихиду
 Пропойте им.

А утром росным
 На поле чистом,
 Цветы-малютки,
 Цветы мечты,
 Венки завейте
 И ими скройте
 Могилы павших
 В кровавый год.

Пусть тихим звоном
 Звенит немолчно

Синь-колокольчик,
 Степной звонарь,
 Над их могилой —
 И утром росным,
 И в знойный полдень,
 Как встарь...

Черная птица черную птицу зовет.
 Вещие птицы вещей свершают полет.

Мы летим,
 Где кресты,
 Пламя и дым
 Разлиты.
 Мы летим по Руси,
 Кровью, товарищ, клюв ороси!..

IV

Темно, пустынно за околицей.
 Мой путь безвестен и далек, —
 Пусть в тишине душа помолится
 На розовеющий восток.

Открыты все четыре стороны,
 К тебе, Россия, страждущий, иду...
 Не каркайте над головою, вороны,
 Не накликайте новую беду.

В молитве, тишиной овечьей,
 Проснется разум, сердце и душа.
 К тебе, поруганной, к тебе, осмеянной,
 Путем-дорогой двинусь не спеша.

Твои просторы с посохом измеряю,
 И к свежим ранам тайно приложусь,
 И в воскресение твое поверю,
 Страдалица земная, Русь!..

V НОВОЛУНИЕ

Выплыл месяц-новец,
 Словно в море пловец,
 И поплыл, как челнок,
 На восток.
 Силой высшей храним,
 Он вершит чудеса.
 Облака, что над ним, —
 Паруса!..
 Что ж, плыви на восток,
 Сребровидный челнок,
 Поскорей от позора земли.
 Лижут неба лучи
 От кровавой свечи,
 Что, безумствуя, люди зажгли...
 Ты без крова пока,
 У тебя облака —
 Паруса, так несись, улетай,
 Уплывай поскорей
 От позора людей
 В царство грезы, в лазоревый край!..

VI

Россия, ты в грозе и буре,
 Велик вселенский твой почин,
 Когда же будешь ты в лазури
 Недостигаемых вершин?..
 Но может быть, светить сгорая
 Тебе назначено Судьбой, —
 Страна моя, страна родная,
 Как первоначальщ жребий твой!..
 И я, как волхв, пойду впервые
 Средь елей, царственных невест,
 Чтоб в глубине твоей, Россия,
 Провидеть в белых розах — Крест!

VII

Пусть революции буруны
 Весь мир замкнут в круговорот,
 Сегодня сад весенний, юный
 Благоухает и цветет!..

Пусть льется кровь, пылают зданья,
 Пусть гибнет старый Вавилон,
 Сейчас — весна, кругом сверканье,
 И я сиренью опьянен!..

Мне говорят, что я циничен.
 Пусть негодуют, я — поэт,
 И мне язык весны привычен,
 Призыв к войне и крови — нет!..

И я всем брат, влюбленный, чуткий,
 Всем друг, кто в этот вешний день,
 Забыв вражду, целует незабудки,
 Влюбленный в солнце и сирень!..

VIII

Не нужно петь о том, что есть...
 Что есть, того не нужно, нет.
 Стремитесь душу перенести
 На высоту, где горный свет!..
 Долой кошмары мутных дней,
 Пусть дух окрылится орлиной
 И правит лёт в страну теней,
 В страну чудес за птицей синей —
 Туда, где Китеж-град зовет
 К себе призывом колокольным.
 И веет лес дурманом смольным
 И речь былинную ведет!..
 В страну, где солнце и простор,
 Цветы, мечты, улыбки, ласки,
 Где вольный ветер с вольных гор

Поет легенды, шепчет сказки,
 Туда стремиться и идти,
 Забыв о прошлом дне.
 Так перевейте же пути
 Мечтой о вышине!..

[Лавров 1921, с. 25–43]

БРАТСКОЕ ПОМИНОВЕНИЕ

I.
БРАТСКОЕ ПОМИНОВЕНИЕ

1.

Головы ниже склоните...
 Нынче справляет великий народ
 Память по братьям,
 Павшим за Родину
 В битве кровавой.
 Все преклоните колена,
 Тихо коснитесь земли —
 В ней наши братья лежат,
 Тише, услышьте страдания их
 Здесь на земле в час последний.

2.

В полночь ударит набат,
 Мощно польются удары,
 Медь запоеет по Руси,
 Всех к панихиде сзывая.
 С древних соборов Кремля,
 С лона широкого Волги,
 С дебрей таежных Сибири,
 С Камы и тихого Дона, —
 Пусть понесутся за павших
 Скорбные наши молитвы.

3.

Громче, как веший Боян,
 Пой, соловей, о погибших...

Громче, вещунья кукушка,
 Их выкликай имена,
 Громче читай поминанье
 В час предвечерних молитв...
 Вы же, пернатые стаи,
 Лейте струи голосов,
 В наши печальные хоры
 О павших за Родину братьях.

4.

Тихо молитесь за них
 С нами, цветы луговые;
 Сами завейте венки
 Пестрым узлом по полям,
 Чтобы украсить весной
 Сотни бескrestных могил.
 Пойте чуть слышно, хлеба,
 Песнь панихидную в поле, —
 Ваши хозяева спят,
 Жизнь положивши за Русь.

5.

Вы же, свободные ветры,
 Вихри степные, крутени,
 Мчитесь в деревни и села,
 Бейте в набат в темных елях,
 Весть разносите повсюду
 О павших сынах-страстотерпцах,
 В час одинокой кончины
 Шепотом губ посинелых
 Тихо зовущих к себе
 И мать, и детей, и Россию.

6.

Пусть перевьет ваше слово
 Молния лентою злой,
 Пусть подтвердит ваш глагол
 Гром, за неправду разящий.
 Вы же, свободные ветры,
 Вихри степные, крутени,
 Все передайте их вдовам

И матерям безутешным, —
 Тихим сиротам скажите
 Бодрое, вещее слово.

7.

Ваших отцов именами
 Мы назовем наши села,
 Реки, озера и все,
 Что юно и вечно живет;
 Пусть же проходят года,
 Пусть протекают столетья,
 Подвиги будут их живы,
 Их имена не умрут.

8.

Головы ниже склоните...
 Нынче справляет великий народ
 Память по братьям,
 Павшим за Родину
 В битве кровавой.
 Все преклоните колена,
 Тихо коснитесь земли —
 В ней наши братья лежат.

Г. Плес. Усадьба Михайловка

II.

Научите меня, плакучие березыньки,
 Вашей грусти тихой, затуманенной,
 Чтобы можно было в час закатный дня —
 Тихим вечером погрузить о Родине...
 Научите меня, плакучие березыньки,
 Вашей грусти тихой, затуманенной.

Научите меня, звезды ясные,
 Как молиться мне в час полуночный,
 Как просить мне всех Создавшего,
 Чтоб послал Он, кроткий, счастье Родине, —
 Научите меня, звезды ясные,
 Научите.

Научите меня, ветры буйные,
 Где мне силу взять ураганную,
 Чтоб смести, завертеть рати врагии,
 Что терзают грудь моей Родины, —
 Научите меня, ветры буйные,
 Научите.

Научите меня, птицы вольные,
 Вашей песне звонкой, переливчатой,
 Чтоб я мог воспеть звонким голосом
 Подвиг ратный сынов Родины, —
 Научите меня, птицы вольные,
 Вашей песне звонкой, переливчатой.

III.

В этот год солнце светит невесело,
 Звонких песен не слышно в селе,
 И береза печальнее свесила
 Расплетенные косы к земле.

На кургане, рябиной обсаженном,
 Не вздымается к небу качель,
 И весной не звенит по овражинам
 Думка-песнь, соловьиная трель.

В этот год не слышать на покосах
 Песен, смеха и топота ног,
 И все чаще и чаще на девичьих косах
 Вместо алого — черный платок.

В этот год не улыбаты лица,
 Плачет мать, и вздыхает жена,
 В этот год все невесты — черницы,
 В этот год вся природа — мрачна.

IV.

Моя душа — подруга туч лиловых.
 Она, как и они, стремится в светлый край.

И уходя, твердит чуть слышное «прощай»
 Страна потемок, жутких и суровых.
 Тебя не посетит зеленый, светлый май,
 И по полям твоим при отблесках багровых
 С насмешкой злобною в чудовищных оковах
 Кровавый бог войны пройдет из края в край.
 Я не могу, Земля, делить с тобой Судьбы:
 Пусть лучше воронье, набив свои зобы,
 Приветствует его стогласным хором стай,
 Сидя на мертвецах безгласных и суровых.
 Моя душа — подруга туч лиловых,
 Она спешит от ужаса уйти в лазурный край.

V.

Березки белые — мне сестры,
 Мой брат любимый — стройный клен.
 Иду к опушке, где четко-остры
 Вершины елок и сосен!..
 Здесь среди леса, как среди храма,
 Молюсь, восторженный, в тиши,
 И щедро зерна фимиама
 Я жгу на пламени души.
 И говорю: «Всесильный Боже,
 Ты Кроток, Ясен и Велик,
 Яви в годину бездорожий
 России животворный лик!..
 Мне чужд кошмар кровавой битвы,
 Я здесь в родном, глухом лесу
 Свои невинные молитвы
 К подножью Твоему несущу».
 И буду грезить и желать я,
 Чтоб под шептанье вешних верб
 Все люди обнялись как братья,
 Мечи перековав на серп!..

[Лавров 1921, с. 45–59]

УТРАТЫ

I.

Ты слышишь, как сосны шумят!..
 В их шуме — рыданье сонат,
 Они о былом говорят,
 Где горечь великих утрат...

Как тих умирающий сад,
 Как ал догоревший закат,
 Как сладок спасительный ад...
 А сосны шумят и шумят!..

II.

Ты некрасива в любви,
 Ты не восход огневой,
 Больше меня не зови,
 Я не приду, я не твой.

Прежние узы порви,
 Путь твой — во многом иной,
 Ты некрасива в любви,
 Я далеко, я чужой!..

III.

Ты умерла сама...
 Я не смог умереть.
 Может ли душу согреть
 Холод могилы и тьма?..

В вечном забвении нет
 Силы, любви, красоты...
 Чуть заалели кресты,
 Яркий восходит рассвет!..

IV.

Шепчет ветер: не грусти,
 Ваши встретятся пути...

На лугу внешне-зеленом
 Колокольчик синим звоном
 Говорит: забудь, прости...
 В мире много есть чудес:
 Звучен воздух, шумен лес, —
 Улыбаясь, как малютки,
 Мне лепечут незабудки,
 Эти капельки небес!..
 И спокойно ландыш белый
 Мне сказал: будь бодрый, смелый,
 Позабудь свою печаль,
 Посмотри, светлеет даль
 Над душой осиротелой.

V.

В. И. Б-ой.

Когда в душе твоей, уставшей от желаний,
 Проснутся вдруг опять волшебные мечты
 О тихой радости восторженных скитаний
 В полях родных, где солнце, где цветы...
 Когда твой смех, надменно-горделивый,
 Призывно зазвучав в томящейся тиши,
 Сожжет последние, бездумные порывы
 На ярком пламени мятущейся души, —
 Тогда иди ко мне, в мой терем златотканый,
 Спешу в простор полей, где зреет буйно рожь,
 И здесь среди хлебов, в тиши благоуханной
 Поверь, найдешь покой и сердцем отдохнешь.
 И выйду я тогда в торжественном покое
 В свой потаенный сад чуть слышно поутру,
 Чтоб встретить и обнять тебя, дитя родное,
 Как обнимает брат любимую сестру.

VI.

Провожу я тебя за околицу,
 Мы ни слова не скажем в пути.
 Раз не любишь — нельзя приневоляться,

Одному, видно, горе нести...
 Бросим кольца: я в поле покосное,
 Где проносятся с криком стрижи,
 Ты же бросишь свое через полосу
 В чуть зацветшую рожь у межи.
 И когда подспеют покосы,
 Поутру, помолясь на восток,
 Твой суженый найдет в поле брошенный
 Средь травы золотой перстенок.
 И коса зазвенит дикой удалью,
 Будет шире могучий размах,
 Будут песни и шутки привольные
 Раздаваться до ночи в лугах.
 А вечер, как старшие улягутся
 И затихнет косы лезвие,
 Он найдет тебя в поле, меж копнами,
 И подарит колечко мое.
 И в полях, ночью тихой, росистою
 Обручишься, кротка и светла,
 С другом милым, под ясными звездами,
 Вдалеке от родного села!..

VII.

Ты призрак счастья, ты — обман,
 Влечешь к себе, как хмель-дурман,
 Иду на зов лукавый твой
 С испепеленною душой.
 Ее мне сжег твой смех и взгляд,
 И отступленья нет назад!..
 Идти же выше и вперед
 В страну заоблачных высот,
 Где чувства вечные цветы
 Растут вдали от суеты,
 Где нет дыхания могил, —
 Я не могу, но мне нет сил!..
 Я слаб и телом и душой,
 И пусть же взор коварный твой
 Здесь, на страдающей земле,
 В пахуче-нежной вешней мгле,
 Пронзит мне сердце как стилет
 На мой призыв ответом — нет!..

VIII.

Забыв все прежние святыни,
 Забыв семью, забыв друзей,
 Нестись на синеватой льдине
 В раздолье северных морей...
 Бежать, как некогда отшельник
 Бежал, покорный небесам,
 В леса, где темный, частый ельник
 Смолистый курит фимиам...
 Идти в объятьях ночи синей,
 Порвав с былым за нитью нить,
 Чтоб в жгучей, солнечной пустыне
 Остаток дней испепелить...
 И здесь, никем не потревожен,
 Уняв безумной мысли бег,
 Решить, бессилен и ничтожен
 Иль Богу равен человек.

IX.

Как грустно тут... Зброшенная рига,
 Забитый наглухо старинный, белый дом,
 И надо всем, вверху, как меч Архистратига,
 Горит заря багровым лезвием.

Темнеет медленно... С зарей вечерней споря,
 Приветливо блеснул в деревне огонек,
 И в синеве небес, как в безграничном море,
 Поплыл луны серебряный челнок.

Куда?.. кто знает... Путь его далек,
 И приплывет ли он к своей черте заветной?
 Среди светил он путник незаметный.
 Он так же мал, как мы, и так же одинок.

X.

Унылый вид... Беззвучно с окон
 Струится мутная вода,
 Повсюду пыль свой тусклый локон
 Прядет без боли и стыда.

Со стен старинные портреты
 Кидают призрачный укор, —
 Их песни старые — пропеты,
 Замолк когда-то стройный хор.

Теперь — повсюду запустенье:
 Печаль сквозит со всех сторон.
 На смерть, на медленное тленье
 Старинный замок обречен.

[Лавров 1921, с. 61–73]

МУЗЫКА СМЕРТИ.

<ОТРЫВКИ>

...И среди вечерней темноты раздались звуки... Кто-то страдающий играл на скрипкѣ, влагая въ нихъ всю горечь и тоску, и они росли и ширились, полные отчаянїя и скорби. Казалось, что чаша слезь, переполненная до краевъ, расплескалась гдѣ-то тамъ, вверху, и полилась скорбь, охваченная ужасомъ, то безумно рокошущая, какъ сотни водопадовъ, то едва уловимая, какъ плескъ засыпающей волны...

<...>

Прекрасными, мягкими какъ весеннее небо юга, нѣжными аккордами полилась пѣснь, тоскующая о чемъ-то далекомъ, миломъ, навѣки утраченномъ... Казалось, что изъ глубины скрипки блещутъ ослѣпительные лучи южнаго солнца и игривыя волны синяго моря, радостно лаская прибрежныя скалы, рассказываютъ позабытыя пѣсни, похороненныя когда-то стихіей въ безбрежности морской... И снова встаютъ легенды о прекрасной дѣвѣ, отдавшей жизнь свою за пѣснь, которую игралъ когда-то невѣдомый странникъ, пришедшїй издалека, на позолоченныхъ струнахъ своей арфы...

<...>

...А ночь уже проворно гомозилась между деревьями и плясала какой-то замысловатый танецъ, закидывая кровавую могилу солнца грудами синѣющей мглы... И было что-то странное, бессмысленно-похотливое въ этомъ безумномъ, порывистомъ вихрѣ, и только далекое звѣздное небо говорило о вѣчности и красотѣ...

[Лавров 19096]

ИВАН ПУЗАНОВ

12/24.IV¹ 1885, Курск — 22.I 1971, Одесса

Иван Иванович Пузанов — выпускник Московского университета, выдающийся зоолог, зоогеограф и гидробиолог, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки УССР.

Семья Пузановых принадлежала к курскому купечеству. В метрической книге Смоленской церкви Курской епархии г. Курска за 1885 г. записано: «апреля 12 родился, а 18 крещен Иоанн. Родители его: курский 2-ой гильдии купец Иван Васильевич Пузанов и жена его Варвара Васильевна». Семья была состоятельной и образованной. Отец будущего ученого, Иван Васильевич Пузанов, был создателем «Общества драматического искусства», много времени посвящал участию в любитель-

ских спектаклях, зачастую в ущерб купеческому делу. Детей, Ивана, Сергея, Александра и Веру², с раннего детства приучали к труду. Мать, Варвара Васильевна, прекрасно знавшая литературу, стала первым учителем сына. Прочитанные в детстве вслух матерью Жюль Верна, старенький естественно-исторический атлас отца, походы в окружающие леса способствовали раннему пробуждению его интереса к природе, животным, путешествиям. В 1900 г. он впервые побывал в Крыму, в Алушке. Тогда пятнадцатилетний Иван не мог и предположить, насколько важную роль сыграет это путешествие в его становлении как ученого-биолога. Любовь к Крыму И. И. Пузанов сохранил до конца жизни:

Вот так и я, мой Крым! Пройдя немало стран,
 Обильных через край, прекрасных и могучих,
 Я так теперь хочу разбить последний стан
 У берегов твоих, на голых кручах.

Уже в Курской классической гимназии проявились феноменальная память и незаурядные способности И. И. Пузанова. Окончив гимназию в 1904 г., он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Как он пишет в своих неопубликованных мемуарах,

¹ Согласно метрической книге родился 12 апреля 1885 г. (по ст. стилю); в БСЭ и ряде других источников другая дата — 25 апреля (т. е. 13 апреля по ст. стилю).

² В 1904 г. Вера Ивановна была определена в Александровский институт благородных девиц в Москве, на Новой Божедомке.

большое влияние на формирование его как ученого оказали лекции профессоров К. А. Тимирязева и М. А. Мензбира³.

1906/1907 учебный год Пузанов провел в Германии, где слушал лекции в Лейпцигском и в Гейдельбергском университетах. Вернувшись к обучению в Московском университете осенью 1907 г., Пузанов специализировался по зоологии; работал сначала в лаборатории Н. Ю. Зюграфа⁴, а затем М. А. Мензбира. В 1909 г. заведовал Севастопольской биологической станцией. В 1910 г. вместе с В. В. Троицким путешествовал по берегам Красного моря и Голубого Нила. Путешествие длилось четыре месяца. И как результат — сборник очерков Пузанова «Между Нилом и Красным морем». За эту книгу он был награжден Большой серебряной медалью Общества испытателей природы.

В 1911 г. Пузанов окончил университет с дипломом первой степени и получил предложение остаться в университете для приготовления к профессорскому званию. Однако в знак солидарности со своим учителем профессором М. А. Мензбиром, который был уволен по распоряжению реакционного министра народного просвещения Л. А. Кассо, он отказался от этого предложения⁵ и поступил в основанную Мензбиром биологическую лабораторию при Московском обществе испытателей природы. Исходив вдоль и поперек Крым, Пузанов отправился в длительное путешествие по Кавказу, а потом по командировке Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии совершил большое путешествие вокруг Азии, посетил Японию и Цейлон. Во время путешествия он собрал коллекцию, о которой современные антропологи пишут следующее [Говор, Новикова 1989]:

В начале XX века по инициативе Д. Н. Анучина интересные коллекции были приобретены К. Д. Бальмонтом и И. И. Пузановым. <...> В 1912 г. известный русский зоолог И. И. Пузанов (1885—1971), в то время молодой выпускник Московского университета, совершая путешествие вокруг Азии, в Сингапуре приобрел для Антропологического музея Московского университета довольно интересную коллекцию папуасских идолов, оружия, начальнических жезлов, привезенных туда бургисской прау⁶, пришедшей из Новой Гвинеи.

С 1914 г. Пузанов проходил подготовку к профессорскому званию у А. Н. Северцова⁷; по предложению последнего в конце 1915 г. он был оставлен

³ М. А. Мензбир (1855—1935) — зоолог, выпускник, затем профессор Московского университета, автор классического труда «Птицы России» (2 т., М., 1893—1895).

⁴ Н. Ю. Зюграф (1851—1919) — выдающийся зоолог, выпускник, затем профессор Московского университета.

⁵ См. [ОРКиР НБ МГУ. Отчеты ИМУ, 1911—1912 гг.].

⁶ Род парусного судна.

⁷ А. Н. Северцов (1866—1936) — биолог, выпускник Московского университета, ученик М. А. Мензбира, основоположник эволюционной морфологии животных; его именем назван Институт проблем экологии и эволюции РАН.

при Московском университете. Однако именно в это время Пузанова призвали в армию; через полгода, после спецподготовки в Пулковской обсерватории, он был направлен в качестве синоптика на австрийский фронт (где он служил вместе с И. С. Щукиным — будущим известным геоморфологом), а с февраля по декабрь 1917 г. — на Черноморскую военно-метеорологическую станцию в Севастополе. В 1918 г., демобилизовавшись, Пузанов остался в Крыму и поселился в Симеизе, где в начале века семьей Пузановых была построена просторная дача. В начале 1930-х гг. власти вынудили его «добровольно» отказаться от собственности, однако эта дача и сейчас известна среди местных жителей как «дача Пузановых» и именно под таким названием входит в путеводители по Южному берегу Крыма.

С 1917 г. Пузанов занимался педагогической, научной, а порой и административной деятельностью в учебных заведениях Крыма: в Севастопольском, Ялтинском и Симферопольском народных университетах, а позже в Таврическом университете.

Как пишет основатель и руководитель Фонда защиты и возрождения дикой природы им. проф. И. И. Пузанова «Природное наследие» Иван Русев, в жизненном пути и творческой деятельности И. И. Пузанова выделяются три периода: крымский (1917—1933), горьковский (1933—1946) и одесский (1947—1970) — см. [Русев 2010]. Все они тесно связаны с университетами.

В Крыму Пузанов активно участвовал в природоохранной деятельности. В январе 1918 г. он выступил на III и IV съездах объединенного комитета научных учреждений и обществ Таврической губернии и добился создания комиссии по делам Крымского заповедника. В итоге, 10 марта 1919 г. Совет министров Крымского краевого правительства издал декрет об учреждении Крымского заповедника на месте бывшей царской охоты, в разработке которого принимал участие ученый. 30 июля 1923 г., благодаря усилиям И. И. Пузанова, бывшего председателем природоохранной комиссии Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, и его коллег СНК РСФСР издал Декрет об организации Крымского государственного заповедника и лесной биологической станции. В течение последующего десятилетия Пузанову как главе Крымской межведомственной комиссии по охране природы удавалось отбивать многочисленные атаки на заповедник, однако в конечном счете битва была проиграна. В 1940 г. Пузанов пишет начальнику российского главка по заповедникам В. Н. Макарову: «Для меня трагедия Крымского государственного заповедника одновременно является и личной трагедией <...> [заповедник], получив наконец прочное признание и войдя в сеть государственных заповедников, стал в конце концов саморазлагаться, превращаясь в лесной склад, бойню Союззаготкожи, замороженную лабораторию» (цит. по [Борейко 1998, с. 170]).

Пузанов открыл и описал одно из чудес природы — Большой каньон Крыма. Собранный вместе с коллегами летом 1924 г. материал лег в основу его выступления на заседании географической секции МОИП в Москве. Эта работа пробудила большой интерес к каньону у географов и туристов. С 1924 г. Иван Иванович добивался охраны Большого каньона, но лишь в

1974 г. он стал ландшафтным заказником. В 1920-х гг. Пузанов одним из первых поднял вопрос о создании заповедника Мыс Мартыян — заповедник был создан лишь в 1973 г.

В 1933 г. И. И. Пузанов переехал в г. Горький (до 1932 г. и после 1990 г. Нижний Новгород), где возглавил кафедру зоологии позвоночных в Горьковском университете. Он стал также руководителем областного общества охраны природы и отдела природы областного краеведческого музея. Активно занимался научной и литературной деятельностью. В этот период вышли в свет такие его работы, как книга «Жизнь животных», учебник «Зоогеография», перевод «Тропической природы» А. Уоллеса. В 1938 г. по совокупности научных трудов (без защиты диссертации) ему была присвоена ученая степень доктора биологических наук.

В Горьком Пузанову довелось встретиться со своим бывшим университетским преподавателем Алексеем Дмитриевичем Некрасовым⁸. В 1949 г. в стихотворении, посвященном 75-летию А. Д. Некрасова, Пузанов так вспоминает Московский университет своей юности:

Мы оба общей almae matris дети<,>
И дорог нам Татьянин славный день.
Мы оба свято чтим чертоги эти,
Где Тимирязева витает тень.
Минуло время то (как все на свете),
Когда в фуражке синей набекрень
Я снизу вверх смотрел на вас, ученых,
Сам находясь среди юнцов зеленых.

И. И. Пузанов — не только ученый и педагог, но и писатель. Его перу принадлежат увлекательные популярные книги: «По нехоженому Крыму», «В Швейцарских Альпах», «Между Нилом и Красным морем», «Вокруг Азии», «Большой каньон Крыма».

В последнее время становится все более известным имя Пузанова как поэта. Большую часть своих стихов автор собрал в рукописном сборнике «Талипот»⁹. Одним из любимых его жанров была «пинакопоззия» — стихотворное сопровождение живописных картин (см. стихотворения «Отец и сын» и «Казнь» ниже), а одной из любимых поэтических форм — венок сонетов (см. венки сонетов «Крым» ниже). Крепкая дружба связывала Ивана Ивановича с крымскими поэтами Максимилианом Волошиным и Георгием Шенгели, которым посвящен ряд стихотворений (часть из них также вошла в нашу подборку, например стихотворение «Коктебель», написанное на смерть Волошина). Мастерски владея классическим стихом, Пузанов порой переходит

⁸ А. Д. Некрасов (1874—1960) — зоолог, эмбриолог и историк биологии. В 1900 г. окончил Московский университет; с 1905 г. преподавал в нем. С 1919 г. профессор; с 1928 г. заведующий кафедрой зоологии Нижегородского (затем Горьковского) университета.

⁹ Разновидность цейлонских пальм.

к свободному белому стиху — таково стихотворение «Глаза», вызывающее в памяти страницы Гоголя и Достоевского.

Занимался Пузанов и стихотворными переводами — с английского, французского и немецкого языков. Первые его переводческие работы относятся к 1902 г.; осенью 1904 г. был сделан перевод фрелигратовского «Löwenritt» (в переводе Пузанова — «Царская поездка»); по воспоминаниям самого Пузанова, первоначальная редакция перевода содержала много ошибок. В 1956 г. в т. 13 «Собрания сочинений» Виктора Гюго были опубликованы несколько его переводов; печатались также переводы из Байрона. Ему принадлежит перевод поэтических и критических произведений Шарля Леконт де Лиля, работа осталась неопубликованной, однако в кругу профессиональных переводчиков И. И. Пузанов известен прежде всего именно как переводчик, открывший Леконт де Лиля русскому читателю. (Перевод «Орифических гимнов», уцелевший в архиве И. А. Лихачева, см. ниже.)

Иван Иванович был автором антилысенковских сатирических поэм «Астронавт» и «Трофимиана», разошедшихся в «самиздате». Приведем фрагмент из «Трофимианы»:

Науки нашей участь нелегка:
Вновь возродились средние века,
Алхимики, раздувши горна пламень,
Искали долго «философский камень»,
Чтоб в золото им превращать свинец.
Известен всем исканий их конец!
Два академика — Трофим с Презентом¹⁰ —
Нас удивить хотят экспериментом,
Что с бреднями алхимиков так схож:
Мечтают превратить пшеницу в рожь,
Но их успех едва ль нам пригодится:
Намного ведь дороже ржи пшеница!
Трофим! Натужься и без лишних слов
В коней упрямых преврати ослов!

Поэма попала в архив Лысенко, на титульном листке рукой «народного академика» начертано: «Написано все это в 1954 г. Автор мне неизвестен, я прочел 27.11.1966».

Однако основная борьба велась не на поэтическом, а на научном фронте. В 1954 г. в «Бюллетене Московского общества испытателей природы» была опубликована статья Пузанова «Сальтомутации и метаморфозы» — одна из первых антилысенковских «отповедей», опубликованных в послевоенный период. За борьбу с лысенковщиной Ивана Ивановича подвергли в Одесском университете гонениям: не пускали в заграничные командировки, ущемляли его студентов, изымали из сборников его статьи, «резали» издаваемые книги. «За преклонение перед иностранцами» он даже был вычеркнут из списков на награждение орденом Ленина» [Русев 2010].

¹⁰ Академик И. И. Презент — соратник академика Т. Д. Лысенко.

Пузанов одним из первых в стране, с 1953 года, читал студентам Одесского университета курс по охране природы, организовал первую студенческую природоохранную дружину на Украине [Борейко 1998, с. 180].

Свое последнее лето ученый провел в любимом Крыму, в Симеизе. Он выступил в Ялтинском отделении Общества охраны природы с рассказом о крымском заповеднике, высказал свои соображения о проблемах облесения яйлы, об охране уникальной крымской природы. К осени прогрессирующее тяжелое заболевание резко обострилось. 22 января 1971 г. его не стало. Похоронен в Одессе, на 2-м Христианском кладбище.

И. И. Пузанов был женат на Евгении Николаевне, урожденной Галицкой (1889—1968), с которой прожил более полувека. Старший сын Борис (1919—2007) выбрал морскую карьеру, старшим механиком грузовых и пассажирских судов Черноморского пароходства обошел почти все крупные порты мира, но, как и его отец, сохранил верность Крыму, считая его красивейшим местом на земле. Сын Бориса Ивановича Владимир и внуки проживают в Одессе. Младший сын Сергей (р. 1926) до последнего времени также ежегодно навещал Крым. Сергей Иванович был военным топографом, после выхода в отставку преподавал в Львовском политехническом институте. Внук и правнук И. И. Пузанова, Александр Сергеевич и Кирилл Александрович, продолжили связь с Московским университетом — оба окончили географический факультет.

Именем Ивана Ивановича Пузанова назван мыс на восточном побережье курьельского острова Кунашир.

Приводимые ниже стихи и переводы из Леконт де Лиля публикуются впервые¹¹, по материалам архива семьи Пузановых. Составители книги выражают глубокую признательность семье И. И. Пузанова, сыну Сергею Ивановичу и его супруге Наталии Николаевне, внуку Александру Сергеевичу и его супруге Татьяне Алексеевне Пузановым, за неоценимую помощь в работе над биографией И. И. Пузанова и за предоставление его рукописей.

Н. Т. Тарумова

Основные источники: архив семьи Пузановых (включая рукопись: И. И. Пузанов. Мемуары. Великие потрясения в старом университете. Начало бурного 1905 года. (1904-1905 гг.), т. 6), ЦИАМ; [Анучин 1913; Базалий 1999; Борейко 1998; Говор, Новикова 1989; Драголи 1974; Павловский 1958, с. 120–121; Петрова 2006; Полканов 1999; Пузанов (Некролог); Русев 2010; Ученые Одессы 1985; Пузанов И. И. // БСЭ. 3-е изд., 1975, т. 21, с. 217–218]. Фото И. И. Пузанова: ок. 1904, ЦИАМ, публикуется впервые.

И. И. Пузанов в лаборатории Н. Ю. Зографа. 1908 г. Фотография из архива семьи Пузановых. Публикуется впервые

¹¹ Не считая публикаций в Интернете, в частности на нашем сайте www.roeisis.ru, где стихи И. И. Пузанова приведены по рукописям из архива семьи друга Пузанова Ю. К. Ефремова.

ПОЭТУ

1.

Должен, поэт, ты, из мыслей заветных задумав поэму,
Серую прозой сперва вылепить в глине ее.
После из мрамора ямбов иссесть ту поэму по мерке
И терпеливым резцом править в ней стих за стихом.

1940

2.

Рукоплесканья толпы не имеют цены для поэта:
Лишь знатока похвалу должен ценить ты, поэт.

1931

3.

Также и хладность презри к откровеньям изысканной Музы;
Слышать не всем ведь дано музыку в шуме ручья.

1940

ПОЭТ И МУЗА

(Подражание Г. Шенгели — «Норд»¹²)

Я черен и небрит. По городам хожу
В одежде кожаной, нетленной.
И сквозь очки свои я круглые гляжу
На мир с улыбкою надменной.
Поэта лиру я сложил пока в портфель:
Сейчас — профессор я педвуза.
Достаточно скучна мне эта канитель,
Но ты со мной, мартышка-Муза.
Со мною, милый друг, обходишь ты весь свет,
Зимой дрожа в шубейке зябкой,
«Намеренно-простой люблю твой туалет»,
«Запаянный браслет» на лапке.
С головкой стриженной, с цыгаркою в зубах
Нигде меня ты не бросаешь,

И только въедем в дом, тотчас же на стенах
Иконостас свой размещаешь.
Портретиками ты и всем своим старьем
Так любишь украшать каморку,
И вот с тобою мы работаем вдвоем,
Чтоб заработать хлеба корку.
На ремингтоне ты стучишь все пьеску «Дым»
(Ее возьмет театр московский),
Читаю в вузе я ученикам своим,
Как мир дурачит Маяковский.
Мальчишкам нипочем обидеть больно нас:
Тогда с подошв мы пыль стряхаем,
И взявши Дашу, пса, весь твой иконостас,
Коварный город покидаем.
Осесь бы крепко... — вновь настроить лиру нам!
Но кто ж теперь за песни платит?
И вот с тобою мы опять по городам
Идем, покуда силы хватит.

19.XI 1928

КОСТЕР

Когда в лесу глухом ночуешь у костра,
Что так приветливо трещит порой ночью,
И прогорев в конец, становится золою
Студеною порой румяного утра, —

Тогда, о путник, встав и уходя с привала,
Ты не забудь залить старательно угли
И сверху набросать еще сырой земли,
Чтоб пламя, притеснясь, вдруг снова не восстало.

Чтоб сохранившийся в углях незримый жар
В час неурочный вдруг не вспыхнул бурно снова
И чтоб в глухом лесу в порывах ветра злого
Не заревел как зверь губительный пожар.

¹² Книга стихов Г. Шенгели «Норд» вышла в 1927 г.

Так точно и с душой, беспечный человек!
 Когда в груди твоей костер затухнет страсти,
 Не мни, что из ее совсем ты вышел власти
 И что свободен стал ты от нее навек.

Неутоленная, заглохшая любовь
 В золе души подчас незримо оставляет
 Коварно скрытый уголь, и иногда бывает,
 Что стихнувший костер вдруг пламенеет вновь.

О, как ревет в лесу голодный ураган,
 Как разрастается огонь, восстав из пепла!
 Сжигает сердце страсть, что снова в ней окрепла.
 Губителен любви проснувшийся вулкан...

19.X 1929. Москва

НАЕДИНЕ С МОРЕМ

Максу Волошину

В бескрайности зыбей, один, вдали от света,
 Где Небо надо мной вздымало лишь чертог,
 Так близко даже там я лицезреть не мог
 Твой, Море, грозный лик, как показало мне ты

Наедине с собой, в ночи, в Дому Поэта.
 Все спало. Сонмы туч затмили лунный рог,
 И вот — не раз меня будил огромный вздох,
 И просыпался я, шепча: «Где я? Кто это?»

Но фолиантов ряд рукой нащупав вокруг
 И вещей мертвый Лик во тьме узнавши вдруг,
 Где я и как попал, все вспоминал я вскоре.

Я знал, Кто дышит так в отворенную дверь,
 Кто, Страшный, рядом спит, как утомленный зверь,
 И засыпая вновь, шептал я: «Это — Море».

14.IX 1931. Симферополь

КОКТЕБЕЛЬ НА СМЕРТЬ М. ВОЛОШИНА

Все тот же дико-зубчатый хребет
 Замкнул стекло сапфира залива.
 На выжженных холмах — полыней грива,
 Пахуч тимьян и ярк солнца свет.

Сойди на берег — Дом, где жил Поэт,
 Иные дни напоминает живо.
 Войди: тебе из ниши молчаливо
 Лик белой Таиах пошлет привет.

Все на местах, но — смолкли дифирамбы.
 Певец ушел, свободный от оков...
 Как жуток стал осиротелый кров,

Как траурны акаций пыльных штамбы!
 Ушел певец, но в рокоте валов
 Не замолчат торжественные ямбы.

X 1932

МОГИЛА ПОЭТА

На берегу Киммерии спаленной,
 У края солонцов, глухих пустынь —
 Есть холм крутой, высоко вознесенный,
 За тем холмом безгранна моря синь.

Там спит Поэт, друзьями погребенный.
 Поднявшись, взор свой на могилу кинь:
 Над ней — как храм, шатер небес бездонный,
 Чебрец ее украсил и польнь.

Внизу на побережье, в Коктебеле,
 Творил Поэт, стремясь к высокой цели,
 И там же смертный свой обрел конец.

Но в памяти грядущих поколений
Он будет жить. Преклоним же колени:
Здесь праведник покоится. Мудрец.

15.IX 1946. Карадаг

КРЫМ

Венок сонетов

1.

Равнина, необъятная для взгляда...
Полынь, бурьян, желтеющий кострец,
Бесплодность, серость из конца в конец,
На Сиваше — галдящих птиц громада.

Застыл Сиваш в стеклянном пекле ада,
Полынь благоухает и чебрец,
Потрескался от зноя солонец.
Где ты, украинских лугов отрада?

Сверкает розовая соль как снег,
Стогами сложена на топкий брег,
Коней косяк пасется в суходоле —

Невзрачен вид их, но как ветра шаг,
Как дикий скиф, несусь верхом по полю, —
Степных просторов беспределен взмах.

2.

Степных просторов беспределен взмах,
Струится даль в волнах фата-морганы,
Устало веют ковыля султаны,
Невесть куда бежит широкий шлях<,>

Томятся пустельги на проводах,
Большой орел срывается с кургана,
Кузнечики стрекочут неустанно,
Пылает степь, как пламенный очаг.

Покинул овражек¹³ свой пост дозорный,
И журавлей замолкнули валторны...
Навис над степью едкий серый прах,

Туманя даль, степные травы кроя,
И замерли под ним, томясь от зноя,
Ковыль, чебрец, полынь на солонцах.

3.

Ковыль, чебрец, полынь на солонцах,
Столбы бегут томительно-тоскливо...
Но вот — ставок. Над ним склонились ивы,
Грачи о чем-то спорят в их ветвях.

Тучнее почва. Бесконечный шлях
Идёт сплошной, волнуемой нивой,
В лазури жаворонков переливы
Трепещут на серебряных крылах.

Салгира бег маячит тополями,
Стон песни ветер носит над полями,
Громадит на полях крестьянский люд.

Тяжел их труд — заслужена награда.
Пасется на околице верблюдов,
Вдали овец разбросанное стадо.

4.

Вдали овец разбросанное стадо
Лениво щиплет высохший типчак.
Расставив крылья, сторожит ветряк
Полдневный отдых мирного посада.

Заманчива привала здесь услада:
Шлет ароматный синий дым кизяк,
Гостеприимно-простоват степняк,
Лицом скуласт, приземистого склада.

¹³ Суслик.

Кто родом он? Бог знает!.. Для хазар,
Славян, монголов, скифов и татар
Был Перекоп — ничтожная преграда:

За век свой долгий всех видала степь...
Кричит петух. Скрипит колодца цепь
За кущами раскидистого сада.

5.

За кущами раскидистого сада,
Когда спадет немного полдня жар,
Плетется по степи обоз мажар
Под города базарные аркады.

Гудит разноязычная громада
Эстонцев, немцев, русских и татар.
Обилен и велик кипит базар —
В нем слышен гул далекого Царьграда.

И верно, помнит древний минарет
Далекий сон Гиреевых побед,
Могущество и плен Бахчисарая.

Но власть царей и ханов пала в прах...
Вдали, на перевалах утопая,
Туманов слой ложится на горах...

6.

Туманов слой ложится на горах,
Полны предгорья сладостного мира,
На берегах веселого Салгира
Богатый зреет урожай в садах.

Алеет маками крутой овраг,
Стрижи мелькают в синеве эфира,
В обрывах скал их гнезд чернеют дыры,
Пустынно в белых меловых скалах.

Отвесы их иссечены, как соты:
Здесь в старину, как птицы, жили готы, —
Когда орда свой утверждала стяг,

Ища приюта от набегов бранных.
Над цепью гор, сиренево-туманных,
Вершину взнес владыка-Чатырдаг.

7.

Вершину взнес владыка-Чатырдаг:
Отвесны скал обрывы и фронтоны,
Утесов громоздятся бастионы,
Чтоб осыпями развалиться в прах.

Окрестных гор велик и смел размах:
Их толщу перерезали каньоны,
Глухие пропасти темны, бездонны,
Подшвы тонут в вековых лесах.

Гудит в лесу высоких сосен хвоя...
От слепней въедливых ища покоя,
В глубокий яр скрывается олень,

В орешнике косуль пасется стадо, —
Люба им чащи благодатная сонь,
В ущельях мрак лесов и вод прохлады.

8.

В ущельях мрак лесов и вод прохлады,
И дыш<и>т сыростью грибная прель.
Покрыла скалы мхов зеленых цвель,
Напоенная брызгами каскада.

Как храм Природы буков колоннада...
Смолкает Пана сладкая свирель:
И пеночки рассыпчатая трель,
И зяблика нехитрая рулада.

Как тихо! Вот вдали сломался сук,
В ветвях чуть слышен робкий дятла стук,
Таинственен в вершинах ветра рокот...

Прогалина светлеет под скалой,
В поднебесье гортанный слышен хлопок, —
Орлы парят над выжженной Яйлой.

9.

Орлы парят над выжженной Яйлой;
Хаосом каменным поверглись скалы,
Безжизненны известняков оскалы,
Слепит глаза хрустально-резкий зной.

Прохладен ветер, горный и степной,
Горбами желтыми бегут увалы,
Как кратеры луны, лежат провалы,
Поросшие потоптанной травой.

Там, под скалой, синеет дым кошары,
По склонам выжженным — овец отары, —
Их стережет овчарок чуткий вой.

Чабан уснул в безделии ленивом.
Зияет пропасть за крутым обрывом,
Внизу аул мостится под скалой.

10.

Внизу аул мостится под скалой:
Как ласточкины гнезда под застрехой
Лепятся сакли. Под шатром ореха
Семья сидит за жирной шаурмой.

К студеному фонтану, за водой
Собрались девы. Слышны всплески смеха...
Кувшины медные набрав без спеха,
Колебля стан, бредут они домой.

Татарки юной профиль генуэзский,
Турецкие в ушах ее подвески
Так много говорят о старине,

О гибели культур, племен раздоре...
Внизу все дремлет в знойной тишине,
В парадном кипарисовом уборе.

11.

В парадном кипарисовом уборе
Дворцов и вилл внизу белеет ряд,
По склонам наливаются мускат,
И приторный инжир созреет вскоре.

Сияет солнце в пламенном просторе,
Стоит в ушах немолчный треск цикад,
Льет можжевельник терпкий аромат,
Смолистым ветром жарко пышет взгорье.

Над сосняками светлыми навис
Обрывистый крутой Яйлы карниз.
Легко дышать под небом вечно-чистым!

Под ним недуги тают — точно дым.
В уборе парков празднично-тенистом
Сбегает Южный Брег, Яйлой храним.

12.

Сбегает Южный Брег, Яйлой храним...
С Яйлинских скал сорвавшиеся грифы
Задумчиво чертят иероглифы
И исчезают в синеве над ним...

Но призрак прошлого — неизгладим;
Всплывают древности седые мифы...
Из тяжких плит не здесь ли клали скифы
Ряды гробниц воителям своим?

Здесь Ифигения жила у тавров,
Здесь жертвы кровь лилась под сенью лавров,
Здесь дух Эллады издревле витал

И жив поднесь в покрытой мхом амфоре.
Тавриды здесь предел. За гранью скал
Щитом Ахилловым восстало море.

13.

Щитом Ахилловым восстало море, —
Серебряной броней блестит волна,
Сапфиром отливает глубина,
Прибой шумит у скал в слепом напоре,

Но стойки скалы в вековечном споре:
В закрытой бухте — мир и тишина.
Вода прозрачна как стекло. У дна
Креветок стая скачет в филлофоре.

На пляже знойным солнцем осиян
Торс женщины нагой. Целебно прян
Намытых водорослей запах йодный.

Ряд облаков в эфире недвижим.
Шлет легкий бриз простор великий водный,
Объемля осиянный солнцем Крым.

14.

Объемля осиянный солнцем Крым,
Великий Понт катит куда-то волны,
Вздывает ветер их, сырой и солный,
И вдаль несется, прям, неотвратим.

Но белой чайки лёт неутомим,
Белеет парус шхуны, ветра полный;
Вдали рыбацкие застыли челны,
И пароход пускает черный дым.

Мелькает меж валов плавник дельфиний.
Огромен щит воды, глубоко-синий.
Когда-то, покоривши Геллеспонт,

По нем плыла язонова армада,
И все катил валы великий Понт —
Равнина, необъятная для взгляда.

15.

Равнина, необъятная для взгляда,
Степных просторов беспределен взмах.
Ковыль, чебрец, полынь на солонцах,
Вдали — овец рассыпанное стадо.

За кущами раскидистого сада
Туманов слой ложится на горах,
Вершину взнес владыка-Чатырдаг,
В ущельях мрак лесов и вод прохлады.

Орлы парят над выжженной Яйлой,
Внизу — аул мостится под скалой;
В парадном кипарисовом уборе

Сбегает Южный Брег, Яйлой храним;
Щитом Ахилловым восстало море,
Объемля осиянный солнцем Крым...

17.I 1932. Симферополь

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

.....

За век короткий свой влюбляясь много раз
Во многих жен и дев, и юных и прекрасных,
Ревнуя и томясь, сходясь и расходясь,
Среди объятий их и ласок страстных,

Как часто все же мы забыть не можем той,
С которой лучшие мы годы пережили,
С которой путь любви мы начинали свой,
И радости, и горе с кем делили.

И, подходя к концу житейского пути,
Пресытясь, утомясь изменами и страстью,
У очага Ее мечтаем мы найти
Безоблачный покой, уют и счастье...

Вот так и я, мой Крым! Пройдя немало стран,
Обильных через край, прекрасных и могучих,
Я так теперь хочу разбить последний стан
У берегов твоих, на голых кручах!

И ты мне мил до слез, хоть вижу я вокруг
Пожарища лесов, дворцов и сел руины, —
Не так ли на челе избранной из подруг
Не замечаем мы его морщины...

*30.VIII 1937. Скорый поезд № 18.
Перегон Лозовая — Харьков*

ЛЕДОСТАВ

Пустынно у забытого причала
Закончивши последний свой поход,
Идет в затон бродяга-пароход —
И как-то сразу вдруг зима настала.
Плывут куски разбросанные сала,
Спекаясь в тонкий, ненадежный лед.
С ним долго борется упорство вод,
Но вот река задумалась — и стала.
Стучит-работает кузнец-Мороз
И, громоздя торосы на торос,
Клепает их солидно и надолго.
Суровость голых ледяных оков
Смягчит, укроет пуховой покров,
Тяжелым сном заснет, застынет Волга.

20.XI 1935. Горький

МАСКИ

В конце жизни бывает совершенно то же,
что в конце маскарада, когда маски снимают.
Шопенгауэр «Parerga und Paralipomena»

За полночь. Окончен шальной маскарад,
Уж свечи, чадя, догорают.
Снимают все гости свой пестрый наряд
И маски, и маски снимают.

Мишурных иллюзий развеялся дым:
Мефисто, блестящий и едкий,
Без маски стал вновь репортером плохим
Продажной бульварной газетки.

Гвоздь вечера — в локонах блондовых Паж,
Что вальс танцевал с Королевой,
Вновь стал парикмахером лысым, она ж —
Модисткой, увядшею девой.

С высоких ходуль соскочив, Великан
Стал маленьким карлой горбатым,
А Нищий, лохмотья сложив в чемодан,
Уходит купчиной богатым.

Так Старость, развеяв в закатный наш час
Иллюзии жизненной сказки,
Подводит итоги, и все видят нас
Таковыми, как есть мы, без маски.

Не то, чем мы в жизни казаться хотим,
Не юности гордой фантомы, —
А то, что на деле мы людям дадим, —
Под старость покажем им, — кто мы.

21.IX 1935. Горький

ПОЗДНИЕ ВСТРЕЧИ

И. Е. С.

Когда расстался ты с желанной, но запретной,
 С трудом лишь загасив в груди пожар любви,
 Столкнуться с милой вновь живи мечтой заветной,
 Но через много лет с ней встречи не лови.
 Знай: лучше яркое в душе воспоминанье,
 Свиданий в будущем манящая мечта,
 Чем встреча с женщиной чужою, и сознание
 Что ты для ней — давно-давно уж пустота.

6.IX 1939

СТУДИЯ ИМЕНИ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН

Вере Головиной

Хоть классик я — мои не тешит взоры
 Прославленный классический балет:
 Изящен балерины пируэт —
 И все ж не в нем наследье Терпсихоры.

Мусийские божественные хоры
 Людьми забыты многи сотни лет,
 Но в наш суровый век их Мусагет
 Вновь возродил в искусстве Айседоры.

Она ушла... но сонмы верных дев
 Ее хранят прекрасные заветы:
 В хитоны лишь воздушные одеты

И смело обувь тесную презрев,
 Они скользят, как резвые дриады,
 И в плясках их бессмертен дух Элады.

8.XII 1940

ШУМА

Слепит глаза Тавриды полдень яркий,
 Доносит ветер жесткий треск цикад,
 Шоссе змеится среди нагих громад,
 Как печь, пылает склонов шифер жаркий.

Уже видны внизу курортов парки,
 Вот и село — его я видеть рад:
 Войною пощажённые, стоят
 Знакомые сады, дома, хибарки.

Но — все молчит. Куда ж исчез народ?
 Лишь радио забытое орет...
 Как мертвые глаза, ряды окошек

На улиц запустение глядят.
 Оставленных голодных псов и кошек
 Красноречив приговоренный взгляд.

1944—45

ГЛАЗА

В водоворот безумный вовлеченный
 Московских улиц, я вскочил в автобус
 И сел на первое сиденье, у окна.
 Покачиваясь плавно на пружинах
 Сиденья комфортабельной машины,
 Смотрел вперед я равнодушным оком.
 Навстречу мне сумбурный хаос неся
 Московских улиц: мчались троллейбусы,
 Грузовики, грохочущие страшно,
 Приземистые «ЗИСы» и «Победы»
 (В них — жирные затылки бюрократов),
 Малолитражные ничтожества — «Москвички»,
 Мотоциклисты, страшные как звери,
 В собачьих куртках, кожаных ушанках.
 Порой с отчаяньем сквозь жуткий хаос
 Рысцою пешеход перебирался,

Рискуя поминутно жизнью. Важно
 На перекрестках шумных возвышались
 Симфонии той адской дирижеры —
 Как автоматы, клобом милицейским
 То останавливая наш поток безумный,
 Чтоб пропустить другой, то снова жестом
 Заученным давая нам дорогу.
 На паутине медной нависала
 Над суетой кипящих улиц — СМЕРТЬ,
 Грозя огнем многовольтовых молний.
 О, СМЕРТЬ смотрела тысячами глаз
 Из-под колес трехтонок ошалелых,
 Сигналами мигала перекрестков,
 Гудками выла озверелых ЗИСов,
 Трамвайными звонками дребезжала,
 Ревела хриплым рыком мегафонов,
 Свистками милицейскими сверкала,
 Дышала смрадом газов выхлопных
 (Утилизированным так «экономно»
 В немецких всем известных «душегубках».)
 Поток ревуций несся в берегах
 Домов обмызганных и небоскребов,
 Что как грибы в послевоенный век
 Росли велением мегаломанов¹⁴.
 И вот в мельканье киноленты улиц
 Мой взгляд поймал взгляд чьих-то серых глаз,
 Смотревших на меня — так мне казалось!
 На самом деле, серые глаза
 Водителя автобуса смотрели
 Вперед, на путь, что нам навстречу несся.
 Но взгляд их был обратно отражен
 Наклонным зеркальцем в кабине тесной,
 Чтоб видеть СМЕРТЬ, крадущуюся сзади.
 О, сколько было в серых тех глазах
 (Слезящихся, усталых, воспаленных)
Покорности Судьбе неотвратимой,
 Сознания ОБРЕЧЕННОСТИ своей!

¹⁴ Мегаломаны — архитекторы во Франции 2-й половины XVIII в., представлявшие на ежегодные конкурсы Парижской Академии архитектуры заведомо невыполнимые проекты гигантских общественных сооружений.

Ведь каждый Божий день, подобно белке,
 Крутится в колесе Москвы безумной,
 Вода автобус от Заставы к Центру,
 Привычно-стойким напряженьем нервов
 Сквозь улиц лабиринты пробираясь.
 Взгляд говорил, что опытен водитель:
 Он не направлен был вперед недвижно,
 А колебался в стороны немного.
 Водитель обходил препятствий рифы
 Предельно четко, быстро, как машина —
 Гудком сигнала путь освобождая,
 Иль тормозя слегка машины ход,
 Иль чуть заметным «бублика» движеньем
 Свой курс прямой немного отклоняя.
 Все, воспритое тем взглядом, в миг
 Реакцией ответной претворялось
 В движенье четкое, как в механизме.
 И не был суетлив тот взгляд — напротив!
 Спокоен был вполне он, и — покорен!
 Да! я прочел в глазах приговоренность.
 О, знали те глаза, что неизбежность
 Возьмет свое, и ЭТО совершится.
 Ведь лет — немало. Ослабеют нервы,
 Рефлексов трудовых исчезнет четкость:
 Старуха глупая, что зазевалась,
 На колокольню дальнюю крестясь,
 Когда-нибудь метнется под колеса,
 Иль велосипедист, юнец беспечный,
 Не сможет выскочить из толчеи
 Мальстрема страшного на перекрестке;
 Или шофер-лихач из переуллка
 Трехтонкой хватит в автобус с размаха,
 И — катастрофа! Лязг и крик, и стон,
 Свисток неумолимый милицейский,
 И протокол, и суд, и увольнение!

 Жена больная, дети... Колесо

Бесслезных рейсов от Заставы к Центру
Покажется утраченным Эдемом.

.....
Но вот, глаза, моргнув подслеповато,
Налево, к тротуару отклонились.
Автобус ход замедлил. Остановка —
И пассажиры стали выходить,
Поднялся тут и я — но не поймал
Я на прощанье глаз покорных взгляда!
Их веки воспаленные прикрыли,
Чтоб дать хоть несколько секунд — покоя!

1.IV 1950

ОТЕЦ И СЫН

I

.....

Взрыв гнева царского был страшен и жесток —
Червь подозрения грыз сердце властелина,
И он обрушился на сына как лавина:
«И ты против меня с боярами, щенок?»

Так на же, получай!» И костью в висок
Царь Грозный поразил в сердцах родного сына.
Со стоном, весь в крови, царевич пал безвинно.
Гнев царский вмиг остыл: «Иванушка, сынок!»

Что сделал я, злодей? Лишил себя опоры...
Иванушка, очнись! Ведь Федор — пономарь!»
Но тщетно сына кровь унять стремится царь,

И иступленные его провидят взоры
Все беды, что на Русь смиренную грядут:
И междуцарствие, и пламя страшных смут...

11.III 1951. Одесса

II

.....

Отец — огромный, грузный и могучий —
Едва сдержав свой ярости порыв,
Листок дознанья на пол уронив,
Сидит, глядя на сына туча-тучей.

В сознании скорой смерти неминучей
Опальный сын стоит пред ним, чуть жив.
Глаза упрямо книзу опустил,
Не склонен длить он диалог тягучий.

«Итак, про бунт в войсках ты знал давно —
Удайся он, ты б стал главой восстанья?
Что скажешь мне в свое ты оправданье?»

Что ж ты молчишь? А впрочем, решено:
Прочь гнойный член, чтобы спасти все тело!
На карте ведь всей трудной жизни дело».

15.I 1951. Одесса

КАЗНЬ

.....

Поутру над Москвой плывет зловеющий гуд —
Василия призыв щемящий, погребальный.
У места Лобного скрипит обоз печальный:
Мятежников-стрельцов на казнь везут, везут...

Молчанье мрачное бородачи блюдут,
Чадят огни их свеч — огни Руси опальной;
Голосят жены их, дав поцелуй прощальный, —
То Русь исконная пришла на царский суд.

Воздвигнут висок ряд перед Кремля стенами,
Преображенцев строй смирить врага готов.
Царь-Плотник на коне предстал перед рядами;

Его горящий взор безжалостно-суров,
И он готов рубить, как бревна в Саардаме,
На плахе головы дубовые стрельцов.

1.V 1951

АГАСФЕР

Я — Агасфер... Как Вечный жид, брожу
Я по земле, уйдя в воспоминанья,
И среди людей давно не нахожу
Себе попутчика в своем скитанье...
Как Агасфер, я пережил свой век,
Что отшумел давно, и невозвратно
Сменилось все... Иным стал человек,
И речь людей порой мне непонятна.
Бреду один как перст... ведь все друзья
И родичи мои давно отстали,
Дорога не под силу им моя:
Тот — одряхлел, а те — поумирали.
Средь молодых я — как столетний дуб,
Мне не нужны любовь их, песни, пляски.
Зачем тому, отмечен кто на сруб,
Обвившейся лианы юной ласки.
Бреду я с посохом, взметая пыль,
Что людям новым как-то непонятно.
Порой, затормозив автомобиль,
Мне улыбнется кто-нибудь приятно
И пригласит любезно «подвезти»,
«Спасибо, друг», — ему я отвечаю.
Недолго мне осталось брести —
Уж как-нибудь пешком дошкандыбаю.

1.VIII 1949. Симеиз

ОДИНОЧЕСТВО СТАРОСТИ

Un sarcophage chrétien des catacombes de Rome porte une formule
d'imprécation dont j'ai appris à comprendre le sens terrible:
«Si quelque impie viole cette sépulture, qu'il meure les dernier des siens!»
A. France «Le crime de Sylvestre Bonnard»

Бродя по катакомбам тёмным Рима,
Читал я надписи надгробных древних плит;
Смысл подписи одной неотразимо
Меня привлёк и мною не забыт:
«Пусть тот, кто дерзновенною рукою
Нарушит святость саркофагов¹⁵ сих, —
Остаток дней не обретёт покоя
И пусть умрёт последним из своих!»
Кто слишком долго жил и постепенно
Утратил близких всех, кого любил,
Бродя, один как перст, среди их могил —
Лишь тот поймёт тех слов смысл сокровенный!

4.IX 1958. Симеиз

ЗАВЕЩАНИЕ

Изгнанникам Крыма посвящаю

Одолеем зависть или злоба —
Я судьбы не изберу другой:
Умирать, так умирать с тобой
Иль, как Лазарь, встать из гроба!
М. Волошин

Не скифа ль дух во мне ожил,
Чьи кости уж давно истлели
В одной из каменных могил
Кикенеиза или Скели?

Так бесконечно мне родна
В час малодушья и обиды
Покинутая мной страна —
Пенорожденная Таврида!

¹⁵ Поверх слова *саркофагов* рукою автора *погребений*.

Край солнца, моря, скал и сосен,
Край тучных нив и сладких лоз,
Зеленых зим, цветущих весен,
Край воплощенных детских грез.

Как жадно слушал я мальчишкой
Рассказы матери про Крым,
К богатствам приобщив своим
Морской гольш с кедровой шишкой.

Когда же первый раз ступил
Я на перрон Бахчисарая —
Как несказанно счастлив был
Я, воздух сладостный впивая!

А мой восторг, когда сквозь гром
Предсевастопольских тоннелей
Сверкнуло море серебром
В одном из меловых ущелий!

Как жадно бросился к нему
Я в Херсонесе, чтоб измерить
Его простор и чтоб проверить
Воды соленость самому!

А первый взгляд с Байдар обрыва!
Сейчас я вижу наяву
Запечатленную так живо
Сверкающую синеву.

А этот вечер благодатный,
Поездки сказочной конец,
Когда предстал в заре закатной
Ай-Петри зубчатый венец!

В Алупку въезд. Поверх базара
Отбросил черный силуэт
На фон закатного пожара
Мечети стройный минарет.

Над ним торжественно высоко
Блестяще-юный лунный серп —
Магометанского Востока
Традиционно яркий герб.

Под рев стамбульского органа
Галдеж, татар и турок речь,
И запах кофе, остро пряный,
И бубликами пышет печь.

В чужой ли край в тот вечер летний
Меня ввела судьба моя,
Или чрез тысячелетья
В край прадедов вернулся я?

Блаженно было бесконечно
То лето — первое в Крыму,
Когда носился я беспечно
В хаосе, в парке. Одному

Хотелось быть, чтоб пить запоем
Дыханье моря, солнца блеск,
В полуденном чтоб слушать зное
Цикад осатанелых треск.

Под сенью воронцовских пиний
Валяться с книжкой. Обонять
Под аркой розовых глициний
Их аромат, а там опять

К морскому берегу спускаться,
На солнце греться и купаться.
Смирная первый детский страх,
В ладье нестись на парусах

И у фелложного затона
Влюбляться в рыбака Антона,
Пред тем влюбившись в целый мир,
Под вечер пить густой кефир,

И возвратившись ночью звездной,
Уснуть и грезить сладкий сон:
Прогулка по морю... Антон...
А за окном — крик сплюшки поздней.

Тех дней, тех снов уж не вернуть,
Как младости... О, если это
Счастливое, как в сказке, лето
И отличалось чем-нибудь

От светлого блаженства рая,
То тем лишь, что порой, вздыхая,
Я вспоминал, что и оно
Когда-то кончиться должно,
Как в мире все, что начиналось!
.....
А сколько знойных лет за ним,
А там и осеней, и зим
За треть столетия промчалось!..

Как я узнал тебя, мой край, —
Узнал на Яйлинских вершинах
В потоках, рвущих через край,
В твоих торжественных руинах!

В степях полынных в летний зной
Узнал, сгорая лютой жаждой,
В сугробах вьюжною зимой,
Бродя по пояс не однажды.

Узнал в неистовстве штормов,
Ревущих грозно в такелаже,
В гексаметрах пустынных пляжей,
В прибойном грохоте валов.

Узнал в беспечном изобилье
Годов, далеких, словно сон,
И в голоде, в крови, насилье
Гражданской распри злых времен.

Рука судьбы неотвратима,
Пути ее для нас темны:
Покинул я пределы Крыма,
Как многие его сыны.

Изгнанникам иные страны
Работу дали и приют,
Но сердца не залечат раны,
Тоски душевной не уймут.

Есть много стран, где изобильней
Поля, где зеленой леса...
Тавриды вечная краса
В сердцах у нас царит всесильно.

Ее забыть — кому? Не мне ль?
Но с нею треть я прожил века,
Любил-родил-творил... Вот цель,
Вот путь извечный человека.

Здесь я недавно только взял
Высокий жизни перевал.
Могу ль забыть, катясь под гору,
Я жизни действенную пору?

Тому покоя в мире нет,
Чьи крымским ядом страждут вены,
Он жжет в отплату за измену.
Увы! Я преступил завет

Отшельника из Коктебеля:
До часа смертного в постели
Неколебим остался он.
Я ж на скитанья осужден.

Но, как еврей старозаветный
Весь век живет мечтой заветной,
Несбыточный лелея сон —
Под старость лет узреть Сион, —

Так я мечтаю возвратиться
 На склоне лет в далекий Крым,
 Вдохнуть отчизны сладкий дым
 И в старой сакле поселиться,

Остаток дней своих прожить
 Под неизменно-ясным небом
 И, свой костяк, прогретый Фебом,
 В дольмене еще раз сложить.

А если ранняя кончина
 Меня застигнет где-нибудь, —
 Хочу недолго лишь вздремнуть
 В сырой могиле на чужбине:

Пускай в Тавриду отвезут
 Мой бедный прах, сухие кости,
 И все ж в дольмене погребут
 На циклопическом погосте...

24.VI.1934 г.
 Горький

ПЕРЕВОДЫ

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Я жив, я мертв. Тону, глаза открыв широко,
 Как бы в агонии, но взгляд недвижим мой.
 Не вижу ничего в пучине я глубокой.

Я бледен, недвижим. Сквозь коридор глухой
 Все ниже падаю я каждое мгновенье
 Туда, где Чернота, Безмолвие, Покой...

Я вижу сны, но нет ни дум, ни ощущение.
 Был молод я иль стар? Когда я жил и как?
 Любовь и свет, где вы?... Я — труп и привиденье.

Тони, кружись скорей! Во взорах — черный мрак,
 Забвенья тьма тебя объемлет непрестанно...
 О хоть бы сон! Но нет, я — мертв. Пусть будет так.

Но этот призрак, крик, чудовищная рана?
 Должно быть, я давно все это испытал!
 О дай, Небытие, покой мне долгожданный!

Я вспомнил: сердце мне там кто-то растерзал...

ОРФИЧЕСКИЕ ГИМНЫ

1. АРОМАТ НИМФ (БЛАГОУХАНИЯ)

О Нимфы! Дочери реки великой, вечной,
 Что катит вкруг Земли поток свой быстротечный,
 О Девы, чьи тела белеют в тростниках!
 Вас будят песни птиц в Аврориных лучах,
 Вы отдыхаете в глуби ручьев студеной,
 Сокрытые от стрел Полудня золоченой,
 Царицы недр лесных и Гении дубов!
 Вы, что на высях гор живете среди снегов
 И чуть касаетесь ступней концами нежных
 Сверкающих вершин престолов белоснежных.
 Вы — шорохи лесов и лепет чистых вод!
 С цветка вас на цветок шалун Зефир несет,
 А вы из глаз своих сверкающих, лучистых
 Роняете в листву росинок жемчуг чистых.
 Вы, чьими смехами всегда исполнен зов
 Свирили сладостной веселых пастухов,
 Краса и радость гор, вод чистых порождения,
 Примите мой привет, о дивные виденья!

2. АРОМАТ ГЕЛИЯ — АПОЛЛОНА (ГЕЛИОТРОП)

Лучистой красоты исток перворожденный,
 Титан, дающий свет, о Лучник непреклонный,

Убив Пифона, нас от гибели кто спас —
 Услышь нас и спаси, Лазури ясный глаз!
 Царь всех племен, веков чреды неустойчивой,
 По огненным путям гонец неутомимый,
 Что радостен, в венце кудрей своих златых,
 С Востока, до холмов Эллады, нам родных,
 Покинув Горизонт, где розов свет Авроры,
 Будя леса, моря, селения и горы,
 Своих коней лихих упряжку гордо мчишь
 И шаг за шагом высь небес достигь спешишь.
 Достигнувши вершин в стремлении высоком,
 На мир зрираешь ты своим державным оком,
 Светлейший из богов, в чьих венах ихор¹⁶, кровь,
 Услышь нас, Кифаред, и озари нас вновь!
 Муз дивных девяти любовник неизменный,
 Вдохни и в нас огонь — огонь творчества священный,
 Чтоб, смертные, и мы, живя лишь миг один,
 Могли воспеть любовь единую богинь.

3. АРОМАТ СЕЛЕНЫ (МИРТ)

О дивная! Явись к нам, любящим тебя,
 Стопою легкою по склонам гор сходя,
 В глубь дремлющих лесов, что полны вздохов страстных!
 Склонись челом своим над дремлющим ключом,
 И озари его божественным лучом
 Печальных глаз твоих прекрасных.
 О молчаливая! Тобой застигнут был
 Пастух Эндимион, что на траве почил
 И одарен твоим божественным лобзаньем...
 Селена бледная, владычица ночей!
 Лелеют сонмы Снов, слетев с твоих лучей,
 Того, кто истомлен страданьем.
 Затерянный в морях отважный мореход,
 Опершийся на борт, следит бескрайность вод,
 Внимая реву волн и слыша гроз раскаты —
 Но не боится их, отваги, веры полн,

¹⁶ Ихор — в греческой мифологии нетленная прозрачная кровь богов.

Когда, о дивная, гребни шумящих волн
 Кудрей покровом облекла ты.
 Бессмертная, внемли! На мир смятенный сей
 Спокойный ровный свет свой благостно пролей —
 Жемчужина небес, избранница Зенита!
 Окутай небеса серебром лучей своих
 И на один хотя блаженно-сладкий миг
 От жизни зол нас исцели ты!

Джордж Гордон Байрон

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОСЛЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ВПЛАВЬ ДАРДАНЕЛЛ МЕЖДУ СЕСТОСОМ И АБИДОСОМ

Леандр, влюбленный эллин смелый,
 О девы, всем известен вам:
 Переплывал он Дарданеллы
 Не раз наперекор волнам.

Декабрьской ночью, в час бурливый,
 Он к Геро на свиданье плыл,
 Пересекая ширь пролива, —
 О, их удел печален был!

Я плыл под ярким солнцем мая;
 Сын века хилого, я горд,
 Устало тело простирая:
 Какой поставил я рекорд!

Леандр, как говорит преданье,
 Во тьме декабрьской ночи плыл,
 Ища любви и обладанья;
 Меня ж толкал тщеславья пыл.

Пришлось обоим нам несладко,
 И гнев богов нас поразил;
 Он — утонул, я — лихорадку
 В воде холодной захватил.

[Байрон 1981, с. 48]

Виктор Гюго

САТУРН

<Отрывок>

I

Бывают в жизни дни — их испытали все мы,
Когда неясней свет и дух смятенья полн,
И нас влекут на край властительной проблемы
И блеск далеких звезд, и рокот вечный волн.

И вот, гадаем мы, как древние авгуры,
И в поисках богов, всем некогда родных,
Мы видим, как во сне, неясные фигуры
В тени смятенных душ своих.

Да: как очнувшись вдруг среди дремотной лени,
Следим мы отсветы на выступе стены —
Мы философствуем и изучаем тени,
Что на лицо Вещей бросают нам сыны.

В часы, когда в окно мы тихо созерцаем
Великий океан, и лес, и склоны гор,
И как проснулся, мир, лучом зари ласкаем,
Вдруг слепит внутренний наш взор.

Как вспышка молнии, ужасное прозреньё:
И нам ясны как днем смысл жизни прожитой,
Любовь, всех наших дел никчемное сплетенье
И собственный наш лик, ничтожный и пустой;

И тот, чьи в юдоли земной раскрылись веки
Хоть раз на общий блеск душевных тех зарниц,—
Тот не забудет их, и сохранит навеки
В тени своих ресниц.

[Гюго 1956, с. 67–68]

ТРИ СОТНИ

<Отрывок>

Ξέρξης τὸν Ἑλλάσποντον ἐκέλευσε τριηκοσίας
ἐπιπέσθαι μάστιγι πλῆγας.
(Ксеркс приказал дать Геллеспонту
триста ударов плетью.)

Геродот «Полигимния»

1

АЗИЯ

Огромна Азия, чудовищна, дика;
Она на прочий мир взирает свысока,
И ей любя земля под темной ночи кровом.
Она всегда была под деспотом суровым,
Который правил мглой подвластных мрачных стран.
Здесь — Киммерия, там — британский злой туман,
Суровая зима и ледников лавины,
В забытых небесах безвестные вершины,
Простор безбрежных тундр под кровом снежных выюг,
Песками страшными засыпан знойный юг;
Род человеческий в пустынной мгле затерян.
Дофрины высоки, Кавказ никем не мерян,
И Фулу дальнюю объемлет океан;
Как тигр, давящий лань, гнетет ее вулкан.
У полюса, где вран вещает хриплым зовом,
Оркад¹⁷ архипелаг лежит пятном суровым,
И мрачный океан, холодный и немой,
Катит свои валы, окутанные тьмой.
И целый мир гнетет Азийская корона:
Ее могуществу неведомы препоны,
Она — владычица всех стран и всех морей;
Во мгле сокрыто все, что не подвластно ей,
В пустынности песков, во власти аквилонов,
Народы стонут все в тисках ее законов
Или дрожат в снегах, под гнетом вьюжных туч.
Тревожит Азию один лишь светлый луч —
Эллада! Если он окрепнет и воспрянет, —
И в мире сумрачном светлей и легче станет.
Трепещет Азия при мысли страшной той,
И Тьма спешит гасить луч Света золотой.

[Гюго 1956, с. 324]

¹⁷ Оркады — острова вблизи Шотландии.

13/25.XI 1887, Москва¹ — 21.I / 3.II 1909, Калуга

Юрия (Георгия) Ананьевича Сидорова можно назвать Веневитиновым Серебряного века: прожив чуть более двадцати лет, он успел оставить яркий след в русской поэзии.

Его отец, «сын крестьянина» Ананий Григорьевич Сидоров, после Тамбовского реального училища поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве, по окончании которой в 1889 г. получил звание действительного студента сельского хозяйства.

Ю. А. Сидоров два года учился в Саратовской гимназии, пять лет — в Борисоглебской Александровской гимназии, а в последнем, восьмом, классе перевелся в Калужскую Николаевскую гимназию. Окончив гимназию в 1906 г., он поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, где успел окончить пять семестров.

Став студентом, Сидоров быстро сблизился с кругом московских поэтов, группировавшихся вокруг журнала «Весы»; уже в октябре 1906 г. он подружился с Б. Садовским, а через год и с С. Соловьевым. Последний оставил зарисовку внешности Сидорова: «окаменелое, желтое, безволосое, похожее на маску лицо египетского аскета оживлялось детской улыбкой»². Лейтмотив воспоминаний друзей о Сидорове — изменчивость его только формирующейся личности:

Видя Юрия то аскетом-подвижником, то гулякой праздным, то царепоклонником, то анархистом, — я неизменно выносил одно и то же впечатление: полной искренности каждого из этих движений, сразу и всецело овладевающих чуткой душой его. В них дышала правда, доступная только детям и поэтам (Садовской).

В этих воспоминаниях бегло упоминается история духовных поисков Юрия, который, как и многие его сверстники, находился под сильным влиянием трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист». Дихотомию добра и зла Сидоров примерял прежде всего к двум писателям: Пушкину и Гоголю. Сначала

¹ Согласно документам, крещен на третий день жизни, 15 ноября 1887 г., в московской Сергиевской в Пушкарях церкви. В редакционном предисловии к [Сидоров 1910, с. 5] и в [РП:1800, т. 5, с. 608] местом рождения назван Петербург.

² Здесь и ниже выдержки из Соловьева и Садовского взяты из их очерков, предваряющих стихи Сидорова: Сергей Соловьев. Юрий Сидоров // [Сидоров 1910, с. 16–21]; Борис Садовской. Памяти друга // [Сидоров 1910, с. 13–15].

он противопоставлял их как носителей христианского, аскетического (Гоголь) и языческого (Пушкин) начал, однако позже его позиция резко изменилась. После лета 1908 г. Сидоров, по воспоминаниям С. Соловьева, «вернулся страстным пушкинианцем»: «Пушкин был для него уже не язычником, а солнечным богом, погибающим в борьбе с титанами мрака». Согласно новым взглядам Сидорова, Наталья Гончарова была для Пушкина «М а д о н н о й в истинном смысле, тем “непостижимым уму видением”, которое явилось бедному рыцарю. Причина гибели Пушкина коренилась в самой его любви к Гончаровой, а старый Геккерт являлся злым Локки, поразившим солнечного Бальдера».

Гоголь как антипод символа чистой поэзии Пушкина стал для юноши олицетворением кошмара окружающей действительности: «в Сидорове рос прямо-таки мистический ужас перед фигурой Гоголя», и этот ужас выражен в его предсмертном стихотворении «Посещение» (см. ниже).

Окружающая действительность давила Юрия Сидорова Гоголевским кошмаром. И против этого кошмара начал он воздвигать стропила здания своей уже Пушкинианской поэзии (С. Соловьев).

Прочитанные выше воспоминания Соловьева дополняет рассказ Садовского о том, как 12 ноября 1908 г., накануне своего дня рождения и последнего отъезда из Москвы в Калугу к матери, Сидоров вместе с Садовским посетил могилу Гоголя на кладбище Данилова монастыря. Однако болезненную чувствительность, развивавшуюся в Сидорове, его старший друг Садовской заметил несколько раньше, в мае 1908 г., когда в юноше возникла «необычайная нервная напряженность, в соединении с какой-то странной переменой»:

Увлечение идеями Мережковского достигло в нем в ту пору наибольших пределов. На личности Мережковского сосредоточились все надежды Юрия до самых последних месяцев его жизни.

Сведения о последних словах Сидорова, заболевшего в Калуге дифтеритом, приведены в дневнике его близкого друга Анатолия Виноградова³. На слова матери: «Вот выздоровеешь, будешь жить», — Юрий ответил: «Как я могу жить: сейчас приходил Антихрист и меня убил» [Виноградов 1994, с. 215].

Ранние, по выражению Садовского, «ломающиеся как юношеский голос» стихи Сидорова быстро мужали. В них все ярче проявлялся несомненный талант, который С. Соловьев охарактеризовал как «талант строгий, закала Пушкинской плеяды, особенно родственный Баратынскому». Опубликованных стихов Сидорова немного. В 1907 г. в сборнике [Хризопрас] были напечатаны два его стихотворения: «Новые варвары» и «Сновидец, ты миру послал откровенье...» (единственная прижизненная публикация). В апрельском номере журнала «Весы» (№ 4) за 1909 г. появились четыре его стихотворения: «Фразы», «Идиллия» («От жары и томной лени...»), «Муза», «Минута». Эти же стихи вместе с полусотней других составили единственную книгу поэта — «Стихотворения» [Сидоров 1910].

³ Материалы об А. К. Виноградове, подготовленные Ст. А. Айдиняном, см. в настоящей книге, с. 130–151.

Ряд стихов этой книги посвящен университетским поэтам. А. Белый, В. Нилендер, Б. Садовской, С. Соловьев... — с каждым из них Сидорова связывали особые отношения. Белому посвящено три стихотворения. Одно — это размышление о судьбах России, озаглавлено «Мчатся бесы»; два других, религиозно-мистические, носят названия «В церкви» и «Всенощная». В посвященном Нилендеру стихотворении «Из Гомера» подчеркивается холодность и недоступность адресата — погруженного в античность студента-классика, переводчика Гераклита: «Проходишь ты мимо и светишь, / Ты светишь и старцам, и мне, / Но знаю, меня не заметишь / В холщовой и бедной броне». В цикле из двух обращенных к Садовскому стихотворений «Брату», напротив, подчеркивается близость и сердечность их отношений и общность идеалов: «Наш путь — путь к Божьей диадиме, / К нам благовестный сон слетал, / И голубь шлем наш увенчал / Крылами белыми своими».

Н. Н. Перцова

Основные источники: [РП:1800, т. 5; РПСВ; Сидоров 1910; Виноградов 1994].

МУЗА.

Бывает иногда пустынно и уныло
В моей души. Увы, того, что было, нѣтъ;
Безкрылая, безъ силъ, душа любовь забыла,
Со мною милой нѣтъ. Я — не поэтъ.

Восторги гордые молитвъ и славословій
Игрою грустныхъ грезъ теперь замѣнены,
И жребій горести мнѣ выпадаетъ вновь,
Даруя вновь и скорбь, и злые сны.

Въ минутахъ жуткихъ я и въ тишинѣ великой
Молчу и чутко жду, и слышу ясно такъ
Созвучье чудное; сокрыто въ немъ музыкой
Лобзанье легкое... Знакомый знакъ,

Какъ въ двери робкій стукъ, сей звукъ неизъяснимый
Вдругъ предварить меня. Я молвлю: Муза, ты?
И въ Музѣ узнаю я дѣвушки любимой
Прелестныя и нѣжныя черты.

[Сидоров 1910, с. 27]

* * *

Кто въ темной зелени аллеи
Зоветь меня, стена, рыдаетъ:
«О, рыцарь мой, спѣши скорѣй,
«Колдунъ Алину похищаетъ».

Спѣшу, спѣшу, твой вѣрный другъ,
Сразу, сразу однимъ ударомъ!
Но шпага падаетъ изъ рукъ,
Магическимъ подвластна чарамъ.

[Сидоров 1910, с. 28]

ИДИЛЛИЯ.

Отъ жары и томной лѣни
Отупѣлъ я и затихъ.
Запыленный кустъ сирени
Кроетъ барышень моихъ.

Имъ не страшень полдень жаркій,
Не нужна имъ, видно, тѣнь,
Занять спѣлыхъ ягодъ варкой
Трудовой, веселый день.

У плетня, гдѣ вбиты колья,
Щепокъ гряда и таганъ.
Раскаленные уголья
Красятъ щепки въ цвѣтъ румянъ.

Вьются лакомыя мошки,
Но ревнивъ хозяйскій глазъ,
И стучать большія ложки
О блестящій мѣдный тазъ.

Темно-розовый отгѣнокъ
Алыхъ вишенъ на огнѣ.
«Милый Жоржъ, хотите пѣнокъ?»
Предлагають мнѣ онѣ.

«Нѣтъ, не пѣнокъ. Безъ сомнѣнья,
Я, сударыня, не глупъ, —
Отъ вишневаго варенья
Слаще вкусъ любимыхъ губъ».

Смѣхъ и нѣжное кокетство.
О, варенье, лѣто, лѣнь,
Поздняя влюбленность дѣтства,
Запыленная сирень!

[Сидоров 1910, с. 29–30]

МИНУТА.

Какая странная отрада
Въ исходѣ лѣта, яснымъ днемъ
Среди зеленыхъ кленовъ сада
Сидѣть съ Алиною вдвоемъ!

Откинувши рукавъ кисейный,
Какъ ей досадно поправлять
Рукою тонкой и лилейной
Волось отбившуюся прядь.

Кругомъ покой, рой мошекъ вьется,
А голубая твердь чиста,
Рисуясь въ ней, не шелохнется
Зигзагъ кленоваго листа.

Приносится зефирнымъ токомъ
Благоуханье позднихъ розъ.
Тамъ, въ водоемѣ неглубокомъ,
Чуть слышенъ стукъ хрустальныхъ слезъ.

Горить огнемъ лазурнымъ урна,
Вся синихъ васильковъ полна,
И бьетъ минута, пусть одна, —
Не вѣришь больше въ мощь Сатурна.

[Сидоров 1910, с. 31]

ФРАЗЫ.

С. М. Соловьеву.

Полдневный зной, и мы въ бесѣдкѣ,
Алина милая, съ тобой;
Надъ входомъ пышною листвою
Душистыхъ липъ свисаютъ вѣтки.

Омбrelloю кружевной играя,
Ты говорила: «Этотъ садъ,
На мой провинціальный взглядъ,
Походитъ на преддверья Рая».

А вечеромъ за арфой нѣжной
Ты пѣла; голосъ твой звучалъ,
Какъ ручейка звучитъ кристалль,
Звеня о камень прибережный:

«Приди<,» любовь, даруй блаженство...»
А за Вольтеромъ графъ-отецъ
Ворчалъ: «Наступить ли конецъ
Интригамъ злобнымъ духовенства?».

[Сидоров 1910, с. 32]

ИДИЛЛИЯ.

Въ густой травѣ лежимъ мы рядомъ.
Сюда не подошелъ покосъ;
Гляжу полувлюбленнымъ взглядомъ
Я на уборъ сплетенныхъ косъ.

И какъ ты строго сжала губки,
Когда небрежно предо мной
Сверкнули сбившіяся юбки
Своей крахмальной бѣлизной.

Кусають вьющіяся мошки,
Проворны, дерзки и легки,
Ея плѣнительныя ножки
Сквозь неприкрытыя чулки.

Гляжу, какъ вдалекѣ садовникъ
Копаетъ изъ земли кротовъ;
На отцвѣтающій шиповникъ
Въ нарядѣ алыхъ лепестковъ.

И такъ мнѣ хорошо, что рьяно
Кричу тебѣ: «Алина, я,
Я — не сатиръ, ты — не Діана, —
Изволь поцѣловать меня».

Въ притворномъ, плутовскомъ испугѣ
Грозишь мнѣ: «Слушай, Жоржъ, не тронь».
И я, склоняясь къ своей подругѣ,
Цѣлую узкую ладонь.

«Какой, однако, вы затѣйникъ»
Ты шепчешь важно. «Боже, ахъ!
Смотри же, Жоржъ, тутъ муравейникъ!»
И сразу оба на ногахъ.

[Сидоров 1910, с. 33–34]

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ СОНЪ.

О. П. Михайловой.

Ахъ, не было ль въ этомъ обмана,
Тумана влюбленнаго сна?
Ужели все греза одна?

Я видѣль — проходите вы
Подъ сѣнью весенней листвы
По парку зеленому рано.

Вотъ вижу — любимица злая,
Свой выгнувъ упругій хребеть,
За вами ступаетъ вослѣдъ,
Надменно ступаетъ борзая.

Цвѣтетъ, разливаетъ куртина
Фиалокъ лиловый огонь...
Ахъ! Узкая ваша ладонь
Вѣдь тоже цвѣтокъ, о Алина!

Орѣшникъ склонился къ вамъ гибкій...
Я вамъ говорилъ про любовь,
Но тонкая дрогнула бровь
Насмѣшкою нѣжной улыбки.

Зачѣмъ такъ уходите скоро?
Прости, милый сонъ мой, прости!..
Ахъ! снова могу васъ найти
Я лишь на картинѣ Гэнсборо!..

[Сидоров 1910, с. 35]

ОЛЕОГРАФІЯ.

Верхомъ вдоль мельничной плотины,
Спустивъ поводья, ѣдетъ лордъ:
Фракъ красный, бѣлыя лосины
И краги черныя ботфорты.

А рядомъ въ синей амазонкѣ
Милэди слѣдуетъ, склонивъ
Свой станъ затянутый и тонкій.
Кругомъ ряды зеленыхъ ивъ.

Тамъ вдалекѣ за темнымъ паркомъ
Сверкаетъ замокъ бѣлизной,
И въ блескѣ пурпурномъ и яркомъ
Уходитъ солнце на покой.

Все свѣтомъ розовымъ залито;
 Безмолвно погасаетъ день,
 И звякнетъ лишь порой копыто
 О подвернувшійся камень.

[Сидоров 1910, с. 36]

* * *

Прозрачный, измѣнился
 Вечерній горизонтъ,
 Какъ будто тамъ разлился
 Пурпурный алый понтъ.

Сверкаетъ передъ взоромъ
 Стекланный глобусъ тумбъ;
 Изысканнымъ узоромъ
 Цвѣточки круглыхъ клумбъ.

Любви, Надежды, Вѣры
 Рисуютъ инціаль.
 Вотъ шепчутъ кавалеры
 Мадамамъ мадригаль.

Горитъ румянецъ жаркій
 И выдаетъ восторгъ.
 За виноградной аркой
 Ведутъ любовный торгъ.

Ихъ манить всехъ дорога
 Въ плочемъ закрытый гротъ,
 Ахъ, право, такъ немного
 Потребно тутъ хлопотъ.

Вѣдь Нимфы такъ покорны
 Отважному изъ насъ.
 Испуги ихъ притворны,
 Стыдливость — напоказъ.

И я, красой плѣненный,
 Воспламенивши кровь,
 Въ пріютъ уединенный
 Иду вкушать любовь.

[Сидоров 1910, с. 37–38]

ИСТОРИЯ.

Друзья, про прежнюю бѣду
 Рассказывать я стану.
 Они увидѣлись въ саду
 Румянымъ утромъ рано.

Она его, сорвавши листь,
 Привѣтствовала звонко;
 Въ рукахъ сжималь онъ тонкій хлысть,
 Она — несла котенка.

Храня бесѣды важный чинъ,
 Такъ начала Алина:
 «Какъ вашъ несносный старый сплинъ?»
 — Благодарю, кузина. —

Но говорило все вокругъ,
 Что это было глупо, —
 Зеленымъ шелкомъ стлался лугъ,
 Деревъ сквозили купы;

Стояла поздняя весна,
 Трава нѣжна, какъ ложе;
 Невольно поняла она<,>
 И онъ постигнулъ тоже.

И робости сказавъ своей
 Послѣднее проклятье,
 Алину томную скорѣй
 Онъ заключилъ въ объятья.

«Мою любовь не утаю,
«Прелестнѣйшій ребенокъ».
И закричалъ «мяу — мяу»
Притиснутый котенокъ.

И наградила его онъ вдругъ
Царапиной кровавой,
И огласилъ атласный лугъ
Веселый смѣхъ лукавой, —
Такъ бьетъ вина кипучій токъ.
Она ушла въ мгновенье,
Онъ къ ранѣ приложилъ платокъ
И плакать безъ стѣсненья.

[Сидоров 1910, с. 39–40]

НА АВТОМОБИЛЬ.

Кипящее и городское море...
По узкимъ улицамъ качусь съ моей
Подругою на небольшомъ моторѣ
Средь бурныхъ волнъ людей и лошадей.

И радъ, и сладко мнѣ сжимать украдкой
Ея незримую, но нѣжную ладонь
Подъ лайковою, тонкою перчаткой...
Безшумно мчится нашъ желѣзный конь.

И пестрые цвѣты рекламъ бумажныхъ,
Какъ нѣкіе уродливые сны,
Съ громадами домовъ многоэтажныхъ
Слились въ одно... Но мнится мнѣ, полны

Старинной красотою наши лица,
И тамъ вверху, тамъ золотой горитъ
Огонь креста церковнаго, какъ птица,
Какъ птица дивная горитъ, парить.

[Сидоров 1910, с. 41]

ВЕЛОСИПЕДИСТКА.

Стремясь къ невѣдомой побѣдѣ,
Къ какому счастью рвались,
Когда вы на велосипедѣ
Сверкнувшимъ вихремъ пронеслись?

Чета точеныхъ тонкихъ ножекъ,
Нажавъ упругую педаль,
Васъ мчитъ по гравію дорожекъ,
Среди кустовъ, въ какую даль?

Вы пронеслись, давая встрѣчнымъ
Предупреждающій звонокъ,
Въ восторгъ легкою и безопасною,
Куда? — я угадать не могъ.

Но стало грустно безъ причины...
А изъ-подъ гордыхъ, нѣжныхъ вѣкъ
Слѣдили вы стальной машины
Блестящій и безшумный бѣгъ.

[Сидоров 1910, с. 42]

ИМЯ.

М. А. Петровскому.

Стою подъ древеснымъ зеленымъ покровомъ,
Опять предаваясь старинной игрѣ, —
Я рѣжу, съ блаженствомъ и старымъ, и новымъ,
Любимое имя на нѣжной корѣ.

Меня не страшить, что сердитое время
Сотретъ эти буквы. О, строгое счастье,
Взлелѣявши въ сердцѣ нетлѣнное сѣмя
Любви, — для него не бояться ненастья!

Слѣжу, какъ кладетъ неизмѣнную мѣтку
Глубоко и вѣрно ножа лезвіе.
Лучъ солнца, пробравшись сквозь ближнюю вѣтку,
Привѣтствуетъ радостью дѣло мое.

Нѣтъ горя былого и ропота нѣту;
 Боговъ я прошу объ единой услугѣ, —
 Дозволить послѣднему въ мѣрѣ поэту
 На деревѣ вырѣзать имя подруги.

[Сидоров 1910, с. 43]

ОЛЬГЪ.

Развѣшаны по тонкоствольной рошѣ,
 Сквозныя, золотыя кружева,
 И кажется красивѣе и проще,
 Какъ шелкъ, какъ темно-сѣрый шелкъ, трава.

И нити серебристой паутины
 Горятъ и гаснуть — и опять горятъ;
 Прилѣпятся на мигъ къ стволу осины
 И, оторвавшись, вновь, блестя, летятъ.

Сверкаетъ нѣжно лезвиемъ сафирнымъ
 Въ зеленомъ небѣ тонкій серпъ луны...
 О, сердце, успокоеннымъ и мирнымъ
 Пребудь среди осенней тишины!

[Сидоров 1910, с. 45]

ГЕММА.

О. П. Михайловой.

Рельефы геммы рѣзаны такъ хрупко, тонко:
 Задрапирована тамъ блѣдной, гибкой тканью
 Фигура нѣжной дѣвушки-полуробенка,
 Цѣвницы взявшей древнѣя своею дланью.

Камея сѣрая изъ Везувійской лавы,
 Подернутая сизо-пепельнымъ налетомъ,
 Лицо твое — какъ отблескъ строгой славы,
 Зоветъ къ родимымъ и забытымъ взлетамъ.

Ты нѣкогда вѣдь тожъ была живой, какъ всѣ мы,
 Но на тебя глаза Безсмертной посмотрѣли,
 Окаменѣла ты Помпейской геммой,
 Прижавъ къ устами двѣ чуткія свирѣли...

[Сидоров 1910, с. 51]

ПСАЛОМЪ ОФИТОВЪ.

Ялдабаооовы чертоги
 Померкли оцтомъ гнѣвныхъ дней, —
 Тобой мы стали знаньемъ — боги,
 Обѣтованный, вѣщій Змѣй.

Ты, наши черныя тіары
 Вѣнчавшій золотымъ кольцомъ,
 Открыль гностическія чары
 Надъ Диміургомъ, надъ Отцомъ.

Израиль, длительнымъ мученьемъ
 Познавъ, какъ лживъ Іегова,
 Спасся твоимъ изображеньемъ,
 Змѣино-мѣдная глава.

Исполнилось и стало время,
 Тобою, Офисъ, крестъ увить,
 Возстанетъ Каиново племя,
 Воскреснетъ вновь нѣмой офить.

[Сидоров 1910, с. 52]

ПСИХОПОМПЪ.

Превзойдены всѣ извращенности,
 Ненужный иль гнилыхъ болотъ,
 Хаосъ предмірной сотворенности,
 Наслѣдье Тіаматы — Моть —
 Въ нихъ съ Саваоомъ примиренности.

А я въ нездѣшной удаленности,
 За хрусталець небесныхъ водъ,
 Жду въ порываньяхъ изступленности
 Созвѣздій-колесницъ восходъ,
 Одинъ съ собой въ самовлюбленности.

Я въ ризахъ птичьей окрыленности
 Прошелъ планетныхъ семь воротъ
 И въ нимбѣ божьей озаренности
 Ибисоглавый рекъ мнѣ Тотъ:
 «Аррэтъ, и ты въ уединенности».

[Сидоров 1910, с. 53]

СОБЛАЗНЬ.

Страшны провалы черные твои, о одиночество,
 Веселія весенняго не манить нѣжный цвѣтъ.
 Все, все забылъ для злобнаго, лукаваго пророчества:
 «Мракъ глубже и священнѣе, чѣмъ ты, лучистый Свѣтъ».

Разгадки нѣтъ, и въ ужасѣ престоль уединенія
 Я, самозванецъ призрачный, готовъ отдать, павъ ниць, —
 Вдругъ возсіяла дивная вратами откровенія
 Заря изъ радужныхъ, трепещущихъ зарницъ.

И не страшить теперь меня пустыня одиночества,
 И смѣло принимаю я свой тягостный обѣтъ.
 Я понялъ, уяснилось старинное пророчество:
 «Мракъ есть непонятый и непонятный Свѣтъ».

[Сидоров 1910, с. 54]

ПСАЛОМЪ.

Безплотныя нѣжныя руки,
 Елена, невѣста невѣстъ,
 Яви, — и скудельныя муки
 Забуду въ лучахъ горнихъ звѣздъ.
 Мечемъ мой трикирій содѣлай,
 И дай лицезрѣть Твоихъ ризъ

Огонь ослѣпительно-бѣлый,
 Который провидѣлъ Саисъ.
 Мой трудъ какъ загадка мнѣ заданъ,
 Пусть, робкій, всегда одинокъ,
 Зажегъ я въ кадилицѣ ладанъ,
 Оперся на острый клинокъ.

[Сидоров 1910, с. 55]

* * *

Тамъ за рамой неразбитой,
 Въ блескѣ неземныхъ зарницъ,
 Серафимъ многоочитый
 Смотритъ мирадой лицъ.

Свѣтъ вселенскій ярко льется
 Тайной блѣдныхъ жемчуговъ,
 Богъ ко мнѣ порывомъ бьется,
 Ищетъ здѣшнихъ грубыхъ словъ.

Бей смѣлѣй стекло предѣла,
 Слитъся дай уста къ устами,
 Не жалѣй нагого тѣла,
 Богъ живой, откройся намъ!

[Сидоров 1910, с. 56]

DISJESTA MEMBRA.

Разбросаны члены мои по рѣчнымъ и болотнымъ лагунамъ,
 И руку обвилъ окровавленной бронзовой цѣпью браслетъ;
 Имъ блѣдно-зеленый папирусъ тамъ шепчетъ: «Врагу намъ,
 Нѣтъ, въ вѣки тебя не предать, пусть сушить насъ яростный Сеть».
 Духъ копчикъ, какъ черная точка, въ лазури застылъ еле видень,
 Доносится жалобный плачь потерявшихъ, печальныхъ сестеръ.
 Папирусъ, склоняясь, лепечетъ: «Твой жребій завидень,
 И мечъ, что тебя разсѣкалъ, былъ предвѣчно остеръ».

[Сидоров 1910, с. 57]

ЛЕГЕНДА.

— Кто ты, птичка малая, ничтожная и сѣрая,
Съ клювомъ выщербленнымъ, чернымъ и кривымъ?
Сколько птицъ ни видываль, такую же примѣрно я
Не встрѣчалъ похожую образомъ своимъ.

Кто же наградилъ тебя видомъ безобразія
Этого уродства, противнаго глазамъ?
«Родина моя — Матерь Божья — Азія,
Первый и древнѣйшій человѣчій храмъ.

Вѣку мнѣ безъ малаго два тысячелѣтія,
Всѣхъ вѣдъ долговѣчнѣй я существъ земныхъ;
Было тридцать мнѣ три года, — совершеннолѣтіе
Господа, распятаго за грѣхъ всехъ насъ живыхъ.

Клювъ прямой былъ мой, словно мечъ отточенный,
Близъ Иерусалима я летала налегкѣ,
Вижу вдругъ я Господа, — къ древу приколоченный.
Казнь позорная свершилась вдалекѣ.

Гнѣвомъ воспылала тутъ любовь моя Господняя,
Быстро подлетѣла я и стала гвоздь тащить,
Длань Христа пронзавшую, чтобы тѣмъ свободнѣе
Снять Его съ креста и муку прекратить.

— Что ты дѣлаешь, о птичка? — сладостнымъ рыданіемъ,
Ангель, близъ парившій, мнѣ потомъ сказалъ:
— «Сбудется реченное пророческимъ писаніемъ, —
Богъ для воскресенія плоть Свою предаль.

Твердыми гвоздями клювъ обезображенный
Твой останется всегда таковъ, какъ есть,
Какъ вершокъ есть мѣра малая длинной сажени,
Людымъ о Голгоѣ ты будешь вѣчно вѣсть.

И замолкнулъ Ангель. Съ грустью отходила я.
А теперь ношусь и всѣмъ напоминаю крестъ».
— Какъ же кличутъ, какъ зовутъ тебя, о птичка милая?
«Имя мое просто и смиренно — клестъ».

[Сидоров 1910, с. 58–59]

МЧАТСЯ БѢСЫ.

Андрею Бѣлому.

Только вихри, мятели и вьюги
По пустыннымъ, по снѣжнымъ полямъ.
Въ неизбѣжномъ, въ безвыходномъ кругѣ
И несутся, и вьются... А тамъ, —

Тамъ народъ мой извѣрился въ Бога,
А единый оставшійся путь:
Занесенная снѣгомъ дорога,
Безнадежная смерть какъ-нибудь.

Злое случилось съ отчизной моею,
Не видать ни земли, ни небесъ,
Вьюга, вьюга несется надъ нею
И смѣется, и плачетъ, какъ бѣсъ.

Чуткимъ ухомъ потомъ въ неизвѣстномъ
Ту же жуткую вьюгу ловлю,
Только знаменемъ, знаменемъ крестнымъ
Осѣнился, и жду, и терплю.

Будь, что будетъ, но я не почю
И любовь свою вновь сторожу,
Какъ люблю, какъ любилъ я Россію,
Никогда никому не скажу.

[Сидоров 1910, с. 63]

УТРО.

Кто видѣлъ утро городское
И кто любилъ его, какъ я,
Тотъ знаетъ, прячется иное
За пестрой ширмой бытія.

Вотъ зацвѣтаетъ нѣжной сказкой
На небѣ блѣдная заря,
И голубой, печальной краской
Рожокъ мерцаетъ фонаря.

И, отражаясь на заборахъ,
Вдругъ загорѣлся алый блескъ.
Трамваевъ первыхъ острый шорохъ,
Растущій гуль, начальный плескъ.

И каждый путникъ вѣрить чуду,
Забывъ глухой, ночной обманъ,
А въ улицахъ стоитъ повсюду
Прозрачный, розовый туманъ.

[Сидоров 1910, с. 64]

КАРУСЕЛЬ.

Весь въ бисерѣ и арабескахъ
Шатеръ твой черный, карусель.
Горить и вьется на подвѣскахъ
Златою нитью канитель.

Сигналь — и вотъ волной пѣвучей
Ударилъ яростный органъ,
Повсюду звонъ, огонь летучій
И засверкавшій ураганъ.

Летить она, какъ вихрь блестящій,
Музыкой легкою звеня,
Въ искристый кругъ свой, уносящій
Пыль позументнаго огня.

Въ восторгѣ дѣтскомъ и невинномъ
Кружусь, и мнится мнѣ, для всѣхъ
Слилися въ торжество единомъ
Теперь веселье, жизнь и смѣхъ.

[Сидоров 1910, с. 65]

ВСТРѢЧА.

Бродя по городской пустынь,
Зачѣмъ теперь я, разлюбя,
Въ фотографической витринѣ
Случайно увидаль тебя?

Прижать сверкающею кнопкой,
Въ картонѣ сѣренькомъ портретъ
Зачѣмъ мнѣ шлетъ улыбкой робкой
Свой упрекающій привѣтъ?

И ты ничуть не измѣнилась,
Все такъ же тонки кисти рукъ,
И въ кружева все та жъ вѣспилась
Брошь — бриллиантовый паукъ.

Но мягкій блескъ печали тайной
Въ твоихъ глазахъ — онъ развѣ быть?
Тамъ шумъ толпы и гуль трамвайный,
А я передъ стекломъ застыль.

Стою, пройдетъ, толкнетъ прохожій,
Стою, не въ силахъ отойти.
Слѣпой ли рокъ, иль промысль Божій
Съ тобою свель? Шепчу: прости!

[Сидоров 1910, с. 66]

БРАТУ.

Борису Садовскому.

I.

Что насъ роднить? За что мнѣ дорогъ?
Въ одни святяги шли мѣста,
Одинъ у насъ старинный ворогъ
Во имя шпаги и креста.

Ты — рыцарь, въ латы облеченный,
И подвигъ Красоты готовъ
Свершить за свѣтъ неизреченный,
За призраки грядущихъ словъ.

Нашъ путь — путь къ Божьей діадимѣ,
Къ намъ благовѣстный сонъ слеталь,
И голубъ шлемъ нашъ увѣнчалъ
Крылами бѣлыми своими.

Забуду ли твой ликъ влюбленный?
Меча простеръ ты лезвіе —
И я, кольнопреклоненный,
Узрѣлъ иное бытіе.

Ты посвятилъ меня въ пустынь,
Когда Солимъ сверкнулъ вдали,
Съ тобой, мой старшій братъ, отнынѣ
За Гробъ сражаться мы пошли.

Всевышняго мы паладины.
Пречистая Христова кровь,
Съ тобой, мой братъ, моя любовь,
Свела меня на путь единый.

II.

Помнишь зажженные свѣчи,
Темное злато божницъ,
Передъ иконой Предтечи
Рядъ затаившихся лицъ?

Помнишь, какъ въ черной фелони
Медленно шель іерей,
Руки воздѣлъ на амвонѣ,
Скрылся... Сверканье свѣчей

Невыносимо. Внимаетъ
Все безъ рыданій и словъ,
Кто-то извнѣ отмыкаетъ
Двери церковной засовъ.

[Сидоров 1910, с. 67–68]

ИЗЪ ГОМЕРА.

В. Нилендеру.

Проходишь ты мимо и свѣтишь,
Ты свѣтишь и старцамъ, и мнѣ,
Но знаю, меня не замѣтишь
Въ холщевой и бѣдной бронѣ.

Я, воинъ простой, не достоинъ
Пріять твой потупленный взглядъ.
И легкокъ твой шагъ, и спокоень,
Бряца браслетами въ ладъ.

До розовыхъ пятокъ покрыла
Тебя бѣлоснѣжная ткань.
Какъ греческій мраморъ застыла
Твоя розоперстая длань.

Покорный велѣнію рока,
Умру безъ любви и надеждъ.
Далеко ужъ вѣтся, далеко
Огонь серебристыхъ одеждъ.

[Сидоров 1910, с. 69]

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Вечерь осени тоскливой
Затемнилъ окно.
Я веселый, молчаливый,
Все забылъ давно.

Ослѣпительныя сказки
Зналъ я, какъ поэтъ, —
Все пришло къ одной развязкѣ:
Нѣтъ, давно ужъ нѣтъ.

Тѣнь на фонѣ бѣлой печки,
Мертвое лицо.
Не дрожить горячей свѣчки
Желтое кольцо.

Ждалъ какого-то пророка, —
Гдѣ онъ, новый вождь?
Просто, пусто, одиноко,
Вѣтеръ, вечеръ, дождь.

Раздается, еле слышень,
Тихій, слабый смѣхъ.
Я теперь надъ всѣмъ возвышень,
Мнѣ не страшень грѣхъ.

[Сидоров 1910, с. 78]

* * *

Временами и пространствами
Скрыта ты,
Разноцвѣтными убранствами
Красоты.

Сребрунными мятелями
Ты плывешь,
И фиалкою подъ елями
Зацвѣтешь.

Золотой зарей ликующей
Ты свѣтла,
Слава вѣчности тоскующей
И хвала.

[Сидоров 1910, с. 79]

* * *

Забылся я въ радостныхъ грезахъ,
Открылась весенняя сонь,
Такъ весело въ нѣжныхъ березахъ
Завился зеленый огонь.

Зеленый и свѣтлый мерцаеть
Онъ яснымъ привѣтомъ своимъ,
И тихо надъ нимъ проплываетъ
Сверкающій, розовый дымъ.

Ужель это тихое пламя
И эти простыя мечты —
Твое многоцвѣтное знамя,
Твои неземные цвѣты?

[Сидоров 1910, с. 80]

* * *

Озаривъ парчу ковыльнюю
Блескомъ жидкихъ хрусталей,
Дождь прошелъ надъ степью пыльною,
И свѣтло въ душѣ моей.

И свободнѣй груди дыш<и>тся,
Тише боль сердечныхъ рань.
Вдаль уплыть и не колышется
Золотой, дневной тумань.

Тамъ за тучей исчезающей
Голубая пустота,
Но горитъ стезей сверкающей
Легкой радуги черта.

[Сидоров 1910, с. 81]

МОЛНІЯ.

Я всходилъ съ ней вдвоемъ
На горныя кручи.
Дышали,
Сверкали
Багровымъ огнемъ
Тяжелыя тучи.
Тропинка вела

На высоты,
 Но душная мгла
 Облегла
 Ледниковыя глыбы и гроты.
 Вдруг зигзагомъ
 На пути нашемъ трудномъ —
 Чуднымъ,
 Сверкающимъ благомъ
 Безъ
 Обмана,
 Прорѣзаль завесу тумана
 Ослѣпительный блескъ небесъ...

[Сидоров 1910, с. 82]

РАДУГА.

Горить сверкающее знамя,
 Моей души послѣдній стягъ,
 Благоухающее пламя,
 Обѣтованье вѣчныхъ благъ.
 И вѣтеръ острымъ, нѣжнымъ свистомъ
 Трубить въ хрустальные рога,
 Царить, парить въ зефирѣ чистомъ
 Твоя нетлѣнная дуга.

Сквозной, синѣющей просторъ
 Горить стоцвѣтными огнями.
 Опять взметнула ты надъ нами
 Свой ясный, блестящій восторгъ.

[Сидоров 1910, с. 83]

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Мнѣ вновь молчать велѣло время наше,
 И снова рокомъ старымъ суждено
 Восторга и любви священное вино
 Хранить въ душѣ, какъ въ драгоценной чашѣ.

Въ недвижимомъ я и мертвенномъ покоѣ,
 Безмолвно жду, пока минуетъ часъ,
 И гасить блескъ полужакрытыхъ глазъ
 Презрѣнне холодное и злое.

[Сидоров 1910, с. 84]

ВЪ ЦЕРКВИ.

Андрею Бѣлому.

Усталъ въ молитвѣ я, и вотъ безвластно
 Сомкнулися глаза. Въ единый мигъ
 Я увидаль и явственно, и ясно,
 Владычица, твой тонкій и суровый ликъ.

Ты въ узкомъ и волнистомъ одѣяньи
 Изъ розовой сверкающей парчи
 Стоишь съ свѣчей, и желтый свѣтъ свѣчи
 Кругомъ разлилъ невыносимое сиянье.

Я трепеталь, рыдая и ликуя,
 Ты — нѣжное безмолвіе храня.
 Склонилась ты, и обожгло меня
 Благоухающее пламя поцѣлуя.

Открыль глаза. Какъ снова все понятно,
 Какъ просто и тоскливо все сейчасъ.
 Плывуть какія-то цвѣтныя пятна
 За темный, темный золотой иконостасъ.

[Сидоров 1910, с. 85]

ДИДАКТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ.

О, да, любители уединенья,
 Я знаю васъ — и я могу сказать,
 Что должно наложить на васъ презрѣнья
 Позорную и вѣчную печать.

Храните вы несмѣтныя богатства,
Сокрывъ въ душѣ своей незримый кладъ,
Связуетъ всехъ таинственное братство
Васъ общностью изысканныхъ усладъ.

О, ежели хоть разъ, о лицемѣры,
Пришлось бы вамъ сдружиться съ нищетою,
Вы поняли бѣ, какъ безъ любви и вѣры,
Какъ страшно быть наединѣ съ собой!

[Сидоров 1910, с. 86]

ВСЕНОЩНАЯ.

Андрею Бѣлому.

Я въ воздушномъ, возлюбленномъ храмѣ.
Я — услышавшій тайную вѣсть:
«Съ нами свѣтъ просвѣтляющій, съ нами,
«Смертной ночи не будетъ и нѣсть».

Мнѣ въ любви моей сладко и больно,
Мнѣ любовь мою радостно жаль —
И смотрю я, смотрю богомольно
Сквозь вечернюю, яркую даль.

Кто тамъ въ блещущемъ, розовомъ, новомъ
Парчевомъ одѣяньи застыль,
И его омофоромъ снѣговымъ
Узкій облакъ, клубясь, перевиль?

Кто тамъ въ ризы сіи облакаемъ?..
Раемъ благоухающій мигъ.
И поетъ тамъ невидимый ликъ:
«Развѣ Бога иного не знаемъ».

[Сидоров 1910, с. 88]

* * *

Видишь, что вѣтры затѣяли?
Слышишь ихъ радостный шорохъ?
Къ блѣдному западу свѣяли
Розъ пламенѣющихъ ворохъ.

Только кому же нетлѣнное
Приготовили ложе?
Счастье мое неизмѣнное,
Счастье, что жизни дороже...

[Сидоров 1910, с. 89]

СТАНСЫ.

О, дѣтство, — золотая погремушка!
Ребенокъ прозвенить, смѣется и счастливъ,
И чуткія два розовыя ушка
Внимаютъ сей веселый переливъ.

А юность съ арфой многострунной сходна,
Такъ звучень и красивъ ея напѣвъ,
Въ немъ отразились полно и свободно
Лобзанія и пени нѣжныхъ дѣвъ.

Но вотъ, когда утихнетъ чувства ярость,
Какъ вѣчный споръ въ душѣ добра и зла, —
Надъ человѣкомъ загудятъ, о, старость,
Твои тяжелые колокола.

[Сидоров 1910, с. 93]

* * *

Милые, прощайте — здѣсь мнѣ душно,
Тотъ же я — и все-таки иной.
Вотъ унесъ меня ласкающій, воздушный
Вѣтеръ легкій, свѣтлый, голубой.

И лечу, лечу въ просторахъ ясныхъ,
 Всюду блѣдная фіалковая степь,
 Лишь внизу повѣсилъ кашекъ красныхъ
 Кто-то пламенѣющую цѣпь.

[Сидоров 1910, с. 94]

ЭЛЕГИЯ.

Когда меня молитвы дивнымъ свѣтомъ
 Жизнь озарить, я все молюсь тогда,
 Зачѣмъ Господь создалъ меня поэтомъ
 И не далъ мнѣ посильнаго труда.
 Всю скорбь судьбы и мертвенную скуку,
 И боль страстей, отраву тайныхъ слезъ,
 И вѣчную грядущую разлуку
 Какъ я легко, какъ вольно перенесъ.
 Лишь быть<> какъ всѣ. Не вѣдаю, настанетъ
 Иль нѣтъ, обманетъ злобно вновь
 Тотъ мигъ, когда уже до смерти ранить
 Въ послѣдній разъ послѣдняя любовь?..

[Сидоров 1910, с. 95]

ПОСЪЩЕНИЕ.

Давно безсмертнаго поэта
 Похоронили мы, а онъ
 Приходить къ намъ, съ того-то свѣта,
 Какъ не бывало похоронъ;

Не измѣнясь ничуть обличьемъ,
 Придетъ, кивнетъ; лицо свое
 Скуластое и съ носомъ птичьимъ,
 Все острое, какъ лезвее,

Какъ полоса дамасской стали,
 Приблизить къ намъ; быллой огонь
 Сверкнетъ въ очахъ, а мы: «не ждали
 Тебя», твердимъ ему, «не тронь,

Въ Даниловомъ твоя могила,
 Тамъ дожидайся судныхъ трубъ».
 Здѣсь трупъ, но дивно озарила
 Его улыбка мертвыхъ губъ.

И жутко, жутко по-иному
 Всѣмъ вдругъ становится теперь,
 Что грянетъ вѣсть: «по-именному»
 Черезъ распахнувшуюся дверь.

Что, сей покойникъ не отъ Бога-ль?
 Пришлецъ, приходи понятень твой.
 И страшень мертвымъ душамъ Гоголь,
 Мертвецъ, мертвецъ съ душой живой.

[Сидоров 1910, с. 19–20]

9/21.IX 1886, Москва — 8.I 1964¹, Москва

Александр Александрович Добровольский (псевдоним *Александр Тришатов*²) родился в Москве в дворянской семье. Начал образование в училище Л. Н. Валицкой на Маросейке, продолжил в III Московской гимназии. В 1905 г. поступил в Московский университет, учился сначала на юридическом, затем на историко-филологическом факультете до 1912 г. Университет не окончил, так как в августе 1912 г., проводя студенческие каникулы в селе Николаевке Екатеринославской губернии, был арестован по подозрению к причастности к екатеринославской социал-демократической организации. Был посажен на четыре месяца в тюрьму Луганска, а затем был выслан на два года в Бердянск³. Освобожден из ссылки в ноя-

бре 1913 г. Вернувшись в Москву, Добровольский подал прошение о продолжении образования в университете, но получил отказ как «неблагонадежный». В 1914—1916 гг. жил в Санкт-Петербурге (с сентября 1914 г. Петроград), работал секретарем редакции «Нового журнала для всех». В это время завязалась дружба Добровольского с С. Есениным, которого он позже оплачет в стихотворении «Песня» лагерного цикла «Ж-106» (см. ниже).

Писать Добровольский начал с гимназических лет. Первые журнальные публикации появились в 1911 г. В 1915 г. (под псевдонимом *Тришатов*) издал сборник рассказов «Молодое, только молодое». Современники высоко ценили его творчество. Так, И. И. Белоусов (один из руководителей общества «Литературная среда», затем «Молодая среда»⁴ — во второе из них входил Тришатов) считал, что он «слишком перегнал свое время». В двух письмах писателю Н. С. Ашукину (апрель и июль 1921 г.) Белоусов дает развернутую оценку прозы Тришатова [Блинов 1990, с. 103, 107]:

Тот огромный восторг, который вызвала во мне проза Пастернака, Тришатова, Белого, — является для меня подтверждением их огромной значимости, только Тришатов и Пастернак пошли дальше Белого.

¹ Во многих источниках ошибочно: 1965.

² Тришатов — персонаж из романа «Подросток» Ф. М. Достоевского. В «Новом журнале для всех» (1915) Добровольский использовал и свою настоящую фамилию (для стихов), и псевдоним Тришатов (для прозы).

³ Соответствующие документы цитируются на с. 452—457 ниже.

⁴ См. [Белоусов 2006].

А. А. Добровольский (Тришатов) и С. А. Есенин. Петроград, 1915 г.

Видел недавно во сне <...> Тришатова. Он читал свой рассказ — ему не давал читать Пильняка, боясь, что это будет слишком превосходить его вещи. Вспоминаю твой отзыв: Тришатов — это Достоевский под микроскопом<...> и думаю, что это неверно, конечно, хотя, быть может, и есть малосенькая злая доля истины. <...> Знаю и продолжаю утверждать, все более укрепляясь в этом, что Тришатов — самое значительное явление в русской литературе за последнее время. Все, что он пишет, «останется».

В 1916 г. Добровольский вернулся в Москву и стал секретарем издательства «Спалохи». Подготовил второй сборник рассказов, который уже набирался в типографии П. П. Рябушинского. После большевистской революции типография была национализирована, а набор книги рассыпан. Впоследствии он так описывал свое состояние в послереволюционный год: «со всем моим укладом и воспитанием, неприспособленный, больной, беспомощный, оставшийся без средств, среди несчастий семьи, среди великого крушения» [Добровольский 1994, с. 91—92]. В 1918—1919 гг. Добровольский оказался в Калуге, служил в губернском союзе потребительских обществ. Калужская жизнь описана им в письме другу, В. П. Ютанову, от 24 ноября 1918 г. [Блинов 1990, с. 105]:

Может быть, вы уже совсем забыли про меня, вот уже я и сам не верю, что на земле был Тришатов. Я теперь только помощник секретаря в кооперации, я пишу теперь только бумаги с ходатайством об освобождении священников

от призыва в тыловое ополчение, отношения в Совнархоз, объявления, что в Губернском союзе потребительских обществ есть вакансия машинистки 2-го разряда с окладом жалования в 675 рублей, а вечером еще хуже, от 7—8 я пишу ордера на астраханские селедки, мыло, керосин и валенки. <...>

У меня почти слезы на глазах, моя Москва дорогая, и ваша Серпуховская, вся дорога до вашего дома... Ах, эти длинные ночи, последняя папироса, уже потушенное электричество и мы с Иваном Ивановичем <Белосовым> (отрывок из нового Герцена), разговоры до рассвета, все волнение пережитого вечера, литературных встреч и впечатлений.⁵

Добровольскому удалось вернуться в Москву, но ненадолго: 27 августа 1919 г. он был призван в Красную армию и направлен в канцелярию штаба в Красноярске. Затем окружной военный комиссариат Восточной Сибири откомандировал его в Иркутск, куда он прибыл 22 августа 1920 г. 31 октября 1920 г. он писал Н. С. Ашукину [Блинов 1990, с. 106]:

Я все-таки не понимаю, зачем я очутился здесь, за тысячи верст от всего мне привычного и дорогого.

Жизнь моя идет без событий. Сажу в библиотеке красноармейского клуба, добросовестно пишу инвентарную книгу, карточки каталога и формуляры <...>

По вечерам, когда дают электричество, что бывает с большими промежутками, читаю какие-нибудь добрые старые романы и все больше убеждаюсь, что сам я никогда ничего подобного не напишу.

Если сел бы писать, я знаю это, опять начнешь кричать без запятых... да нет, я молчу упорно, разве есть что-нибудь лучше молчания?

Стремясь вырваться в Москву, Добровольский по совету друзей в декабре 1920 г. обратился за помощью к В. Брюсову [Блинов 1990, с. 107]:

Жизнь в Москве необходима мне для литературной работы, и это заставляет меня обратиться к Вам <...> многолетняя работа среди книг (в течение последних лет я работал в библиотеке Калужского Губсоюза, в библиотечной секции Культпросвета 43 дивизии, в литературно-библиотечной комиссии Московского совета), наконец, моя настоящая работа в иркутских библиотеках — гарнизонной и библиотеке Союза Советских служащих <—> дает мне смелость просить <В>ас о замещении мною одной из вакантных должностей во вверенной Вам библиотеке Литературного отдела и откомандировать меня как специалиста и литератора в Москву.

Надо полагать, Брюсов откликнулся на эту просьбу. В 1921 г. Добровольский демобилизовался и вернулся в Москву, работал в литературном отделе Народного комиссариата просвещения РСФСР, затем продавцом в книжном магазине, а с 1928 по 1948 гг. — библиотекарем в Московском Доме литераторов. В 1922 г. был членом редколлегии и одним из авторов журнала «Маковец» (Сергиев Посад). Принимал участие в создании и работе литературного круж-

⁵ Как видно из цитируемого ниже письма Добровольского, обращенного к В. Брюсову, в Калуге он работал также и в библиотеке.

ка «Современники» (1921—1924), учредителями которого были, кроме него, П. Вагин, В. Вешнев, М. Волков, В. Мордвинкин, А. Насимович, А. Перегудов, Б. Пильняк, М. Португалов, О. Савич, М. Шимкевич, А. Яковлев и др. Кружок ставил перед собой следующие задачи: «отражение в художественной прозе современности, выработка мастерства, отрицательное отношение к любительской дилетантской кружковщине» («Известия», 1922, 22 апреля).

19 июня 1948 г. Добровольский был арестован по делу поэта Даниила Андреева. Дневники, записные книжки, наброски и готовые произведения (в частности, ряд рассказов) были уничтожены во время следствия. 22 октября 1948 г. был приговорен по ст. 58 к 10 годам лишения свободы за антисоветскую пропаганду. В 1949—1954 гг. отбывал срок в Потьминских лагерях, где написал цикл стихотворений «Ж-106».

А. А. Добровольский вернулся в Москву в 1954 г., в 1956 г. был реабилитирован. Писал документальную прозу.

Несмотря на убежденность современников, что «Тришатов останется» (см. выше), сейчас это имя вспоминают редко. Одно из немногих исключений — публикации Русской православной церкви. Добровольский был глубоко религиозен, с 1918 г. — прихожанин Храма Николая Чудотворца в Клённиках, духовный сын о. Алексия Мечёва⁶. В изданиях РПЦ выходила послелагерная проза писателя: автобиографический сборник «Десять мин» (М., 1991) и рассказ о его духовном отце [Добровольский 1994].

В 1990 г. появилась первая публикация лагерного цикла стихов Тришатова «Ж-106» — в подготовленном Владимиром Брониславовичем Муравьевым сборнике стихов жертв политических репрессий «Средь других имен» [Тришатов 1990]. В этом издании тришатовский цикл дан по списку, сохранившемуся в семье Даниила Андреева (15 стихотворений). В РГАЛИ [ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5] имеется машинописный текст другой редакции цикла «Ж-106»: собранные в тетрадочку 18 стихотворений. 12 стихотворений повторяются (иногда с разночтениями) в обоих источниках, 3 — только в андреевском списке, 6 — только в списке РГАЛИ. Всего в обоих списках 21 (неповторяющееся) стихотворение. Кроме того, тетрадочка из РГАЛИ включает оглавление цикла «Ж-106», содержащее 20 стихотворений (тексты двух из них в этом источнике утрачены). Сопоставляя названные списки, мы попытались реконструировать цикл «Ж-106» полностью (детали этой реконструкции приведены в примечаниях ниже)⁷.

Н. Н. Перцова, А. В. Уланова

Основные источники: РГАЛИ, [Блинов 1990, ЗХП 1997, СДИ 1990]. Фото А. А. Добровольского в начале раздела: ок. 1905, ЦИАМ, публикуется впервые.

⁶ Умер в 1923 г., ныне включен в число Новомучеников Российских.

⁷ Выражаем свою искреннюю признательность В. Б. Муравьеву за разрешение использовать материалы книги [СДИ 1990] и Т. М. Горяевой за разрешение использовать неопубликованный вариант цикла «Ж-106», хранящийся в РГАЛИ.

У ВАГОНА.

«Убьютъ, убьютъ» — рыдала сестра,
И казалось, вотъ закричу я самъ;
Чужой толпы любопытство и страхъ
Прилипали къ моимъ усталымъ глазамъ.

Почему, я не знаю, бываетъ такъ,
Что захочется ужасъ бездны смѣрить;
У меня душа давно пуста,
И я вижу тебя, моя близкая смерть.

Отчего же не страшно мнѣ умереть?..
Или жду я, что мальчикъ проснется во мнѣ,
Чтобъ гордиться револьверомъ въ кобурѣ<>
И тяжелою шашкой на желтомъ ремнѣ.

Безтревожными стали бы мысли мои,
И спокойно бы сердце ждало, пока,
Какъ въ красивыхъ стихахъ, самъ святой Михаилъ
Не зачислить въ ряды своего полка.

[Добровольский 1915а]

ВОСПОМИНАНИЕ О МОСКВѢ.

Юрiо Бочарову.

Снова тоской воспоминанiй я боленъ,
Снова, какъ блудный сынъ, я возвращаюсь къ вамъ,
Въ золотѣ фиолетовыхъ и розовыхъ колоколенъ,
Меня встрѣчающая, дорогая Москва.

Быть послѣднимъ метельщикомъ вашихъ улицъ,
Считать и видѣть пестрыхъ домовъ вашихъ нить,
О только бы возвратились, только бы ко мнѣ вернулись
Моего дѣтства счастливые дни!..

Дни беззаботнаго маленькаго школьника,
Чтобы, горечи жизни еще не понимая,
Весело на трамваѣ по дорогѣ къ Сокольникамъ
Бхать вмѣстѣ со всѣми перваго мая.

Петроградъ, 1915.

[Добровольский 1915б]

ВЕСНА

Рогожка снежная совсем уже ветха.
Сейчас ее земля рукой согретою скинет.
Смотри: купец барашек и меха
На шляпы легкие переменяет в витрине.

И если б все смотреть, ты знаешь — может быть,
Мы здесь увидели б, как мир над нами тает,⁸
Как маленький Апрель, набрызгавшись, пускает
Кусочки облака по синим лужам плыть.⁹

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 4, л. 2]

* * *

Моя судьба везде одна:<>
Как не был счастлив на земле я<,>
Так и в Раю отведена
Мне будет темная аллея.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 4, л. 6]

⁸ Вариант строки: *Мы здесь увидели б, как даже небо тает.*

⁹ Вариант строки: *Кусочки облака по лужам неба плыть.*

Ж-106

СУД

Я был в доме глух, я был в храме нем.
Сердцу слабому грудь не крепка.
Не крестили меня крестным знаменем
С неба белые облака.

Я, хромая, прошёл путь знания.
Я не спрашивал, что там.
Я чужие давал названия
Птицам, радостям¹⁰ и цветам.

Не звучал для меня как счастье
Мировых голосов хорал.
Я священнейшее причастие
В искривлённые губы брал.

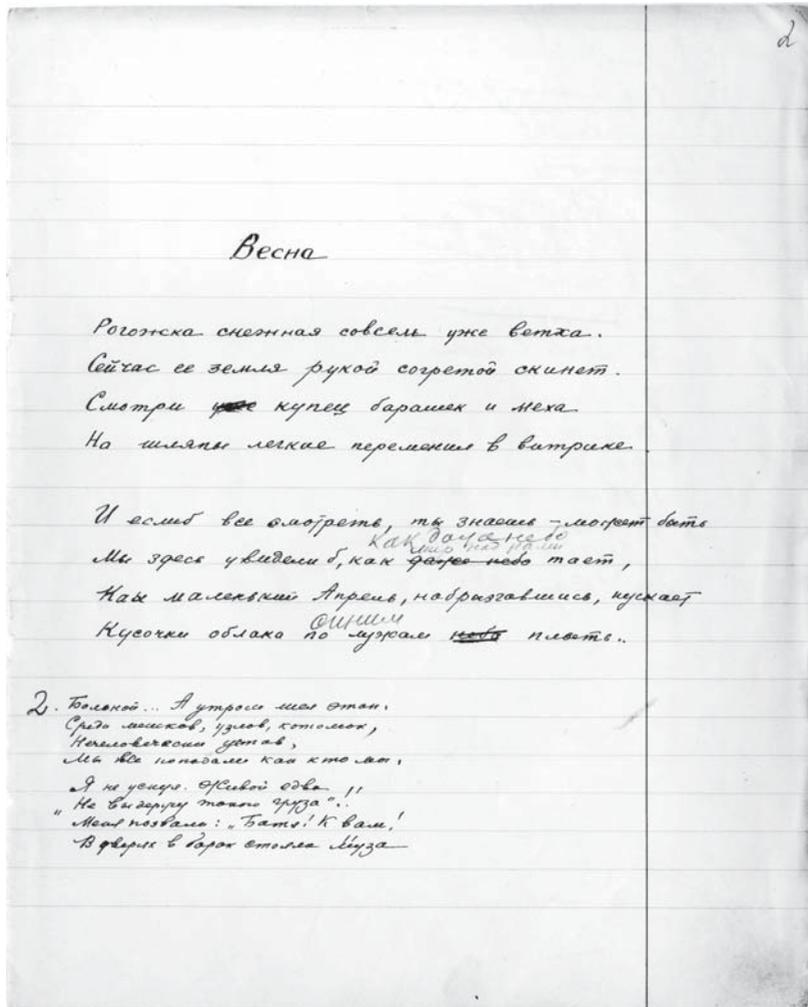
Не простёр к Тебе, Матерь, длани я,
И Твой Сын не прильнул ко мне.
Человеческого желания
Я не дал ни одной жене.

Грех последнего преступления
Я в себе побороть не смог.
Дар, как гром говорящего пения,
Я зажал, завернув в платок.

Чтоб не ринулось
Ко мне Слово —
Огнезrachное колесо.

Вот такого-то, вот такого
И судило меня ОСО¹¹.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 1-2;
то же: Тришатов 1990, с. 432-433]

Страница рукописи А. А. Тришатова. 1950-е гг. РГАЛИ. Публикуется впервые

¹⁰ В [Тришатов 1990]: радости.

¹¹ ОСО — Особое совещание (внесудебный карательный орган).

ГОЛГОФА

Шопот ночи, злой, как писк мышинный.
Взгляд последний... Двор наш... Темнота...
В переулке разворот машины,
И моя Голгофа начата.

Но в величье моего терпенья
Скорби я одной с души не стёр:
Изваянье двух моих сестёр,
Горестное их оцепененье.

Сверху свет на них ложится жёлтый,
И они, смотря в дверной квадрат,
Спрашивали всё: — Куда ушёл ты?
И когда назад вернёшься, брат?

Господи, страданье умири их,
Ведь Тебе знакома пытка та.
Вспомни, Господи: у Твоего креста
Тоже так стояли две Марии.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 3]

АНТИГОНА

Всё отняли, что могли отнять.
Конченный, забытый, чуть живой я...
Вдруг я понял. Около меня
Кто-то есть. Я не один. Нас двое.

Кто-то поднял с пола и земли,
И повёл, и стал поводырём мне.
И слова, как крылья, повлекли
Всё сильней, всё шире, всё огромней.

«Обопритесь на меня легко.
Вот рука моя, плечо и шея.
Я всегда была от вас так далеко,
В жизни вашей вам мешать не смея.

Кончилась отверженность моя.
Дочь опять вернулась в отчье лоно.
О Отец, пойдёмте! С вами я.
Ваша Песня, ваша Антигона».

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 4;
то же: Тришатов 1990, с. 430–431]

МУЗА

Больной... А утром шёл этап.
Среди мешков, узлов, котомок,
Нечеловечески устав,
Мы все попадали, как кто мог.

Я не уснул. Живой едва...
(Не выдержу такого груза.)
Меня позвали: — Батя, к вам! —
В дверях в барак стояла Муза.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 5;
то же: Тришатов 1990, с. 430]

ДВА ПОЭТА

Как только ночь, из той неведомой страны,
Где мужи доблестны и жёны величавы,
Будя видения и разгоняя сны,
Спешит, торопится ко мне поэт курчавый.

Часы безумств крылаты и легки,
Они как пламенник веселью дружбы служат.
И я не свой, когда две тени — две руки
Венком мне голову окружают.

Я знаю, я других не соберу венков,
Мне лавр назначенный в своём краю увянет.
К прилавку книжному из-за моих стихов,
Тесняся и шумя, толпа стоять не станет.

Не будет сладость их никем оценена,
 Не будет узнана их тайна и удача.
 Из русских девушек, я знаю, ни одна
 Не вспыхнет, их как счастье пряча.

Так никому пою... И все ж неповторим
 Тот миг. Кончается к утру беседа наша.
 И — два поэта — мы друг другу говорим,
 Когда прощаемся:

«Прощай, мой милый Саша».

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 6;
 то же: Тришатов 1990, с. 431]

ЛАГЕРЬ

Я вышел. Тихо. Ночь кругом.
 Спят все, и грешный, и проклятый...
 И я шепчу: — Ночь тоже дом.
 Войди сюда. Здесь у себя ты.

Пусть длится продолженье дня —
 Огни, горящие по зоне.
 Они не страшны для меня,
 Их свет в нездешнем свете тонет.

Сейчас все эти дали, лес,
 Лежат, окутанные снами.
 И только «ШИРШАЯ НЕБЕС»
 Скорбит и молится над нами.

[Тришатов 1990, с. 431–432]

* * *

Когда на Руси построили
 Иль крепость, иль Кремль, или храм,
 Живое, чтоб крепче стояли,
 Вмуровывали по углам.

Случилось кому появиться,
 Тут жалобы не помогли б.
 Будь отрок, жена ли, девица,
 Кто встретился, тот и погиб.

Сейчас создается эпоха,
 И в низ ее — в щебень и в бут,
 Чтоб здание вышло неплохо,
 Живых миллионы кладут.

Мы схвачены — злой и невинный,
 За что? Пусть Господь разберет.
 И движется длинный-предлинный
 Наш, к гибели нашей, черед.

Но, брат мой, вмурованный в камень,
 Пойми, мы недаром легли,
 Мы то, чем крепится фундамент
 Всей будущей жизни земли.

[Тришатов 1990, с. 432]

* * *

Моет пол ночной дневальный. Все затихло. Спит больница.
 «Если б мне уснуть, — зову я. — Сон, больного оживи».
 Наконец я засыпаю. Я заснул, и вот мне снится:
 В двери входит император, весь забрызганный в крови.

Он руки моей коснулся и сказал мне в утешенье,
 Прежде чем совсем растаять, прежде чем уйти из глаз:
 «Я больному — исцеленье, заключенному — спасенье.
 Мне молитесь. Я предстатель и молитвенник за вас».

Я проснулся, оглушенный звонкой дробью барабана,
 Императорским парадом на Царицыном лугу.
 Полосатые шлагбаумы. Волны желтого тумана.
 Государева столица в мокром мартовском снегу.

В Петербурге что творится? Что гвардейцы побледнели?
 Отчего печальны люди? Отчего на лицах страх?
 Отчего Святой Архангел в черной каске и шинели
 Сам сегодня стал на стражу, сам сегодня на часах?

«Император, в вашем замке цвета крови и брусники,
 В ваших залах опустевших мир усопшему поют.
 Слышите ль вы эти стоны? Слышите ль вы эти крики?
 Император! Император! Этой ночью вас убьют!»

.....
 Я проснулся — спит Россия. Пусть она во сне увидит
 Все концы свои, просторы... Лагеря и лагеря.
 Всех детей своих невинных в смерти, скорби и обиде,
 Миллионы, миллионы — за убитого царя.

[Тришатов 1990, с. 437–438]

БОЛЬ

Здесь, в невёселем нашем доме,
 Меня утешил звук знакомый:
 Стишок, припомнившийся мне:
 «Поглубже в сон, поближе к дому».

Пусть нет конца моей беде,
 Я всё твержу четыре слова,
 И вот, не различаю, где
 Бараки, зона, лес сосновый...

От слов, от ссор, от работяг,
 От злобы, от вражды к другому...
 Не слушай, отдохни, приляг,
 Поглубже в сон, поближе к дому.

Рукой недоброй и лихой
 Мне жизнь очерчена по краю.
 Я болен. Я совсем плохой.
 Я чувствую, что умираю.

Но холодеющий, в бреде
 Скажу. Переборю истому:¹²
 «Не трогай, Смерть. Я сам пойду
 Поглубже в сон. Поближе к дому».

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 9;
 то же: Тришатов 1990, с. 433–434]

ПЕСНЯ

Милый, милый, кудрявый, мой,¹³
 Русский весь, как приокские сёла,
 Как орешника прут — прямой,
 Как на Троицу звон — весёлый.

Так лишь ветер бежит по овсам,
 С неба золото солнца роняя.
 Вторя радостным голосам,
 Шёл ты, молодость обгоняя.

Почему же так ночь страшна,
 И откуда беда явилась?
 Как дитё на руках колдуна,
 В черных лапах душа забилась.

Кто созвал их? Кого только нет!
 Бестелесных, бескостных, бескрылых...
 Или он — голубой твой свет
 Над могилами взвил и взмыл их!

И пошла и пошла кутерьма
 По дворцам, кабакам и залам.
 За поэтом не Муза, а Тьма,
 Не с лицом, а с одним оскалом.

¹² В [Тришатов 1990]: *Скажу, переборю истому.*

¹³ В [Тришатов 1990]: *Милый, милый, кудрявый мой.*

И поёт она ртом без губ,
И поёт так, что сердце щемит...
Не гляжу, не хочу, не могу...
Только б слушать и плакать со всеми.

И проходят в слезах и в цветах
Тени близких, любимых и милых,
И встаёт та, что с детства свята,
Та, что в горести сердце прямила.

Хоры ангелов входят в твой сад,
Божьи солнца с тобою играют,
И весь мир оглянулся назад
К твоему, в белых яблоках, раю.

Пой же, пой... Он и пел бы еще,
Да сведённые губы немеют.
Видишь, чёрный за левым плечом
Сзади пальцами меряет шею.

И в гостинице «Англетер»,
Меж лакеев, маркёров с киями,
Как сквозь строй модных денди и стерв,
Русский мальчик бредёт к своей яме.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 13–14;
то же: Тришатов 1990, с. 434–435]

НАШ БАРАК — «СЛАБОСИЛОВКА»

Кем был ты раньше, не всё ль равно!
Здесь всем нам крышка.
Куда ни взглянешь, везде одно —
Забор и вышка.

Однообразней не повторишь,
Как друг за дружкой
Уходят скаты барачных крыш
Под «финской стружкой».

Проснулся лагерь. Пробил «подъём»,
Плещись у крана,
А сзади слышно: «Забьём, забьём»,
Иль: «Добре рано».

Пришел с поверки, на койку сел.
Кричат: «По новой».
А там, как белка в колесе,
Маршрут к столовой.

Воды хватает. Съешь миски три,
А после пухни.
Посылку маешь? — Обед вари
В китайской кухне.

Тоска барака. Куда пойти?
Бульвар из прутьей.
И липки гнутся, и пыль летит,
И ветер крутит.

Прочти газетку в КаВеЧе¹⁴,
Помойся в бане,
Глядишь, а день и протече,
Другой настанет.

Так жизнь мелькает (подъём — отбой)
Людских отребий.
Зачем досталось нам с тобой¹⁵
Делить их жребий?

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 15–16;
то же: Тришатов 1990, с. 436–437]

САМСОН

Среди других там был монах,
Совсем в рембрандтовских тонах.

¹⁴ КВЧ — культурно-воспитательная часть.

¹⁵ В [Тришатов 1990]: *Зачем досталось и нам с тобой*.

От бороды, волос и рта
 Сплошная чёрная черта.
 Он ничего не ел, не пил.
 «Ваш суп Антихрист окропил», —
 Он говорил,
 И шёл библейский гул
 От раздвигаемых им скул.

Вошли. «Который здесь Кудлай?»
 «Чего молчишь?»
 «А ну слезай!»
 И шёпот шёл среди людей:
 «Сейчас возьмут его в кандей¹⁶».

Мы все как были обмерли,
 Когда его в барак ввели.
 Бледней, чем самый белый мел,
 Кругом обритый, как яйцо,
 Чужое, не его лицо.
 Я замер, я смотреть не смел.
 Он тоже не смотрел на нас.
 Сначала сбросил вниз матрас,
 Потом, упав на доски ниц,
 Стал трогать впадины глазниц,
 Морщины рта, провалы щёк.
 Казалось, он хотел ещё
 Вернуть назад привычный лик,
 О, бедный плачущий старик,
 Людьюми охамленный Самсон!

В ту ночь я потерял свой сон.¹⁷

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 17–18;
 то же: Тришатов 1990, с. 435–436]

¹⁶ Карцер.

¹⁷ В [Тришатов 1990]: *В ту ночь я потерял мой сон.*

ПЛЕННИЦА

Почти что ощупью, совсем как неживая,
 Крылатость прежнюю забыв и отреша,
 Ты шагом грузчика, усталая душа,
 Идешь и не идешь, едва переступая.

Ободришь, пленница, гонимая, утешься.
 Уйдём с земных путей, начнём туда полёт,
 Где стаи ласточек небесный режут лёд
 В стремительном круженье конькобежца.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 19]

ВСТРЕЧА

Я не сразу понял, вспомнил, кто ты.
 Далеко нас годы развели.
 Так блеснёт сначала позолота
 И потом лишь всей иконы лик.

Но в вопросах: «как? когда? откуда?..»
 В вихре слов, что шли наперебой,
 Всё снимало ощущение чуда,
 Что пришло, что ты принёс с собой.

Я запомнил все твои приметы,
 Строгость губ и глаз голубизну,
 И ещё так много, много света,
 Точно Бог в лицо моё взглянул.

Это длилось сколько? Месяц? Два ли?
 Но как был, таким навеки стой.
 Мучеников прежде рисовали
 Так, одною краской золотой.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 20]

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

(ОТРЫВОК)

И не минует нас. И будет и придёт
 День неизбежный, час зловещий.
 Фамилии прочтут, и голос проорёт:
 «Товарищи, сдавайте вещи».
 Чуть утро вспухшее, от плеч роняя мрак,
 Кругом означится чертой у небосклона,
 Как мы спешим толпой, покинувши барак,
 Туда, где строится колонна.

С другими в ряд...
 Пошли. Назад глядеть нельзя.
 Охрана по бокам и путь один — к воротам.
 Скажи же, сердце, мне. Что ты велело взять?
 Что в вещевой мешок мне положило?
 Что там?..

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 23;
 то же: Тришатов 1990, с. 437]

МОЛЧАНИЕ

Всё меньше слов, всё реже, всё скупей
 Молчание.
 И вдруг запросит сердце снова:
 «О, оглянись назад, и припади, и пей
 Ещё... ещё глоток из черепка земного».

И бедная душа (пойди пойми её)
 Уже торопится за всеми голосами.
 И всё глядит туда, где прошлое встаёт,
 Где мир, где жизнь, где дом.
 И слёзы льются сами.

Ты жаждешь, скорбная. Ты ждёшь, чтоб друг взглянул,
 Чтоб, как всегда, опять он здесь, сейчас, сегодня
 Взял губку и её в обиду обмакнул,
 И на копьё, смеясь, к тебе на крест приподнял.

Не пей! Сомкни уста! Да снизойдет покой,
 Всему безмолвие и строгость возвращая.
 Последний человек мне помахал рукой.
 Прощай, земля, прощай...

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 24]

УТРО ПОХОРОН В ОЛПЕ¹⁸

Я умер, и я вижу, мама
 Пришла в наш лагерь, на кладбище,
 И ходит, плачет: «Саша милый,
 Где ты? Как мне тебя найти?...»
 Как мне сказать ей — вот я самый,
 Твой сын, которого ты ищешь.
 Мою бескрестную могилу
 Своей рукой перекрести.

Умершего в стационаре...
 (Что безучастней, что грубее?)
 Его проводят глум и злоба,
 Бесчестя Божьего раба.
 Но вот я слышу голос Вари:
 «Мой брат, все принесла тебе я,
 Свечу умершей, креп от гроба,
 И венчик, что сняла со лба».

Тень целованья, ответ грусти —
 Душе... А гроб такой-то номер
 Там кто-нибудь из санитаров
 На вахту, матерясь, припрёт.
 Надзор не сразу всех пропустит.
 Что для него, что кто-то помер.
 Сначала тех повозок пару,
 Хлеб... бочки... Всё других черёд.

Потом пойдут бригады мимо,
 Косясь на мой досчатый ящик,
 Его стараясь не заметить.
 Развод окончен. Все прошли.

¹⁸ В [Тришатов 1990] стихотворение названо «Утро похорон в ОЛАГе». ОЛП — отдельный лагерный пункт.

И никому не будет зримо,
 Что Божья Матерь Всех Скорбящих
 Сошла сюда, чтоб доски эти
 Зарёй небесной застелить.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 25–26;
 то же: Тришатов 1990, с. 438–439]

ГОСТЬ

Я в комнату твою стучался. В твоё окно.
 Жена тебе сказала: «Милый, мне холодно.
 Наверно, форточка открылась. Встань, затвори».
 А это я прошёл сквозь стену и был внутри.

Я здесь. Я тенью пальцев трогал вещей края,
 Картины, книги, платье, обувь. Твою рояль.
 Я тенью сердца плакал тише, чем дрожь в листве.
 Жена сказала: «Янко, слышишь? Скорей дай свет!»

Ты встал. Потом провёл рукою по волосам.
 «Придёт же в голову такое. Не знаю сам.
 Поверишь, Оля!»

— «Что? Мне страшно».

— «Да нет, пустяк».

Я вдруг подумал: здесь Тришатов, у нас в гостях!»

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 27;
 то же: Тришатов 1990, с. 439–440]

ПИСАТЕЛЬ

Ты писатель, пройди бегом,
 В обе стороны не глядя.
 Лауреаты стоят кругом.
 Лауреаты — они следят.

Только выпусти крест из рук,
 И сомкнется вокруг кольцо,
 И появятся как-то вдруг
 Стол и медиума лицо.

И чернильница и перо...
 И подписан листок, готов.
 Не отделаться тут добром,
 Не докажешь, что ты никто.

И такая придет тоска,
 Точно был он, сто лет назад,
 Страшный гоголевский рассказ,
 Как несли его душу в ад.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 28]

ОН

Я засыпал. Движенье. Кто бы?
 Вошел, и никого с ним рядом.
 Сказал мне: «Ваши вещи где?»
 Я растерялся. Это обыск?
 Тяжелым Лермонтова взглядом
 Вошедший на меня глядел.
 Чуть тронул вещи. Разбросал их,
 А голос, точно эхо в залах
 Бил в стены, с них сдувая мел:
 «Альбом, бювар, тетрадь с стихами.
 Всё, что написано здесь вами,
 Вот, что я б получить хотел».
 Я был смущен. «Альбом?.. бумаги?..
 Здесь не свобода. Это лагерь.
 Писать, распространять, хранить,
 Всё это здесь запрещено мне,
 И тот запрет я должен помнить,
 Чтоб срок оставшийся прожить.
 Пою. Но я всё то миную,
 Что ищут все, и цель иную
 Я ставлю. Да, без похвальбы.
 Другие этого не знают,
 Я не пишу, я вспоминаю
 Всё то, что должен был забыть».

Слева направо:
А. В. Кемниц (Скородумова),
Д. Л. Андреев, А. А. Тришатов,
А. Л. Зилов. 1930-е гг.

Чем? Как? Своим мундиром шитым?
От глаз, от рук его, шагов ли?
Но он заледенил меня.

«Ну, если стали вы пиитом
Не для хлопков, не для торговли,
Друг друга сможем мы понять».

Стихи не выдумать, не спеть их.
Гармонии и света дети
Без нас пришли, без нас пройдут.
Являются ль миров подножьем,
Премудростью ли в лоне Божьем,
Они везде. Они вот тут.

Как назовете? Сном? Прозреньем?
Но встреча со стихотвореньем
Бывает странною всегда.
Когда душа его приманит,
Там, на воздушном океане,
Закатится одна звезда.

Стихи страшной дороги к аду,
Блестящей всех небесных радуг,
Грозней Творцу гремящих крыл.
Поверьте там, где я поверил!

И в стену он ушел без двери,
А я глаза свои открыл.

Всё как всегда. В углу бушлаты.
Кругом дыхание палаты.
Врач у себя за той стеной.
Да в бедной раме надо мной
Изображение поэта
С недоброй крупной головой.
И так же смотрит он с портрета,
Как на меня смотрел живой.

*7 л/о. Туберкулезный стационар
1953*

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 29–31]

ПОСЛЕДНЕЕ

Не вол и не орел, не лев
Меня стихам тем научили.
Я их нашел, как бы прозрев,
Без человеческих усилий.

И мне осталась навсегда
Непостижимой тайна эта.
Дрожи. Научит Бог когда
Косноязычие поэта,

Тогда стихи идут на лист,
Разя как меч, кипя как рана.
Так написал Евангелист
Евангелю от Иоанна.

[РГАЛИ, ф. 2588, оп. 1, ед. хр. 5, с. 32;
то же: Тришатов 1990, с. 439]

ПРИМЕЧАНИЕ К ЦИКЛУ «Ж-106»

Как уже говорилось, цикл «Ж-106» сохранился в двух несопадающих редакциях. Одна хранится в семье Даниила Андреева: 15 стихотворений, опубликованных в [Тришатов 1990], другая — в РГАЛИ: 18 стихотворений и Оглавление, в котором приведены 20 названий; листы, на которых были записаны два недостающих стихотворения, утрачены. Первое из не сохранившихся в РГАЛИ стихотворений называется «Суд» — стихотворение с таким названием находим в андреевском списке; второе называется «Судьбина» — в андреевском списке такого названия нет, однако можно предположить, что название «Судьбина» относится к стихотворению «Когда на Руси построили...» (или к циклу из двух стихотворений — «Когда на Руси построили...» и «Моет пол ночной дневальный...»). Таким образом, у нас, по всей видимости, собраны все стихи цикла. Приведенная ниже таблица задает порядок и состав стихов в разных редакциях (так, «Суд» является первым стихотворением в оглавлении и списке РГАЛИ и шестым в андреевском списке, стихотворение «Голгофа» занимает второе место в оглавлении и списке РГАЛИ и отсутствует в андреевском списке и т. д.).

Оглавление РГАЛИ	Список РГАЛИ	Андреевский список
Суд	№ 1	№ 6
Голгофа	№ 2	нет
Антигона	№ 3	№ 2
Муза	№ 4	№ 1
Два поэта	№ 5	№ 3
Лагерь	не сохранилось	№ 4
Судьбина	не сохранилось	? № 5 «Когда на Руси построили...» ? № 12 «Моет пол ночной дневальный...»
Боль	№ 6	№ 7
Песня	№ 7	№ 8
Наш барак — «слабосилровка»	№ 8	№ 10
Самсон	№ 9	№ 9
Пленница	№ 10	нет
Встреча	№ 11	нет
Последний этап (Отрывок)	№ 12	№ 11
Молчание	№ 13	нет
Утро похорон в ОЛПе	№ 14	Утро похорон в ОЛАГе № 13
Гость	№ 15	№ 15
Писатель	№ 16	нет
Он	№ 17	нет
Последнее	№ 18	№ 14

Владислав Ходасевич

16/28.V 1886, Москва — 14/VI 1939, Париж

Владислав (Владислав-Фелициан) Фелицианович Ходасевич — один из самых популярных ныне поэтов Серебряного века. Его сочинения — стихи, проза, публицистика, письма, переводы — постоянно издаются и переиздаются: в журналах, однотомниках (в частности, [Ходасевич 1989]), двухтомнике [Ходасевич 1983–90], четырехтомнике [Ходасевич 1996–97], начатом восьмитомнике [Ходасевич 2009]... Еще более обширна литература о Ходасевиче.

Сам поэт писал о себе следующее [Ходасевич 1996–97, т. 4, № 51]¹:

Я родился в Москве, 16 мая 1886 г. Отец — литовец, мать — еврейка. Отец — ученик Академии Художеств, впоследствии забросивший живопись и торговавший в Москве фотографическими принадлежностями (1-й по времени открытия магазин в России: фотография была редкостью). Отец на 51, мать — на 41 г. старше меня. Я младший в семье (три брата и две сестры, все много старше). Семья зажиточная, но не богатая. Все учились. Литературных интересов в семье было мало, почти не было. Впрочем, благодаря старшему брату, рано пристрастился к чтению. Читал очень много, обладал исключительной памятью. (Теперь очень не люблю читать.) Выучился чтению на 4-м году. Первые стихи — 6–7 лет, также «комедии» и «драмы» (в прозе). В 1896 г. — в гимназию, учился очень хорошо. Окончил в 1904 г. — без медали, «за развращающее влияние на товарищей», выразившееся в упорном «декадентствовании». За русские сочинения хотели исключить из 8 класса. Первые сознательные литературные интересы — в 6 классе гимназии. Прекрасные учителя: В. И. Шенрок, Тор Ланге, Георг Бахман, М. Д. Языков — поэты. Впрочем, в 5–7 классах мечтал о сцене (теперь не люблю театра никакого). В 1904—1905 гг. — знакомство с Брюсовым, Бальмонтом, Белым, с которым очень хорошие отношения с 1907 года. Он — один из самых важных людей в моей духовной биографии и один из самых дорогих мне людей вообще. Он — да поэт С. В. Киссин (Муни), умерший в 1916 году.

Печататься начал ужасно плохими стихами в III альманахе «Грифа» (февраль 1905). Потом — «Весь», «Золотое Руно», «Перевал» и т. д. и т. д. Писал много критических заметок и статей, большинство которых мне теперь глубоко чуждо и даже противно по духу.

¹ В письме П. Н. Зайцеву от 11 июня 1922 г. Приводимая здесь автобиография была предназначена для готовившейся к печати антологии русской поэзии начала XX века, однако составителями антологии она использована не была (переиздание антологии — [Ежов, Шамурин 1991]).

Книги: 1908 — «Молодость», 1914 — «Счастливый Домик», 1920 — «Путем Зерна», 1922 — «Тяжелая Лира», «Статьи о русской поэзии», «Из еврейских поэтов», «Загадки (сказка)».

«Счастливый Домик» переиздан в 1922, «Путем Зерна» — в 1921.

Сейчас пишу только стихи, изредка статьи.

В университете — с 1904 г., филологический факультет, который бросил в 1907 г.

Вот и все в общих чертах.

Любимые поэты: Пушкин, которым специально занимался с 1906 года, Борат<ынский>, Фет, Блок. Сейчас становится очень близок Лерм<онтов>, которого я раньше не умел ценить.

Сам иногда писал рассказы: позорно плохо.

У Нины Берберовой [Берберова 1939, с. 257] находим более подробные сведения об отце поэта:

Отец его был сыном польского дворянина (одной геральдической ветви с Мицкевичем), бегавшего «до ясу» в 1833 году, во время польского восстания. Дворянство у него было отнято, земли и имущества тоже. Отец Ходасевича сначала задумал быть живописцем: он учился у знаменитого Бруни и расписал в Вильне какую-то церковь, но с годами пришлось бросить искусство и перейти к коммерции. Одно время он был фотографом в Туль (где родились его старшие дети). Когда родился Ходасевич, его отец уже был владельцем первого в Москве магазина фотографических принадлежностей (на Б. Дмитровск.).

Связь поэта с его прародиной-Польшей, по словам Берберовой, ограничивалась любовью к Словацкому и Мицкевичу — особенно к последнему, которого он считал «поэтом не хуже Пушкина». Ей запомнились такие строки из одного неоконченного стихотворения Ходасевича:

Я родился в Москвѣ; я дыма
Над польской кровлей не видалъ,
И ладанки съ землей родимой
Мнѣ мой отецъ не завѣщаль.

За два года до поступления в гимназию Ходасевич начал образование в училище Л. Н. Валицкой (там же учился и Александр Добровольский, впоследствии — писатель *Тришатов*). В III Московской гимназии завязалось знакомство с кругом людей, которым суждено было разделить его увлеченность поэзией: в одном классе с ним учился Александр Брюсов, на класс старше был Виктор Гофман, гимназическим учителем служил Виктор Стражев. В университетские годы к этому содружеству «младосимволистов» присоединились братья Койранские и Самуил Киссин. Они печатались в изданиях «Грифа» и потому получили от А. Белого прозвище «грифята». В 1910-х вкусы группы разошлись: А. Брюсов и А. Койранский сочувствовали футуризму («Они теперь ходят табунком: Ал. Брюсов, Ал. Койранский, еще какая-то тля газетная и он [Маяков-

ский]», — писал Ходасевич Б. Садовскому в мае 1913 г.), тогда как Киссин и Ходасевич испытывали к футуризму глубокое отвращение (последний называл Маяковского своим «литературным врагом»).

В Московском университете Ходасевич учился несколько дольше, чем он пишет в автобиографии. В 1904 г. он поступил на юридический факультет, в 1905 г. перевелся на историко-филологический, в начале 1908 г. был уволен как не внесший платы за осеннее полугодие 1907 г., но уже в октябре 1908 г. был принят обратно. В сентябре 1910 г. он подал прошение о принятии его на юридический факультет, откуда был уволен в апреле 1911 г. как не внесший платы в осеннем полугодии 1910 г. Сохранилась справка о том, что он выбыл из университета, не окончив курса (апрель 1911 г.).

Взрослую жизнь поэта Н. Н. Берберова характеризует словами «болезни и бѣдность» [Берберова 1939, с. 258]:

Болезни и бѣдность... Съ того дня, когда онъ понялъ, что не будетъ ни кушомъ, какъ отецъ, ни юристомъ, какъ братья, а будетъ поэтомъ, и до послѣдняго своего часа онъ былъ бѣденъ. Сперва, до революціи, боролся съ бѣдностью литературной работой — переводами, халтурнымъ, безмяннымъ трудомъ въ различныхъ издательствахъ. Въ тѣ годы онъ былъ одинокъ и безпутенъ, и будучи самымъ молодымъ среди поэтовъ-символистовъ, несъ на своихъ еще не окрѣпшихъ плечахъ всю тяжесть этого «направления», сломившаго постепенно всѣхъ его старшихъ сверстниковъ. Въ годы революціи голодъ едва не убилъ его. Съ 1922 года, живя за границей, онъ постепенно даже слегка привыкъ къ вѣчнымъ тѣлеснымъ своимъ страданіямъ, къ вѣчной нехваткѣ денегъ. Газетная работа спасла его отъ нищеты, но не дала возможности — ни писать стиховъ, ни работать надъ биографіей Пушкина.

Действительно, и на родине, и в эмиграции (с лета 1922 г.) Ходасевич зарабатывал на жизнь непрерывным писательским и журналистским трудом, сотрудничеством с целым рядом периодических изданий. По мнению одного из редакторов парижского журнала «Современные записки» М. В. Вишняка, интенсивность его работы была обусловлена не только внешними обстоятельствами, но и внутренней потребностью [Вишняк 1957, с. 208]:

Он работал, буквально не покладая рук, методически и упорно, изо дня в день, невзирая на здоровье и внутреннюю обиду. И работал он так не только по необходимости, но и по убеждению: в трудолюбии Сальери Ходасевич видел не антитезу Моцартову вдохновению, а восполнение — или даже условие — законченного творчества.

Такая самоотверженность дала русской литературе огромную портретную галерею — от Гаврилы Державина (его книга «Державин» вышла в 1931 г.) до современных ему писателей, свои очерки о которых Ходасевич объединил в последней прижизненной книге «Некрополь» (1939). Однако пристальность его взгляда, оживившая эти литературные страницы, была тяжела в обыденной жизни: со многими писателями его связывали отношения, которые Н. А. Бого-

молов удачно характеризует как «дружба-вражда» (вспоминается неологизм Велимира Хлебникова *вружба*). Так, в 1923 г. в Берлине Ходасевич поссорился с Андреем Белым (после чего они уже не встретились), однако несмотря на это до конца своих дней ощущал тесную внутреннюю связь с ним. Берберова вспоминает [Берберова 1939, с. 259]:

Он [Ходасевич] был младшим в том ряду поэтов, который в самом начале XX века блеснул и погас, и сейчас предстает на желтый суд нашего поколения. О многих из этих поэтов Ходасевич писал, многих любил, со многими чувствовал, что сросся навеки, но особо было его отношение к Андрею Блому: ни личная ссора в Берлине, в 1923 году, ни «горестное вранье» (по выражению Ходасевича) последней книги Блога² — ничего не могло уничтожить или исказить ту огромную, вполне безумную, «сильную смерть» любовь, которую он чувствовал к автору «Петербурга». Это было что-то гораздо больше, нежели любовь поэта к поэту, это был непрерывный восторг, неустанный восхищение, которое дошло всей своей силой до последних бредовых ночей Ходасевича, когда он говорил с Бломом сквозь муку своих физических страданий и с ним предвкушал какую-то невдомую встречу.

Поэтическое мастерство Ходасевича оценили уже его современники, одна стройность его классического стиха некоторыми воспринималась как холодность: М. В. Вишняк видел в его стихах «строгость, сухость и собранность», Д. П. Святополк-Мирский называл его «любимым поэтом всех тех, кто не любит поэзии». Тем не менее, почитателей его поэтического дара было гораздо больше, чем хулителей. Сам Ходасевич высоко ценил анализ своего творчества, предпринятый Владимиром Вейдле [Вейдле 1928]³:

² В книге «Между двух революций» Белый писал о Ходасевиче следующее:

«Я к Ходасевичу чувствовал вздрог; он, возникнув меж Брюсовым и меж журналом “Искусство”, покусывал Брюсова, не оценившего сразу его; скоро он оказался при Брюсове; вновь отскочил от него; он капризно подергивался между Зайцевым, Брюсовым и Соколовым лет пять, перебрасывая свои сплетни из лагеря в лагерь; он, со всеми дружа, делал всем неприятности; жил в доме Брюсовых, распространяя семейные тайны о ссоре родителей с сыном; но всем imponировал Ходасевич: умом, вкусом, критической остротой, источающей укус и желчь, пониманием Пушкина; трудолюбивостью даже внушал уважение он; и, увы, — во всех смыслах пошел далеко Ходасевич; капризный, издерганный, самолюбивый и загрызающий ум развивался за счет разложения этики.

Жалкий, зеленый, больной, с личиком трупики, с выражением зеленоглазой змеи, мне казался порою юнцом, убежавшим из склепа, где он познакомился уже с червем; вздев пенсне, расчесавши пробороком черные волосы, серый пиджак затянувши на гордую грудь, удивлял нас уменьем кусать и себя и других, в этом качестве напоминая скорлупчатого скорпионика.

Делалось жутко».

³ Ходасевич даже хлопотал об устройстве этой статьи Вейдле в журнал «Современные записки».

Ходасевич берет у Пушкина не то, что другие взяли или могли у него взять, не отдельные мотивы (как использованные символизмом мотивы «Пира во время чумы») и не стилистические возможности (как неиспользованная еще никем возможность русского цветистого, шекспировски-узорного стиха в монологе «Скупого Рыцаря» или в «Подражании Данту»), он берет Пушкина всего, целиком, таким, каким он сложился к середине тридцатых годов, и, ни на минуту не отводя от него взгляда, переучивается всему, чему он когда-либо учился: взвешивать мысли, сочетать слова, слогать стихи. Пушкин больше дал Ходасевичу, чем Спенсер и Шекспир Китсу, и он был ему так же необходим. Язык его стихов — я не хочу сказать, чтобы он, как сдлался, так и остался языком Пушкина, — но исходит он во всяком случае не столько из языка кормилицы, Елены Кузиной, о которой говорится в «Тяжелой Лире», сколько именно из пушкинского языка.

Но здесь-то мы и подходим к самому главному, к тому, без чего стихотворец-ученик остался бы навсегда учеником и стихотворцем. Случилось не так. Ходасевич нашел Пушкина, но тем самым он нашел себя, то есть нашел в себе глубоко непохожего на Пушкина поэта. Чем ближе он к Пушкину прильнул, тем от него резче оттолкнулся; противоположность зажглась сама собой в тот миг, когда сходство стало всего полнее. В «Молодости» вместо Пушкина — Брюсов, и наместо Ходасевича еще никого нет. В «Счастливым Домиком» Ходасевич очищается постепенно от всего, что не Пушкин и не он сам. Но только в «Путь Зерна», погрузившись в Пушкина целиком, Ходасевич становится самим собою. <...>

Но именно в этих стихотворениях (и в современных им) впервые со всей полнотой выражено то, что в Ходасевиче чуждо, что в нем враждебно Пушкину. «Эпизод», первое из них, открывает важнейшую для Ходасевича тему раздвоения, просвечивания там же сквозь здесь, второго я, того, что смотреть со стороны на первое, тему души<, обходящейся без мира и мира<, не населенного душой, тему, которая получила наиболее законченное выражение в «Тяжелой Лире» и которая для Пушкина была бы не только неприемлема, но, что еще важнее, непонятна. <...>

Существование пушкинских стихов предполагает космос, мир устроенный, прекрасный, нерушимый, тот самый мир, который, как бумажную оболочку, подернутую бессмысленной синевой, Ходасевичу нужно прорвать, чтобы стала возможной его поэзия. <...>

Но напомним, что Ходасевич, как поэт, выношен войною и рожден в дни революции. Окончательно сложился он между 1918 и 1920 годов. Всего десять лет исполняется теперь со дня его поэтического крещения, но за эти годы, то самое, чему он обязан бытием, погубило Блока и заставило молчать других. У этого времени, кроме него, не было и нет поэта. Конечно, стихи о революции не лучше в «Тяжелой Лире», но ведь и дело совсем не в них. Дело в том, что все в поэзии Ходасевича: подавленность ее тона, ее голос, низкий и глухой, страшная вещественность мира, всегда присутствующая в ней и сквозь который она устремлена прорваться, все это вызвано Россией, Европой последнего века или последних лет, невыносимым временем, которое она выносила и выносить, — и за это одно надо было бы ей воздать хвалу.

Тема «Ходасевич и Пушкин» звучит и в статье Владимира Набокова (*Сирин*) «О Ходасевиче», написанной сразу после смерти Ходасевича. Эта статья полностью приводится ниже — по первой журнальной публикации.

Н. Н. Перцова

Основные источники: [Ходасевич 1996–97, Берберова 1939, Берберова 1983, Вейдле 1928, Вишняк 1957]. Фото В. Ф. Ходасевича: ок. 1905, ЦИАМ.

О ХОДАСЕВИЧЬ.

Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней. Его дар тем более разителен, что полностью развился в годы оупня нашей словесности, когда революция аккуратно разделила поэтов на штатных оптимистов и заштатных пессимистов, на тамошних здоровяков и здышних ипохондрикков, причём получился поучительный парадокс: внутри России действует внешняя казнь, вн России — внутренний. Правительственная воля, безпрекословно требующая ласково-литературного внимания к трактору или парашюту, к красноармейцу или полярнику, т. е. к некоей внешности мира, значительно могущественнее, конечно, наставления здышнего, обращенного к миру внутреннему, едва ощутимого для слабых, презираемого сильными, побуждавшего в двадцатых годах к риемованной тоске по ростральной колонне, а нын дошедшего до религиозных забот, не всегда глубоких, не всегда искренних. Искусство, подлинное искусство, цель которого лежит напротив его источника, т. е. в мстах возвышенных и необитаемых, а отнюдь не в густо населенной области душевных излияний, выродил<о>сь у нас, увы, в лечебную лирику. И хотя понятно, что личное отчаяние невольно ищет общего пути для своего облегчения, — поэзия тут ни при чем: схема или Сена компетентнее. Общй путь, каков бы он ни был, всегда в смысл искусства плох именно потому, что он общй. Но, если в предлах России мудро представить себя поэта, отказывающегося гнуть вью (напр., переводить кавказские стихи), т. е. достаточно безразудного, чтобы ставить свободу музы выше собственной, то в России запредельной легче, казалось бы, найтись смльчакам, чуждающимся какой-либо общности поэтических интересов, — этого своеобразного коммунизма душ. В России и талант не спасает; в изгнании спасает только талант. Как бы ни были тяжелы последние годы Ходасевича, как бы его ни томила наша бездар-

ная эмигрантская судьба, как бы старинное, добротное человеческое равнодушие ни содействовало его человеческому угасанию, Ходасевич для России спасен — да и сам он готов был признать, сквозь желчь и шипящую шутку, сквозь холод и мрак наставших дней, что положение он занимает особое: счастливое одиночество недоступной другим высоты. Тут нть у меня намфрения кого-либо задть кадиломь: кое-кто из поэтов здышнего поколнья еще в пути и — как знать — дойдет до вершин поэтического искусства, коли не загубит жизни в том второсортном Париже, который плывет с легким креном в зеркалах кабаков, не сливаясь никак с Парижем французским, неподвижным и непроницаемым. Ощущая как бы в пальцах свое развтяляющееся влияние на поэзию, создаваемую за рубежом, Ходасевич чувствовал и некую ответственность за нее: ея судьбой он бывал более раздражен, чьм опечален. Дешевая унылость казалась ему скорее пародией, нежели отголоском его «Европейской Ночи», гдь горечь, гньв, ангелы, зяние гласных — было все настоящее, единственное, ничем не связанное с теми дежурными настроениями, которые замутили стихи многих его получеников. Говорить о «мастерстве» Ходасевича бессмысленно — и даже кощунственно по отношению к поэзии вообще, к его стихам в рзкой частности, ибо понятие «мастерство», само собой рожая свои кавычки, обращаясь в придаток, в тнь и требуя логической компенсации в вид любой положительной величины, легко доводит нас до того особаго, задушевного отношения к поэзии, при котором от нея самой в конц концов остается лишь мокрое от слез мсто. И не потому это гршно, что самые *purs sanglots* все же нуждаются в совершенном знании правил стихосложения, языка, равновсия слов; и смшно это не потому, что поэт, намекающий в неряшливых стихах на ничтожество искусства перед человеческим страданием, занимается жеманным притворством, вродь того, как если бы грбовых дль мастер стовал на скоротечность земной жизни; размолвка в сознании между выдлкой и вещью потому так смшна и гршна, что она подрывает самую сущность того, что — как его ни зови, «искусство», «поэзия», «прекрасное», — в действительности неотдливо от всех своих таинственно необходимых свойств. Другими словами, стихотворение совершенное (а таких в русской литературе наберется не менее трехсот) можно так поворачивать, чтобы читателю представлялась только его идея или только чувство или только картина или только звук, — мало ли что еще можно найти от «инструментовки» до «отображения», — но все это лишь произвольно выбранные грани цляго, ни одна из которых в сущности не стоила бы нашего внимания (и уж конечно не вызва-

ла бы никакого волненія кроме развѣ косвеннаго: напомнило какое-то другое «цѣлое», — чей-нибудь голосъ, комнату, ночь), не обладай все стихотвореніе той сіяющей самостоятельностью, въ примѣненіи къ которой опредѣленіе «мастерство» звучитъ столь же оскорбительно, какъ «подкупающая искренность». Сказанное далеко не новость, но хочется это повторить по поводу Ходасевича. Въ сравненіи съ приблизительными стихами (т. е. прекрасными именно своей приблизительностью — какъ бывають прекрасными близорукіе глаза, — и добивающимися ея такимъ же способомъ точнаго отбора, какой сошелъ бы при другихъ, болѣе красочныхъ обстоятельствахъ стиха за «мастерство») поэзія Ходасевича кажется иному читателю не въ мѣру чеканной, — употребляю умышленно этотъ неаппетитный эпитетъ. Но все дѣло въ томъ, что ни въ какомъ опредѣленіи «формы» его стихи не нуждаются, и это относится ко всякой подлинной поэзіи. Мнѣ самому дико, что въ этой статьѣ, въ этомъ быстромъ перечнѣ мыслей, смертью Ходасевича возбужденныхъ, я какъ бы подразумеваю смутную его непризнанность и смутно полемизирую съ призраками, могущими оспаривать очарованіе и значеніе его поэтического гения. Слава, признаніе, все это и само по себѣ довольно невѣрный по формамъ феноменъ, для котораго лишь смерть находитъ правильную перспективу. Допускаю, что немало наберется людей, которые, съ любопытствомъ читая очередную критическую статью въ «Возрожденъѣ» (а критическія высказыванія Ходасевича, при всей ихъ умной стройности, были ниже его поэзіи, были какъ-то лишены ея біенія и обаянія), попросту не знали, что Ходасевичъ — поэтъ. Найдутся, вѣроятно, и такіе, которыхъ на первыхъ порахъ озадачить его посмертная слава. Кроме всего, онъ послѣднее время не печаталъ стиховъ, а читатель забывчивъ, да и критика наша, взволнованно занимаясь незаостаивающейся современностью, не имѣетъ ни досуга, ни случая о важномъ напоминать. Какъ бы то ни было, теперь все кончено: завѣщанное сокровище стоитъ на полкѣ, у будущаго на виду, а добытчикъ ушелъ туда, откуда быть можетъ кое-что долетаетъ до слуха большихъ поэтовъ, пронзая наше бытіе своей потусторонней свѣжестью — и придавая искусству какъ разъ то таинственное, что составляетъ его невыдѣлимый признакъ. Что-жь, еще немного смѣстилась жизнь, еще одна привычка нарушена, — с в о я привычка ч у ж о г о бытія. Утѣшенія нѣтъ, если поощрять чувство утраты личнымъ воспоминаніемъ о краткомъ, хрупкомъ, тающемъ, какъ градина на подоконникѣ, человѣческомъ образѣ. Обратимся къ стихамъ.

В. Сиринъ

[Сирин 1939]

В. Ф. Ходасевич. Ок. 1910 г.
Фотография из фондов
Государственного литературно-
мемориального музея Анны
Ахматовой в Фонтанном доме

<Из книги «МОЛОДОСТЬ»>

ОСЕНЬ.

Свѣтъ золотой въ алтарѣ,
Въ окнахъ — цвѣтистыя стекла.
Я прихожу въ этотъ храмъ на зарѣ,
Осенью сердце поблекло...
Вѣщее сердце — поблекло...

Грустно. Осень пируетъ,
Осень развѣсила красныя ткани,
Ликуеть...
Вѣтеръ — какъ стонъ запоздалыхъ рыданій.
Листья шуршатъ и, взлетая, танцуютъ.

Свѣтлое утро. Я въ церкви. Такъ рано.
Зыблется золото въ медленныхъ звукахъ органа,

Сердце вздыхаетъ покорнѣй, размѣрнѣй,
Изъязвленное иглами тернѣй,
Иглами тернѣй осеннихъ...
Тернѣй — осеннихъ.

<1 сентября 1905. Москва>

[Ходасевич 1908, с. 3–5]

КОЛЬЦА.

1

Я тебя провожаю съ поклономъ,
Возвращаю въ молчаньи кольцо.
Только вѣтеръ настойчивымъ стономъ
Вызываетъ тебя на крыльцо.

Ты уходишь въ ночную дорогу,
Не боясь, не дрожа, не смотря<,>
Ты довѣрилась темному богу?
Не возьмешь моего фонаря?

Провожу тебя только поклономъ.
Ожесточено сердце твое!..
Ахъ, въ часовнѣ предутреннимъ звономъ
Отмѣчается горе мое.

<26 ноября 1907. Москва>

2

Велишь — молчу. Глухѣ дни настали!
Въ послѣднѣй разъ ко мнѣ приходишь ты.
Но различу за складками вуали
Безъ милой маски — милья черты.

Иди, пляши въ безстыдствахъ карнавала,
Твоя рука безъ прежняго кольца, —
И Смерть вольна раскинуть покрывало
Надъ ужасомъ померкшаго лица.

<17–22 ноября 1907. Петербург — Москва>

[Ходасевич 1908, с. 51–52]

ПРОЛОГЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ПЬЕСЫ.

Андрею Бѣлому.

Самая хмѣльная⁴ боль — Безнадежность,
Самая строгая повѣсть — Любовь.
Въ сердцѣ Поэта за горькую нѣжность
Съ каждымъ стихомъ пролилась кровь.

Жребій поэтовъ — бичи и распятья.
Каждый вѣнчался терновымъ вѣнцомъ.
Тотъ, кто слагалъ вамъ стихи про объятья,
Ихъ разомкнулъ и упаль — мертвецомъ!

Будьте покойны! — все тихо свершится.
Не уходите! — не будетъ стрѣльбы.
Должень, быть можетъ, слегка уклониться
Слишкомъ увѣренный шагъ Судьбы.
Въ сердцѣ Поэта за горькую нѣжность
Темнымъ виномъ изливается кровь...
Самая хмѣльная боль — Безнадежность,
Самая строгая повѣсть — Любовь!

<12 декабря 1907. Москва>

[Ходасевич 1908, с. 61]

<Из книги «СЧАСТЛИВЫЙ ДОМИК»>

ДУША.

О, жизнь моя! За ночью — ночь. И ты, душа, не внемлешь міру.
Усталая! Къ чему влачить усталую свою порфиру?

Что жизнь? Театръ, игра страстей, бряцанье шпагъ на перекресткахъ,
Миганье лампъ, игра тѣней, игра огней на тусклыхъ блесткахъ.

Къ чему рукоплескать шутамъ? Живи на берегу угрюмомъ.
Тамъ, раковины приложивъ къ ушамъ, внемли плѣннымъ шумамъ, —

⁴ По словарю Даля: «хмель (*ошибч.* хмѣль)».

Проникни въ отдаленный міръ: глухой старикъ ворчить сердито,
Ладья скрипитъ, шуршитъ весло, да вопли — съ береговъ Коцита.

1909

[Ходасевич 1914, с. 21]

ГОЛОСЪ ДЖЕННИ.

А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ.
Пушкинъ.

Мой любимый, гдѣ жъ ты коротаешь
Сиротливый вѣкъ свой на землѣ?
Новое ли поле засѣваешь?
Въ море ли уплыть на корабль?

Но вдали отъ наш<a>го селенья,
Другъ мой бѣдный, гдѣ бы ни былъ ты,
Знаю тайныя твои томленья,
Знаю сокровенныя мечты.

Полно! Для желаннаго свиданья,
Чтобы Дженни вновь была жива,
Горестныя нужны заклинанья,
Слишкомъ безутѣшныя слова.

Чтобъ явился призракъ, еле зримый,
Какъ звѣзды упавшей бѣглый слѣдъ,
Можетъ быть, и въ сердцѣ, мой любимый,
У тебя такого слова нѣтъ!

О, не кличь безсильной, скорбной тѣни,
Безъ того мнѣ вѣчность тяжела!
Что такое вѣчность? Это Дженни
Видитъ сонъ родимаго села.

Помнишь ли, какъ просто мы любили,
Какъ мы были счастливы вдвоемъ?
Ахъ, Эдмондъ, мнѣ снятся и въ могилѣ
Наша нива, рѣчка, роща, домъ!

Помнишь — вечеръ, у скамьи садовой
Нашихъ дѣтокъ легкіе слѣды?
Нѣтъ меня — дели съ подругой новой
День и ночь, веселье и труды!

Средь живыхъ ищи живого счастья,
Сѣй и жни въ наслѣдственныхъ поляхъ.
Я тебя земной любила страстью,
Я тебѣ земныхъ желаю благъ.

1912

[Ходасевич 1914, с. 24–25⁵]

* * *

Вѣка, прошедшіе надъ міромъ,
Протяжнымъ голосомъ тѣней
Еще зываютъ къ нашимъ лирамъ
Изъ-за стигійскихъ камышей.

И мы, заслышавъ стонъ и скрежетъ,
Ступаемъ на Орфеевъ путь,
И нашъ напѣвъ, какъ солнце, нѣжитъ
Ихъ остывающую грудь.

Былыхъ волнений воскреситель,
Несетъ тѣнямъ любой изъ насъ
Въ ихъ безутѣшную обитель
Свой упоительный разсказъ.

⁵ «Однажды в “Литературном кружке” на вечере “Свободной эстетики” Валерий Яковлевич [Брюсов] объявил конкурс на слова Дженни из “Пира во время чумы”: “А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах”. Владя как будто бы и не обратил на это внимания. Владя на кануне срока конкурса написал стихи “Голос Дженни”.

На другой день вечером мы поехали в “Литературный кружок”, чтобы послушать молодых поэтов на конкурсе. Результаты были слабые. Если мне не изменяет память, — всё же лучшим стихотворением конкурса признаны были стихи Марины Цветаевой. Владя не принимал участия в конкурсе, но после выдачи первой премии Цветаевой подошел к Брюсову и передал ему свое стихотворение. Валерий Яковлевич очень рассердился. Ему было досадно, что Владя не принимал участия в конкурсе, на котором жюри, конечно, присудило бы первую премию ему, так как его стихи Брюсов нашел много лучше стихов Марины Цветаевой» [Ходасевич А 1992].

Въ беззвѣздномъ сумракѣ Эреба,
Вокругъ пѣвца сплотятся тѣснѣй,
Родное воспоминаетъ небо
Хоръ воздыхающихъ тѣней.

Но горе! мы порой дерзаемъ
Все то въ напѣвы лирь влагать,
Чѣмъ собственный нашъ вѣкъ терзаемъ,
На чемъ легла его печать.

И тѣни слушаютъ недвижно,
Поднявъ углы высокихъ плечъ,
И мертвымъ предкамъ непостижна
Потомковъ суетная рѣчь.

1912

[Ходасевич 1914, с. 26–27]

СТАНСЫ.

Святыня меркнушаго дня,
Уединенное презрѣнье,
Ты стало посѣщать меня,
Какъ посѣщало вдохновенье.

Живу одинъ, зову игрой
Слова романсовъ, письма, встрѣчи,
Но горько вспоминать порой
Свои лирически<я> рѣчи!

Но жаль невозвратимыхъ дней,
Сожженныхъ дерзко и упрямо, —
Душистыхъ зеренъ оиміама
На пламени души моей.

О, радости любви простой,
Утѣхи нѣжныхъ обольщеній!
Вы величавѣй, вы священнѣй
Величія души пустой...

И хочется упасть во прахъ,
И хочется молиться снова,
И новый міръ создать въ слезахъ,
Во всемъ — подобіе былого.

1908

[Ходасевич 1914, с. 36–37]

ФЕВРАЛЬ.

Этотъ вѣтеръ, еще не весенній,
Но какой-то уже и не зимній...
Что жъ ты медлишь, весна? Вдохновеннѣй,
Ты, влюбленныхъ сердець Полигимнія!

Не воскреснуть минувшимъ волнениямъ
Голубыхъ предвечернихъ свиданій, —
Но надъ каждымъ сожженнымъ мгновеньемъ
Возникаетъ, какъ Фениксъ, — преданіе.

1913

[Ходасевич 1914, с. 60]

<Из книги «ПУТЕМ ЗЕРНА»>

ПУТЕМ ЗЕРНА.

Проходит сеятель по ровнымъ бороздам.
Отецъ его и дедъ по темъ же шли путямъ.

Сверкаетъ золотомъ в его руке зерно.
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладываетъ ход,
Оно в заветный срокъ умретъ и прорастетъ.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему итти путем зерна.

1917

[Ходасевич 1920, с. 34]

* * *

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.

И часто, спеша к трамваю,
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

1917

[Ходасевич 1920, с. 16]

НА ХОДУ.

Метель, метель... В перчатке — как чужая,
Застывшая рука.
Не странно ль жить, почти что осязая,
Как ты близка?
И все-таки бреду домой, с покупкой,
И все-таки живу.
Как прочно все! Нет, он совсем не хрупкий,
Сон <наяву>!

Еще томят земные расстоянья,
Еще болит рука,
Но все ясней, уверенней сознание,
Что ты близка.

1916

[Ходасевич 1920, с. 23]

ЭПИЗОД.

...Это было

В одно из утр, унылых, зимних, выюжных, —
В одно из утр пятнадцатого года.
Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила,
Я в комнате своей сидел один. Во мне,
От плеч и головы, к рукам, к ногам,
Какое-то неясное струенье
Бежало трепетно, упорно, непрерывно —
И, выбежав из пальцев, длилось дальше,
Уж в не меня. Я сознавал, что нужно
Остановить его, сдержать в себе, — но воля
Меня покинула... Бессмысленно смотрел я
На полку книг, на желтые обои,
На маску Пушкина, закрывшую глаза.
Все цепенело в рыжем свете утра.
За окнами кричали дети. Громыхали
Салазки по горе, но звуки мира
Неслись во мне как будто бы сквозь толщу
Глубоких вод...
В пучину погружаясь, водолаз
Так слышит беготню на палубе и крики
Матросов.
И вдруг — как бы толчек, — но мягкий, осторожный, —
И все опять мне прояснилось, только
В перемещенном виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; еще нога
Под крепким днищем ясно слышит землю,

И близким представляется нам берег,
И кучи дров на нем; но вот качнуло нас —
И берег отступает; стала меньше
Та рощица, где мы сейчас бродили;
За рощей встал дымок; а вот — поверх деревьев
Уже видна поляна, и на ней
Краснеет баня.

Самого себя

Увидел я в тот миг, как этот берег;
Увидел вдруг со стороны, как если б
Смотреть немного сверху, слева. Я сидел
Закинув ногу на ногу, глубоко
Уйдя в диван, с потухшей папиросой
Меж пальцами, совсем худой и бледный.
Глаза открыты были, но какое
В них было выражение, — я не видел.
Того меня, который предо мною
Сидел, — не ощущал я вовсе. Но другому,
Смотревшему как бы бесплотным взором,
Так было хорошо, легко, спокойно!
И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,
Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашел он в гости,
И замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.

Так видел я себя недолго. В это время
И четверти положенного круга
Секундная не обежала б стрелка.
И как пред тем не по своей я воле
Покинул эту оболочку — так же
И возвратился вновь. Не только —
Свершилось это тягостно, с усилием,
Которое мне вспомнить неприятно.
Мне было трудно, тесно, как змее,
Которую заставили бы снова

Вместиться в сброшенную кожу...

Снова

Увидел я перед собою книги,
И маску Пушкина, и снова за окном
Услышал возгласы. Мне было трудно
Вновь ощущать все тело, руки, ноги...
Так, весла бросив и сойдя на берег,
Мы чувствуем себя вдруг тяжелее.
Струилось вновь во мне изнеможение,
Как бы от долгой гребли, — а в ушах
Гудел неясный шум, как пленный отзвук
Озерного или морского ветра.

1918

[Ходасевич 1920, с. 29–31]

<Из книги «ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА»>

К ПСИХЕЕ

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие кольшешь
В такой лазури, что порой,

Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?

13 мая — 18 июня 1920

[Ходасевич 1922а, с. 120]

ДУША

Душа моя как полная луна:
Холодная и ясная она.

На высоте горит себе, горит —
Но слез моих она не осушит;

И от беды моей не больно ей,
И ей невнятен стон моих страстей;

А сколько здесь мне довелось страдать —
Душе сияющей не стоит знать.

4 января 1921

[Ходасевич 1922а, с. 7]

ГОСТЮ

Входя ко мне, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если сам ты Божий.
А маленькую доброту,
Как шляпу, оставляй в прихожей.

Здесь, на горошине земли,
Будь или ангел, или демон.
А человек — иль не затем он,
Чтобы забыть его могли?

1921

[Ходасевич 1922а, с. 28]

* * *

Ни розового сада,
Ни песенного лада
<Воистину> не надо —
Я падаю в себя.

На все, что людям ясно,
На все, что им прекрасно,
Вдруг стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мне все невыносимо!
Скорей же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли!

1921

[Ходасевич 1922а, с. 134]

* * *

Горит звезда, дрожит эфир,
Таится ночь в пролете арок.
Как не любить весь этот мир,
Невероятный Твой подарок?

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне время и пространство,
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу сердца Твоего,
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг шутя
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

1921

[Ходасевич 1922а, с. 34]

МУЗЫКА.

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
 Еще воскресная по тѣлу бродитъ лѣнь,
 У Благовѣщенья на Бережкахъ обѣдня
 Еще не отошла. Я выхожу во дворъ.
 Какъ мало все: и домикъ, и дымокъ,
 Завившійся надъ крышей! Сребророзовъ
 Морозный паръ. Столпы его восходятъ
 Изъ-за домовъ подъ самый куполь неба,
 Какъ-будто крылья ангеловъ гигантскихъ.
 И маленькимъ такимъ вдругъ оказался
 Дородный мой сосѣдь Сергѣй Ивановичъ.
 Онъ въ полушубкѣ, въ валенкахъ. Дрова
 Вокругъ него раскиданы по снѣгу.
 Обѣими руками, напрягаясь,
 Тяжелый свой колунъ надъ годовую
 Заноситъ онъ, но — тукъ! тукъ! тукъ! — не громъ<,>
 Звучатъ удары: небо, снѣгъ и холодъ
 Звукъ поглощаютъ... «Съ праздникомъ, сосѣдь!»
 «А, здравствуйте!» Я тоже разставляю
 Свои дрова. Онъ — тукъ! я — тукъ! Но вскорѣ
 Надоѣдаетъ мнѣ колоть, я выпрямляюсь
 И говорю: «Постойте-ка минутку!
 Какъ-будто музыка?» Сергѣй Ивановичъ
 Перестаетъ работать, голову слегка
 Приподымаетъ, ничего не слышитъ,
 Но слушаетъ старательно... «Должно быть,
 Вамъ показалось»,<—> говорить онъ. — «Что вы,
 Да вы прислушайтесь! Такъ ясно слышно!»
 Онъ слушаетъ опять: «Ну, можетъ быть —
 Военнаго хоронять? Только что-то
 Мнѣ не слышать». Но я не унимаюсь:
 «Помилуйте, теперь совсѣмъ ужъ ясно!
 И музыка идетъ какъ-будто сверху!
 Виолончель... и арфы, можетъ быть...
 Вотъ хорошо играютъ! Не стучите!»
 И бѣдный мой Сергѣй Ивановичъ снова
 Перестаетъ колоть. Онъ ничего не слышитъ,
 Но мнѣ мѣшать не хочетъ и досады
 Стараются не выказать. Забавно:

Стоитъ онъ посреди двора, боясь нарушить
 Неслышную симфонію. И жалко
 Мнѣ, наконецъ, становится его.
 Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
 За топоры беремся. Тукъ! тукъ! тукъ! А небо
 Такое же высокое, и такъ же
 Въ немъ ангелы пернатые сіяютъ.

Москва.

[Ходасевич 1922б]

БЕРЛИНСКОЕ.

Что жъ? Отъ озноба и простуды —
 Горячій грогъ или коньякъ.
 Здѣсь музыка и звонъ посуды
 И лиловатый полумракъ.

А тамъ, за толстымъ и огромнымъ
 Отполированнымъ стекломъ,
 Какъ бы въ акваріумѣ темномъ,
 Въ акваріумѣ голубомъ —

Многоочитые трамваи
 Плывутъ между подводныхъ липъ,
 Какъ электрическія стаи
 Свѣтящихся лѣнивыхъ рыбъ.

И тамъ, скользя въ ночную гнилость,
 На толщѣ чуждаго стекла,
 Въ вагонныхъ окнахъ отразилась
 Поверхность моего стола, —

И проникая въ жизнь чужую,
 Вдругъ съ отвращеньемъ узнаю
 Отрубленную, неживую,
 Ночную голову мою.

Misdroy-Berlin, 1922.

[Ходасевич 1922б]

* * *

Странникъ прошелъ, опираясь на посохъ, —
 Мнѣ почему-то припомнилась ты.
 Ёдетъ пролетка на красныхъ колесахъ, —
 Мнѣ почему-то припомнилась ты.
 Вечеромъ лампу зажгутъ въ корридорѣ, —
 Мнѣ непременно припомнишься ты.
 Что бѣ ни случилось, на сушѣ, на морѣ,
 Или на небѣ, — мнѣ вспомнишься ты.

[Ходасевич 1923а, с. 160]

* * *

Андрею Бѣлому.

Съ берлинской улицы
 Вверху луна видна.
 Въ берлинскихъ улицахъ
 Людская тѣнь длинна.

Дома — какъ демоны,
 Между домами — мракъ:
 Шеренги демоновъ,
 И между нихъ — сквознякъ.

Дневные помыслы,
 Дневныя души — прочь:
 Дневные помыслы
 Перешагнули въ ночь.

Опустошенные,
 На перекрестки тьмы,
 Какъ вѣдьмы, пѣ-трое
 Тогда выходимъ мы.

Нечеловѣчій духъ,
 Нечеловѣчья рѣчь, —
 И песьи головы
 Поверхъ сутулыхъ плечь.

Зеленой точкою
 Глядитъ луна изъ глазъ,
 Сухимъ неистовствомъ
 Обуреваемая насъ.

Въ асфальтномъ зеркалѣ
 Сухой и мутный блескъ, —
 И электрической
 Надъ волосами трескъ.

[Ходасевич 1923а, с. 162]

* * *

Живъ Богъ! Умень, а не заумень,
 Хожу среди своихъ стиховъ,
 Какъ непоблаженный игумень
 Среди смиренныхъ чернецовъ.
 Пасу послушливое стадо
 Я процвѣтающимъ жезломъ.
 Ключи таинственного сада
 Звенятъ на поясѣ моемъ.
 Я — чающій и говорящій.
 Заумно, можетъ быть, поеть
 Лишь ангель, Богу предстоящій, —
 Да Бога не узрѣвшій скотъ
 Мычить заумно и реветъ.
 А я — не ангель осіянный,
 Не лютый змій, не глупый быкъ.
 Люблю изъ рода въ родъ мнѣ данный
 Мой человѣческій языкъ:
 Его суровую свободу,
 Его извилистый законъ...
 О, если бѣ мой предсмертный стонъ
 Облечь въ отчетливую оду!

[Ходасевич 1923б]

* * *

Весенній лепеть не разнѣжитъ
Сурово стиснутыхъ стиховъ.
Я полюбилъ желѣзный скрежетъ
Какофоническихъ міровъ.

Въ зіяніи разверзтыхъ гласныхъ
Дышу легко и вольно я.
Мнѣ чудится въ толпѣ согласныхъ —
Льдинъ взгроможденныхъ толчея.

Мнѣ миль — изъ оловянной тучи
Ударъ изломанной стрѣлы.
Люблю пѣвучій и визгучій
Лязгъ электрической пилы.

И въ этой жизни мнѣ дороже
Всѣхъ гармоническихъ красотъ —
Дрожь, побѣжавшая по кожѣ,
Иль ужаса холодный потъ,

Иль сонъ, гдѣ, нѣкогда единый —
Взрываюсь и взлетаю я,
Какъ грязь, разбрызганная шиной
По всѣмъ орбитамъ бытія.

[Ходасевич 1923б]

ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Nel mezzo del cammin di nostra vita.

Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вонъ тотъ — это я?
Развѣ мама любила такого,
Желтосѣрого, полусѣдого,
И всезнающаго, какъ змѣя?

Развѣ мальчикъ, въ Останкинѣ лѣтомъ
Танцевавшій на дачныхъ балахъ, —
Это я, тотъ, кто каждымъ отвѣтомъ
Желторотымъ внушаетъ поэтамъ
Отвращеніе, злобу и страхъ.

Развѣ тотъ, кто въ полночные споры
Всю мальчишечью вкладывалъ прыть, —
Это я, тотъ же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочемъ — такъ и всегда на срединѣ
Рокового земного пути:
Отъ ничтожной причины — къ причинѣ,
А глядишь — заплутался въ пустынь,
И своихъ же слѣдовъ не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижскій чердакъ загнала.
И Виргилия нѣтъ за плечами,
Только есть одиночество — въ рамѣ
Говорящаго правду стекла.

1924

[Ходасевич 1925, с. 170]

СКАЛА.

Нѣтъ у меня для васъ ни слова,
Ни звука въ сердцѣ нѣтъ.
Видѣнья бѣдныя былого,
Друзья погибшихъ лѣтъ!

Быть можетъ, умеръ я, быть можетъ —
Заброшенъ въ новый вѣкъ,
А тотъ, который съ вами прожить,
Быть только волнъ разбѣгъ,

И я, ударившись о камни,
 Окровавленъ, но живъ, —
 И видится издалека мнѣ,
 Какъ васъ несетъ отливъ.

<14 декабря 1927>

[Ходасевич 1928, с. 226]

ПОХОРОНЫ.

Лобъ —
 Мѣль.
 Бѣль
 Гробъ.

Спѣль
 Попъ.
 Снопъ
 Стрѣль —

День
 Святъ!
 Склепъ

Слѣпъ.
 Тѣнь —
 Въ адъ!

<9 марта 1928>

[Ходасевич 1928, с. 224]

Я.

Когда меня предъ Божій судъ
 На черныхъ дрогахъ повезутъ,

Смутятся нищія сердца
 При видѣ моего лица.

Оно ихъ тайно восхититъ
 И страхъ завистливый родитъ.

Отставъ отъ шествія, тайкомъ
 Воображаясь мертвецомъ,

Тогда предъ стеклами витринъ
 Изъ васъ<,> быть можетъ<,> не одинъ

Украдкой такъ же сложитъ ротъ,
 И носъ тихонько задереть,

И глазъ полуприщуришь свой,
 Чтобъ видѣть, какъ закрыть другой.

Но свѣтъ (иль сумракъ?) тайный, т о т ъ —
 На чудака не снизойдетъ.

Не отразитъ румяный ликъ,
 Чѣмъ я ужасенъ и великъ:

Ни почивающихъ тѣней
 На вѣщей блѣдности моей,

Ни беспощаднаго огня,
 Который ужъ лизнулъ меня.

Послѣднюю мою примѣту
 Чужому не отдамъ лицу...

Не подражайте жъ мертвецу,
 Какъ подражаете поэту.

1929

[Ходасевич 1932]

* * *

(Изъ черновиковъ).

Въ послѣдній разъ зову Тебя: явись
 На пиршество ночного вдохновенья.
 Въ послѣдній разъ: восхити меня въ ту высь,
 Откуда открывается паденье.

Въ послѣдній разъ! Нѣтъ въ жизни ничего
 Святѣе и ужаснѣе прощанья.
 Оно есть агнецъ сердца моего,
 Влекомый на закланье.

Въ немъ прошлое возлюблено опять
 Съ уже нечеловѣческой силой.
 Такъ предъ разстрѣломъ сынъ объемлетъ мать
 Надъ общею и ихъ могилой.⁶

1934

[Ходасевич 1940]

* * *

Сквозь уютное солнце апрѣля —
 Неуютный такой холодокъ.
 И — смерчемъ по дорожкѣ песокъ,
 И — смолкаетъ скворецъ пустомеля.

Тамъ надъ сѣвернымъ краемъ земли
 Черносѣрая вздутая туча.
 Котелки поплотнѣй нахлобуча,
 Попроворнѣй два франта пошли.

И подъ шумъ градобойнаго гула —
 Въ сердцѣ гордомъ, веселомъ и зломъ:
 «Это молніи н а ш е й изломъ,
 Это н а ш а весна допорхнула!»

21 апр. <19>37

[Ходасевич 1939]

* * *

Не яббомъ ли четырехстопнымъ,
 Завѣтнымъ яббомъ, допотопнымъ?
 О чемъ, какъ не о немъ самомъ —
 О благодатномъ яббѣ томъ?

Съ высотъ надзвѣздной Музикии
 Къ намъ ангелами занесень,
 Онъ крѣпче всѣхъ твердынь Россіи,
 Славнѣе всѣхъ ея знамень.

Изъ памяти изгрызли годы,
 За что и кто въ Хотине пальъ, —
 Но первый звукъ Хотинской оды
 Намъ первымъ крикомъ жизни сталъ.

Въ тотъ день на холмы снѣговые
 Камена русская взошла
 И дивный голосъ свой впервые
 Далекимъ сестрамъ подала.

Съ техъ поръ, въ разнообразьи строгомъ,
 Какъ оный славный В о д о п а д ъ,
 По четыремъ его порогамъ
 Стихи російскіе кипятъ.

И чѣмъ сильнѣй спадаютъ съ кручи,
 Тѣмъ пѣнистѣй водоворотъ,
 Тѣмъ сокровенный ладъ пѣвучѣй
 И выше свѣтлыхъ брызговъ взлетъ —

Тѣхъ брызговъ, гдѣ, какъ сонъ, повисла,
 Сіяя счастьемъ высоты,
 Играя переливомъ смысла, —
 Живая радуга мечты.

.

⁶ В последующих изданиях строка имеет вид: *Над общей их могилой.*

Таинственна его природа,
 Въ немъ спить спондей, поеть пэонь,
 Ему одинъ законъ — свобода,
 Въ его свободѣ есть законъ.

1938

[Ходасевич 1939]

ПАМЯТНИКЪ.

Во мнѣ конецъ, во мнѣ начало.
 Мною совершенное такъ мало!
 Но все жъ я прочное звено:
 Мнѣ это счастье дано.

Въ Россіи новой, но великой,
 Поставятъ идоль мой двуликій
 На перекресткѣ двухъ дорогъ,
 Гдѣ время, вѣтеръ и песокъ...

<29 января 1928>

[Ходасевич 1939]

ПРИЛОЖЕНИЯ

НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С МОСКОВСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ

Студент-медик Иван Андреевич Флоренский

Павел Александрович Флоренский¹ был не первым в роду, кто прошел школу Московского университета. Здесь учился его дед Иван Андреевич Флоренский. В биографической литературе о Флоренском об этом упоминается редко, поэтому хотелось бы восполнить этот пробел.

Мы собрали документы о поступлении и учебе Ивана Андреевича Флоренского в университете. Все-таки дело касается зачисления в университет большой группы студентов, а среди них дед студента университета, через пятьдесят лет, П. А. Флоренского.

Иван Андреевич Флоренский был сыном костромского дьячка. Отец его умер рано, и церковь взяла попечительство над мальчиком. Он был приписан к одной из церквей Костромской епархии, поступил учиться в Костромскую духовную семинарию, успешно окончил ее. В 1836 году состоялся, как мы сказали бы теперь, очередной «семинарский призыв» в Императорский Московский университет. Несколько десятков выпускников духовных семинарий были отправлены учиться на его медицинский факультет. Среди них был и костромской юноша Иван Флоренский. В фонде Московского университета в ЦИАМ (ф. 418) сохранились документы, датируемые летом 1836 года, откуда мы узнаем процедуру приема и имена семинаристов-медиков (оп. 253, ед. хр. 42, л. 1–2)²:

5 августа

Выписка из журнала Правления Императорского
 Московского Университета, состоявшаяся июля 30 дня 1836 года

СЛУШАЛИ:

В Присутствии Г. Ректор объявил, что вследствие распоряжения Начальства касательно истребования из Семинарий воспитанников для поступления в сей Университет по Медицинскому Факультету на казенный кошт, из которых Семинарий оные прибыли, по размещении их в здании Университета вместе с студентами продовольствующих казенным Студенческим Столом, а именно: Иван Дмитриевский, Алексей Виноградский с 11 июля, Василий Преображенский, Алексей Кинчин, Иван Флоренский с 16, Алексей Раминский, Николай Шайтанов с 19, Петр Остроумов, Федор Плочен

¹ Раздел, посвященный о. Павлу Флоренскому как поэту Московского университета, см. в предыдущей книге нашей серии [ПМУ, кн. 5, с. 304–318].

² Документы, копиями которых мы не располагаем, приводятся в новой орфографии.

ский, Александр Страхов, Павел Кашинский, Николай *Миролюбков*, Федор Александровский, Петр Внуков, Иван Малинов, Федор Альбов с 21, Георгий Ярошевский, Василий Медведев, Иван *Румянцев* с 22, Петр Преображенский, Флавий Шклярский с 23, Петр Попов, Иван Светозаров с 30, и вместо ученика Семинарии ученик Ярославской Гимназии Дмитрий Розов с 27 того же июля, впредь до учинения означенным лицам испытания в познаниях,

ПРИКАЗАЛИ:

предписать Эконому Валронту, чтобы он означенных воспитанников, прибывших из Семинарий<,> и ученика Ярославской Гимназии, продовольствуемых казенным Студенческим Столом свыше показанных чисел<,> продолжил продовольствовать оным впредь до особого распоряжения Правления по сему предмету, о чем и дать знать выпискою Г. Инспектору студентов.

Верно Секретарь [*подпись*]

№ 1578

31го июля 1836

С подлинника считал Столоначальник [*подпись*]Его Высокоблагородию
П. С. Нахимову

Почти через месяц, когда прошли «испытания в познаниях» бывших семинаристов, в первый день учебного года была составлена новая бумага:

1 сентября

Выписка из журнала Императорского
Московского Университета

17 августа 1836

При слушании Прошения Г. Ректор объявил, что из числа принимаемых и принятых в Семинарии 36 воспитанников для прохождения в Университет на казенный кошт 21 человек признаны по экзамену способными слушать лекции Медицинского Факультета, а именно: Иван Дмитриевский, Алексей Виноградский, Алексей Кинчин, Иван *Флоренский*, Николай Шайтанов, Петр Остроумов, Федор Плоченский, Яков Никольский, Александр Страхов, Павел Кашинский, Федор Александровский, Иван Малинов, Федор Альбов, Георгий Ярошевский, Петр Преображенский, Флавий Шклярский, Дмитрий Розов, Александр Скворцов, Павел Милов, Яков Попов, Иосиф Добровольский; из прочих 15 человек предлагает 8 человек как признанных не способными отправить обратно, а именно: в Воронежскую Светозарова, Рязанскую Миролюбова, Костромскую <Василия> Преображенского, Вологодскую Ратенского, Смоленскую Румянцеву и Екатеринбургскую Моторного, Егорова и Гречанского.

Петр Попов, Петр Внуков и Василий Медведев, о них сделано будет особое предписание Г. Попечителем, а 4 еще экзаменуются по случаю прибытия из Саратовской Семинарии только 16 сего августа.

ПРИКАЗАЛИ:

отчислить восемь студентов Семинарий, не удостоенных поступления в Университет, обратно в Семинарии, из которых они прибыли, а прогоны каждому и паспортные издержки <нрзб.> выдать бухгалтерские деньги по принадлежности каждому и экономические суммы, а именно: Светозарову 36 р. 41 к., Миролюбову 14 р. 75 к., Преображенскому 29 р. 14 к., Ратенскому 37 р. 7 к., Румянцеву 28 р. 47 к., Моторину, Егорову и Гречанскому по 65 р. 56 к., 196 р. 68 к., а всего 342 р. 52 к., о чем казначею дать указ и для надлежащего по сему предмету распоряжение Г. Инспектору студентов выписку из журнала; Эконому же предписать о прекращении лишь восьми человекам казенные издержки с 21 августа.

Верно Секретарь [*подпись*]С подлинника считал Столоначальник /*Воробьев*/

№ 1805

31го августа 1836
Его Высокородию
П. С. Нахимову

Впрочем, сложности продолжались. Среди других документов — приводимый ниже, свидетельствующий о поистине отеческом отношении к воспитанникам:

121

4

23 Января

Выписка изъ решения Правленія Императорскаго
Московскаго Университета
Января 20 дня 1836 года

Статья 4. Слушали: о решении Инспектора Студентов за №10, о перемѣщеніи Казенныхъ воспитанниковъ Медицинскаго Института 1го курса Дмитрія Добромыслова, за отвращеніемъ отъ анатомическаго разсѣченія труповъ, въ отдѣленіе словесныхъ наукъ. Принимали: Согласно отношенію Г. Инспектора Студентовъ, воспитанника Медицинскаго Института Дмитрія Добромыслова, по отвращенію его къ разсѣченію труповъ перевести въ отдѣленіе словесныхъ наукъ, о чемъ и дать знать отдѣленіямъ Врачебныхъ и словесныхъ наукъ<,> инспектору Студентовъ и въ протокольный столъ. —
Вѣрно Секретарь [*подпись*]

Съ подлинника
Столоначальникъ [*подпись*]

№ 133

«23» Января 1836 года
Его Высокоблагородію
П. С. Нахимову

На документах подпись: «Инспектор Студентов, Флота Капитан 2-го ранга и Кавалер П. С. Нахимов». Речь идет о Платоне Степановиче Нахимове, брате легендарного адмирала-флотоводца Павла Степановича Нахимова, участника обороны Севастополя. В 1834 году в Императорском Московском университете была введена должность инспектора студентов. Первым инспектором, назначенным 30 июля 1834 года попечителем князем С. М. Голицыным, стал Платон Степанович, «золотое сердце», «отец студентов», как называли его в университете. Несмотря на видимую строгость, он принимал деятельное участие в жизни и организации быта студентов. Морской офицер, он считал высшим принципом соблюдение дисциплины, формы и внешнего единообразия. Известна история, когда П. С. Нахимов, отчитывая студента, носящего не по форме длинные волосы, обещал выгнать его вон из университета, если тот не пострижется. Студент не постригся, а инспектор Нахимов под ухмылки студентов всеми силами избегал встречи с непослушным. Или другой пример. В годы инспекторства Нахимова в университете действовал строжайший запрет переводить студентов с одного факультета на другой. Тем не менее, Нахимов этот запрет нарушил. В архивах университета есть курьезный документ. Речь идет об одном из студентов, «который испытывает стойкое отвращение к трупам в анатомическом театре», из-за чего его переводят с медицинского на историко-филологический факультет (см. приведенную выше выписку, касающуюся студента Дмитрия Добромыслова).

В 1841 году Иван Флоренский завершает обучение, что удостоверяет «Список утвержденных в звании Лекаря казеннокоштных воспитанников и своекоштных студентов Московского Университета по окончании ими курса учения в 1840/41 академическом году», подписанный ректором Императорского Московского университета Киченовским 18 июня 1841 года. В списке из 53 выпускников среди 31 казеннокоштного воспитанника 1 отделения 26-м по алфавиту стоит имя Ивана Флоренского. Для казеннокоштных воспитанников медицинского факультета, или института, в Московском университете существовала система распределения, и вот как расписало Правление их дальнейшую деятельность в 1841 году (ЦИАМ, ф. 418, оп. 258, ед. хр. 74, л. 2–4а):

Инспектор студентов Московского университета П. С. Нахимов. Ок. 1840 г.

№ 115

15 июня

Выписка из журнала Правления Императорского Московского Университета, состоявшегося 11 июня 1841.

СЛУШАЛИ: Отношение Университетского Совета от 11 июня за № 311, коим изъясняет, что казеннокоштные воспитанники Медицинского Института по окончании в минувшем академическом году курса учения и по надлежащем испытании удостоены звания Лекаря 1го Отделения: Александровский, Виноградский, Добровольский, Жданович, Зрашевский, Миловский, Лаптев, Медведев, Леонтьев, Малинов, Молчановский (с отличием), Никольский, Остроухов, Ольшевский, Петр Попов, Преображенский (с отличием), Яков Попов, Раминский, Розов, Светозаров, Синаевский, Сиверцов, Уточкин, Флоренский, Шайтанов, Шкляревский, Ярошевский, 2го Отделения: Березин, Соболевский. По чему Совет, утвердив 10 текущего июня означенных казеннокоштных воспитанников в звании Лекаря тех отделений, которые назначены Медицинским Факультетом, кроме Степана Синаевского, Михаила Лаптева и Николая Уточкина, об исключении коих из купчества будет представлено начальству, просит распорядиться об отправлении всех показанных лекарей, равно и удостоенных звания Лекаря Синаевского, Леонтьева и Уточкина до времени распределения их на службу в Московский военный госпиталь для лучшего узнания существующего в сем заведении порядка и способа лечения военнослужащих с произведением им же надлежащей на содержание суммы.

ПРИКАЗАЛИ: Отправляющимся в Московский военный госпиталь для лучшего узнания существующего там порядка и способа лечения военнослужащих означенным 28ми лекарям и 3м удостоенным звания Лекаря выдать каждому впредь с 13 сего июня за месяц на содержание и на стол и наем квартиры по 14 р. 28 4/7 к. сер. Всего 442 р. 85 5/7 коп. из экономической суммы, о чем Казначей Баланаеву дать указ, Господину Рейтару предоставить объявить помянутым 28 лекарям равно Синаевскому, Леонтьеву и Уточкину, удостоенным звания Лекаря, о явке их Главному Доктору Москвы Военного госпиталя для вышеизложенных занятий по Госпиталю и о нахождении под непосредственным его ведением и распоряжением, о чем немедленно сообщить Главному Доктору Госпиталя с изъяснением, что за таким распоряжением Инспекция Университета не будет уже иметь над ними как над поступившими в звании лекарей никакого с своей стороны надзора, о чем известить Г. Инспектора студентов с тем, чтобы производство Казенного Стола означенным лекарям предназначено было с 13го числа сего июля месяца.

Верно Секретарь *Васильев*

№ 1485

13 июля 1841

Его Высокоблагородие

П. С. Нахимов

С подлинным сверил Губернский секретарь */подпись/*

Так начался путь из Московского университета на Кавказ, в пекло Кавказской войны, военного лекаря Ивана Флоренского. Через шесть десятилетий тот же путь, но в обратном направлении, с Кавказа в Московский университет, повторит его внук Павел Флоренский. К слову сказать, Иван Андреевич поступил на медицинский факультет Московского университета в год, когда его окончил знаменитый Н. И. Пирогов, создатель военно-полевой хирургии и

Могила И. А. Флоренского в Ардоне. Фотография П. В. Флоренского. 2005 г. Публикуется впервые

один из основателей Красного Креста России. Кавказ станет местом, где будут жить и работать потомки военврача русской армии на Кавказе Ивана Флоренского, принявшего смерть при исполнении служебного долга. Во время эпидемии холеры он врачевал больных, солдат действующей армии и местных жителей, умер и был похоронен в осетинском селении Ардон. Так сложилось, что точное место захоронения И. А. Флоренского долго не было известно его потомкам. «Обретение» могилы состоялось весной 2006 года, когда его старший праправнук профессор П. В. Флоренский посетил Осетию. В церкви Святого Георгия в Ардоне был отслужен молебен, а профессор Флоренский возложил цветы в церковном дворе, где некогда находился погост, на котором, по предположениям, и был захоронен И. А. Флоренский. Представители рода Флоренских внесли большой вклад в науку и культуру Осетии, тут их имя благоговейно почитается, вот почему местная пресса откликнулась на событие целым рядом публикаций и телерепортажей. Вскоре от краеведов, живущих во Владикавказе и Ардоне, Юрия Георгиевича Ясько и Андрея Борисовича Борисова пришло сообщение о том, что местонахождение могилы и раньше было известно. Дело в том, что в Ардоне кроме прихрамового было и до сих пор существует городское кладбище, на котором и покоится прах военного лекаря И. А. Флоренского. Надгробие хорошо сохранилось, вероятно благодаря и благоговейному отношению к почившим на Кавказе. Надгробие расширяется к западу, сверху выбит православный крест, над ним солнце – сакральный знак осетин, по краям растительный орнамент. По бокам надпись в три строки, с северной стороны: «Подъ симъ камнемъ покоится прахъ / раба Божія коллежскаго совѣтника / Ивана Андреевича Флоренскаго», с южной стороны: «скончавшагося въ 1865 году ноября 2-го / дня на 50 году отъ рожденія / МИРЪ ПРАХУ ТВОЕМУ». Однако дата на надгробии ошибочная. Вслед за П. А. Флоренским, игумен Андроник (Трубачев) на основании документов и воспоминаний установил, что И. А. Флоренский умер не 2, а 11 ноября. Скорее всего, каменотес посчитал арабское 11 за римское II. Так,

благодаря рдениям краеведов, удалось установить местонахождение могилы лекаря, полковника И. А. Флоренского, выпускника Московского университета, деда П. А. Флоренского.

Говение сотрудников и студентов Императорского Московского Университета

Занимаясь историко-биографическими исследованиями, естественно, обращаются к книгам регистрации рождения, венчания и отпевания, которые вели в каждой приходской церкви и многие из которых сохранились. По отношению к людям служивым и учащимся велись еще одни записи, и велись регулярно, из года в год: записывались даты и факт говения человека, приписанного или к данному учреждению, где была своя домовая церковь, или к приходу по месту жительства. Все чиновники были обязаны во время Великого Поста исповедоваться и причащаться, о чем делалась запись в домовой, т. е. в учрежденческой, церкви.

Москва делилась на благочиния — сорока (поэтому «сорок сороков» — это сорок благочиний, не тысяча шестьсот). В ЦИАМ, в фонде Духовной Консистории (ф. 203, оп. 747), хранятся ежегодные «Свидетельства Священников и Пасторов о Приобщении Св. Таинств» по всем храмам Москвы и Московской губернии. Мы запросили документы «города Москвы Никитского Сорока церкви Святой Мученицы Татианы, что при Московском университете», за 1836—1840 гг. Первым среди прихожан значится инспектор Платон Степанович Нахимов, его многочисленная семья и челядь. А в списках говевших встречается и имя студента Ивана Флоренского: I курс, 1837 г., 21 год, № 165 (ед. хр. 1303, л. 948); II курс, 1838 г., 22 года, № 176 (ед. хр. 1324, л. 1070); III курс, 1839 г., 23 года, № 165 (ед. хр. 1340, л. 911); IV курс, 1840 г., 24 года, № 230 (ед. хр. 1368, л. 938).

Студенты, говевшие в других храмах (в том числе католики и лютеране), представляли в университет свидетельства о говении. Так, студент Московского университета и его будущий ректор, знаменитый историк и отец философа Владимира Соловьева Сергей Михайлович Соловьев³ в 1839 и 1840 годах исповедовался у своего отца, священника Михаила Васильевича Соловьева, о чем сохранились следующие свидетельства (ф. № 418, оп. 259, ед. хр. 71):

8

Свидѣтельство.

Дано сіе Пречистенскаго сорока Маріинской при Коммерческомъ Училищѣ церкви Священникомъ Михаиломъ Васильевымъ, что Московскаго Императорскаго Университета Студентъ Сергѣй Михайловъ Соловьевъ сего 1839 года въ Святую сію Четырдесятницу былъ у исповѣди и Св. Христо-выхъ Таинъ приобщенъ. Въ чемъ удостовѣряю означенной Маріинской церкви Священникъ Михаилъ Васильевъ. 1839 года Марта 23 дня.

Ф.Ф. 107. 4 к.

73

³ Раздел, посвященный его внуку Сергею Соловьеву как поэту Московского университета, см. в предыдущей книге нашей серии [ПМУ, кн. 5, с. 271–291].

Число Людей.	Женская пола.		Мужеска пола.		Домовъ или дворовъ.
	Женская пола.	Мужеска пола.	Женская пола.	Мужеска пола.	
166.			26.		Авдеевъ
167.			23.		Илья и Любимовъ
168.			24.		Фригорій Дуровъ
169.			21.		Симонъ Дуровъ
170.			19.		Колотилетинъ Сергеевъ
171.			20.		Стефанъ Славенъ
172.			20.		с. Михаилъ и востовъ
173.			22.		Михаилъ и Мисовенъ
174.			19.		и востовъ и Демидовъ
175.			20.		Михаилъ Урюковъ
176.			22.		Иванъ Фигуренъ
177.			19.		Авдеевъ Дмитруховъ

Записи об исповеди и причастиі студентов в домовоі церкви Императорскаго Московскаго университета. 1838 г. ЦИАМ. Публикуется впервые

Свидѣтельство.

Дано сіе Пречистенскаго сорока Маріинской при Коммерческомъ Училищѣ церкви Священникомъ Михаиломъ Васильевымъ Соловьевымъ, что Московскаго Императорскаго Университета Студентъ Сергій Михайловъ Соловьевъ сего 1840 года въ Св. Четырдесятницу былъ у исповѣди и Св. Христовыхъ Таинъ приобщенъ. – Въ чемъ удостовѣряю означенной Маріинской церкви Священникъ Михаилъ Соловьевъ. 1840 года Апрѣля 11 дня.

Обе справки удостовѣрены стандартной храмовой сургучной печатью, на которой можно разобрать: «при Коммерческомъ училищѣ церкви Маріинск<ой>».

Среди свидѣтельств о «приобщении Святыхъ Христовыхъ Таинъ» есть документ, касающийся будущего профессора Московскаго университета выдающегося математика П. Л. Чебышева.

3

169

Ваше Высокоблагочестіе
Петръ Матѣевичъ⁴!

Я нижеподписавшійся удостовѣряю Васъ, что Императорскаго Московскаго Университета Студентъ Пафнутій Львовъ сынъ Чебышевъ сего 1840 года въ Св. Четырдесятницу говель, исповѣдовался и Св. Таинъ Христовыхъ приобщался. Неопалимовской, близъ Дѣвичья поля, церкви Священникъ Діодоръ Гавриловъ. Апрѣля 22 дня 1840 года.

Определенный интерес представляют и сохранившиеся в университетском архиве документы, касающиеся студента (в будущем известного поэта) Афанасия Фета. Закончим одним из них – рапортом о болезни Фета (ЦИАМ, ф. 418, оп. 257, ед. хр. 72, л. 1):

Его Высокоблагородію
Императорскаго Московскаго Университета
г-ну Инспектору студентовъ
Флота Капитану 2го Ранга и Кавалеру
Платону Степановичу Нахимову
отъ своегокоштнаго студента Аѳанасія Фета
Рапортъ

Въ томъ, что онъ по болезни не можетъ съ 20го Октября посещать лекціи<.> въ чемъ приложилъ свидѣтельство Доктора Императорской Павловской больницы.

Студентъ Аѳанасій Феть

121

4

23 Января <1840>

П. В. Флоренскій, Т. А. Штуова

⁴ Письмо обращено к Петру Матвеевичу Терновскому. П. М. Терновскій (1798—1874) — первый настоятель церкви Святой Мученицы Татианы при Московском университете, профессор богословия и церковной истории в Московском университете.

Стремясь максимально полно и точно представить жизненный и творческий путь поэтов, вошедших в настоящую книгу, мы не ограничились материалами студенческих дел из основного фонда Московского университета в ЦИАМ (Ф. 418) и ЦАГМ и значительно расширили архивные поиски. Исследовательская работа велась в РГАЛИ, ОПИ ГИМ, ГАРФ и других хранилищах.

Наиболее значимыми стали документы из 6 различных фондов РГАЛИ (Ф. 131, 341, 660, 941, 1303, 2943). Так, в личном фонде А. К. Виноградова (РГАЛИ. Ф. 1303), помимо других ценных документов, был обнаружен его диплом об окончании Московского университета. До этого об учебе А. К. Виноградова в университете говорили лишь скудные строчки «Алфавитного списка студентов Императорского Московского университета». Столь же мало сведений сохранилось и о Н. В. Гиляровской. Одна из первых женщин, оставленных в университете «для подготовки к профессорскому званию», талантливый поэт, начавшая печататься с 16 лет, театровед, Н. В. Гиляровская по документам Московского университета проходила только как «сторонняя слушательница историко-филологического факультета». Ее личные дела в Государственной академии художественных наук (Ф. 941), в Московском объединении «Союз художников России» (Ф. 2943), анкета для Всероссийского Союза Советских писателей (Ф. 131) отчасти восполнили недостаток биографических данных о Н. В. Гиляровской. Необходимо сказать, что фонд МОСХ РСФСР относится к закрытым: личные дела членов МОСХа исследователям не выдаются. По нашему запросу сотрудники РГАЛИ подготовили только биографическую справку по материалам личных дел. Этим объясняется лаконичность представленных в «Архивном каталоге» сведений о Н. В. Гиляровской.

Документы А. Я. Брюсова найдены нами в трех архивах — ЦИАМ, ЦАГМ и РГАЛИ. Это 2 личных студенческих дела и анкета Всероссийского союза писателей. Анкета 1922 г. представляет собой автограф с ответами на вопросы. В этих кратких ответах прочитывается многое: возвращение из плена, мизерный паек, жена-студентка и сестры с детьми на иждивении, готовность работать по специальности — переводить с любого из 5 иностранных языков, стоимость печатного листа перевода в ценах того времени и др. Целая жизнь в кратких строчках одного анкетного листа.

Нельзя не выделить дело Департамента полиции о студенте Александре Добровольском из ГАРФ (Ф. 102. Оп. 148. Д. 590). А. А. Добровольский (Тришатов) был обвинен в преступной пропаганде среди крестьян и подвергнут высылке под гласный надзор полиции. Письмо матери, Е. А. Добровольской, директору Департамента полиции с заверениями о невиновности сына и просьбой о снисхождении к нему — один из самых трогательных и одновременно содержательных текстов среди просмотренных нами документов. Усилия матери

оказались не напрасными. Вместо высылки в Вологодскую губернию А. А. Добровольский был отправлен южнее, в Бердянск, а срок высылки был сокращен с двух лет до одного года.

Арсений Альвинг
Арсений Алексеевич Смирнов (1885—1942)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1723. Л. 1–21. (1 августа 1907 г. — 16 июня 1914 г.)

Дело № 1723 канцелярии инспектора студентов Императорского Московского Университета о принятии в студенты Смирнова Арсения.

- Л. 1.** Прощение от 1 августа 1907 г. о принятии на историко-филологический факультет Императорского Московского Университета (автограф).
- Л. 3, 3 об.** Аттестат № 827 Смирнова Арсения, обучавшегося в Московской 3-ей гимназии 3 ¼ года и в Ялтинской Александровской гимназии 6 лет. На оборотной стороне аттестата: «Состоял в числе студентов историко-филологического ф-та в 1907–08, 1908–09, 1909–10, 1910–11, 1911–12, 1912–13 гг. В весеннем полугодии 1914 г. был уволен на основании 526 ст. т. XI ч. I Св. Зак.».
- Л. 5, 5 об.** Свидетельство от 28 июня 1886 г. (копия): «В метрической книге № 3707 Московского уезда села Перова Знаменской церкви значится: 1885 года июня 5 дня у присяжного поверенного, живущего на даче Мусатова, Алексея Платоновича Смирнова и жены его Надежды Александровны родился сын Арсений».
- Л. 2.** Фотография (без даты).
- Л. 7.** Приписное свидетельство № 1363 от 31 октября 1906 г.
- Л. 17.** Свидетельство № 1212 от 17 февраля 1914 г. об увольнении из университета на основании 526 ст. т. XI ч. I Св. Зак.

Глеб Иосафович Анфилов (1886—1938)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 323. Д. 64. Л. 1–26 (27 июля 1909 г. — 3 июня 1914 г.)

Дело № 64 канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета. Анфилов Глеб Иосафович.

- Л. 1.** Прощение от 27 июля 1909 г. подпоручика инженерных войск в запасе Глеба Иосафовича Анфилова о принятии на юридический факультет Императорского Московского Университета (автограф).
Штамп: «Зачисляется студентом юридическ. фак. 7 авг. 1909 г. Ректор (подпись)».

Л. 2. Аттестат № 1813 от 21 июня 1903 г. Михайловского Воронежского кадетского корпуса (подлинник):

«От Михайловского Воронежского кадетского корпуса дан сей аттестат кадету VII класса Глебу Иосафовичу Анфилову, сыну полковника, в том, что названный кадет при вполне удовлетворительной нравственности успешно окончил полный курс кадетского корпуса и на основании результатов окончательных испытаний получил нижеследующую оценку познаний:

из Закона Божия		12 (двенадцать)
из русского языка	грамматики	12 (двенадцать)
	словесности	12 (двенадцать)
	письменных работ	11 (одиннадцать)
из французского языка		12 (двенадцать)
из немецкого языка		11 (одиннадцать)
из арифметики		10 (десять)
из алгебры		9 (девять)
из геометрии		10 (десять)
из тригонометрии		9 (девять)
из приложения алгебры к геометрии и начала аналитической геометрии		7 (семь)
из естественной истории		11 (одиннадцать)
из физики		11 (одиннадцать)
из космографии		11 (одиннадцать)
из географии		10 (десять)
из истории		10 (десять)
из законоведения		12 (двенадцать)
из рисования		12 (двенадцать)
Сумма баллов		192
Средний балл		10,67

Директор корпуса генерал-майор Григорьев (*подпись*)
 Инспектор классов корпуса статский советник Смирнов (*подпись*)
 Секретарь корпуса Захава (*подпись*)».

Л. 4. Свидетельство (копия) № 82 от 8 декабря 1887 г.:

«В хранящейся при Владимирской церкви 15 Пехотного Шлиссельбургского полка метрической книге за 1886 год под № 1 записано: тысяча восемьсот восемьдесят шестого года апреля 24 дня у подполковника 15 Пехотного Шлиссельбургского полка Иосафа Измайловича Анфилова и законной жены его Елизаветы Дмитриевны родился сын Глеб».

Л. 6–8. 3 фотографии в шляпе. На обороте каждой — заверенная личная подписью от 23 июля 1909 г.

Л. 11. Удостоверение с фотографией № 220 от 30 мая 1909 г. на бланке Испытательного Комитета Московского Учебного округа Министерства Народного Просвещения в том, что «в заседании Комитета 23 мая 1909 г. Анфилов Глеб Иосафович подвергался испытанию в знании латинского языка в объеме полного курса мужских гимназий и на означенном испытании обнаружил познания удовлетворительны<е> (3)

Председатель Испытательного Комитета (подпись) Делопроизводитель (подпись)».

Л. 5. Удостоверение № 4859 от 10 июня 1908 г. об увольнении в запас по прошению подпоручика 4 понтонного батальона Анфилова (машинопись на бланке Московского Комендантского управления с круглой печатью).

Л. 14. Прошение на имя ректора студента 1 семестра от 20 октября 1909 г. об освобождении от платы за обучение по льготе как потомка защитника Севастополя.

Л. 18. Прошение на имя ректора от 16 августа 1912 г. от студента 6 семестра юридического факультета Анфилова Глеба Иосафовича «о выдаче удостоверения в том, что со стороны Университета не встречается препятствий к вступлению моему в брак» (автограф). Приписка: «удостоверение получил (подпись)».

Л. 20, 20 об. Выпускное свидетельство № 775 от 29 июля 1913 г. с круглой университетской печатью. Только в этом документе указано точное место рождения Г. И. Анфилова — деревня Остроленка Ломжинской губернии.

Л. 23. 16 октября 1913 г. удостоен диплома *первой* степени № 19833, выдан 3 июня 1914 г. Диплом с круглой печатью.

Л. 24. Второй экземпляр диплома без печати.

Николай Сергеевич Арсеньев (1888—1977)

Поступил в Московский университет после окончания лицея цесаревича Николая с *золотой* медалью (Отчеты о состоянии и действиях Императорского Московского Университета в 1910 году. М., 1911, с. 67).

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Д. 1003. Л. 1–15 (27 апреля 1910 г. — 23 декабря 1910 г.)

Дело № 1 историко-филологической испытательной комиссии. Арсеньев Николай Сергеевич.

Л. 1. Прошение от 27 апреля 1910 г. председателю историко-филологической испытательной комиссии от окончившего курс историко-филологического факультета Императорского Московского Университета потомственного дворянина Николая Сергеевича Арсеньева о допущении к испытаниям по специальности *западноевропейская литература* (автограф).

Л. 3, 4, 6 об. Экзаменный лист № 1 с оценками за университетский курс:

Психология	весьма удовлетворительно
Логика	весьма удовлетворительно

Введение в философию	весьма удовлетворительно
Греческие авторы	весьма удовлетворительно
Римские авторы	весьма удовлетворительно
Введение в языковедение	весьма удовлетворительно
История средневековой литературы	весьма удовлетворительно
История новой западноевропейской литературы	весьма удовлетворительно
История русской литературы	весьма удовлетворительно
История средних веков	весьма удовлетворительно
История средневековой философии	весьма удовлетворительно
Романо-германская филология	весьма удовлетворительно
Домашнее сочинение	весьма удовлетворительно

Л. 8 об. Резолюция: «Удостоен диплома первой степени. Председатель историко-филологической испытательной комиссии Ф. Корш. 30 мая 1910 г.» (подпись, автограф).

Л. 12. 30 мая 1910 г. удостоен диплома *первой* степени № 44224, выдан 23 декабря 1910 г.

ОПИ ГИМ. Ф. 454. Д. 96.

Л. 230. Н. С. Арсеньев вместе с князем Н. С. Трубецким, Н. Н. Лузиным, П. Н. Каптеревым и другими учеными (всего 8 человек) являлся учредителем Общества младших преподавателей Императорского Московского Университета (Устав Общества утвержден 7 ноября 1916 г.)

Александр Яковлевич Брюсов (1885—1966)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 318. Д. 122. Л. 1–23. (23 июля 1904 г. — 25 февраля 1925 г.)

Дело № 122 канцелярии инспектора студентов Императорского Московского Университета о принятии в студенты Брюсова Александра.

Л. 17. Прощение от 23 июля 1904 г. о принятии на историко-филологический факультет Императорского Московского Университета (автограф).

Л. 13. Прощение от 26 июля 1911 г. уволить из университета, «так как желаю отбыть воинскую повинность» (автограф).

Л. 10, 10 об. Аттестат № 653 Московской 3-ей гимназии. Окончил в 1904 г. с *золотой медалью* (особо отмечены знания по математике, русскому, латинскому и греческому языкам).

Л. 20. Свидетельство о крещении. Родился 17 сентября 1885 г. в Москве. Отец — московский 2-й гильдии купеческий сын Яков Кузьмич Брюсов, мать — Матрона Александровна.

Л. 23. Фотография 1904 г.

Л. 22. Фотография 1922 г.

Л. 2. Удостоверение № 1061 от 3 августа 1922 г. «Предъявитель сего есть действительно Помнач информчасти Управления Отдельной учебно-опытной Радиотелеграфной бригады».

Л. 3. Удостоверение № 683 от 31 августа 1922 г. «РСФСР. Политическое управление МВО. Комиссия по откомандированию в ВУЗ. Командируется Брюсов А. Я. для поступления в Московский Археологический институт в счёт 5% нормы вакансии Реввоенсовета республики».

Л. 8. Прощение от 1 сентября 1922 г. в I Госуниверситет¹, на Факультет Общественных наук о принятии в число студентов археологического отделения ФОН (бывший археологический институт). Машинопись, подпись А. Я. Брюсова.

Л. 12, 12 об. Опросный лист от 3 сентября 1922 г.

национальность	русский
семейное положение	женат
профессия	литератор
отношение к воинской повинности	состою на действительной военной службе
участие в гражданской войне	не участвовал
образование	бывший студент-филолог говорю на немецком и французском яз. читаю: англ., итал., испан., португал. яз.
место жительства	Москва
партийность	беспартийный
оклад	6300 руб. в дензнаках 1922 г., строевой паёк, квартирный, дровяной и строевой паёк на жену
адрес	Арбат, Большой Успенский пер. д. 6 кв. 1

ЦАГМ. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 278. Л. 1–19. (1917–1925 гг.)

Дело № 129. Канцелярия по учебной части Факультета Общественных наук. Приписка на титульном листе: «Свидетельство 25. II. 1925 г. № 166».

Л. 2. Прощение от 11 ноября 1924 г. допустить к испытаниям по специальности «доисторическая археология» (автограф).

Л. 5, 5 об. Отчетная карточка. Указаны предметы и преподаватели: биология — С. А. Усов, этнография — Харузин, исторический материализм — Н. И. Бухарин, итальянский язык — В. И. Герье.

¹ С 1917 по 1930 год Московский университет назывался I Московским государственным университетом (сокращенно — I Госуниверситет).

Л. 8–19. Зачетная книжка № 325 с фотографией в военной форме и автографами преподавателей.

Л. 7, 7 об. Свидетельство № 166 (копия) от 25 февраля 1925 г. об окончании университета (*дипломов в то время не выдавали*).

РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 242. Л. 1.

Фонд Гуревич Любови Яковлевны

Анкеты Всероссийского Союза Писателей

Анкета Брюсова Александра Яковлевича<, > 26 июня 1922 г. (автограф, фиолетовые чернила):

№ 49 Ответ на анкету В. С. П.²

² Всероссийский Союз писателей был основан в 1918 г. В мае 1922 г. всем его членам (около 150 человек) были разосланы анкеты, которые по поручению Правления разработали Л. Я. Гуревич и А. Соболев. Вопросы анкеты в РГАЛИ не сохранились; реконструированы нами по черновикам из фонда Л. Я. Гуревич (РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1, ед. хр. 292. Л. 1–86).

- 1) Фамилия, имя, отчество
- 2) Год рождения
- 3) Семейное положение:
 - а) число работоспособных членов семьи, окупающих свое существование собственным заработком
 - б) число полуроботоспособных, нуждающихся в поддержке
 - в) число членов, находящихся на полном вашем иждивении
- 4) Жилищные условия
- 5) Получаете ли Вы паек
- 6) Удовлетворяет ли Вас Ваше питание, чего не хватает
- 7) Отражаются ли современные условия жизни на Вашей работоспособности
- 8) Имеете ли Вы возможность восстанавливать свои силы посредством отдыха, пребывания в санатории и т. п.
- 9) В какую сумму Вы исчисляете свой прожиточный минимум для себя лично и для всех членов Вашей семьи, нуждающихся в поддержке — который мог бы обеспечить Вам нормальную литературную производительность (исчисляется в советских рублях в момент получения анкеты)
- 10) Удастся ли Вам выработать этот прожиточный минимум
 - а) литературным трудом
 - б) иным видом труда
 Если не удастся, какую часть минимума Вы вырабатываете
- 11) Выработывали ли Вы свой прожиточный минимум до 1918 г
- 12) Если заработок Ваш пополняется не литературным трудом, то является ли этот труд для Вас нормальным или нет, носит случайный или тягостный для Вас характер
- 13) С какого года начали литературную деятельность
- 14) Ваша литературная специальность (беллетристика, поэзия, критика, научные статьи, переводы, редактирование)
- 15) В какой форме выражалась Ваша литературная деятельность до 1918 г. (отдельные издания книг, участие в журналах, участие в газетах)

- 1) Брюсов Александр Яковлевич Арбат Бол. Успенский пер. д. б. кв. 1.
 - 2) 1885
 - 3) а) сестры: Лидия Яковлевна Кисина и Евгения Яковлевна Калюжная (при них дочери 11 и 16 лет)
 - б) никого
 - в) жена, Серафима Брюсова, студ.-медик 2-го университета
 - 4) удовлетворительно, поскольку это относится к данному времени (т. е. не сравнивая с довоенн. условиями)
 - 5) Получаю фронтовой паек (1½ ф. черного хлеба в день и ничтожное количество иных предметов)
 - 6) См. § 4
 - 7) Безусловно. Перечислять слишком долго и всем известно
 - 8) С момента моего возвращения (из плена) в Россию, т. е. с января 1919 г. Имел один раз отпуск на 3 недели весной прошлого года
 - 9) Абсолютно не представляю себе, потому что понятие это слишком неопределенно и растяжимо
 - 10) То, что я считаю прожиточным минимумом, конечно, нет (см. § 9)
 - 11) Да
 - 12) Да (призван на военную службу 1. XI. 1919 г. и задержан на ней на *неопределенное* время)
 - 13) С 1904 г.
 - 14) а) большая историческая работа<, > над которой работаю с 1907 г. (с перерывом 1914 — 1919); еще — говоря языком рубрик анкеты — «научные статьи» в) поэзия с) переводы и редактирование
 - 15) Издаю: ряд переводных работ, книга стихов; остальное в журналах и газетах (статьи, рассказы, стихи)
-
- 16) В какой форме выражается Ваша литературная деятельность в настоящее время
 - 17) Удастся ли в настоящее время печатать все то, что Вы пишете
 - 18) В каких органах печати и в каких издательствах Вы работаете (советских, частных, зарубежных)
 - 19) Просьба точно обозначить размер гонорара (с печат. л. 40.000 или с газет. строки, полученного Вами за последние месяцы с указанием в каком месяце гонорар получен и от какого именно издательства)
 - 20) Имеете ли Вы готовые к печати труды и в каком размере
 - а) новые
 - б) для переиздания
 - 21) Ищете ли Вы в дополнение к тому, что пишете по собственной инициативе, литературной работы по заказу и какого именно характера
 - 22) Имеете ли Вы личную библиотеку и сохранили ли её в прежнем размере
 - 23) Имеете ли Вы возможность следить за вновь выходящими книгами и периодическими изданиями
 - 24) С какого времени Вы в Союзе и поддерживаете ли связь с ним
 - 25) В дополнение к предусмотренным анкетой, сведения, могущие осветить условия писательской жизни в настоящее время

- 16) «Важнейшего» ничего не напечатано. Из более крупных работ считаю перевод в стихах Сема Бенелли «Ужин Шуток»
- 17) Нет
- 18) В изд. «Всемирная Литература» и (по службе) в Информационной части Учеб. Опыт. Радиотелеграф. Бригады
- 19) 11.900.000 за лист 25. V. 1922 г. в изд. «Всемирная Литература» за перевод
- 20) а) Сборник стихов; перевод «Лузиад» (прозой); несколько других переводов б) нет
- 21) Да. Переводов (с франц., немец., англ., испан., португ.) или подходящей оригинальной работы
- 22) Небольшую. Значительная часть погибла, когда я находился на фронте и в плену
- 23) Нет
- 24) С 1919 г. Почти что не поддерживаю

26/VI — 22 г.

А. Брюсов (подпись)

Николай Иванович Бухарин (1888—1938)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 234. Л. 1–34. (10 августа 1907 г. — 3 сентября 1912 г.)

Дело № 234 канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета. Бухарин Николай Иванович.

- Л. 1.** Прощение от 2 июля 1907 г. о принятии на *юридический* факультет Императорского Московского Университета (автограф).
Штамп: «зачислен 10 августа 1907 г.»
Помета карандашом: «зол. мед.»
- Л. 2.** Аттестат зрелости (копия) № 786 от 4 июня 1907 г. Московской 1-ой гимназии (все предметы — «отлично»). Окончил с *золотой медалью*.
- Л. 2 об.** Запись на оборотной стороне аттестата:
«Состоял в числе студентов на юридическом факультете в течение 1907–08, 1908–09, 1909–10 академических годов и в осеннем полугодии 1910 г., как не возвративший входного билета по окончании осеннего полугодия 1910 г. Бухарин был уволен.
11 февраля 1911 г. исключен по распоряжению Министра Народного Просвещения. Ректор М. Любавский секретарь С. Гарский Москва 3 сентября 1912 г.»
- Л. 4.** Свидетельство (копия) от 6 июля 1900 г. в том, что «в метрической книге Московской Екатерининской на Большой Ордынке церкви 1888 года № 1

писано: сентября 27 числа родился Николай, крещен октября 16 числа, родители его: действительный студент Московского Императорского Университета Иоанн Гаврилов Бухарин и законная жена его Любовь Иванова (урожденная Измайлова), оба православные».

- Л. 3.** Свидетельство (копия) № 597 от 5 июня 1907 г. о приписке к 3 призывному участку города Москвы.
- Л. 25 об. — 34.** Экзаменационная книжка № 2490, выдана 3 апреля 1908 г. с фотографией. В книжке имеются автографы преподавателей, в том числе «зачет» по политэкономии И.А. Ильина и «весьма удовлетворительно» по истории философии права князя Н. С. Трубецкого.
- Л. 5.** Формулярный список от 21 июля 1900 г. о службе младшего надзирателя Комиссаровского Технического училища коллежского секретаря Ивана Гавриловича Бухарина. Окончил физико-математический факультет Императорского Московского Университета, был награжден серебряной медалью в память царствования императора Александра III. Имел сыновей: Николая (27 сентября 1888 г.), Владимира (10 июля 1890 г.), Андрея (3 августа 1893 г.), Петра (10 сентября 1896 г.)
- Л. 23, 23 об.** Письмо в канцелярию Московского Университета на бланке Отделения Московского Градоначальника по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве от 31 марта 1911 г. № 254626:
«Секретно срочно. Департамент полиции, отношением от 9 февраля 1911 г. за № 66494 уведомил, что при рассмотрении Особым Советом обстоятельств дела о студенте Московского Университета Николае Ивановиче Бухарине изболеченном в принадлежности к Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии г-н Министр внутренних дел постановил: а) выслать Бухарина в Архангельскую губернию под гластный надзор полиции на три года, считая срок означенного административного взыскания с 31 января 1911 г. б) настоящее постановление в отношении Бухарина привести в исполнение по получении сведений о неимении к тому препятствий со стороны судебных властей. Временно исполняющий обязанности Градоначальника помощник его полковник (подпись) Начальник отделения полковник (подпись)» (машинопись).
- Л. 24.** Прощение от 14 сентября (нов. ст.) 1912 г. в канцелярию Московского университета бывшего студента Николая Ивановича Бухарина:
«Честь имею просить канцелярию Московского университета выслать мне заказной посылкой имеющиеся у нее мои документы (аттестат зрелости, метрическое свидетельство и т. д.) а также свидетельство о пребывании моем в университете с 1907 по 1911 г. по следующему адресу Австрия Галиция Краков Krakau Dębniکی Rynék, 3. Pan Kieibasinsky для Бухарина». Помета карандашом: «За документами придет отец».

Анатолий Корнелиевич³ Виноградов (1888—1946)

Алфавитный список студентов, принятых в Императорский Московский Университет осенью 1906 г. М.: Университетская типография. 1907. С. 22

№ п/п 293 — Виноградов Анатолий Корнелиевич
факультет — *естественный*
вероисповедание — православное
звание — сын надворного советника
место предварительного воспитания — Московская 1-я гимназия
год поступления в Императорский Московский Университет — 1906

Алфавитный список студентов Императорского Московского Университета за 1908—1909 академический год. М., 1908. С. 83

№ п/п 1320 — Виноградов Анатолий Корнелиевич
факультет — *филологический*
вероисповедание — православное
звание — сын надворного советника
год рождения — 1888
место рождения — Калужская губерния
место предварительного воспитания — Московская 1-ая гимназия
год поступления в Императорский Московский Университет — 1906

РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1—41. (1908 г. — 20 октября 1918 г.)

Дело Московской 1-ой гимназии. Виноградов Анатолий Корнелиевич.

Л. 21. Диплом № 17582 с круглой печатью Попечителя Московского учебного округа:

«Предъявитель сего, Анатолий Корнелиевич Виноградов, вероисповедания православного, сын Надворного Советника, в бытность свою студентом Историко-Филологического факультета ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, в 1908 и в 1911 годах выдержал полукурсовые испытания: по психологии *весьма удовлетворительно*, по логике *весьма удовлетворительно*, по введению в философию *весьма удовлетворительно*, по греческим авторам *удовлетворительно*, по римским авторам *весьма удовлетворительно*, и сверх того: по введению в языковедение *удовлетворительно* и, по зачете определенного Уставом числа полугодий на означенном факультете, в Апреле и Мае 1912 года подвергался окончательным испытаниям в Историко-Филологической Испытательной комиссии при означенном Университете по отделу *философских наук*, при чем оказал следующие успехи: по истории древней философии *весьма удовлетворительно*, по истории средневековой философии *весьма удовлетворительно*, по истории новой

³ Встречаются три варианта написания отчества Анатолия Виноградова: Корнелиевич, Корнелевич и Корнилович.

и новейшей философии *весьма удовлетворительно*, по истории западно-европейской литературы нового времени *весьма удовлетворительно*, по истории новой русской литературы *весьма удовлетворительно*, по истории Греции *весьма удовлетворительно*, по истории Западной Европы 17 — 19 вв. *весьма удовлетворительно*, по русской истории 17 — 19 вв. *удовлетворительно* и по сочинению *весьма удовлетворительно*.

По сему, на основании ст. 81 Общего Устава Императорских Российских Университетов 23 августа 1884 года, г. Виноградов, в заседании Историко-Филологической Испытательной Комиссии, 1 июня 1912 года, удостоен диплома *первой* степени со всеми правами и преимуществами, поименованными в ст. 92 Устава и в V п. Высочайше утвержденного в 23 день Августа 1884 года мнения Государственного Совета. В удостоверение сего и дан сей диплом г. Виноградову, за надлежащей подписью и с приложением печати Управления Московского Учебного Округа.

Город Москва, Апреля 30 дня 1913 года.

Попечитель Московского Учебного Округа (*подпись*)

Председатель Историко-Филологической Испытательной Комиссии (*подпись*)

Правитель Канцелярии (*подпись*)».

Л. 37. Справка № 1124 от 4 октября 1917 г. на бланке Канцелярии Государственных Испытательных Комиссий при Императорском (зачеркнуто) Московском Университете (машинопись с круглой печатью Канцелярии Попечителя Московского учебного Округа):

«Анатолий Корнелиевич Виноградов, подвергаясь испытаниям в Историко-Филологической Испытательной Комиссии при Московском Университете осенью 1917 г. на звание учителя средних учебных заведений, установленное законом 3 июля 1914 года, выдержал таковые испытания по предметам: методике истории, истории педагогических учений и педагогической психологии, каковые предметы сдал *весьма удовлетворительно* Делопроизводитель (*подпись*)».

Л. 39. Удостоверение № 636 от 15 августа 1918 г. Московской 1-й мужской гимназии (машинопись с круглой печатью Первой Московской гимназии):

«Дано сие в том, что Анатолий Корнелиевич Виноградов действительно в настоящее время состоит преподавателем Московской 1-ой мужской гимназии.

Председатель Совета гимназии С. Орлов (*подпись*)

За делопроизводителя С. Величков (*подпись*)».

Л. 41. Удостоверение № 910 от 26 октября 1918 г. Московской 1-ой мужской гимназии (копия машинописи):

«Дано сие в том, что Анатолий Корнилевич Виноградов действительно в настоящее время состоит преподавателем б. Московской 1-ой мужской гимназии, ныне преобразуемой в школу 2-й ступени.
Председатель Совета гимназии (без подписи)
За делопроизводителя (без подписи)».

Надежда Владимировна Гиляровская (1886—1966)

Алфавитный список студентов и сторонних слушателей Императорского Московского Университета за 1909—1910 академический год. М., 1909.

Часть 2. Список посторонних слушательниц историко-филологического факультета

С. 1. № 8 — Гиляровская Надежда Владимировна

Алфавитный список студентов и посторонних слушателей Императорского Московского Университета за 1910—1911 академический год. М., 1910.

Часть 2. Список посторонних слушательниц историко-филологического факультета

С. 1. № 8 — Гиляровская Надежда Владимировна

РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 4. Ед. хр. 161. Л. 1—11. (15 февраля 1942 г. — 8 января 1951 г.)

Фонд МОСХ РСФСР.

Личное дело Н. В. Гиляровской. Начато 15/II 1942 г., окончено 08/I 1951 г.

Гиляровская Надежда Владимировна родилась 26 октября 1886 г. в г. Москве в семье писателя. В 1904—1908 гг. училась на историко-философском отделении Московских Высших Женских курсов. В 1908 г. поступила, а в 1912 г. окончила историко-филологический факультет Московского Университета. Начала писать в 1902 г. В 1912—1929 гг. работала научным сотрудником Государственного Исторического музея, в 1930—1931 гг. — Института народного хозяйства им. Плеханова, в 1931—1932 гг. — Московского Коммунального музея, в 1932—1933 гг. — Государственной Академии Коммунального Хозяйства. С 10 декабря 1940 г. — член Союза Художников СССР (секция критиков). В 1948—1949 гг. работала в научно-исследовательском институте при Академии Художеств СССР. Автор нескольких книг по истории русского театрального костюма, большого количества статей и заметок по вопросам искусства. Награждена медалью «За оборону Москвы», «За доблестный труд», медалью «800-летие Москвы».

РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 247. Л. 1.

Фонд Гуревич Любови Яковлевны

Анкеты Всероссийского Союза Писателей

Анкета Гиляровской Надежды Владимировны<.> 1922 г. (автограф, черные чернила):

№ 10⁴

1) **Гиляровская** (Лобанова) Надежда Владимировна<.> Москва

2) 1886

3) а) муж, имеющий собственный заработок, <б)> отец В. А. Гиляровский 70 лет<.> в) мать 61 года и свекор инвалид

4) Переуплотнение квартиры

5) ½ академич<еского> личного пайка; ½ семейн<ого> пайка на мать

6) не хватает жиров

7) да

8) нет

9) затрудняюсь определить

10) не удается

11) да

12) служу в Росс. Историч. музее<.> Музее декорационной живописи, работа интересная

13) с 1906 г.

14) Переводы, научные статьи, беллетристика, поэзия

15) Отдельные книги и участие в период. изданиях

16) Имею отдельные книги: 1) сборник «Стихи» 2) Детские рассказы 3) Переводы Гете «Герман и Доротея» 4) Киплинг а) Две книги джунглей (2 изд.)

б) Вот так сказки 5) Штирнер «Единственный и его достояние» 6) беллетрист. рассказы и стихи в период. изд-ях 7) статьи по истории лит-ры и театра в период. изд-ях «Рус. мысль», «Рус. ведом.», «Рус. слово» «Новь», «Нива» и др.

8) статья «Мистерии в Эрле» в сборнике общ-ва истории лит-ры

9) нет

10) —

11) —

12) Имею

13) заказов не имею, но охотно бы взяла

14) небольшую

15) имею

16) С основания. Поддерживаю

17) —

18) —

Гиляровская (подпись)

Михаил Александрович Зенкевич (1886—1973)

РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1, ед. хр. 251. Л. 1—2

Фонд Гуревич Любови Яковлевны

⁴ Вопросы анкеты см. в сноске 2 выше.

Анкеты Всероссийского Союза Писателей

Анкета Михаила Александровича Зенкевича (автограф, черные чернила, без даты)⁵

- 1) Михаил Александрович Зенкевич
- 2) 1889⁶
- 3) мать 61 года, нуждается в поддержке
- 4) нет, не имею помещения в Москве
- 5) паек не получаю
- 6) нет, жиров, сахара, мяса
- 7) отражаются, понижена работоспособность
- 8) не имел до сих пор
- 9) в наст. время пятьдесят тысяч рублей
- 10) в наст. время около трети только
- 11) выработывал, 150-200 руб. в месяц
- 12) носит случайный характер, иногда и тягостный (кроме журналистики, преподавания в студиях, случайные лекции, корректура и т. д.)
- 13) начал с 1908 г.
- 14) поэзия, также переводы, рецензии
- 15) издание книги «Дикая порфира» СПб. 1912 г., «Четырнадцать стихотворений» СПб. 1918 г. и др. также участвовал в журналах и газетах
- 16) сборник «Дикая порфира» СПб. 1912 г., «Четырнадцать стихотворений» СПб. 1918 г., «Пашня танков» 1922 г.
- 17) нет, только незначительную часть
- 18) работал с начала октябрьской революции в Саратове в «Художественных известиях», «Известиях» и др. также в сборнике «Цеха поэтов» в Петербурге, журнале «Сирена» 1919 г., теперь в «Круге», «России» и др. Раньше работал в «Аполлоне», «Современном мире», «Новом журнале для всех», «Гиперборее» и др.
- 19) —
- 20) имею новые три книги стихов; для переиздания одну книгу
- 21) ищу переводы
- 22) имел, но были проданы во время переездов, выселения
- 23) далеко не за всеми, т. к. не имею возможности приобрести и достать все книги
- 24) в Союзе с 1919 г., связь поддерживаю во время приездов, взносами, посещениями собраний, выступлениями с чтениями
- 25) Михаил Зенкевич (*подпись*)

⁵ Вопросы анкеты см. в сноске 2 выше.

⁶ Так в рукописи.

Георгий Иванович Золотухин (1886 — не ранее 1942)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 514. Л. 1–18 (август 1905 г. — 15 ноября 1908 г.)

Дело № 514 канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета. Золотухин Георгий.

Л. 8, 8 об. Прощение (без даты, 1905 г.) о принятии на *юридический* факультет Императорского Московского Университета (автограф). Помета синим карандашом: «ход. Н. В. Давыдова⁷ и отца просителя».

Л. 5, 5 об. Аттестат № 380 (копия, машинопись). Обучался 5 лет в Екатеринодарской гимназии и 3 года в Тамбовской гимназии. На оборотной стороне листа приписка чернилами: «Золотухин Георгий в августе 1905 г. был принят в число студентов Императорского Московского Университета на юридический факультет. Как не внесший платы в весеннем полугодии 1908 г. из Московского Университета был уволен. Москва ноября 15 дня 1908 г.».

Л. 11. Свидетельство (копия, машинопись) № 5992 от 28 февраля 1905 г.: «В метрической книге Кубанской области города Екатеринодара Александро-Невского собора за тысяча восемьсот восемьдесят шестой год в I части о родившихся мужского пола под № 344 значится следующая запись: родился 26 ноября, а крещен 19 числа декабря месяца Георгий. У него родители: товарищ прокурора Екатеринодарского Окружного суда Иван Иванович Золотухин и законная жена его Елена Афанасьевна».

Л. 16 а. Фотография (без даты).

Л. 12. Свидетельство (копия, машинопись) № 580 от 12 февраля 1905 г.: «Георгий Иванович Золотухин, родившийся 26 ноября 1886 г., приписан к отбыванию воинской повинности к 1-ому призывному участку города Тамбова».

Л. 9, 9 об. Прощение от июля 1905 г. на имя ректора статского советника Ивана Ивановича Золотухина:

«В настоящем году сын мой Георгий окончил курс в Тамбовской гимназии и ныне мне предстоит определить его в Университет. Семья моя состоит из жены и троих детей. Две дочери: Варвара и Анна в настоящее время уже обучаются в Москве. Поэтому было бы крайне желательно, чтобы и сын Георгий поступил в Московский Университет».

⁷ Николай Васильевич Давыдов (1848–1920) — председатель Московского Окружного суда, выпускник юридического факультета Московского университета, с 1900 г. приват-доцент Московского университета, читал курс уголовного процесса на юридическом факультете. В начале XX в. в культурной жизни Москвы были известны литературные «четверги» Н. В. Давыдова, редкие материалы которых (в том числе автографы стихотворений Ф. Е. Корша) хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 202).

- Л. 17, 17 об., 18, 18 об.** Письмо (автограф) от 11 июля 1905 г. на бланке Председателя Московского Окружного суда на имя ректора [Л. К. Лахтина] с обращением «Многоуважаемый Леонид Кузьмич!» за подписью Н. В. Давыдова. Ходатайство о принятии в Московский Университет сына статского советника Золотухина и личного почетного гражданина Касаткина.
- Л. 14, 14 об., 15.** Аттестат от 2 ноября 1898 г. (копия, машинопись) о службе Ивана Ивановича Золотухина:
«Происходит из государственных крестьян, родился 8 октября 1853 г., статский советник, товарищ прокурора Екатеринодарского Окружного суда, кавалер орденов св. Станислава 3 ст., св. Анны 3 ст., св. Станислава 2 ст., св. Анны 2 ст. Женат на дочери войскового старшины Елене Афанасьевне Соляник-Красса. После окончания курса юридического факультета Императорского Московского Университета служил в Тифлисской Судебной палате (1876 г.). С 1879 г. — товарищ прокурора Екатеринодарского Окружного суда. 20 марта 1898 г. произведен в статские советники, в октябре 1898 г. уволен по прошению».
- Л. 7.** Прошение на имя ректора от 25 июля 1906 г. студента 1 курса Г. И. Золотухина выдать удостоверение с разрешением на брак с Лоскутовой Ниной Александровной (автограф). Приписка: «удостоверение получил (подпись)».
- Л. 4.** Удостоверение (копия) № 2191 от 5 мая 1908 г. от Тамбовского уездного по воинской повинности Присутствия. Георгию Ивановичу Золотухину предоставлена льгота первого разряда по семейному положению (как единственному сыну при отце).

РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 273. Л. 1–32. (17 марта 1919 г. — 17 апреля 1931 г.)

Фонд Никитиной Евдоксии Федоровны.

Автобиографии и биографии русских писателей.

- Л. 16.** Георгий Иванович Золотухин (без даты [после 1922 г.], машинопись).
Родился в 1886 г.
Я человек скромный, но должен сознаться, что обилие самых разнообразных кровей сделало мою природу чувствительно-интернациональной. Греки, французы, запорожцы, кажется, даже эскимосы — все, в некотором роде, принимали горячее участие в моем создании.
Заразился я стихотворной болезнью в раннем возрасте. Несмотря на все принятые моими родителями меры, вплоть до сечки по абсолютно голому телу, «стихотворие» не проходило... В тринадцатилетнем возрасте я писал удивительную б<е>либерду, в одном стихотворении я ухитрился смешивать васильки и панихиду по прабабушке с белым звоном пушистого снега.
Гимназия меня не облагородила. Университет тоже.

Каким был я бродячим. Я жил и живу в ливне рифм.
Нет ни одного слова, нет ни одной фразы, полнозвучного эх<a>, которые я бы не слышал.
Я ощущаю подоплеку каждого слова.
Вот маленький пример: рог гор горд, дорога дорога дроз, ограде города — огород....
Слово — есть вещь....
А я — Я верный слуга слова — до конца.
Книги: «Опалы» изд-во «Культура» Москва 1915.
Сборник «Четыре птицы» изд-во «Культура» Москва 1916.
«Эхизм» «Культура» 1917.
«Смертель» изд-во «Таран» 1922.
«Восемь тем» изд-во «Таран» 1922.

Самуил Викторович Киссин (1885—1916)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 463. Л. 1–26. (15 июля 1903 г. — 30 апреля 1913 г.)

Дело № 463 канцелярии инспектора студентов Императорского Московского Университета о принятии в студенты Киссина Самуила.

- Л. 16.** Прошение от 15 июля 1903 г. о принятии на *юридический* факультет Императорского Московского Университета (автограф).
- Л. 18.** Аттестат № 549 от 4 июня 1903 г. Рыбинской гимназии. Награжден *серебряной* медалью.
- Л. 9.** Свидетельство (копия) № 2035 от 15 июля 1894 г.: «По метрической книге родившихся за 1885 год за № 6 записано: октября 24 дня у купца II гильдии Виктора Израилевича Кисина родился сын, которому согласно еврейской регалии наречено имя Самуил».
- Л. 25, 26.** Фотографии (без даты).
- Л. 8, 8 об.** Купеческое II гильдии свидетельство № 462 от 9 декабря 1902 г. дано Виктору Израилевичу Кисину в том, что им получено промысловое свидетельство на торговое предприятие II разряда и по тому свидетельству он, Кисин, вместе с членами своего семейства записан в Оршанское купечество второй гильдии: жена Сара Марковна, сыновья Адольф 30 лет, Самуил 17 лет, дочери Роза 29 лет, Дебора 26 лет, Дина 24 лет, Крона 12 лет.
- Л. 11.** Прошение от 4 мая 1909 г. от студента 8 семестра юридического факультета Киссина Самуила на брак (автограф).
- Л. 22 об., 23.** Билет № 1482 (без права передачи) для входа в Императорский Московский Университет в осеннее полугодие 1911 г. с фотографией.
- Л. 2.** 1 июня 1912 г. удостоен диплома *второй* степени № 17569, выдан 30 апреля 1913 г.

Николай Константинович Лавров (1887—1930)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 324. Д. 1004. Л. 1–21. (19 июля 1910 г. — 19 августа 1916 г.)

Дело № 1004 канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета. Лавров Николай Константинович.

- Л. 2.** Прошение от 19 июля 1910 г. о принятии на *юридический* факультет Императорского Московского Университета (автограф). Штамп: «зачисляется студентом юридическ. фак. 3 авг. 1910 г. Ректор (подпись)».
- Л. 6, 6 об.** Аттестат зрелости № 577 от 4 июня 1910 г. Московской 1-ой гимназии (подлинник с круглой печатью гимназии).
- Л. 8.** Свидетельство (копия) от 9 января 1910 г. в том, что «в метрической книге Московской Николаевской при Городском Рукавишниковском исправительном приюте церкви тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года № 1 писано: марта первого числа родился Николай, крещен седьмого числа; родители его сын титулярного советника Константин Михайлович Лавров и законная жена его первого брака Агриппина Федоровна, оба православного вероисповедания».
- Л. 3, 4.** Две одинаковые фотографии (без даты).
- Л. 11.** Свидетельство (копия) № 398 от 25 октября 1908 г. о явке к исполнению воинской повинности к 5-ому участку г. Москвы.
- Л. 10.** Грамота (копия) № 1636 дана в Санкт-Петербурге 26 мая 1910 г.:
«Божиею милостью Мы, Николай Второй
Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и прочая и прочая и прочая
Манифестом в 10 день апреля 1832 года установлено сословие почетных граждан на правах, в оном предначертанных, а как верноподданный Наш, сын титулярного советника Константин Михайлович Лавров, представленными актами доказал право на потомственное почетное гражданство, то возводя онаго Константина Михайловича Лаврова в сословие почетных граждан, Всемилостивейше повелеваю пользоваться как ему, так и по потомству всеми правами и преимуществами Манифестом сему сословию дарованным. В свидетельство чего повелели Мы сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственной Нашею печатью укрепить».
- Л. 16, 16 об.** Выпускное свидетельство № 478 от 1 апреля 1914 г. Штамп: «удостоен диплома» и круглая печать университета.
- Л. 21.** 3 ноября 1915 года удостоен диплома *второй* степени № 27916, выдан 19 августа 1916 г.

Иван Иванович Пузанов (1885—1971)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 318. Д. 978. Л. 1–65. (1904 г. — 20 декабря 1911 г.)

Дело № 978 канцелярии инспектора студентов Императорского Московского Университета о принятии в студенты Пузанова Ивана.

- Л. 1.** Прошение 1904 г. (без даты) о принятии на *естественное отделение физико-математического* факультета Императорского Московского Университета (автограф).
- Л. 13, 13 об.** Прошение на имя ректора от курского купца Ивана Васильевича Пузанова: «Имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство уважить ходатайство сына моего Ивана Пузанова о зачислении его в студенты Императорского Московского Университета» (автограф, без даты).
- Л. 14.** Заявление от 12 июня 1904 г. на имя ректора от дяди Ивана Пузанова с заверением, что во время обучения в университете племянник будет проживать у него.
- Л. 3, 3 об.** Аттестат № 714 от 9 июня 1904 г. Курской классической гимназии.
- Л. 6.** Свидетельство (копия) № 8773 от 15 июня 1904 г.: «В метрической книге Курской епархии г. Курска в Смоленской церкви за тысяча восемьсот восемьдесят пятый год под № 35 записано: апреля 12 родился, а 18 крещен Иоанн. Родители его: курский 2-ой гильдии купец Иван Васильевич Пузанов и жена его Варвара Васильевна».
- Л. 5.** Фотография (без даты).
- Л. 18.** Прошение от 18 сентября 1906 г. о выходе из числа студентов (автограф).
- Л. 21, 21 об.** Документ № 5744 от 19 сентября 1906 г. из Гейдельбергского университета на немецком языке (автограф, прошит, сургучная печать).
- Л. 27 об. — 41 об.** Зачетная книжка с фотографией.
- Л. 57, 57 об.** Свидетельство о том, что Пузанов Иван прослушал курс по специальности «*описательная зоология*».
- Л. 65.** 27 мая 1911 г. удостоен диплома *первой степени* № 46404, выдан 20 декабря 1911 г.

Георгий Ананьевич Сидоров (1887—1909)

Дело № 1813 канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета. Сидоров Георгий.

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 320. Д. 1533. Л. 1–15. (18 июля 1906 г. — 23 декабря 1909 г.)

- Л. 1.** Прощение от 18 июля 1906 г. о принятии на *историко-филологический* факультет Императорского Московского Университета (автограф).
- Л. 2, 2 об.** Аттестат зрелости № 750 (без даты) Георгия Ананьевича Сидорова, обучавшегося в Саратовской гимназии 2 года, Борисоглебской Александровской гимназии 5 лет, Калужской Николаевской гимназии 1 год (подлинник с круглой печатью гимназии).
- Л. 4, 4 об.** Свидетельство № 44534 от 12 декабря 1894 г. на бланке с круглой печатью:
«Саратовский Окружной суд выдал сие свидетельство сыну действительного студента Юрию (зачеркнуто) Георгию Ананьевичу Сидорову, записанному в метрической книге Сергиевской в Пушкарях церкви за тысяча восемьсот восемьдесят седьмой год в части первой о родившихся мужского пола № 115 в том, что он родился 13 ноября 1887 года, родители его: действительный студент Ананий Григорьевич Сидоров, вероисповедания православного и законная жена его Мария Александровна, вероисповедания православного, первобрачные, крещен 15 ноября того же 1887 года».
- Л. 10.** Свидетельство № 375 от 18 апреля 1906 г. о приписке к 1-ому призывному участку г. Калуги.
- Л. 6, 6 об.** Аттестат № 4949 от 19 сентября 1889 г.:
«Совет Петровской земледельческой и лесной академии сим удостоверяет, что Ананий Григорьевич Сидоров сын крестьянина, родившийся 1 октября 1863 г. по окончании полного курса наук в Тамбовском реальном училище, поступил в число студентов Петровской академии в сентябре 1884 г., 5 сентября 1889 г. удостоен звания действительного студента сельского хозяйства с присвоением ему, на основании Ст. 6 Высочайше утвержденного 16 июня 1873 г. Устава Академии, всех прав и преимуществ, предоставленных действительным студентам Российских университетов и с тем, что если в установленный срок предоставить удовлетворительно написанное рассуждение он будет утвержден в степени кандидата. Аттестат сей с приложением академической печати дан в Петровском-Разумовском».
- Л. 13, 14.** Свидетельство (2 экз.) № 8975 от 23 декабря 1909 г. бывшего студента историко-филологического факультета Георгия Ананьевича Сидорова в том, что он, поступив в Московский Университет в 1906 г., уволен как не внесший платы за слушание лекций в весеннем полугодии 1909 г. (круглая печать университета).

Александр Тришатов

Александр Александрович Добровольский (1886—1964)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 407. Л. 1–27 (15 июля 1905 г. — 26 мая 1913 г.)

Дело № 407 канцелярии по студенческим делам Императорского Московского Университета Добровольского Александра Александровича.

- Л. 2.** Прощение от 15 июля 1905 г. о принятии на *юридический* факультет Императорского Московского Университета (автограф).
- Л. 3, 3 об.** Аттестат (подлинник) № 683 без даты Московской 3 гимназии с круглой печатью.
- Л. 5.** Выписка № 630 от 1 июня 1905 г. из кондуитного журнала бывшего ученика Московской 3 гимназии Добровольского Александра:
«Записей в кондуитном журнале за последние три года не было. Директор Евг. Сыроечковский (подпись)».
- Л. 7.** Свидетельство (копия) № 1965 от 24 февраля 1896 г.:
«Выдано сие в том, что в метрической книге Московской Николаевской, что в Заяцком, церкви тысяча восемьсот восемьдесят шестого года № 20 писано: августа двадцать седьмого числа родился Александр, крещен 29 числа, родители его: состоявший на службе в Московской палате Уголовного и Гражданского суда казначеем коллежский секретарь Александр Николаевич Добровольский и законная его жена Екатерина Андриановна, оба православного исповедания».
- Л. 13.** Свидетельство (копия) № 258 от 24 марта 1905 г. о приписке к 5 призывному участку города Москвы.
- Л. 15.** Фотографии (2 шт. одинаковые) с сургучной печатью. Надпись на каждой: «*настоящая фотографическая карточка изображает ученика VIII класса*».
- Л. 8–12.** Формулярный список (копия с копии) № 6763 от 7 мая 1905 г. о службе бухгалтера Московского Отделения Крестьянского Поземельного Банка, коллежского асессора Александра Николаевича Добровольского:
«По окончании полного курса наук в Верейском Уездном училище в службу вступил в число канцелярских служителей в Верейский Уездный Суд 6 октября 1853 г. Имеет орден св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль в память священного Коронования Императора Николая II. Женат первым браком на девице Екатерине Андриановне, у них дети: сыновья Леонид (20 марта 1877 г.), Михаил (12 ноября 1882 г.), Константин (14 мая 1884 г.), Александр (27 августа 1886 г.) и Сергей (23 мая 1888 г.) и дочери: Варвара (12 мая 1879 г.) и Мария (28 декабря 1891 г.)».
- Л. 16.** Прощение от 30 апреля 1910 г. декану историко-филологического факультета о переводе с юридического на историко-филологический факультет с предстоящего осеннего семестра (автограф).
- Л. 19.** Письмо № 4082 от 10 августа 1912 г. на бланке помощника Начальника Екатеринославского губернского управления (машинопись):
«Секретно. Спешно. 6 августа мною заключен под стражу в Луганскую тюрьму по исследованию степени политической благонадежности студент Московского Императорского Университета филологического факультета Александр Александрович Добровольский. Прошу о препровождении мне копий с его метрической выписи о рождении и других документов, удостоверяющих его личность. Ротмистр (подпись)».

Л. 24. Свидетельство (копия) № 3963 от 26 мая 1913 г.:

«От Императорского Московского Университета дано настоящее свидетельство бывшему студенту историко-филологического факультета Добровольскому Александру Александровичу в том, что он уволен из Университета как не внесший платы в пользу Университета в осеннем полугодии 1912 г.».

ГАРФ. Ф. 102. 5-ое делопроизводство. Оп. 148. Д. 590, ч. 7. Л. 1–41.

Крайние даты документов: 18 октября 1912 г. — 30 ноября 1913 г.

Титульный лист: Дело № 590 часть 7 Департамента полиции. 5 Делопроизводство. 1912 г.

О студенте, сыне Надворного Советника Александре Александрове Добровольском.

Л. 2-2 об. Сведения о представленном к административной высылке (машинопись)

Сведения о виновности:

Добровольский Александр Александрович, сын Надворного Советника, холост, 25-ти лет. Принадлежит к преступному кружку, организованному Дмитрием Епифановым Панкеевым с целью ведения преступной пропаганды среди крестьян.

Данные заподозренным объяснения:

Александр Добровольский отвергает принадлежность к какой либо преступной противоправительственной партии.

Содержится под стражей в Луганской тюрьме с 7 августа с. г.

Заключение местных властей о предположенной мере административного взыскания:

Полагал бы А. Добровольского подвергнуть высылке из пределов Екатеринославской губернии с подчинением гласному надзору полиции.

Начальник Екатеринославского Губернского Жандармского Управления полковник Критский (подпись).

Л. 6. Секретно. Письмо № 84744 от 18 октября 1912 г. на бланке Министерства Внутренних Дел Департамента полиции по 7 делопроизводству (машинопись).

Департамент Полиции просит Ваше высокоблагородие сообщить имеющиеся в вверенном Вам охранном отделении сведения о студенте Московского Университета Александре Александрове Добровольском, в частности был ли последний замечен в политической неблагонадежности и проходил ли по делам отделения.

За Директора Виссарионов (подпись)

Делопроизводитель Губонин (подпись)

Л. 12. Секретно. Письмо № 305801 от 24 октября 1912 г. по 7 делопроизводству на бланке Министерства Внутренних Дел Начальника отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве (машинопись).

Доношу Департаменту Полиции, что сын Надворного Советника студент Московского Университета Александр Александров Добровольский, как видно из записи Помощника Начальника Екатеринославского Губернского Жандармского Управления в Славяносербском уезде от 13 августа с. г. за № 4194 привлечен к переписке в порядке Положения о государственной охране. По имеющимся в Отделении агентурным сведениям, относящимся к 1909 г., названный Добровольский принимал участие в партийной социал-революционной работе в Бутырском районе. Добровольский значится выбывшим из Москвы 11 мая с. г. в г. Екатеринослав.

За Начальника Отделения Помощник

Подполковник Турчанинов (подпись)

Л. 7–10. Письмо от 19 октября 1912 г. [Директору Департамента Полиции] от жены надворного советника Е.А. Добровольской (автограф, черные чернила).

Ваше Высокопревосходительство,

Решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с горячей просьбой помочь мне в моем горе. 6 августа 1912 г. арестован в имении Панкеевых Екатеринославской губернии мой сын Александр Александрович Добровольский. Он уехал из Москвы в имение Панкеевых в мае текущего года, имея в виду исключительно свой летний отдых и поправку здоровья. Здоровье у него плохое с детства, мешало ему учиться и в гимназии, но особенно стало мешать работать в университете. Оно выражается постоянной болезнью желудка и самыми разнообразными проявлениями заболевания нервной системы. Кстати об университете. Юридический факультет был выбран неудачно и уже почти кончал его, сдавши большую часть курсовых испытаний с отметками «весьма удовлетворительно»<, > он убедился, что юридические науки не соответствуют его вкусам и решил пожертвовать несколькими годами ученья и перейти на филологический, куда его влекла любовь к литературе и языкознанию.

Желание поправить сколько-нибудь его здоровье заставляло меня всегда задумываться<, > как бы лучше использовать лето. Раньше, когда наши средства были лучше, то вопрос этот обыкновенно разрешался выбором летней дачи для всей семьи. За последние годы, с тех пор, как муж мой вышел в отставку в 1909 году (последние 22 года он служил бухгалтером Крестьянского Поземельного Банка), средства наши значительно сократились, выезд на дачу семьей стал невозможен. Тогда дети стали пристраиваться на летний отдых или в семьях товарищей или в качестве репетиторов. Зная, что имение Панкеевых чрезвычайно счастливо расположено<, > и безумно увлекаюсь красотой южно-русских степей, сын мой с восторгом поехал в имение Панкеевых, где и наслаждался красотой окружающей природы и просиживал часто целые часы под горячими солнечными лучами на каком-нибудь бугре, <доми>нирующем над окружающей местностью<, > или бродил совершенно один по степям или по саду, очень довольный своим одиночеством. Он был очень далек от каких либо политических замыслов и ни мало не интересовался ни кооперациями, ни лавками, ни вообще мест-

ными интересами. Он был увлечен интересами в литературе и изучением французского языка.

Зная очень хорошо его духовные интересы и получая от него самые искренние письма, я была глубоко потрясена известием об его аресте. Предполагая, что это просто недоразумение, я сочла своей обязанностью скрыть этот арест от отца. Надо сказать, что муж мой имеет от роду 75 лет и в 1911 году подвергнулся апоплексическому удару<.> в силу которого произошло ухудшение умственных способностей и потеря зрения правого глаза (зрение левого глаза было уже потеряно на службе от усиленных занятий). Очень боюсь, чтоб от огорчения не повторился удар, который несомненно принесет или полную слепоту или смерть. Несмотря на беспокойство о муже, я всё-таки решила поехать в Луганск, чтоб повидать сына, разобраться в событиях и попытаться узнать причину ареста. Сын сам не знал ее. На единственном допросе его спросили, кто его родители. Г-н жандармский ротмистр сказал мне, что<.> вероятно, моему сыну страшного ничего не угрожает, а теперь я узнаю<.> что ему приписывают произнесение речей на сходках и прочие ужасы.

Ручаюсь Ваше Высокопревосходительство, что сын мой не только никаких речей на сходках и собраниях не произносил, но и ни в каких собраниях не бывал, участие принимал только в репетициях домашнего спектакля (Женитьба — Гоголя), который предполагался к постановке, но разрешен не был Г-ном Исправником; взносов никаких не делал, уже по одному тому, что денег не имел. Отсутствие денег удерживало его у Панкеевых в то время, когда он уже стремился домой<.> и письмо, писанное им от 4-го августа<.> заключало просьбу о скорейшей высылке денег на дорогу, так как там жить ему надоело. Передавая эту истинную правду без всяких прикрас, осмеливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство не предпринимать относительно этого сына каких либо репрессий и не лишать меня его, вдвойне мне дорогого, как особенно нуждающегося в моих заботах и болезненно-привязанного к семье, а также напоминающего мне, как живой портрет старшего моего сына, переведенного согласно его собственному желанию и моей личной просьбе в 1904 году в действующие во время войны войска и после войны оставшегося на Дальнем востоке в стрелковой бригаде и которого, вероятно, я уже никогда больше не увижу. Переживши за мою долгую жизнь много тяжелого горя, я всё-таки надеюсь на милосердие Божие и что Он избавит меня от этого нового незаслуженного несчастья. С этой надеждой я и обращаюсь с моей просьбой к Вашему Высокопревосходительству и жду от Вас помощи и утешения.

С глубочайшим уважением и искреннею преданностью имею честь быть жена надворного советника Екатерина Добровольская
Москва Денисовский пер. д. № 11 кв. 2.

Л. 19. Прошение от 12 ноября 1912 г. (автограф).

Его Высокопревосходительству Директору Департамента Полиции от жены надворного советника Екатерины Андриановны Добровольской

Тяжелое положение без вины страдающего сына Александра Александровича Добровольского и мое материнское сердце вынуждают меня напомнить Вашему Высокопревосходительству о моей просьбе и просить принять это во внимание при решении участи моего сына.

Жена надворного советника Екатерина Добровольская
Луганск, Екатеринославская улица д. Добрыкина кв. Мальцева.

Л. 20. Письмо № 19 от 12 ноября 1912 г. на бланке Исправляющего должность Директора Департамента полиции (машинопись)

Вследствие положенной на представленном при сем докладе резолюции Вашего Высокопревосходительства имею честь доложить, что упоминаемый в докладе Добровольский согласно агентурным сведениям изобличается в принадлежности к кружку помощника присяжного поверенного Дмитрия Панкеева, образованному последним в 1911 г. при деревне Елисаветовке Славяносербского уезда Екатеринославской губернии.

Панкеев с целью ведения преступной в социал-демократическом направлении пропаганды среди местного населения основал так называемую лавку потребителей, причем в число членов потребительского общества всеми мерами вербовались местные крестьяне. С тою же целью пропаганды были приглашены в имение Панкеевых известные революционные деятели — курсистка Кудрякова и крестьянин Тульской губернии Александр Попов; с тою же целью, судя по заключающимся в переписке данным проживал с 11 мая с. г. в имении и студент Добровольский, которого Начальник Московского Охранного Отделения характеризует как партийного в социал-революционном духе работника по Бутырскому району. Устраиваемые Панкеевым собрания при участии крестьян проходили по агентурным сведениям в ближайшем к его имению лесу, причем с речами на этих собраниях выступал и Добровольский.

Представляя об изложенном долгом считаю присовокупить, что переписка о Добровольском особым Совещанием еще не рассмотрена и будет доложена названному Совещанию в ближайшее его заседание с заключением Департамента Полиции о высылке Добровольского в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года.

И. д. Директора (подпись)

Л. 25. Телеграмма № 4713 от 29 ноября 1912 г. из Луганска в Петербург (бланк Г-ну Министру Внутренних Дел)

Прошу Ваше Высокопревосходительство разрешить сыну моему Александру Александровичу Добровольскому избрать местом жительства Бердянск в виду его хорошего климатического положения и здоровья сына.
Добровольская

Л. 26. Письмо от 1 декабря 1912 г. на бланке Делопроизводителя Департамента Полиции (машинопись)

Имею честь представить бывшую уже в рассмотрении Г. Министром Внутренних Дел справку об Александре Добровольском и доложить, что на основании утвержденного 17 ноября с. г. постановления Особого Совещания Добровольский подлежит подчинению гласному надзору полиции в

избранном им месте жительства кроме столиц, столичных и Екатеринославской губернии и Университетских городов сроком на два года, о чем 29 минувшего ноября сообщено к исполнению подлежащим властям.

Делопроизводитель М. Сафронов (подпись).

Л. 28. Письмо от 5 декабря 1912 г. на бланке Делопроизводителя Департамента Полиции (машинопись)

<...> лицам, удаляемым из каких либо местностей в порядке исключительных положений<,> возбраняется избирать местом своего жительства пять уездов Таврической губернии и город Бердянск (циркуляры Департамента Полиции от 29 декабря 1911 г. за № 79539 и от 29 марта с. г. за № 67592)

Делопроизводитель М. Сафронов (подпись).

Л. 31. Телеграмма № 319 от 10 декабря 1912 г. из Петербурга в Луганск (копия)
Луганск гостиница Россия Добровольской

Ходатайство Министром удовлетворено
За Вице-Директора Сафронов (подпись)

Л. 34. Телеграмма № 318 от 10 декабря 1912 г. из Петербурга в Екатеринослав (копия)

Губернатору

Дополнение 74954 Министр разрешил А. Добровольскому виду болезни отбыть гласный надзор полиции Бердянске Благоволите распорядиться объявите Добровольскому

За Директора (подпись)

Л. 33. Телеграмма № 317 от 10 декабря 1912 г. из Петербурга в Симферополь (копия)

Губернатору

Министр разрешил высылаемому Екатеринославской студенту Александру Александрову Добровольскому виду болезни отбыть гласный надзор полиции Бердянск Благоволите распорядиться

За Директора (подпись)

Л. 39. Справка вх. № 6893 (машинопись)

Из списка<,> доставленного Таврическим губернатором при отношении от 1 июня 1913 года за № 12112<,> усматривается, что Александру Александрову Добровольскому<,> на основании ст. 3 отд. XXX Высочайшего Указа 21-го февраля 1913 года, срок гласного надзора полиции сокращен на один год.

См. д. 47 ч. 1 лит. а.

Л. 40. Письмо № 30108 от 30 ноября 1913 г. на бланке Министерства Внутренних Дел Таврического губернатора г. Симферополь (машинопись)

В Департамент Полиции

Вследствие отношения от 18 декабря 1912 г. за № 75660, уведомляя Департамент Полиции, что состоявшему в г. Бердянске под гласным над-

зором полиции Александру Александровичу Добровольскому срок надзора окончился 17 ноября сего года и он от такового освобожден.

За Губернатора Вице Губернатор (подпись)

За Правителя Канцелярии (подпись).

Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939)

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 318. Д. 1279. Л. 1–36 (30 июля 1904 г. — 4 апреля 1911 г.)

Дело № 1279 канцелярии инспектора студентов Императорского Московского Университета о принятии в студенты Ходасевича Владислава.

Л. 26, 26 об. Прошение от 30 июля 1904 г. о принятии на *юридический* факультет Императорского Московского Университета (автограф).

Л. 36. Аттестат зрелости (копия без даты) № 691 3-ей Московской гимназии.

Л. 36 об. Запись на оборотной стороне аттестата:

«Состоял в числе студентов Императорского Московского Университета на юридическом факультете в течение 1904–05 академического года и на историко-филологическом факультете в течение 1905–06, 1906–07 годов, как не внесший платы в осеннем полугодии 1907 г. Ходасевич из Московского Университета был уволен. В октябре 1908 г. Ходасевич обратно был принят в число студентов Московского Университета и состоял на историко-филологическом факультете в течение 1908–09 академического года и в осеннем полугодии 1909 г., за невзнос платы в весеннем полугодии 1910 г. Ходасевич из Московского Университета был уволен. В сентябре 1910 г. обратно был принят в число студентов Московского Университета и состоял на юридическом факультете в течение весеннего полугодия 1910 г., как не внесший части платы (в пользу преподавателей) в осеннем полугодии 1910 г. Ходасевич из Московского Университета был уволен. Москва августа 16 дня 1912 г. Подлинное подписал А. Елистратов. Секретарь по студенческим делам С. Гарский».

Л. 33. Выпись (копия) из метрической книги Московской римско-католической Петро-Павловской церкви о рождении и крещении Владислава Фелициановича Ходасевича, «в коей за 1886 год под № 47 записано: тысяча восемьсот семьдесят шестого года, мая двадцать восьмого дня в Москве крещен младенец именем Владислав-Фелициан, родившийся 16 мая того же года. Родители: учитель Фелициан Иванович Ходасевич и София Яковлевна, урожденная Брафман».

Л. 35. Свидетельство (копия) № 71 от 7 мая 1904 г. о приписке московского мещанина Гостинной слободы Владислава Фелициановича Ходасевича к 3 призывному участку г. Москвы.

Л. 2, 27. Две разные фотографии (без даты).

Л. 22. Прошение от 26 марта 1905 г. на имя ректора о разрешении на брак (автограф).

- Л. 20.** Удостоверение от 26 марта 1905 г. на бланке Инспектора студентов Императорского Московского Университета Министерства Народного Просвещения:
«Студенту 2 семестра юридического факультета Владиславу Фелициановичу Ходасевичу на вступление в первый законный брак с девицею Мариной Эрастовной Рындиной со стороны Университетского начальства препятствий не имеется».
- Л. 20 об.** Запись на оборотной стороне удостоверения:
«Означенный в сем студент Императорского Московского Университета Владислав Фелицианович Ходасевич сего 1905 года апреля 24 дня повенчан в Московской Николаевской при Румянцевском музее церкви с усыновленной дочерью полковника Мариной Эрастовной Рындиной 18 лет от роду, православной» (круглая церковная печать).
- Л. 23.** Согласие на брак полковника Эраста Ивановича Рындина от 22 февраля 1905 г. (автограф).
- Л. 24.** Согласие (нотариально заверенное) родителей, Фелициана Ивановича и Софии Яковлевны Ходасевич, от 18 марта 1905 г.:
«На вступление несовершеннолетнего сына нашего студента Императорского Московского Университета юридического факультета 2 семестра согласие изъявляем».
- Л. 25.** Обязательство от 17 марта 1905 г. присяжного поверенного Михаила Фелициановича Ходасевича оказывать брату материальную помощь во время его обучения в Императорском Московском Университете (автограф).
- Л. 19.** Прощение на имя ректора от 19 сентября 1905 г. студента юридического факультета 1 семестра переводе на I курс историко-филологического факультета (автограф). Резолюция: «перевести 22 сентября»
- Л. 11, 12.** Свидетельство № 3201 от 26 апреля 1908 г. дано бывшему студенту историко-филологического факультета в том, что уволен как не внесший платы за слушанье лекций в осеннем полугодии 1907 г. (2 экз.)
- Л. 9.** Прощение от 13 октября 1908 г. об обратном приеме в университет без указания факультета (автограф). Штамп: «зачислить 13 октября 1908 г.»
- Л. 8.** Прощение от 30 января 1909 г. бывшего студента историко-филологического факультета об обратном приеме (автограф). Штамп: «зачислить 30 января 1909 г.»
- Л. 6.** Прощение от 11 сентября 1910 г. об обратном приеме на юридический факультет (автограф). Штамп: «плату внести разрешается».
- Л. 5.** Уведомление № 3975 от 4 апреля 1911 г. из канцелярии Императорского Московского Университета в Московскую городскую управу в том, что Владислав Фелицианович Ходасевич выбыл из университета, не окончив курса.

А. В. Уланова

- Альвинг 1912 — *Арсений Альвинг*. Стихи // Жатва. Кн. I, зима 1912, с. 1–9.
- Альвинг 1913 — *Арсений Альвинг*. <Стихи> // Жатва. Журнал литературы. Кн. IV, 1913, с. 10–26.
- Альвинг 1915 — *Арсений Альвинг*. <Стихи> // Жатва. Вестник литературы. Кн. VI–VII, 1915, с. 8–9.
- Андреева 1999 — *Инна Андреева*. Свидание у звезды // Киссин 1999, с. 259–390.
- Анучин 1913 — *Д. Анучин*. Заморское путешествие К. Д. Бальмонта // Русские ведомости. 1913, № 5.
- Анфилов 1990 — *Глеб Анфилов*. «Курок заржавленный чернеет строже» / пред. и публ. И. Г. Анфилова // Наше наследие, 1990, 11 (14), с. 85–88.
- Анфилов 1995 — *Глеб Анфилов*. Письма издалека / вступл. и публ. Б. Н. Романова // Лепта, 1995, № 26.
- Анфилов 1996 — *Глеб Анфилов*. Выдержки из писем / послесл. А. Анфиловой // Москвичи в ГУЛАГе: Письма Глеба Анфилова. Список бывших политзаключенных / отв. сост. И. А. Мазус. М.: О-во «Мемориал», 1996, с. 5–48.
- Анфилов И. 1988 — *И. Г. Анфилов*. Биографическая справка о Г. И. Анфилове // ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 15.
- Арсеньев 1960-е — *Н. С. Арсеньев*. Академическая свобода. Мои воспоминания о Московском университете (1906–1910 гг.). [Нью-Йорк, 1960-е] [брошюра (18 с.) издана без выходных данных].
- Арсеньев 1966 — *Н. С. Арсеньев*. Автобиографическая заметка // Н. С. Арсеньев. О Жизни Преизбыточествующей. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966, с. 3–4.
- Арсеньев 1972 — *Николай Арсеньев*. Безбрежное сияние. Стихотворения. 3-е изд. [Нью-Йорк], 1972.
- Арсеньев 1974 — *Николай Арсеньев*. Девять стихотворений. Дополнение к сборнику «Безбрежное сияние». Нью-Йорк, 1974.
- Арсеньев 1974 — *Николай Арсеньев*. Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt/Main: Посев, 1974.
- Арсеньев 1976 — *Николай Арсеньев*. Отблески. Frankfurt/Main, 1976.
- Арсеньев 1977 — *Николай Арсеньев*. Близкая даль. Стихотворения. Frankfurt/Main, 1977.
- Арсеньев 2006 — *Н. Арсеньев*. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века // Московский Парнас 2006, с. 54–65.
- Арсеньев В. 1903 — Род дворян Арсеньевых. 1389 г. — 1901 г. Составил Василий Сергеевич Арсеньев. Издание Михаила Тихоновича Яблочкова. Тула: Тип. Губернского Правления, 1903.
- Афанасьев 1994 — *А. Афанасьев*. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Том третий. М.: Изд-во «Индра», 1994 [репринт изд. 1869 г.].
- Базалий 1999 — *Инна Базалий*. Крымские страницы жизни И. И. Пузанова // И. Базалий, А. Домбровский, И. Копаненко, Владыка Лазарь, И. П. Пузанов. Крымский альманах. Штрихи к портрету. ЖЗЛК, вып. 2. Симферополь, 1999, с. 71–77.
- Байрон 1912 — *Байрон*. Корсар // Европейские классики. Байрон. В двух томах / под редакцией А. Е. Грузинского. Том 1. М.: Книгоиздательство «ОКТО», 1912.

- Байрон 1981 — *Джордж Гордон Байрон*. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1981.
- Беклемишев 1908а — *Александр Беклемишев*. <Стихи> // Русская мысль, М., 1908, книга IX, с. 86
- Беклемишев 1908б — *Александр Беклемишев*. <Стихи> // Русская мысль, М., 1908, книга XII, с. 143.
- Белюсов 2006 — *Иван Белоусов*. Ушедшая Москва. Литературная среда // Московский Парнас 2006, с. 182–221.
- Белый 1909а — *Андрей Белый*. Пепел. СПб.: Шиповник, 1909.
- Белый 1909б — *Андрей Белый*. Урна. Стихотворения. М.: Гриф, 1909.
- Берберова 1939 — *Н. Берберова*. Памяти Ходасевича // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. LXIX. Париж, 1939, июль, с. 256–261.
- Берберова 1983 — *Нина Берберова*. Курсив мой. Автобиография. В 2 томах. N. Y.: Russica Publishers, 1983.
- Блинов 1990 — *С. Г. Блинов*. Монтаж портрета писателя (Рассказ А. Тришатово «Тысячебратское») // Встречи с прошлым. Вып. 7 / под ред. И. Л. Андроникова, Н. Б. Волковой и др. М.: Советская Россия, 1990, с. 103–121.
- Богомолов 1989 — *Н. А. Богомолов*. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич 1989, с. 5–48.
- Богомолов 1996 — *Н. А. Богомолов*. Вл. Ходасевич в московском и петроградском литературном кругу // Вопросы литературы. М., 1996, № 4.
- Богомолов 1997 — *Н. А. Богомолов*. Итальянские письма Нины Петровской // Archivio italo-russo / A cura di Daniela Rizzi e Andrej Shishkin. Trento, 1997.
- Борейко 1998 — *В. Е. Борейко*. Дон-Кихоты. История. Люди. Заповедники. М.: ЛОГАТА, 1998, с. 167–180.
- Братство Софии 2000 — Братство Святой Софии: Материалы и документы. 1923–1939 / сост. Н. А. Струве. М.; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2000.
- Бродский 1924 — От символизма до «Октября» / Составители Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М.: Новая Москва, 1924.
- Бронштейн 2004 — *В. Б. Бронштейн*. Преодоление. М.: Адамант, 2004.
- Брюсов 1908 — *Валерий Брюсов*. Дебютанты. <Н. Гумилев. Романтические цветы. Париж. 1908 г. Ц. 1 фр. 25 с. — Потемкин. Смешная любовь. Первая книга стихов. Изд. М. Попова. СПб. 1908. Ц. 75 к. — Владислав Ходасевич. Молодость. Стихи. И-во «Гриф». М. 1908. Ц. 70 к. — Григорий Новицкий. Зажженные бездны. Стихи. СПб. 1908. Ц. 1 р. — Лев Зарянский. Над морем затихшим. СПб. 1908. Ц. 50 к. — Alexander. По бездорожью. Стихи. М. 1907. Ц. 50 к.> // Весы. Ежемесячник искусств и литературы. 1908, № 3, Март, с. 77–81.
- Брюсов А. 1907а — *Alexander*. Стихотворение // «Перевал», № 12, М., 1907, с. 36.
- Брюсов А. 1907б — *Alexander*. Вечер // «КОРАБЛИ». Сборник стихов и прозы. <М., 1907>, с. 102.
- Брюсов А. 1907в — *Alexander*. По бездорожью. Стихи. М.: Типолит. рус. тов-ва печ. и изд. дела, 1907 (обл. 1908).
- Брюсов А. 1914 — *Александр Брюсов (Alexander)*. Военные песенки // Альманах издательства «Гриф». 1903–1913. <М., 1914>, с. 37–41.

- Брюсов А. 1965 — *А. Я. Брюсов*. Литературные воспоминания // «Север», Петрозаводск, 1965, №4, с. 128–135.
- Бурлюк 1956 — *David Burluk*. Color and Rhyme, № 31, N. Y., 1956.
- Бурлюк 1994 — *Давид Бурлюк*. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / публ., предисл. и прим. Н. А. Зубковой. СПб.: Пушкинский фонд, 1994.
- Бухарин 1993 — *Н. Бухарин*. Революция и культура. М.: Фонд им. Н. И. Бухарина, 1993.
- Бухарин 1996 — *Николай Бухарин*. Тюремные рукописи в 2-х книгах. Кн. 2. М.: АИРО-XX, 1996.
- Бухарин 2003 — *Николай Бухарин* // Вторая муза историка: Незученные страницы русской культуры XX столетия / сост. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2003.
- Бухарин 2008а — *Н. И. Бухарин*. Из «Томика стихов» // Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. М.: АИРО-XXI; РГТЭУ, 2008, с. 993–1011.
- Бухарин 2008б — The prison poems of Nikolai Bukharin. Oxford, USA; Calkutta, India, 2008.
- Вдовина 1976 — *В. А. Вдовина*. «Скоро и кончится конкурс Надсона» (Неизвестная страница биографии С. Есенина) // Вопросы литературы, 1976, № 4, апрель.
- Вейдле 1928 — *В. Вейдле*. Поэзия Ходасевича // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XXXIV. Париж, 1928, март, с. 452–469.
- Виноградов 1934 — *Анатолий Виноградов*. Шейх Мансур. М.: Б-ка «Огонька», № 783, 1934.
- Виноградов 1960 — *Анатолий Виноградов*. Избранные произведения в 3-х томах, М.: Художественная литература, 1960.
- Виноградов 1994 — А. К. Виноградов у Льва Толстого / предисл., публ., подг. текста и прим. Ст. Айдиняна // Новый мир, 1994, № 8, с. 214–221.
- Вишняк 1957 — *М. В. Вишняк*. «Современные записки». Воспоминания редактора. Indiana University Publications. Slavic and East European Series, 1957.
- Гаспаров 1993 — *М. Л. Гаспаров*. Русские стихи 1890-х — 1925-ого годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993.
- Гете 1913 — *Гете*. Герман и Доротея / перевод Н. Гиляровской под редакцией А. Е. Грузинского. М.: Книгоиздательство «ОКТО», 1913.
- Гиляровская 1906а — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1906, № 8, с. 42.
- Гиляровская 1906б — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1906, № 24, с. 302.
- Гиляровская 1906в — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1906, № 43, с. 599.
- Гиляровская 1906г — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1906, № 48, с. 679.
- Гиляровская 1907а — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 9, с. 70.
- Гиляровская 1907б — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 12, с. 91.

- Гиляровская 1907в — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 18, с. 138.
- Гиляровская 1907г — *Н. Гиляровская*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 22, с. 174.
- Гиляровская 1907д — *Н. Гиляровская*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 23, с. 178.
- Гиляровская 1907е — *Н. Гая*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 29, с. 226.
- Гиляровская 1907ж — *Н. Гиляровская*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1907, № 40, с. 318.
- Гиляровская 1908а — *Н. Гиляровская*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1908, № 8, с. 58.
- Гиляровская 1908б — *Н. Гиляровская*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1908, № 10, с. 79.
- Гиляровская 1908в — *Н. Гиляровская*. <Стихи.> // Искры. Художественно-литературный журнал с карикатурами. М., 1908, № 39, с. 306.
- Гиляровская 1910 — *Н. Гиляровская*. Старая бабка и другие рассказы. М.: Издание А. Д. Ступина, 1910.
- Гиляровская 1912 — *Надежда Гиляровская*. Стихи. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912.
- Говор, Новикова 1989 — *Е. Говор, Н. Новикова*. Этнографические коллекции из Австралии и Океании в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ // Вопросы антропологии, вып. 83, 1989, с. 104–114.
- Гончаров 1955 — *И. А. Гончаров*. Собрание сочинений. В 8 томах. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1955.
- Гриф 1914 — Библиография // Альманах издательства «Гриф». 1903–1913. <М., 1914>, с. IV–V.
- Гумилев 1912 — <Н. Гумилев> [Рец. на: М. Зенкевич. Дикая порфира. СПб., 1912] // Гиперборей. Ежемесячник стихов и критики. 1912 (ноябрь), № 11, с. 26.
- Гумилев 1915 — *Н. Гумилев*. Письма о русской поэзии // Аполлон, 1915, № 1.
- Гюго 1956 — *Виктор Гюго*. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 13. М.: Гос. изд. худ. лит., 1956.
- Диесперов 1907 — *А. Д-ов*. [Рецензия:] Юлий Словацкий. Ангелли. Перевод Р. Высоцкого. Москва 1906 г. // Перевал, 1907, № 6, с. 55–56.
- Добровольский 1915а — *А. Добровольский*. У вагона // Новый журнал для всех. 1915, № 4, с. 34.
- Добровольский 1915б — *А. Добровольский*. Воспоминание о Москве // Новый журнал для всех. 1915, № 9, с. 3.
- Добровольский 1994 — *А. Добровольский*. В храме на Маросейке (Из воспоминаний об отце Алексие Мечёве) // Журнал Московской Патриархии, 1994, № 7–8, с. 91–97.
- Драголи 1974 — *А. Л. Драголи*. Краткий очерк жизни и научной деятельности И. И. Пузанова // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии. 1974, т. 79, № 5, с. 7–21.
- Дынный 1936 — *В. Дынный*. Поэт и спец // Красная новь. 1936 (январь), № 1, с. 217–227.

- Ежов, Шамурин 1991 — *И. С. Ежов, Е. И. Шамурин*. Русская поэзия XX века. Антология русской лирики первой четверти XX века. М.: Амирус, 1991.
- Забывтый авангард 1993 — *Очертянский Александр, Янечек Джеральд, Крейд Вадим*. Забывтый авангард. Россия. Первая треть XX столетия. Книга 2. Новый сборник справочных и теоретических материалов. Нью-Йорк—СПб., 1993.
- Зенкевич 1912 — *М. Зенкевич*. Дикая порфира. (1909–11 г.). СПб.: Цех поэтов, <1>912.
- Зенкевич 1918 — *М. Зенкевич*. Четырнадцать стихотворений. Пг.: Издательство Гиперборей, 1918.
- Зенкевич 1928 — *М. Зенкевич*. Поздний пролёт. М. — Л.: Земля и фабрика, 1928.
- Зенкевич 1933 — *М. Зенкевич*. Избранные стихи. М.: Советская литература, 1933.
- Зенкевич 1962 — *Мих. Зенкевич*. Сквозь грозы лет. Стихи. М.: ГИХЛ, 1962.
- Зенкевич 1994 — *Михаил Зенкевич*. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994.
- Зеньковский 1979 — *Serge A. Zenkovsky*. Памяти Николая Сергеевича Арсеньева // Памяти Арсеньева 1979, с. 7–13.
- Зноско-Боровский 1983 — *Прот. М. Зноско-Боровский*. Памяти профессора-наставника // *Прот. М. Зноско-Боровский*. В защиту правды. (Статьи 1952–1977). N.Y., 1983 [<http://www.russian-inok.org/books/mitrofan.html#local40>].
- Золотухин 1915 — *Георгий Золотухин*. Опалы. Книга стихов. М.: Типография Ф. Я. Пригорина, 1915.
- Золотухин 1916 — *Георгий Золотухин // Давид Бурлюк, Георгий Золотухин, Василий Каменский, Виктор Хлебников*. Четыре птицы. Сборник стихов. М.: Изд-во «К», 1916.
- Золотухин 1917 — *Георгий Золотухин*. Эхизм. Стихи. М., 1917.
- Золотухин 1922 — *Георгий Золотухин*. Смертель. Поэма. Севастополь: Таран, 1922.
- ЗХП 1997 — Биографический справочник «За Христа пострадавшие». М.: ПСТГУ, 1997.
- Каменский 1916 — *Василий Каменский // Давид Бурлюк, Георгий Золотухин, Василий Каменский, Виктор Хлебников*. Четыре птицы. Сборник стихов. М.: Изд-во «К», 1916.
- Каменский 1990 — *В. В. Каменский*. Сочинения. Путь энтузиаста. М.: Книга, 1990. (Другие издания: *Василий Каменский*. Путь энтузиаста. М., 1931; *Василий Каменский*. Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь: Пермское книжное издательство, 1968.)
- Киплинг 1914 — *Редьярд Киплинг*. Джунгли. Книга первая / перевод Н. Гиляровской. М.: Издание И. Н. Кнебель, 1914.
- Киплинг 1915 — *Редьярд Киплинг*. Джунгли. Книга вторая / перевод Н. Гиляровской. М.: Издание И. Н. Кнебель, 1915.
- Киплинг 1993 — *Редьярд Киплинг*. Книги джунглей. Диалогия / перевод с англ. Н. Гиляровской. М.: Изд-во «Республика», 1993.
- Киселева 1978 — *Е. Г. Киселева*. Московские друзья книги. М.: Книга, 1978.
- Киселева 1983 — *Е. Киселева*. Рассказы о дяде Гиляе. М.: Молодая гвардия, 1983.
- Киссин 1910 — *С. Киссин*. «В улыбке ваших губ...» // Кривое зеркало, 1910, № 23, с. 10.

- Киссин 1911 — *С. Киссин*. Одно стихотворение // Антология. Книгоиздательство «Мусагет». М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнеров и К°, МСМХІ, с. 93–95.
- Киссин 1999 — *Самил Киссин*. Легкое бремя. Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем / изд. подготовила Инна Андреева. М.: Август, 1999.
- Книжное поле 1917 — Жезл в волнах (Обзор Временника. Книжное поле) // Временник / В. Хлебников, Божидар, Г. Петников, Н. Асеев. М., [Харьков: Лирень], 1917. [Вып.] 1.
- Кончин 1981 — *Е. В. Кончин*. Эмиссары 1918 года. М.: Московский рабочий, 1981.
- Крамер 1960 — *А. А. Крамер*. Краткая биография Г. И. Анфилова // ОР ГЛМ, ф. 337, оп. 1, д. 12.
- Крусанов 2003 — *А. В. Крусанов*. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. Т. 2. М.: НЛО, 2003.
- Лавров 1909а — *Н. Лавров*. Стихи // Первые опыты. Сборник. Вып. I. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеров и К°, 1909, с. 7.
- Лавров 1909б — *Н. Лавров*. Музыка смерти // Первые опыты. Сборник. Вып. I. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеров и К°, 1909, с. 28–32.
- Лавров 1920 — *Н. Лавров*. Земная радость. Лирика. М., 1920.
- Лавров 1921 — *Н. Лавров*. Плакун-трава. Лирика. Книга вторая. М., 1921.
- Лексикон — *Вольфганг Казак*. Лексикон русской литературы XX века. Перевод с нем. М.: РИК «Культура», 1996.
- Лесман 1989 — Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М.: Книга, 1989.
- ЛЖР1 — Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / под ред. А. Ю. Галушкина. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- ЛЖР2 — Литературная жизнь России 1920-х годов. Москва и Петроград. 1920–1921 гг. / под ред. А. Ю. Галушкина. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Лобанов 1972 — *В. М. Лобанов*. Столешники дяди Гиляя. М.: Московский рабочий, 1972.
- Лысков 2005 — *Анатолий Лысков*. «Сей остальной из стаи славной...» (О жизни и творческом наследии Н. С. Арсеньева) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. 2005, т. 9, с. 318–342.
- Лысков 2007 — *А. П. Лысков*. «Русский дом» в Кенигсберге // Балтийский альманах на официальном сайте администрации городского округа «Город Калининград». [2007]. № 7 [http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a7_9.php].
- Марков 1968 — *Vladimir F. Markov*. Russian Futurism: A History. Berkeley: University of California Press, 1968.
- Масанов 1960 — *И. Ф. Масанов*. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4-х томах. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960.
- Мицкевич 1929 — *Адам Мицкевич*. Избранные произведения / перевод с польского. М.–Л.: Гиз, 1929.
- Московский Парнас 2006 — Московский Парнас. Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века. 1890–1922 / сост., примеч., указатель Т. Ф. Прокопова. М.: Интелвак, 2006.
- Муни 1907а — *Муни*. <Стихи> // Корабли: Сборник стихов и прозы. М.: Типография И. Н. Холчев и К°, 1907, с. 136–137.

- Муни 1907б — *Муни*. 2 стихотв. // Перевал. Журнал свободной мысли. 1907, № 8–9, с. 29–30.
- Муни 1908а — *Муни*. <Стихи> / Кристалл. Альманах. Харьков: Русская типо-литография, 1908, с. 46.
- Муни 1908б — *Муни*. <Стихи> // Русская мысль, М., 1908, книга VIII, с. 70.
- Муни 1908в — *Муни*. <Стихи> // Русская мысль, М., 1908, книга X, с. 133.
- Орлов 1980 — *Вл. Орлов*. «Гамаюн». Жизнь А. Блока. Л.: Советский писатель, 1980.
- Павловский 1958 — *Е. Н. Павловский*. Поэзия, наука и ученые. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Памяти Арсеньева 1979 — Записки Русской Академической Группы в США. N.Y., 1979, т. 12. Выпуск посвящен памяти Николая Сергеевича Арсеньева 1888–1977.
- Петрова 2006 — *М. М. Петрова*. Симеиз: путешествие по старым дачам. Симферополь: Сонат, 2006, с. 118–122.
- Петровский 1926 — *Дмитрий Петровский*. Воспоминания о Велимире Хлебникове. М.: Акц. Издат. О-во «Огонек», 1926.
- ПМУ, кн. 5 — Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 5: от Андрея Белого до Павла Флоренского. М.: НИВЦ МГУ — Бослен, 2010.
- Полканов 1999 — *Ю. Полканов*. Ученый и поэт Иван Иванович Пузанов (1885–1971) // Брета Тавриды, 1999, № 3–4, с. 255–256.
- Поступальский 1934 — *И. Поступальский*. От акмеизма к советской поэзии [репр. на: М. Зенкевич. Избранные стихи. М., 1933] // Художественная литература. Критико-библиографический бюллетень. 1934, № 4, с. 10–13.
- Православная энциклопедия 2001 — Православная энциклопедия. Т. 1. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001 [http://pda.sedmitza.ru/text/412607.html].
- ПСЭ-2 — Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь. Т. 2 / Книга подготовлена к изданию Н. А. Богомоловым. М.: Русское библиографическое общество. Экспронт НВ, 1995.
- Пузанов (Некролог) — Иван Иванович Пузанов. 1885–1971: Некролог // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии. 1972, т. 77, вып. 2, с. 143–148.¹
- Раушенбах 1965 — *В. М. Раушенбах*. К 80-летию А. Я. Брюсова // Советская археология, 1965, № 3.
- РП:1800 — Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Тт. 1–5. М.: Большая Российская энциклопедия, ИМЛИ РАН, 1989–2007.
- РП:20 — Русские писатели 20 века. Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву-АМ, 2000.
- РП:XX — Русские поэты XX века. Материалы для библиографии / сост. Л. М. Турчинский. М.: Знак, 2007.
- РПСВ — Русская поэзия «серебряного века». 1890–1917: Антология / под ред. М. Л. Гаспарова, И. В. Корецкой. ИМЛИ РАН. М.: Наука, 1993.
- Русев 2010 — *Иван Русев*. Тропой профессора Пузанова // Вечерняя Одесса, 2010, 20 апреля, № 57 (9188) [http://vo.od.ua/rubrics/odessa-gody-i-sudby/13904.php].
- Самиздат 1997 — Самиздат века / сост. А. Стреляный, Г. Сапгир, В. Бахтин, Н. С. Ордынский. Минск–М.: Полифакт, 1997.

¹ Здесь впервые опубликована «Автобиография» И. И. Пузанова.

- СДИ 1990 — Среди других имен / составление, вст. статья В. Б. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1990.
- Сидоров 1910 — *Юрий Сидоров*. Стихотворения / вступ. статьи Андрея Белого, Бориса Садовского, Сергея Соловьева. М.: Альциона, МСМХ.
- Сирин 1939 — *В. Сирин*. О Ходасевиче // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. LXIX. Париж, 1939, июль, с. 262–264.
- Словацкий 1913 — *Юлий Словацкий*. Ангелли. Поэма / перевод с польского Анатолия Виноградова. М.: Мусагет, МСМХШ.
- Слуцкий 1970 — *Б. Слуцкий*. Личная антология Михаила Зенкевича [рец. на: Американские поэты в переводах М. Зенкевича. М., 1969] // Иностранная литература. 1970 (ноябрь), № 11, с. 267–268.
- Соболев 2011 — [Александр Соболев.] Летейская библиотека — 63 (lucas-v-leuyden.livejournal.com/140524.html).
- Тарановский 2000 — *Кирилл Тарановский*. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Товстоногов 1956 — *Г. Товстоногов*. Человек или его копия? // Театр. 1956 (февраль), № 2, с. 91–92.
- Тришатов 1990 — Александр Тришатов // СДИ 1990, с. 430–440.
- Усов 1921 — *Д. Усов*. Поэзия М. Зенкевича // Саррабис. Журнал литературы, критики, музыки и театра (Саратов). 1921 (октябрь), № 3, с. 11–12.
- Ученые Одессы 1985 — Иван Иванович Пузанов. 1885–1971. Биобиблиографический указатель / сост. А. Л. Драголи, Л. И. Шекера. 2-е изд., доп. Ученые Одессы. Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького; вып. 14. Одесса: ОГНБ, 1985.
- Хализев 1994 — *В. Е. Хализев*. Н. С. Арсеньев: философ, культуролог, литературовед // Литературное обозрение. 1994. № 1–2, с. 97–103.
- Ходасевич 1908 — *Владислав Ходасевич*. Молодость. Стихи 1907 года. М.: Книгоиздательство «Гриф», 1908.
- Ходасевич 1914 — *Владислав Ходасевич*. Счастливый домик. Вторая книга стихов. М.: Альциона, 1914.
- Ходасевич 1920 — *Владислав Ходасевич*. Путем зерна. М.: Книгоиздательство «Творчество», 1920.
- Ходасевич 1922а — *Владислав Ходасевич*. Тяжелая лира. Четвертая книга стихов. 1920–1922. М.–Пг.: Гиз, 1922.
- Ходасевич 1922б — *Владислав Ходасевич*. I. Музыка. II. Берлинское. (Стихотворения) // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XIII. Париж, 1922, декабрь, с. 122–124.
- Ходасевич 1923а — *Владислав Ходасевич*. <Стихотворения> // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XV (II). Париж, 1923, июль, с. 160–162.
- Ходасевич 1923б — *Владислав Ходасевич*. <Стихотворения> // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XVI (III). Париж, 1923, сентябрь, с. 141–142.
- Ходасевич 1925 — *Владислав Ходасевич*. Перед зеркалом (Стихотворение) // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XXIV. Париж, 1925, июль, с. 170.

- Ходасевич 1928 — *Владислав Ходасевич*. <Стихотворения> // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. XXXVII. Париж, 1928, декабрь, с. 224–226.
- Ходасевич 1932 — *Владислав Ходасевич*. Я // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. L. Париж, 1932, октябрь, с. 232–233.
- Ходасевич 1939 — В. Ф. Ходасевич (1886–1939). Три стихотворения (Из литературного наследия) // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. LXIX. Париж, 1939, июль, с. 353–355.
- Ходасевич 1940 — *Владислав Ходасевич*. Стихи // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. LXX. Париж, 1940, март, с. 127–128.
- Ходасевич 1987 — «Строгий талант». Из наследия В. Ходасевича / публ. А. Лаврина // Юность, 1987, № 1, с. 86–89.
- Ходасевич 1989 — *Владислав Ходасевич*. Стихотворения / вст. статья Н. А. Богомолова, сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова и Л. Б. Волчека. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 3-е. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989.
- Ходасевич 1983–90 — *Владислав Ходасевич*. Собрание сочинений / под ред. Дж. Малмстада и Р. Хьюза. Т. 1, 2. Ann Arbor, 1983–1990.
- Ходасевич 1996–97 — *Владислав Ходасевич*. Собрание сочинений в четырех томах / сост., подг. текста и комм. И. П. Андреевой, Н. А. Богомолова и др. М.: Согласие, 1996–1997.
- Ходасевич 2009 — *Владислав Ходасевич*. Собрание сочинений в 8-ми томах / комм. и прим. Р. Хьюза, Дж. Малмстада, О. Раевской-Хьюз. Т. 1. М.: Русский путь, 2009.
- Ходасевич А. 1992 — *А. И. Ходасевич*. Из воспоминаний // В. Ф. Ходасевич. Собрание стихов. М.: Центурион, 1992, с. 413–433.
- Хризопрас — Хризопрас. Художественно-литературный сборник издательства «Самоцвет». М., 1906–1907.
- Цветаева А. 1916 — *Анастасия Цветаева*. Дым, дым и дым. М.: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, 1916.
- Цветаева А. 1981 — *Анастасия Цветаева*. Маринин дом // Звезда, 1981, № 12, с. 142–157.
- Цветаева А. 1986 — *Анастасия Цветаева*. Страницы памяти // Даугава, 1986, № 11 (113), с. 117–120.
- Цветаева А. 2008 — *Анастасия Цветаева*. Воспоминания. В 2 томах. Т. 1. М.: «Бослен», 2008.

Архивы и музеи

АПРФ —	Архив Президента Российской Федерации, М.
ГАРФ —	Государственный архив Российской Федерации, М.
ОПИ ГИМ —	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, М.
ОР ГЛМ —	Отдел рукописей Государственного литературного музея, М.
ОР ИМЛИ —	Отдел рукописей Института мировой литературы РАН, М.
ОР ИРЛИ —	Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского дома), СПб.
ОРКиР НБ МГУ —	Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, М.
ОР РГБ —	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, М.
РГАЛИ —	Российский государственный архив литературы и искусства, М.
ЦАГМ —	Центральный архив города Москвы, М.
ЦИАМ —	Центральный исторический архив Москвы, М.

Арсений Альвинг

- Колдунья 7
 Ты помнишь 8
 Изъ позабытаго волюма
 1. Ея ушедшая весна 9
 2. Interieur 10
 3. Ты умерла 11
 4. Его горе 11
 5. Старый домъ 12
 6. Старинный портретъ 15
 Из цикла – Тоска
 Мука струнь 15
 Непоправимо 16
 На кладбищѣ 17
 Nocturne 18
 Не оживуть 19
 «О, за все я тебе отомщу...»* 20
 Всем енотам* 20
 Начало сумасшествия в моем стихе* 21
 Качели* 21
 «А мне и невдомѣк...»* 22
 Моя вторая любовь* 22
 А ты... ты говоришь!.. (Слова для романса)* 23
 Первый снег (Воспоминание юности)* 24
 <Письмо А. Альвинга Г. Анфилову>* 24

Глеб Анфилов

- Посвящение* 31
 «Я под белым деревом нашел ручей...»* 31
 Скаты* 32
 Звон часов* 32
 На мосту* 33
 «Вдали вырезной семафор...»* 34
 Вечером*
 I. «Полное небо огня...» 34
 II. «Я увядаю, как клен...» 35
 III. «Эта задумчивость сел...» 35
 Земля моя* 35
 Революция* 36
 Сын Божий* 37
 «Замедли будничнй бег...»* 38
 «Ветер, ветер на северном румбе...»* 39
 Хинган* 40
 Пролог к «Думе про Опанаса» Эд. Багрицкого*
 1. «Перезванивали кобзы...» 40
 2. «Дороги, дороги, крутые курганы...» 41
 3. «Танцевала рыба з раком...» 43
 4. «Прозвени мне<, > кобза-совесть...» 44

¹ Произведения, отмеченные знаком *, публикуются впервые.

Николай Арсеньев

- Весенний сонет 53
 Ночные звуки 53
 Неслышные звуки 54
 Вечерний сонет I 55
 Вечерний сонет II 55
 «Тихо розовым сияньем...» 56
 «Моей души живительная дума...» 56
 «О солнце, о волны лазури!» 57
 «О луч утра! О золотой призыв!» 58
 На горном хребтѣ на югѣ 58
 У моря 59
 «О тишь и жар! Высокий сонм крапивы...» 59
 «Иду один... так радостно идти!» 59
 Капитолий 60
 «Раскрыт лопатой черный пласт земли...» 60
 «Как примирительна, как странна...» 61
 «Я слышу, как течет Рѣка Молчанья...» 61
 «Рябит вода. Уж удлинлись тѣни...» 61
 Весна. Разсвет 62
 Итальянский уголок 62
 Академическая свобода. Мои воспоминания о Московском университете (1906—1910 гг.) <Отрывки> 63

Александр Брюсов

- «Вечернихъ, темныхъ ивъ осеннее убранство...» 71
 «Какъ непривѣтливо ты встрѣтила, югъ, меня...» 71
 Вечеръ 72
 «Я въ хламѣ выискалъ заржавленные латы...» 72
 «Я исходилъ весь мѣръ, всѣ земли, всѣ моря...» 73
 «Едва мелькнула мысль о чудѣ...» 74
 Константинополь 75
 Египетъ 75
 Возвращеніе 76
 На рѣкѣ 77
 Осень 78
 Одному изъ спутниковъ 78
 Въ дождь 79
 Триолеты
 1. «Прошли безумья пьяныхъ весень...» 80
 2. «Мятежъ поетъ привѣтъ прощальный...» 80
 3. «Я, узникъ каждой новой встрѣчи...» 81
 4. «Стою закованный, безвольный...» 81
 5. «Смотрю за узкую рѣшетку...» 81
 Мелодія 81
 Военныя пѣсенки
 1. Часовой 82
 2. На переднемъ полѣ 83
 3. Наружный дневальный 84
 4. Церемониальный маршъ 84
 5. На развѣдкахъ 85
 Литературные воспоминания <Отрывок> 86

Николай Бухарин

- Мир электронов 93
 Биосфера 94
 Рождение человечества 94
 Безумный пророк (Ф. Ницше) 96
 Мастер (Леонардо да Винчи) 97
 Храм славы человечества (Л. ван Бетховен) 98
 Фартук кузнеца (древнейшая иранская легенда) 99
 Гнилые ворота 101
 Vanitas vanitatum 102
 Европа и Азия* 103
 Танец горилл 105
 Лирическое интермеццо. Tristia 106
 В траве 106
 Цветы 108

Анатолий Виноградов

- Камни заката* 114
 Встрѣча* 115
 Перуновъ цвѣтъ*
 I. Навечеріе 116
 II. Цвѣтеніе 118
 Переводы
 Адам Мицкевич. Дорога в Россию 119
 Юлій Словацкій. Ангелли <Отрывки> 121

Надежда Гиляровская

- «Я бь хотѣла любить...» 156
 «Въ печальной отчизнѣ моей...» 156
 «Люблю тебя за то, что ты прекрасна...» 157
 «Праздникъ жизни насталь...» 157
 «Мыслью смѣлой и мятежной...» 158
 «Ландышъ сверкаетъ душистый...» 159
 «Счастливы тотъ, кто въ счастье вѣрить...» 160
 «О<, > если бь вольной, вольной птицей...» 160
 «Мнѣ дѣла нѣтъ до мнѣнія людей...» 161
 «О<, > если бь я была царемъ...» 162
 Молитва 162
 «Пѣсни мои никому не нужны...» 163
 «Грустно одна...» 163
 «Если я оскорбила тебя...» 164
 Счастье любить 165
 «Въ чистомъ полѣ межъ дороженекъ...» 166
 Опаль 166
 «Для меня весь мѣръ чудесный...» 167
 «Чу! Звенить...» 168
 Медея 169
 «Въ далекой сказкѣ сумрака вѣковъ...» 170
 «Далеко, далеко...» 171
 «Въ вѣткахъ ивы шаловливой...» 172
 «Зачѣмъ вамъ сидѣть у камина...» 172
 «Вѣрь мнѣ: на свѣтѣ есть счастье великое...» 173
 «Мальчикъ черненькій, кудрявый...» 174
 Въ Шотландіи 175
 Въ морѣ 176

- «Дорога блѣтается лентой блѣсой...» 177
 «Прими меня, страна родная...» 177
 Переводы
 Киплингъ. Джунгли <Отрывки>
 Правила Балу 178
 Поговорка джунглей 179
 Песня Каа 179
 Байронъ. Корсаръ <Отрывки> 180
 Гете. Германъ и Доротея <Отрывки> 183

Михаил Зенкевич

- «Пары сгушая в алый кокон...» 192
 Камни 193
 Металлы 194
 Марк Аврелий 195
 Земля 196
 Тёмное родство 197
 Ящеры 198
 Махайродусы 199
 В зоологическом музее 200
 «И нас – два колоса несжатых» 201
 Лора 202
 Зимовье ворона 203
 Дорожное 204
 «Всё прошлое нам кажется лишь сном...» 204
 Теорема 205
 Под лёд 206
 Найдёныш 207
 «Холопство вотчины досталось...» 209
 «Здесь всё предрешено. Ты выйдешь на подмостки...» 209
 «В доме каком-нибудь многоэтажном...» 210
 Мудрость 212
 Неизбежное 212
 Будь стойком 213
 Первооснова 213

Георгий Золотухин

- Предисловіе 222
 Дорога 223
 Мой удѣл 224
 Любите дрожжи 225
 Близкому намъ мертвецу – Шарлю Боделэру 226
 Цѣль 226
 Штрихъ 227
 Злая игра въ ритмъ 228
 «Бываютъ странныя порой переживанья...» 229
 Безпрерывность 230
 «Пусть мгновенья – сновидѣнья...» 231
 Такъ говорятъ слабые 232
 Такъ говорятъ сильные 233
 «Каждый день въ моемъ храмѣ сгораютъ свѣча...» 233
 Сплетни 234
 Ноктюрнь 234
 Романсъ 235
 «Муза! Гдѣ сладость напѣвовъ твоихъ?» 236

- «Для тебя я огней золотыхъ принесу...» 236
 «Ты – новорожденная! Лежишь въ кроваткѣ...» 236
 Стихъ будущаго 237
 Не забуду... 238
 Вырванъ гвоздь 238
 Зачатіе русское 239
 Жильцы Бѣлогоръ 240
 Буря внутри... 241
 Индіанка 241
 «Лесбійская любовь лорнировала лиры...» 242
 Зинаидѣ Васильевнѣ Петровской 243
 Мой домъ 243
 Perpetuum mobile 243
 «Писки. Человѣческихъ тушъ близки...» 244
 Не надо покура 245
 Эхизмъ. Поэма <Начало поэмы> 246
 1917. (Доминирующія буквы: О<,> С, З, П, Н.) 249
 Глазамъ египтянки 249
 Эхо эстетa 250
 Смерть. Поэма <Отрывки>
 I. «Я зажигаю третью, последнюю свечу...» 251
 II. «Серый филин реет в небе...» 251
 III. «Смейтесь, смейтесь,<,> сытыхъ очей...» 252
 IV. «Смейтесь! Змей здесь!..» 252
 IX «Смейтесь, смейтесь, сам виновен...» 252
 X. «И вижу я серого филина в небе...» 253
 XIV. «Эй, глухие! К черту уши!» 253

Самуил Киссин

- «Сухой осенній рѣзкій воздухъ...» 259
 Въ сумеркахъ
 I. «Окна завѣшаны шторами...» 259
 II. «Стучится въ дверь рука упрямая...» 260
 «Я – царевна плѣнная...» 260
 «Вѣть грустью ласковой, осенней...» 261
 На озерѣ 262
 Вахтангъ 262
 «Не скажу тебѣ, зачѣмъ я въ часъ, когда приходишь ты...» 263
 Сонетъ 263
 «Голодная стада моихъ полей!» 264
 «Въ улыбокѣ вашихъ губъ, скептической и нѣжной...» 264
 «Пусть дни идутъ. Ужъ вѣстью дальней вѣя...» 265

Николай Лавров

- «Когда разсвѣтъ дремотный заалѣетъ...» 267
 «Кругом – леса, как скит зеленый...» 267
 Пан 268
 <Из цикла «Зеленые святки»>
 I. Гром Гремучий 269
 IV. Русальная неделя 270
 «Дорога – пыльные извивы...» 271
 <Из цикла «Златоцвет»>
 I. «Трава – это мысли весенней земли...» 272
 III. «Как ризы яркие целительной иконы...» 272
 IV. «Я белый, снежный одуванчик...» 273

- VII. «За оградою кладбища...» 273
 <Из цикла «Север»>
 I. «Мне юг непонятен, он мне не родной...» 274
 III. «Уже июль, а тут еще весна...» 274
 <Из цикла «Юность»>
 I. «Люблю я небо, люблю я землю...» 275
 III. «При свете солнца – ты другая...» 275
 VII. «Я не знаю, кто ты...» 276
 VIII. «Мой путь к земле тобою не разгадан...» 276
 IX. «Надломленно-бессильная, склоняясь к клавиатуре...» 277
 X. «Солнце – юность, солнце – детство...» 277
 Тень от креста
 I. Тень от креста 278
 II. 1918 год 279
 III. Вещие птицы 281
 IV. «Темно, пустынно за околицей...» 282
 V. Новолуние 283
 VI. «Россия, ты в грозе и буре...» 283
 VII. «Пусть революции буруны...» 284
 VIII. «Не нужно петь о том, что есть...» 284
 Братское поминовение
 I. Братское поминовение
 1. «Головы ниже склоните...» 285
 2. «В полночь ударит набат...» 285
 3. «Громче, как вещей Боян...» 285
 4. «Тихо молитесь за них...» 286
 5. «Вы же, свободные ветры...» 286
 6. «Пусть перевьет ваше слово...» 286
 7. «Ваших отцов именами...» 287
 8. «Головы ниже склоните...» 287
 II. «Научите меня, плакучие березыньки...» 287
 III. «В этот год солнце светит не весело...» 288
 IV. «Моя душа, – подруга туч лиловых...» 288
 V. «Березки белые, – мне сестры...» 289
 Утраты
 I. «Ты слышишь, как сосны шумят!...» 290
 II. «Ты некрасива в любви...» 290
 III. «Ты умерла сама...» 290
 IV. «Шепчет ветер: не грусти...» 290
 V. «Когда в душе твоей, уставшей от желаний...» 291
 VI. «Провожу я тебя за околицу...» 291
 VII. «Ты призрак счастья, ты – обман...» 292
 VIII. «Забыв все прежние святыни...» 293
 IX. «Как грустно тут... Зброшенная рига...» 293
 X. «Унылый вид... Беззвучно с окон...» 293
 Музыка смерти <Отрывки> 294
Иван Пузанов
 Поэту*
 1. «Должен, поэт, ты, из мыслей заветных задумав поэму...» 302
 2. «Рукоплесканья толпы не имеют цены для поэта...» 302
 3. «Также и хладность презри к откровеньям изысканной Музы...» 302
 Поэт и Муза (Подражание Г. Шенгели – «Норд»)* 302
 Костер* 303
 Наедине с морем* 304

- Коктебель. На смерть М. Волошина* 305
 Могила поэта* 305
 Крым. Венок сонетов*
 1. «Равнина, необъятная для взгляда...» 306
 2. «Степных просторов беспределен взмах...» 306
 3. «Ковыль, чебрец, полынь на солонцах...» 307
 4. «Вдали овец разбросанное стадо...» 307
 5. «За кущами раскидистого сада...» 308
 6. «Туманов слой ложится на горах...» 308
 7. «Вершину взнес владыка-Чатырдаг...» 309
 8. «В ущельях мрак лесов и вод прохлады...» 309
 9. «Орлы парят над выжженной Яйлой...» 310
 10. «Внизу аул мостится под скалой...» 310
 11. «В парадном кипарисовом уборе...» 311
 12. «Сбегает Южный Брег, Яйлой храним...» 311
 13. «Щитом Ахилловым восстало море...» 312
 14. «Объемля осиянный солнцем Крым...» 312
 15. «Равнина, необъятная для взгляда...» 313
 Первая любовь* 313
 Ледостав* 314
 Маски* 315
 Поздние встречи* 316
 Студия имени Айседоры Дункан* 316
 Шума* 317
 Глаза* 317
 Отец и сын*
 I. «Взрыв гнева царского был страшен и жесток...» 320
 II. «Отец – огромный, грузный и могучий...» 321
 Казнь* 321
 Агасфер* 322
 Одиночество старости* 323
 Завещание* 323
 Переводы
Шарль Леконт де Лиль
 Последнее воспоминание* 328
 Орфические гимны*
 1. Аромат нимф (Благоухания) 329
 2. Аромат Гелия – Аполлона (Гелиотроп) 329
 3. Аромат Селены (Мирт) 330
Джордж Гордон Байрон
 Стихи, написанные после пересечения впасть Дарданелл между Сестосом и Абидосом 331
Виктор Гюго
 Сатурн <Отрывок>
 I. «Бывают в жизни дни – их испытали все мы...» 332
 Три сотни <Отрывок>
 1. Азия 333
Юрий Сидоров
 Муза 336
 «Кто вь темной зелени аллея...» 337
 Идиллия («От жары и томной лъни...») 337
 Минута 338
 Фразы 339
 Идиллия («Вь густой травь лежимь мы рядомь...») 339

Сентиментальный сонь 340
 Олеография 341
 «Прозрачный, изменился...» 342
 История 343
 На автомобиль 344
 Велосипедистка 345
 Имя 345
 Ольгъ 346
 Гемма 346
 Псаломъ офитовъ 347
 Психопомпъ 347
 Соблазнъ 348
 Псаломъ 348
 «Тамъ за рамой неразбитой...» 349
 Disjesta membra 349
 Легенда 350
 Мчатся бѣсы 351
 Утро 351
 Карусель 352
 Встрѣча 353
 Брату
 I. «Что насъ роднить? За что мнѣ дорогъ?» 353
 II. «Помнишь заженныя свѣчи...» 354
 Изъ Гомера 355
 Вечернее размышление 355
 «Временами и пространствами...» 356
 «Забылся я въ радостныхъ грезахъ...» 356
 «Озаривъ парчу ковыльную...» 357
 Молнія 357
 Радуга 358
 Къ самому себѣ 358
 Въ церкви 359
 Дидактическая мысль 359
 Всенощная 360
 «Видишь, что вѣтры затѣяли?» 361
 Стансы 361
 «Милые, прощайте – здѣсь мнѣ душно...» 361
 Элегія 362
 Посѣщение 362

Александр Тришатов

У вагона 368
 Воспоминание о Москвѣ 368
 Весна* 369
 «Моя судьба везде одна...»* 369
 Ж-106
 Суд 371
 Голгофа* 372
 Антигона 372
 Муза 373
 Два поэта 373
 Лагерь 374
 «Когда на Руси построили...» 374
 «Моет пол ночной дневальный...» 375
 Боль 376

Песня 377
 Наш барак – «слабосиловка» 378
 Самсон 379
 Пленница* 381
 Встреча* 381
 Последний этап (Отрывок) 382
 Молчание* 382
 Утро похорон в ОЛПе 383
 Гость 384
 Писатель* 384
 Он* 385
 Последнее 387

Владислав Ходасевич

Осень 397
 Кольца
 1. «Я тебя провожаю съ поклономъ...» 398
 2. «Велишь – молчу. Глухіе дни настали!» 398
 Прологъ неоконченной пьесы 399
 Душа («О, жизнь моя! За ночью – ночь. И ты, душа, не внемлешь міру...») 399
 Голосъ Дженни 400
 «Вѣка, прошедшіе надъ міромъ...» 401
 Стансы 402
 Февраль 403
 Путемъ зерна 403
 «В заботахъ каждого дня...» 404
 На ходу 404
 Эпизод 405
 К Психее 407
 Душа («Душа моя какъ полная луна...») 408
 Гостю 408
 «Ни розового сада...» 408
 «Горитъ звезда, дрожитъ эфир...» 409
 Музыка 410
 Берлинское 411
 «Странникъ прошелъ, опираясь на посохъ...» 412
 «Съ берлинской улицы...» 412
 «Живъ Богъ! Умень, а не замень...» 413
 «Весенній лепетъ не разнѣжить...» 414
 Передъ зеркаломъ 414
 Скала 415
 Похороны 416
 Я 416
 «Въ послѣдній разъ зову Тебя: явись...» 418
 «Сквозь уютное солнце апрѣля...» 418
 «Не ябломъ ли четырехстопнымъ...» 419
 Памятникъ 420

СОДЕРЖАНИЕ

Арсений Альвинг. <i>Н. Н. Перцова</i>	5
Глеб Анфилов. <i>Н. Н. Перцова</i>	26
Николай Арсеньев. <i>А. В. Рафаева, Н. Н. Перцова</i>	46
Александр Брюсов. <i>М. И. Воронцова, Н. Н. Перцова</i>	65
Николай Бухарин. <i>Э. Б. Гурвич</i>	88
Анатолий Виноградов. <i>Ст. А. Айдинян</i>	110
Надежда Гиляровская. <i>А. Д. Салий</i>	152
Михаил Зенкевич. <i>С. Е. Зенкевич</i>	186
Георгий Золотухин. <i>М. И. Воронцова</i>	215
Самуил Киссин. <i>Н. Н. Перцова</i>	254
Николай Лавров. <i>Н. Н. Перцова</i>	266
Иван Пузанов. <i>Н. Т. Тарумова</i>	295
Юрий Сидоров. <i>Н. Н. Перцова</i>	334
Александр Тришатов. <i>Н. Н. Перцова, А. В. Уланова</i>	364
Владислав Ходасевич. <i>Н. Н. Перцова</i>	389

Приложения

Некоторые документы, связанные с Московским университетом. <i>П. В. Флоренский, Т. А. ШUTOва</i>	421
Архивный каталог (Арсений Альвинг — Владислав Ходасевич). <i>А. В. Уланова</i>	430
Литература.	459
Архивы и музеи.	468
Указатель произведений	469

Серия «Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до...» (компьютерная версия на сайте www.poesis.ru)

Инициатор проекта и составитель книг 1— 4

Г. А. Воропаева

Книга 1:

от Михаила Ломоносова (род. 1711) до Николая Цертелева (род. 1790),
включая Михаила Хераскова, Ипполита Богдановича,
Дениса Фонвизина, Александра Радищева, Михаила Муравьева,
Николая Карамзина, Василия Жуковского, Николая Гнедича.
М.: Водолей Publishers, 2005. — 432 стр.

Книга 2:

от Петра Калайдовича (род. 1791) до Степана Шевырёва (род. 1806),
включая Петра Вяземского, Александра Грибоедова, Фёдора Тютчева,
Александра Полежаева, Алексея Хомякова, Дмитрия Веневитинова.
М.: НИВЦ МГУ — Бослен, 2007. — 456 стр.

Книга 3:

от Николая Грекова (род. 1807) до Леонида Оболенского (род. 1845),
включая Николая Огарёва, Михаила Лермонтова,
Алексея К. Толстого, Ивана Тургенева, Якова Полонского,
Афанасия Фета, Аполлона Григорьева.
М.: НИВЦ МГУ — Бослен, 2007. — 464 стр.

Книга 4:

от Николая Симборского (род. 1848) до Георгия Чулкова (род. 1879),
включая Всеволода Соловьёва, Владимира Соловьёва,
Вячеслава Иванова, Константина Бальмонта, Юргиса Балтрушайтиса,
Валерия Брюсова, Максимилиана Волошина.
М.: НИВЦ МГУ — Бослен, 2009. — 400 стр.

Книга 5:

от Андрея Белого до Павла Флоренского,
включая Ивана Ильина, Владимира Ниландера, Михаила Осоргина,
Бориса Садовского, Сергея Соловьёва, Тихона Чурилина.
Под ред. Н. Н. Перцовой.
М.: НИВЦ МГУ — Бослен, 2010. — 400 стр.

Справки по адресу poesismgu@yandex.ru
и по телефону (495) 939 23 57.

**Поэзия Московского университета:
от Ломоносова и до...
Книга 6:
от Арсения Альвинга
до Владислава Ходасевича**

Научный редактор
Н. Н. Перцова

Компьютерная верстка
Н. Н. Попов

Технический редактор и корректор
Э. К. Лавошникова

Подписано в печать 21.06.2011
Формат 60×88/16
Тираж 1000 экз. Заказ

Научно-исследовательский вычислительный центр
МГУ им. М. В. Ломоносова
119992, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 4

ООО «Бослен»
107259, Москва, Бухвостова 1-я ул.,
д. 12/13, стр. 17-18

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.